

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра истории России

На правах рукописи

Манин Даниил Олегович

Внешнеполитические связи России и Франции во второй половине XVII в.

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук доцент
Редин Дмитрий Алексеевич

Екатеринбург – 2024

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Проблемы и перспективы русско-французских дипломатических связей в сер. XVII в.....	27
1.1 Миссия гонца К. Г. Мачехнина в 1654 г.....	27
1.2. Русско-французские контакты в период Северной войны (1655–1660 гг.)	54
1.3 Русская и французская дипломатия в контексте проблемы наследования польского престола в 1660-х гг.....	73
Глава 2. Оформление дипломатической традиции в русско-французских отношениях (1668–1679 гг.)	85
2.1 Русское посольство 1668 г. во Франции	86
2.2 Итоги посольства П. И. Потемкина и дьяка С. В. Румянцева 1668 г.	136
2.3 Представитель французской Северной торговой компании в России Иоганн Госенц	147
2.4 Русско-французские связи после отставки от руководства Посольским приказом А. Л. Ордина-Нащокина.....	152
Глава 3. Возобновление русско-французских дипломатических связей в первой половине 1680-х гг. и политика кн. В. В. Голицына	176
3.1. Отправление посольства 1681 г. во Францию	176
3.2. Придворные и светские контакты русского посольства 1681 г. во Франции	192
3.3. Итоги посольства 1681 г.....	200
Глава 4. Проблема организации антитурецкой коалиции в русско-французских отношениях	211
4.1 Внешнеполитическая стратегия русского правительства по отношению к Франции после стрелецкого восстания 1682 г.	211
4.2. Несостоявшееся посольство во Францию С. Е. Алмазова и Л. А. Домнина в 1686 г.	235
4.3. Миссия гонца Н. Е. Бехтеева накануне посольства 1687 г.	239

4.4. Посольство кн. Я. Ф. Долгорукова, кн. Я. Е. Мышецкого и дьяка К. В. Алексеева в 1687 г.	248
4.5. Французские католические миссионеры в поисках пути в Китай и их влияние на внешнеполитические связи Версальского двора с Россией	278
Заключение	287
Список использованных источников и литературы	292
Приложения	314

Введение

Вторая половина XVII в. стала особенным временем для политической и культурной истории России. В этот период изменялись представления о принципах власти, формировались новые практики управления и интенсифицировались связи между разными регионами страны. На фоне внутренних трансформаций менялась и внешняя политика Российского государства, которое на протяжении второй половины XVII в. прочно закрепилось в европейской системе международных отношений. Внешние факторы влияли и на внутреннюю жизнь русского общества, что наиболее ярко проявилось в период регентства царевны Софьи, когда придворные группировки открыто выступали за разное решение внешнеполитических вопросов¹. Вместе с политическими факторами торговля оставалась одним из важнейших интеграционных механизмов, включавшим Россию в европейскую дипломатию и создававшим пространство для межкультурного взаимодействия.

Изучение межгосударственных отношений раннего Нового времени представляет собой комплексную проблему. Наряду с анализом систем международных отношений, государственных интересов и внешнеполитических событий необходимо уделять внимание форме дипломатической коммуникации – посольствам и церемониалу их приема. На наш взгляд, особый интерес представляет взаимодействие России с Францией, одним из центральных государств в европейской системе дипломатии второй половины XVII в. Развитие дипломатических отношений этих двух стран до сих пор не осмыслено в историографии с применением новых подходов и привлечением всего комплекса русских и французских источников.

В настоящем исследовании основное внимание уделено проблеме создания и поддержания дипломатических связей между государствами с

¹ См. Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). М., 2009. С. 143–144; Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 138–156.

отличной друг от друга культурой. Важной особенностью рассматриваемого периода было существование «придворного общества», в котором первостепенное значение имел статус каждого его члена². В межгосударственных отношениях это приводило к оформлению «общества государей» («société des princes»)³, в котором дипломаты должны были репрезентовать своим статусом, поведением и действиями своего монарха. Исходя из этого, от них требовалось не только следовать формальностям иностранного церемониала, но также, используя его механизмы, активно бороться за поддержание своего положения относительно принимающей стороны. Во Франции эта борьба имела особое значение для русских дипломатов, так как русские цари не всегда рассматривались французскими церемониймейстерами как часть «общества государей», и русские послы, посланники и гонцы были вынуждены искать способы создания особого статуса для решения как задач связанных с государственными поручениями, так и для личных целей, закрепляя после успешных посольств свой статус внутри государева двора в Москве.

Актуальность исследования определяется сложным характером современных отношений России со многими странами Европы, и конкретно с Францией, как одним из ведущих ее представителей. Происходящая фрагментация исторической памяти о прошлом европейских государств приводит к необходимости переосмысления комплексности развития системы международных отношений в раннее Новое время. Смутное время, русско-польская война 1654–1667 гг., эпоха Людовика XIV, Голландская война 1672–1678 гг. и многие другие события рассматриваемого периода стали частью фундамента, на котором строятся современная историческая память и историческая политика в России и Франции. Изучение взаимодействия этих двух стран в ходе событий, определивших их историю, может стать значимым

² Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 52.

³ Bély L. La société des princes. Paris, 1999. 651 p.

для общества дополнением к осмыслению происходивших процессов и служить расширению международных социокультурных связей.

Объектом исследования являются русско-французские внешнеполитические связи во второй половине XVII в. **Предметом** исследования – дипломатические, торговые и церковные миссии, направляемые из России во Францию и из Франции в Россию в рассматриваемый период.

Территориальными рамками работы являются территории России и европейских стран, на которых в XVII в. происходили контакты между представителями России и Франции, и которые служили объектами переговоров между этими странами. **Хронологические рамки** исследования определены второй половиной XVII в., а именно периодом с 1654 по 1689 г. Этот период был избран, потому что именно в нем происходило столкновение наиболее развитых дипломатических практик допетровской России с находившейся в центре системы европейской дипломатии Францией. **Нижней хронологической границей** является 1654 г., положивший начало Тринадцатилетней войны России и Речи Посполитой 1654–1667 гг. Этот международный конфликт стал причиной интенсификации русских дипломатических связей с Западной Европой, в том числе с Францией. **Верхней хронологической границей** стал 1689 г., как период перехода власти к сторонникам царя Петра Алексеевича, а затем и к самому Петру I, повлекший за собой серьезные изменения в русской дипломатической культуре и заслуживающий быть объектом отдельного исследования.

Цель представленного диссертационного исследования – изучить русско-французские внешнеполитические связи во второй половине XVII в. в контексте развития дипломатической культуры раннего Нового времени. Для ее достижения были поставлены следующие **задачи**:

1. Реконструкция подготовки и реализации русских дипломатических миссий во Франции и французских миссий в России;

2. Анализ церемониальных и этикетных особенностей русско-французского взаимодействия;
3. Анализ специфики восприятия обеими сторонами сложившегося взаимодействия между ними на основе сохранившихся источников;
4. Реконструкция внутренней логики развития русско-французских контактов, причин и целей обмена дипломатами между этими государствами, а также итогов их миссий для политического, экономического и культурного взаимодействия между сторонами.

Степень разработанности темы. Интерес к истории франко-русских отношений существовал с XVIII в., когда началась публикация исторических документов о связях между Россией и Францией более раннего периода. В 1717 г. вышла записка Ж.-И. де Сен-Пре «Договоры между Францией и Россией в 1613–1717 гг.»⁴, в Древней российской вивлиофике появилась публикация статейного списка П. И. Потемкина 1668 г.⁵. Краткий аналитический обзор русско-французских отношений в допетровскую эпоху был подготовлен П.-Ш. Левеком и опубликован в приложении к 1-у тому французского перевода Повести временных лет в 1834 г.⁶ Крайне значимым для систематизации представлений о русских посольствах стал обзор дипломатических отношений России XVII в. Н. Н. Бантыш-Каменского, упорядочивавшего хранение архивных материалов Коллегии иностранных дел⁷.

Целостное научное изучение проблема русско-французских дипломатических связей получила на рубеже XIX–XX вв., когда историческая

⁴ Saint-Prez J.-Y. Histoire des traités de paix et autres negotiations du dix-septième siècle jusqu'à la paix de Nimegue. Amsterdam-La Haye: J. F. Bernard, Vaillant et Prevost, 1725. Т. I. P. 328–329. (подробнее см. Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. СПб., 2021. С. 7–8).

⁵ Статейный список посольства стольника и наместника Боровскаго, Петра Ивановича Потемкина во Францию, в 7175 (1667) году // Древняя российская вивлиофика. М., 1788. Ч. IV. С. 457–564. Именно в этом издании впервые были опубликованы статейные списки русских посольств, и современными исследователями это событие считается началом зарождения историографического интереса к знаниям русских людей XVII в. об окружающих странах (Waugh D. C., Maier I. Cross-Cultural Communication in Early Modern Russia: Foreign News in Context. Seattle and Uppsala, 2023. P. 37).

⁶ Levesque P.-C. Mémoire touchant les anciennes relations de la France avec la Russie // La Chronique de Nestor. Т. I. P. 301–329.

⁷ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1902. Ч. 4. 463 с.

наука оформилась в научную дисциплину благодаря изменению французской системы историко-филологического знания⁸ и развитию российской системы университетов. Исследования этого периода актуализировались франко-русским внешнеполитическим сближением, которое приведет к формированию Антанты. Именно конце XIX в. вышел знаменитый труд французского историка А. Н. Рамбо. В своей работе он выделял в истории франко-русских отношений ряд этапов, второй из них соотносится с хронологическими рамками нашей работы. Именно в период царствования Алексея Михайловича, с точки зрения исследователя, французская сторона замечает в Москве не только экономический, но и политический потенциал⁹. В научном наследии А. Н. Рамбо тема истории России выделяется в качестве одной из магистральных, наряду с историей германских государств и Византии¹⁰. Благодаря широкому охвату собранных и опубликованных источников его работа до сих пор сохраняет актуальность для исследователей, затрагивающих проблемы русско-французских дипломатических связей и истории международных отношений.

Также в современной историографии остается востребованным труд русского историка П. В. Безобразова, обобщившего материалы А. Н. Рамбо и наблюдения классика российской историографии С. М. Соловьева¹¹. В ходе дальнейшего развития отечественной исторической науки практически не выходило отдельных работ по истории русско-французских отношений в XVII в., за исключением изданной вскоре после П. В. Безобразова небольшой работы В. С. Иконникова¹², оказавшей значительно меньшее влияние на последующую историографическую традицию. Даже классическая

⁸ См. Козлов С. Л. Имплантация. Очерки генеалогии историко-филологического знания во Франции. М., 2020. С. 339–349.

⁹ Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la revolution française. T. VIII. Paris, 1890. P. 36–38.

¹⁰ См. Patlagean E. Alfred Rambaud, les Slaves et les Grecs // De Russie et d'ailleurs. Feux coisés sur l'histoire. «Mélanges offerts à M. Ferro». Paris, 1995. P. 565–576.

¹¹ Безобразов П. В. О сношениях России с Францией. М., 1892. С. 11.

¹² Иконников В. С. Сношения России с Францией (XVI–XVIII вв.). М., 1893. 62 с.

двухтомная монография советского историка Г. Жордания заканчивается серединой XVII в.¹³

Вследствие того, что события XVII в. имели особую значимость для исторической памяти, многие работы XIX в. по русско-французским отношениям были изданы непрофессиональными историками. Например, испанист и переводчик «Дон Кихота» Константин Петрович Масальский опубликовал наказ посольству П. И. Потемкина в журнале «Сын Отечества»¹⁴. В свою очередь, в 1855 году парижский писатель русского происхождения Эммануил Михайлович Голицын создал обобщающую публикацию источников по посольству П. И. Потемкина 1668 г., включавшую статейный список посланника, дневник церемониймейстера Сенкто и известия французских современников об этой миссии¹⁵. Похожим образом различные материалы о миссии кн. Я. Ф. Долгорукова 1687 г. привлекали внимание биографов князя¹⁶.

В сер. XX в. отечественную историографическую традицию изучения русско-французских отношений обогатили две статьи В. Д. Преображенского 1940-х гг.¹⁷, которые критикуются современными исследователями из-за ограниченного использования источниковой базы¹⁸. Соотнесением русской внешней политики последней четверти XVII в. с дипломатией ведущих западных держав, в том числе Франции, занимался историк международных отношений И. Б. Греков¹⁹, к сожалению, не располагавший для этой цели

¹³ Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. Тбилиси, 1959. Часть 2. 468 с.

¹⁴ Тайный наказ // Сын Отечества. 1850. № 5. С. 1–8; Тайный наказ // Сын Отечества. 1850. № 6. С. 1–16; Тайный Наказ // Сын Отечества. 1850. № 9. С. 1–32.

¹⁵ Galitzin E. La Russie du XVII siècle dans ses rapports avec l'Europe occidentale – Récit du voyage de Pierre Potemkin. Paris, 1855. 491 p.; Grönebaum F. Frankreich in Ost- und Nordeuropa, die französisch-russischen Beziehungen von 1648–1689. Wiesbaden, 1968. S. 46.

¹⁶ Бороздин К. Начертание жизни князя Якова Федоровича Долгорукова. СПб., 1805. С. 11–13; Языков Д. Русское посольство во Францию и Испанию 1687 года // Библиотека для чтения журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб., 1835. Т. 9. С. 45–82; Малиновский А. Ф. Бытность во Франции у короля Лудовика XIV полномочным послом князя Якова Федоровича Долгорукова // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. 1837. Ч. VII. С. 86–113.

¹⁷ Преображенский В. Д. Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. Ч. 1 // Ярославский пед. ин-т. Уч. зап. Вып. 7. 1945. С. 3–60; Преображенский В. Д. Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. Ч. 2. // Ярославский пед. ин-т. Уч. зап. Вып. 9. 1947. С. 4–17.

¹⁸ См. Шишкин В. В., Шварц И. Указ. соч. С. 10.

¹⁹ Греков И. Б. Вечный мир 1686 года: автореф. дис. ... учен. степ. ист. наук. М., 1950. 26 с.

доступом к французским архивным материалам. Сохранившаяся источниковая база по русско-французским контактам в допетровское время привлекала и исследователей более широкого профиля, в частности, известного советского франковеда – Б. Ф. Поршнева²⁰. Его работы показывают, почему этот материал привлекал ограниченное внимание. Советский исследователь считал, что в истории международных отношений, как в шахматной партии, возможно восстановить ходы одной пешки зная ходы всех остальных фигур²¹. Такой взгляд был характерен как для отечественных, так и для западных историков и, отчасти, был связан с невозможностью работы исследователей с западноевропейскими или советскими архивными фондами. По всей видимости, именно в связи с таким подходом появился тезис о том, что русские и французские политические деятели на протяжении XVII в. «чувствовали» враждебность в отношениях между странами²², что можно было вывести исходя из их позиций в системе межгосударственных отношений. Другим значимым фактором был акцент на макроисторию, обусловленный в СССР доминированием марксистской методологии, а в Западной Европе – направлением исследований второго поколения школы «Анналов» во главе с Ф. Броделем, сосредоточившим внимание на изучении социально-экономических причин межгосударственного взаимодействия в противовес поверхностным дипломатическим колебаниям²³. Эта позиция была также ярко выражена Б. Ф. Поршневым, отмечавшем, что: «Конечно, между Францией и Россией были кое-какие и прямые связи. Может быть, для чистоты эксперимента было бы лучше, если бы их не было вовсе, если бы французы и русские даже не слышали ничего друг о друге. Косвенная взаимосвязь и принадлежность их к некоему обширному целому выступили бы еще обнаженнее»²⁴. Сложно отрицать значение этих макроисторических

²⁰ Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970. 385 с.

²¹ Поршнев Б. Ф. Указ. соч. С. 25

²² Преображенский В. П. Франко-русские... Ч. 2. С. 23.

²³ Бродель Ф. Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М., 2002. Ч. 1. 20–21.

²⁴ Поршнев Б. Ф. Указ. соч. С. 320.

подходов, благодаря которым стало возможным раскрыть многие механизмы работы международных систем, но роль дипломатии между странами чаще всего оказывалась в них вне исследовательского внимания.

Ситуация изменилась в постсоветское время, несмотря на скромное количество исследований, напрямую посвящённых русско-французским внешнеполитическим связям. Особая политика по отношению к Франции прослеживается в работах по дипломатии России XVII в., наиболее ярко в трудах Б. Н. Флори, К. А. Кочегарова, Е. И. Кобзаревой, Г. А. Санина, Г. М. Казакова и коллективном труде «История внешней политики России»²⁵. К проблеме экономических и политических отношений Франции с Россией регулярно подходят русские специалисты по истории французской экономики и дипломатии, что наиболее ярко отразилось в работах В. Н. Малова и Ю. В. Борисова²⁶. Исследования по развитию русско-французской дипломатии до начала XVII в. в последние годы обогатились трудами В. В. Шишкина, И. Шварц и С. М. Рябова²⁷, а более поздний период, включая начало XVII в., затрагивает статья В. Н. Козулина²⁸. Наличие этих работ позволяет проследить преемственность и разрывы, возникшие в контактах

²⁵ Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. 448 с.; История внешней политики России. Конец XV – XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999. 448 с.; Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах: Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. 504 с.; Кобзарева Е. И. Россия и Швеция в системе международных отношений в 1672–1681 гг. М., 2017. 304 с.; Кобзарева Е. И. Россия и Вестфальская система (1648–1686 годов) // Новая и Новейшая история. 2014. № 2. С. 144–165; Санин Г. А. Россия и Украина в Вестфальской системе международных отношений, 1648–1667 гг. М., 2018. 360 с.; Санин Г. А. Петр Иванович Потемкин и Константин Мачехнин – два типа российских дипломатов 2-й половины XVII века // Известия на Института за исторически изследвания. 2016. Т. XXXIII. С. 11–29; Kazakov G. Die Mouskauer Strelitzen-Revolt 1682. Diplomatische Spionage, Nachrichtenverkehr und Narrativentransfer zwischen Russland und Europa. Stuttgart, 2021. 278 s.

²⁶ Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. 167 с.; Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991. 378 с.

²⁷ Шишкин В. В. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. СПб., 2021. 310 с.; Шишкин В. В. К Господарю нашему писал Францовской король о любви: Генрих III де Валуа и императоры Московии // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 3. С. 939–962; Рябов С. М. Русско-французская торговля на Балтике в условиях шведской блокады «нарвского плаванья» в 1570-е годы // RussianStudiesHu. – 2024. – Vol. 6. – № 1. – P. 47–67.; Рябов С. М. «Эта торговля весьма удобна и приносит огромную прибыль вашим подданным и успокоение вашему королевству»: русско-французская коммерция в Нарве в условиях Балтийских войн 1560-х годов / С. М. Рябов // Средние века. – 2022. – Т. 83. – № 1. – С. 164–181.

²⁸ Козулин В. Н. Зарождение русско-французских отношений и первые представления русских о Франции (конец XVI – начало XVII в.) // Известия АлтГУ. 2016. № 2 (90). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-russko-frantsuzskih-otnosheniy-i-pervye-predstavleniya-russkih-ot-frantsii-konets-xvi-nachalo-xvii-v> (дата обращения: 18.08.2024).

между двумя странами с начала до середины XVII столетия. Более специализированные современные исследования, посвященные напрямую истории русско-французских отношений второй половины XVII в., во многом продолжают ранее упомянутую работу П. В. Безобразова. Очень близки к ней статьи А. В. Малиновской и архимандрита Августина (Никитина)²⁹. Описательный характер работ часто мешает авторам дать непротиворечивую трактовку фактов и ответить на принципиальные для темы вопросы, например, почему отношения России с Францией складывались дольше, чем с ее соседями Англией, Голландией и даже Швейцарией.

Многие значимые достижения советской и современной историографии появлялись благодаря развитию археографии и созданию новых научных изданий исторических источников по связям России с Францией. Прежде всего стоит отметить работу историка-франковеда и палеографа В. И. Райцеса, подготовившего подробнейший комментарий для издания статейного списка П. И. Потемкина 1668 г.³⁰ К работе над этим научным изданием исследователем были привлечены не только опубликованные А. Н. Рамбо материалы, но и известия из французской периодической печати, что позволило расширить представления о восприятии миссии во Франции. Доступ к переписке русских царей и французских королей значительно упростила публикация текстов грамот авторским коллективом под руководством С. М. Каштанова и Л. В. Столяровой, использовавшим для точной передачи текста дипломатические приемы издания. Среди вступительных статей к сборнику также находится ценная статья Н. А. Комочева о миссии гонца Н. Е. Бехтеева 1687 г., которая в предшествующей историографии оставалась практически неизученной³¹.

²⁹ Малиновская А. В. А. А. Матвеев и его вклад в развитие торговых отношений между Россией и Францией // *Личность в истории Нового и Новейшего времени*. 2014. С. 123–126; Архимандрит Августин (Никитин) *Франция и Россия от Людовика XIII до Петра I* // *Нева*. 2010. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/10/aa17.html> (дата обращения 16.05.2024).

³⁰ *Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки*. М.; Л., 1954. С. 426–441.

³¹ «Брату нашему Лудвигу...»: переписка русских царей с королями Франции в конце XVI – начале XVIII в. М.; Берлин, 2021. 264 с.

С другой стороны, существуют западноевропейские традиции изучения франко-русской дипломатии и торговли в XVII в., которые на сегодняшний день представлены не менее ярко. От статьи П. Буассоннада и П. Шарлиа 1930 г.³² ведет свою традицию изучение Северной торговой компании, ориентированной, среди прочего, на торговлю с Россией. Эта традиция привела к изданию в 1993 г. монографии франко-американского историка А. Краатц «Французская компания в России: история франко-русских торговых отношений в XVII и XVIII вв.»³³, до сих пор являющейся основной работой по истории непосредственно франко-русской торговли. Тем не менее, автор опускает политическую составляющую торгового вопроса, что оставляет широкое поле для изучения. Фундаментальным исследованием по истории франко-русских отношений стала монография западногерманского историка Ф. фон Гроненбаума, вышедшая в 1968 г.³⁴ Он провел основательную работу с архивами стран Западной Европы, поэтому его труд сохраняет свое значение до наших дней и регулярно цитируется в отечественной историографии³⁵. Тем не менее, немецкий исследователь использовал исключительно опубликованные русские документы из-за невозможности посетить советские архивы, что лишило его наиболее информативных источников по приему царских дипломатов во Франции и затруднило анализ целей русских миссий, методов их осуществления и внутренней логики русской дипломатии.

На рубеже XX–XXI вв. история внешней политики вновь стала дискуссионным полем для изучения. Главный критик концепции истории абсолютизма Н. Хеншелл считал, что основы изучения международных отношений были заложены авторами XIX в. и несли печать этой эпохи. Он придерживался точки зрения, что «серьезные внешнеполитические вопросы

³² Boissonnade P., Charliat P. Colbert et la Compagnie de Commerce du Nord // *Revue d'histoire économique et sociale*. Paris, 1929. Vol. 17, № 2. P. 156–204.

³³ Kraatz A. *La Compagnie Française de Russie: Histoire de Commerce Franco-Russe aux XVII et XVIII siècles*. Paris, 1993. 212 p.

³⁴ Grönebaum F. *Frankreich in Ost- und Nordeuropa, die französisch-russischen Beziehungen von 1648–1689*. Wiesbaden, 1968. 234 s.

³⁵ См. работы Б. Н. Флори, Е. И. Кобзаервой, К. А. Кочегаров, Г. М. Казакова и др.

зависели от прихоти короля и придворных интриг, так огорчало историков XIX века, что они чувствовали себя обязанными изучить данный вопрос лучше. Но чем больше они искали, тем меньше находили». Обобщая свои взгляды, историк приходил к выводу, что случайный характер дипломатических отношений был очевиден для их современников³⁶. Во многом в противовес такой позиции формируется направление «новой дипломатической истории», сторонники которого показывали внутреннюю логику работы системы отношений и репрезентации между монархами, в рамках концепции «общества государей» (*société des princes*) французского историка Л. Бели³⁷. Среди современных французских работ, посвященных дипломатии Франции и России в XVII в., необходимо прежде всего выделить статьи французской исследовательницы М.-К. Шоб развивающей идеи «новой дипломатической истории»³⁸, которые, к сожалению, еще не привели к созданию обобщающей монографии. Также значение для историографии изучения темы имеют отдельные работы по дипломатии Людовика XIV, прежде всего связанные с восточной политикой Франции³⁹. Подробно особенности приема миссии П. И. Потемкина в 1668 г. были рассмотрены в статье М. Сейду, где автором был осуществлен обзор источников из архива министерства иностранных дел Франции по связям с Россией при Людовике XIV и опубликованы несколько из них⁴⁰. Также обобщающую

³⁶ Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб., 2003. С. 182–183.

³⁷ Bély L. *La société des princes*. Paris, 1999. 651 p.

³⁸ Shaube M.-K. Comment régler des incidents diplomatiques? *Diplomates russes et français au XVIIe siècle // L'incident diplomatique (XVIe–XVIIIe siècle)*. Paris, 2009. P. 323–343.; Shaube M.-K. *Obtenir l'oreille du roi. Les entretiens diplomatiques lors de l'ambassade russe de Pierre Ivanovitch Potemkin et Siméon Roumiantsev à la cour de Louis XIV (1668) // Paroles de négociateurs. L'entretien dans la pratique diplomatique de la fin du Moyen-Age à la fin du XIXe siècle*. Rome, 2010. P. 216–229.; Shaub M.-K. *Se comprendre avec difficulté: les pratiques russes de négociation à l'époque moscovite // Negociar en la Edad Media/Negociar au Moyen-Âge*. Barcelone, Madrid, 2005. P. 369–387.

³⁹ Roy P. *Louis XIV et le second siège de Vienne (1683)*. Paris, 1996. 213 p.; *La paix de Karlowitz, 26 janvier 1699. Les relations entre l'Europe centrale et l'Empire Ottoman*. Paris, 2010. 266 p.; Poumarède G. *Pour en finir avec la Croisade: Mythes et réalités de la lutte contre les Turcs aux XVIe et XVIIe siècles*. Paris, 2004. 686 p.

⁴⁰ Seydoux M. *Les ambassades russes à la cour de Louis XIV // Cahiers du monde russe et soviétique*. Année 1968. Vol. 9. № 2. P. 235–244.

статью по русским посольствам во Францию XVII в. подготовил Э. Шнакенбург, основываясь на сохранившихся французских источниках⁴¹.

В последние годы набирают популярность исследования информационной сети Европы раннего Нового времени, в которую входила Россия. Существенный вклад в появление этого направления внесли работы американского исследователя Д. Уо, а развитие оно получило благодаря трудам И. Майер и С. М. Шамина. Исследователи не только провели серьезную работу по публикации и изучению переводов иностранной прессы в России, но и способствовали актуализации в современной историографии изучения биографий переводчиков и их деятельности⁴². Особо стоит отметить ценность анализа передачи известий о политике Людовика XIV в русских переводах европейской прессы, проделанного С. М. Шаминым в докторской диссертации⁴³. Появляются новые работы, расширяющие представления о механизмах формирования представлений о России в Западной Европе, в частности, во Франции⁴⁴. Нельзя не отметить, что также в изучение развития культурных контактов России с Западной и Южной Европой большой вклад внесла американская исследовательница К. Дженсен⁴⁵. Перечисленные работы показывают, что русско-французские информационные и культурные связи

⁴¹ Schnakenbourg É. L'Aube des relations diplomatiques franco-russes les ambassades moscovites en France au XVIIe siècle // *La France et la Russie: regards diplomatiques (XVIIe–XXIe siècle)*. Rennes, 2012. P. 11–31.

⁴² Waugh D. C. *Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Toward a Study of Muscovite Literary Culture in its European Setting*. Harvard University, Cambridge, Massachusetts, March 1972. S. 447–451.; Waugh D. C., Maier I. *Cross-Cultural Communication in Early Modern Russia: Foreign News in Context*. Seattle and Uppsala, 2023. 893 p.; Шамин С. М. Иностранные памфлеты и курьезы в России XVI – начала XVIII столетия. М., 2020. 392 с.; Шамин С. М. Кандийская война в курантах 1660–1670 гг. // *Каптеревские чтения* 6. М., 2008. С. 75–86; Шамин С. М. Политико-географический кругозор членов правительства царя Федора Алексеевича // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2004. № 1. С. 16–31; Шамин С. М. *Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати*. М.; СПб., 2011. 348 с.

⁴³ Шамин С. М. *Иностранная пресса и русская культура конца XV – начала XVIII столетия: : дис. ... доктора. ист. наук: 07.00.02*. М., 2020. С. 182–199;

⁴⁴ Poe M. *Foreign Descriptions of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources*. Columbus, Ohio, 1995. 230 p.; Poe M. "A People Born to Slavery": Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca, NY, 2000. 293 p.; Новикова, А. М. Роль Польши в трансляции знаний о Московии во Францию в XVII в. // *Ноябрьские чтения 2020: сборник статей по итогам XII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Санкт-Петербург, 05–06 декабря 2020 года*. СПб., 2021. С. 97–101.

⁴⁵ Jensen C. R. Maier I., Shamin S., Waugh D. C. *Russia's Theatrical Past: Court Entertainment in the Seventeenth Century*. Bloomington: Indiana University Press, 2021. 295 p.; Jensen C., Powell J. 'A Mess of Russians Left Us but of Late': Diplomatic Blunder, Literary Satire, and the Muscovite Ambassador's 1668 Visit to Paris Theatres // *Theatre Research International* 24, № 2. 1999. P. 131–144.

составляли важную часть рассматриваемого предмета и способствуют созданию контекста для изучения истории внешнеполитических связей России с Францией.

Обзор историографии демонстрирует, что русско-французские отношения до сих пор нуждаются в более полном освещении. Многие источники о русско-французских связях так и не были введены в научный оборот, не создана обобщающая картина развития контактов между двумя сторонами, основанная как на русских, так и на французских материалах. Отдельно стоит отметить, что существовавшие в XVII в. проекты русско-французского взаимодействия не привлекали к себе должного внимания исследователей, во многом из-за своих незначительных успехов и достаточно опосредованного влияния Франции на политику России. Также нельзя не обратить внимание на то, что в современной исторической науке получили распространение подходы новой социальной и экономической истории, антропологические и микроисторические исследования, объектом которых русско-французское взаимодействие в допетровскую эпоху достойно стать. Это взаимодействие развивало географические представления французов и русских, расширяя их ментальную карту мира, создавало возможности для культурного взаимодействия подданных государств из разных концов Европы, подготовленный проект торговли был составной частью кольберовской программы строительства французского флота, обеспечивавшего военную политику Людовика XIV с сер. 1670-х гг., а также дипломатические акции России были основой для политического сближения стран на международной арене.

Таким образом **научная новизна** исследования состоит в том, что в настоящее время отсутствуют работы, обобщающие весь богатый комплекс источников по русско-французским внешнеполитическим связям и прослеживающие логику их развития как на основании русских, так и французских материалов. Помимо этого, значение дипломатического языка и

церемониала, оказавших существенное влияние на развитие связей между государствами, рассмотрено лишь в трудах отдельных исследователей.

Методология и методы исследования. Исходя из особенностей изучаемой проблемы, в работе использован синтез элементов нескольких теоретических подходов для решения поставленных задач. Среди возможных для использования в ней можно выделить множество теорий и концепций, при этом методологической основой работы остаются принципы историзма и научной объективности. Преобладающей методологией для исследования является «новая дипломатическая история» (*New Diplomatic History*). В ее рамках дипломатическая система рассматривается как социальное «поле», подобное прочим социальным полям, выделяемых французским социологом П. Бурдьё⁴⁶. Это определяет две значимых особенности подхода. Во-первых, в исследовании осуществлен пересмотр роли государства как основного актора в системе международных экономических и политических отношений, что, с нашей точки зрения, отражает антропологическую направленность работы. У каждого из рассматриваемых акторов было свое видение развития отношений с Францией или Россией, свои карьерные и личностные цели, свои возможности, что напрямую влияло на развитие широких межгосударственных отношений и колебания дипломатического поля. Во-вторых, особое внимание уделено «кодам» дипломатического поля, посредством которых происходила международная коммуникация: дискурсивным практикам, механизмам создания социальных связей, этикету и церемониалу. Такой подход, с нашей точки зрения, в наибольшей степени соответствует принципу историзма, приближаясь к взгляду самих акторов, участников, дипломатического взаимодействия. Он же служит для наибольшего раскрытия информационного потенциала сохранившихся документов, фиксировавших все значимые для современников

⁴⁶ Мазарчук Д. В. «Новая дипломатическая история»: становление, направления исследования и перспективы развития / Д. В. Мазарчук // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2021. Т. 66, № 3. С. 284.

социокультурные взаимодействия, прежде всего в рамках церемониала и этикета.

Рассмотрение дипломатии как особой сферы культуры имеет определенную традицию в российской историографии⁴⁷, что можно считать предпосылкой оформления направления «новой дипломатической истории». В рамках этого направления австрийский исследователь Я. Хэннингс считает, что дипломатический язык не был частью одной из культур, но всегда продуктом диалога⁴⁸. Тем не менее русский дипломатический церемониал был построен на диалоге с другими странами, практически без участия Франции, и поиск пути осуществления контактов между ними может стать самостоятельным предметом изучения.

Следствием преобладания в работе антропологической направленности стал акцент на использование эмического подхода, суть которого заключается в осмыслении событий прошлого посредством анализа представлений участников-акторов и выбора этими акторами тех или иных культурных традиций⁴⁹. Именно эмический подход к изучению такого феномена культуры как посольства, с нашей точки зрения, способен дать новые ответы на вопросы формирования системы международных отношений в раннее Новое время, демонстрируя изменения в поведении самих акторов рассматриваемого процесса.

Главным методом исследования был избран метод «насыщенного описания», происходящий из работ американского антрополога К. Гирца⁵⁰. Перечисление большого числа деталей в контексте дипломатической истории и введение в научный оборот наибольшего объема информации источников позволяет сократить интерпретационное своеволие исследователя и дать

⁴⁷ См. Шмидт С. О. Документы внешних сношений и развитие культуры Руси допетровского времени // История Москвы и проблемы москвоведения. М., 2004. С. 62.

⁴⁸ Хэннингс Я. Неудачный подарок: культурный шок или политическая культура? // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. М., 2016. С. 224.

⁴⁹ Подробнее об эмическом подходе см. Черутти С. Микроистория: социальные отношения против культурных моделей? // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2005. № 4 (42). С. 5–18.

⁵⁰ Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Интерпретация культур. М., 2004. С. 9–42.

возможность читателю найти в тексте другие пути к интерпретации, в условиях, когда даже небольшая деталь может изменить вид всей картины.

Большое значение в работе имеет историко-генетический метод, необходимый при изучении развития дипломатических проектов и оформления церемониальных традиций. Восстанавливающий каузальный ряд, историко-генетический метод в нашем исследовании необходим для первичной систематизации данных, так как выделяет условия и факторы развития польского, торгового и османского вопросов. Особенно актуализирует использование данного метода сущностное изменение перечисленных вопросов на протяжении рассматриваемого периода, что мешает их изучению как статических явлений.

Следующим важным для исследования методом является историко-сравнительный. Прежде всего, его использование обусловлено различием русского и французского церемониала во второй половине XVII в., отличиями политического и экономического устройства, а также культуры в целом. Компаративистика в данном случае необходима, в основном, в своей эвристической функции реконструкции практик взаимодействия разных культурных систем. Однако свое место займет и аналитическая функция сравнения, которая поспособствует решению отдельных задач, связанных с причинно-следственным развитием дипломатических и внешнеполитических вопросов.

Наконец, для решения поставленных задач будет применен историко-системный метод. Несмотря на невозможность окончательной систематизации сферы социокультурного взаимодействия, нам представляется возможной систематизация ее отдельных элементов, таких как торговый, османский или польский вопрос. На основе причинно-следственных закономерностей, выделенных предыдущими используемыми методами, произойдет переход к функциональным связям перечисленных вопросов с остальными элементами системы отношений России со странами Западной, Восточной и Северной Европы. Стоит подчеркнуть, что именно такой методологический подход,

через взаимодействие разных временных протяженностей объединяющий микро- и макроуровни исторического процесса, с нашей точки зрения, является оптимальным для представленной работы, так как помогает привести историко-антропологический материал к достаточному обобщению и систематизации.

Источниковая база исследования состоит из письменных источников. В целом, их возможно классифицировать, придерживаясь модели, предложенной российским историком А. Г. Гуськовым для материалов Великого посольства 1697–1698 гг. Из выделенных им видов источников в нашем исследовании востребованными являются: 1) акты; 2) делопроизводственные документы; 3) материалы личного происхождения и 4) периодическая печать⁵¹.

К актовым материалам были отнесены документы, устанавливающие определенные правоотношения. Прежде всего, это различные грамоты, в частности, проезжие, используемые на протяжении посольства в качестве доказательства наделения отправленных в посольство лиц дипломатическими полномочиями. Как будет показано в тексте работы, именно эти грамоты предоставлялись французской стороне вместо верительных, и они сохранились как в русских посольских книгах⁵², так и их копии – во французских архивохранилищах. Особое значение имели официальные грамоты, направляемые от царя к королю, либо наоборот, и ответные грамоты, которые дипломаты получали перед своим отъездом на отпускной аудиенции. Именно в них фиксировались основные задачи посольств, позиции сторон, их отношение друг к другу через использование формуляра и титулатуры. Грамоты от царя к королю, которые были доставлены, сохранились в архивах министерства иностранных дел Франции (ААЕ), а грамоты от короля к царю – в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Копии

⁵¹ Гуськов А. Г. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005. С. 16.

⁵² Посольские книги представляют собой сборники документов Посольского приказа, обобщающие содержание первоисточников по отдельным посольствам, решению конкретных внешнеполитических вопросов, либо отношениям с одним из государств (см. Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV — начало XVIII в.). М., 1990. С. 9–10).

отправленных грамот встречаются в реестрах исходящей королевской корреспонденции в национальных архивах Франции (AN). Вместе с тем в посольских книгах сохранились указы о назначении дипломатов и их свиты, которые также стали источниками для нашей работы.

Основой для исследования стала делопроизводственная документация. Прежде всего, это документы фонда 93 РГАДА (Сношения России с Францией), а также фондов 35 (Сношения России с Англией), 50 (Сношения России с Голландией) и 96 (Сношения России с Швецией). Эти фонды были созданы на основе классификации материалов Посольского приказа по странам, осуществленной Н. Н. Бантыш-Каменским в конце XVIII в.⁵³ В XVII в. эти документы хранились в соответствии с распределением обязанностей между старыми подьячими Посольского приказа, например, известно, что французские материалы в 1674/1675 г. находились вместе с датскими, бухарскими, крымскими, монгольскими, сибирскими, индийскими и китайскими делами в ведении подьячего М. Г. Бурцева⁵⁴. Таким образом, источники по русско-французским отношениям выделялись Посольским приказом в отдельную группу, но не составляли самостоятельной единицы хранения до их классификации архивистами в конце XVIII в. Именно поэтому для создания полной картины необходимо привлечение источников смежных фондов по отношениям с другими странами.

В состав рассмотренных фондов входили посольские книги, статейные списки и расходные книги послов⁵⁵, наказы посольствам⁵⁶, выписки и доклады о более ранних и текущих отношениях между странами, отписки дипломатов

⁵³ Обзор посольских книг... С. 16.

⁵⁴ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник. М., 2011. С. 93.

⁵⁵ Статейные списки представляли собой отчёты русских дипломатов об их деятельности, подготовленные на основе сделанных ими ежедневных записей и в соответствии со статьями данного им наказа. На последнем этапе составления списка записи проходили редакторскую правку у руководства Посольского приказа. В свою очередь, расходные книги – фиксировали сделанные участником посольской свиты траты (Обзор посольских книг... С. 7; Гуськов А. Г. Великое посольство... С. 21).

⁵⁶ Наказы – это подробные инструкции Посольского приказа, выдаваемые дипломатам для осуществления их миссии. Именно они содержали ответы на возможные вопросы принимающей стороны и тексты речей, которые дипломаты должны были произносить на аудиенциях (Обзор посольских книг... С. 12).

из посольств, расспросные речи дипломатов⁵⁷, дела, связанные с выдачей проезжих грамот французским подданным, челобитные, поданные людьми, назначенными в посольскую свиту, памяти Посольского приказа в другие приказные органы, посланные с целью организации посольств во Францию и прочие документы, вошедшие в состав посольских книг, либо сохранившихся в столбцах⁵⁸. Помимо них в работе использованы документы архивов министерства иностранных дел Франции и национальных архивов Франции как неопубликованные, так и ранее публиковавшиеся. Публикация происходила в 34 томе сборников Русского императорского исторического общества⁵⁹, во французских сборниках «Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la revolution française»⁶⁰ и «Relations et mémoires inédits pour servir à l'histoire de la France dans les pays d'Outre-Mer»⁶¹). Кроме того, использованы материалы выступления Ж.-Б. Кольбера перед Советом торговли⁶² и его письма⁶³. Характеризуя наличествующие делопроизводственные материалы в целом, стоит отметить их высокий уровень достоверности, так как их главной задачей было дать наиболее реалистичную картину событий для принятия управленческих решений, в большинстве случаев они подтверждают сведения друг друга.

Материалы личного происхождения в работе представлены мемуарными записками французских придворных и личной перепиской между французами. Часть приведенных материалов использованы из научных

⁵⁷ Расспросные речи составлялись после устного отчёта дипломата у царя и думного посольского дьяка. Они содержали свидетельства различных лиц об отношениях внутри посольской свиты и общем ходе переговоров (Обзор посольских книг... С. 14).

⁵⁸ Столбцы являются первичным обобщением источников по отдельному посольству, из их состава выбирались материалы, необходимые для дальнейшей дипломатической деятельности, и составлялись посольские книги (Обзор посольских книг... С. 9).

⁵⁹ Сборник русского имп. исторического общества. Т. 34. СПб., 1881. 563 с.

⁶⁰ Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la revolution française. Paris, 1890. T.VIII. 500 p.

⁶¹ Relations et mémoires inédits pour servir à l'histoire de la France dans les pays d'Outre-Mer. Paris, 1867. 376 p.

⁶² Старый порядок во Франции. История в источниках. М.; Л., 1925. 96 с.

⁶³ Au sieur Dalliez // Lettres, instructions et mémoires de Colbert. Paris, 1863. T.II., Pt. 2. P. 694–695. Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Cinq cents de Colbert 204. Registre de dépêches et correspondance de Colbert concernant le commerce extérieur et intérieur (1669). Au s-r Goosen à Moscou. P. 100; Bibliothèque National de France. Melanges Colbert. Vol. 153. Lettre de J. Goosen. fol. 1.

изданий, где уже была проведена их источниковедческая критика, достижения которой, с небольшими уточнениями, используются в работе. Исключением являются журналы, мемуары и дневники французских придворных: церемониймейстера Н. де Сенкто, Ф. де Данжо и Л.-Ф. де Сурша. Уточнения об их источниковедческой специфике будут сделаны в основном тексте работы.

Среди материалов периодической печати в работе используются сообщения из французских изданий «La muze historique», «La Gazette», «La Gazette rimée» и «Mercure galant». Каждое из этих изданий обладало своей спецификой из-за того, что классическая форма печатной прессы находилась во Франции в процессе формирования, и их особенности будут прокомментированы в соответствующих главах. В целом, часть их известий копировала делопроизводственные отчеты, особенно в официальном издании «La Gazette», но часто сообщались и уникальные сведения, достоверность которых установить сложнее. Такие сведения представляют особую ценность для изучения процесса восприятия русских дипломатов во Франции. В отдельную подгруппу необходимо выделить используемые в работе известия из «курантов»⁶⁴, выписок из иностранной прессы, регулярно создававшихся при царском дворе с 1665 г. Сведения из них иногда имеют низкий уровень достоверности, в большинстве случаев обусловленный низкой достоверностью иностранного источника, однако «куранты» обладают высоким информационным потенциалом, так как помогают реконструировать часть имеющейся при русском дворе информации о событиях в мире, кругах интересов царского правительства и общее восприятие европейских дипломатических практик.

Положения, выносимые на защиту:

⁶⁴ С целью упрощения термин используется в работе для всей второй половины XVII века, несмотря на то что закрепился в русском языке только в последней четверти XVII века (см. Шамин С. М. Иностранная пресса... С. 288–289).

1. Русско-французские отношения во второй половине XVII в. носили регулярный характер, шел процесс оформления дипломатической традиции, и каждая миссия рассматривалась сторонами не в качестве единичного явления, а как часть развития отношений между ними.

2. Представления о христианском единстве были не столько отголосками средневековых концепций, сколько частью процесса осмысления европейских международных отношений как особой системы, объединенной культурно-религиозным единством.

3. Значимой частью дипломатической стратегии обоих государств был торговый проект, который развивался не только как перспективное экономическое взаимодействие, но и как повод для интенсификации контактов между странами.

4. Дипломатические языки России и Франции, несмотря на то что формировались в одном дипломатическом поле европейских межгосударственных отношений, относились к его разным полюсам и не во всех случаях были совместимы. Однако недопонимание в их дипломатическом диалоге было скорее исключением, чем правилом.

5. Разрыв русско-французских отношений после 1688 г. произошел не столько по причине разной внешнеполитической ориентации государств, сколько вследствие дипломатического оскорбления, нанесенного посольству кн. Я. Ф. Долгорукова, кн. Я. Е. Мышецкого и К. В. Алексева в 1687 г. из-за сохранившейся разницы в дипломатической культуре.

6. Результаты посольства 1687 г. стали для правительства царевны Софьи фактически поводом к разрыву дипломатических отношений с Францией и закреплению негативного образа французской дипломатии при русском дворе, сохранявшегося и в период правления Петра I. Для Людовика XIV дополнительной причиной приостановки связей с Россией стала неудача в организации путешествий иезуитов через Сибирь в Китай из-за противодействия им царского правительства, несмотря на покровительство католическим миссионерам со стороны французского короля.

7. Поддержание дипломатических отношений с Францией во второй половине XVII в. было значимым фактором закрепления России внутри европейской системы отношений.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Франция в XVII в. являлась одним из основных центров международных отношений, иногда становясь гегемоном в европейской системе государств. Изучение дипломатических связей между ней и Россией может служить для создания новой картины развития международных отношений раннего Нового времени, определения места в этом процессе России и ее дипломатической традиции, а также о развитии русской культуры рассматриваемого периода, в особенности, в ее взаимодействии с культурами Западной Европы. Реконструкция русско-французских внешнеполитических связей позволит в дальнейшем уделить больше внимания их экономическому и культурному взаимодействию, на которое дипломатические отношения оказывали существенное влияние. Результаты исследования могут служить для подготовки обобщающих работ по истории русской дипломатии, внешней политики и культуры России XVII в. Введение сведений из франкоязычных источников способно обогатить современные исследования по международным взаимодействиям раннего Нового времени, а также может стать важным элементом для реконструкции биографии отдельных участников дипломатических миссий. Материалы работы могут служить для разработки общих и специальных лекционных и практических курсов, подготовки учебных изданий для высшей школы и школьных учебников, создания тематических выставок.

Степень достоверности работы определяется комплексным использованием источников разных видов и разного происхождения. Создаваемые в разных общественных кругах и с различными целями исторические источники позволяют верифицировать полученную из них информацию и установить степень их достоверности. Помимо этого, в исследовании использованы традиционные и современные методологические

подходы, подкрепляющие достоверность полученных результатов и помогающие отследить процедуру их получения.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены автором на 20 международных и всероссийских научных конференциях, семинарах и круглых столах⁶⁵. Всего по теме исследования опубликовано 22 научных работ, в том числе 4 научные работы опубликованы в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК РФ, в том числе 2 из них в изданиях индексируемых в международных базах данных SCOPUS и WoS (одна статья в соавторстве).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, состоящих из нескольких параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

⁶⁵ Всероссийская с международным участием научная конференция молодых ученых «Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура» (г. Ижевск, 2017); Всероссийская молодежная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (г. Новосибирск, 2018); Всероссийская с международным участием научная конференция молодых ученых «Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура» (г. Ижевск, 2018); Всероссийская научная конференция молодых ученых «CLIO MODERNA: проблемы всемирной истории нового и новейшего времени» (г. Екатеринбург, 2019); III Международный молодежный конвент «Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании» (г. Екатеринбург, 2019); Всероссийская молодежная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (г. Новосибирск, 2019); Всероссийская междисциплинарная молодежная конференция «VII Информационная школа молодого ученого» (г. Екатеринбург, 2019); IV Международный молодежный конвент «Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации» (г. Екатеринбург, 2020); XIV Всероссийская научная конференция «Урал индустриальный. XIV Бакунинские чтения» (г. Екатеринбург, 2020); Всероссийская молодежная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (г. Новосибирск, 2020); Всероссийская с международным участием научная конференция молодых ученых «Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура» (г. Ижевск, 2021); III Всероссийская научная конференция молодых антиковедов и медиевистов «Scholia Studioium: пространство исторического нарратива» (г. Екатеринбург, 2021); Всероссийская с международным участием конференция студентов и молодых ученых «Историческое вече: проблемы истории и археологии» (г. Великий Новгород, 2022); Международная научно-практическая школа-конференция молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (г. Москва, 2022); IV Международный молодежный конвент «Гуманитарное знание и современные технологии: стратегии, практики, перспективы» (г. Екатеринбург, 2023); II Международный уральский исторический форум «Город в контексте глобальной и региональной истории: к 300-летию Екатеринбурга» (г. Екатеринбург, 2023); 12 Международная конференция «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (г. Москва, 2023); Международная научно-практическая школа-конференция молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (г. Москва, 2023); XXX Круглый стол «Россия и внешний мир: проблемы взаимодействия» (г. Москва, 2024); «Славянский мир: общность и многообразие». Конференция молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры (г. Москва, 2024).

Глава 1. Проблемы и перспективы русско-французских дипломатических связей в сер. XVII в.

В поздней советской историографии прочно закрепилось представление о том, что внешняя политика европейских стран середины XVII в. была детерминирована Тридцатилетней войной 1618–1648 гг. и разделением стран Европы на сторонников и противников Габсбургов⁶⁶. Во многих современных работах исследователи отмечают значение этого разделения и после окончания войны⁶⁷. Тем не менее, для развития русской дипломатии были важны взаимодействия со всеми европейскими странами, среди которых была и Франция, активно влиявшая в сер. XVII век на трансформацию европейских дипломатических практик⁶⁸. Другие исследователи отмечают, что ни Речь Посполитая, ни Россия не имели четкой связи с основными центрами силы Вестфальской системы международных отношений, и конфликт между ними не мог ее существенно изменить⁶⁹. Не включаясь в существующую дискуссию, наша работа будет исходить из представления о многовекторности русской политики XVII в., способности вести переговоры и находить компромиссы с разными сторонами, как это было продемонстрировано для рубежа XVII–XVIII вв. А. С. Лавровым⁷⁰.

1.1 Миссия гонца К. Г. Мачехнина в 1654 г.

В 1650-х гг. Франция была включена в дипломатическое взаимодействие со многими странами Восточной Европы. Среди характерных черт ее внешней политики современные исследователи чаще всего обращают внимание на регулярные попытки французской дипломатии умиротворить страны региона,

⁶⁶ Поршнев Б. Ф. Указ. соч. С. 37.

⁶⁷ Кобзарева Е. И. Россия и Вестфальская система (1648–1686 годов) // Новая и Новейшая история. 2014. № 2. С. 144–165.; Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в: Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 30–31. Отличную точку зрения о доминировании в конфликте внутриимперских противоречий над международными см. Прокопьев А. Ю. Тридцатилетняя война. СПб., 2020. 385 с.

⁶⁸ Bély L. L'art de la paix en Europe. Naissance de la diplomatie moderne XVIe–XVIIIe siècle. Paris, 2007. P. 259–263.

⁶⁹ Флоря Б. Н. Русское-государство... С. 11.

⁷⁰ Лавров А. С. Великое посольство в донесениях французских дипломатов // Ораниенбаумские чтения: Сб. науч. ст. и публикаций. СПб., 2001. С. 136–137.

направив его ресурсы на противостояние с домом австрийских Габсбургов, формируя *Восточный барьер*. В рамках этой стратегии французской дипломатии удалось развить тесные контакты с Речью Посполитой, Османской империей и Трансильванией⁷¹. Итогом Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. стало сохранение у Франции тесных дипломатических отношений со Шведским королевством и княжеством Трансильвания⁷², в которое стекались настроенные против Габсбургов венгерские эмигранты (куруцы)⁷³. Несмотря на происходившие между Францией и Османской империей в 1650–1660-х гг. конфликты, в Константинополе и ряде других турецких городов сохранялось присутствие французских послов и консулов⁷⁴. Также к концу 1640-х гг. наметилось углубление контактов между Францией и Речью Посполитой, которое продолжалось и в 1650-х гг.⁷⁵

Эти связи имели существенное значение для получения информации о России, ее политике, обществе и культурных особенностях. Внимание к Русскому государству привлекло включение царя в систему Вестфальских договоров в 1648 г., произошедшее благодаря русско-шведскому сближению⁷⁶. Немецкий исследователь Ф. фон Гроненбаум отмечал, что Пьер Шаню, французский посол в Швеции в 1648 г., указывал на опасности, которые могли таить в себе военные реформы нового царя для французской союзницы Швеции, и, похоже, предчувствовал, что политика России, вновь проникающая в сферу французского влияния в Восточной Европе, вскоре станет предметом постоянного беспокойства французского двора⁷⁷.

В целом, к началу 1650-х гг. уже существовал опыт прямых контактов между Францией и Россией, однако во второй половине XVII в. он редко

⁷¹ Попова Е. А. «Век Людовика XIV» в европейской политике: пути восхождения к лидерству: монография. М., 2020. С. 15.

⁷² Княжество было признано независимым благодаря дипломатическим усилиям Франции после окончания войны.

⁷³ Roy P. Op. cit. P. 33.

⁷⁴ Bacqué-Grammont J.-L., Kuneralp S., Hitzel F. Représentants permanents de la France en Turquie (1536–1991) et de la Turquie en France (1797–1991). Paris, Istanbul, 1991. P. 19–20.

⁷⁵ Recueil des instructions... T. IV–V. P. XXIV–XXIX.

⁷⁶ Rambaud A. Introduction // Recueil des instructions, données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la révolution française. V. 8. Russie, t. I. Paris, 1890, p. X.

⁷⁷ Grönebaum F. Op. cit. S. 7.

использовался для организации дипломатических связей между ними. Это было обусловлено рядом проблем, среди которых французская исследовательница М.-К. Шоб выделяла слабое знакомство России с Францией, слишком формальные церемонии репрезентации царя в России и широко распространенное подозрительное, ксенофобское, отношение административных и политических элит России к иностранцам⁷⁸. С другой стороны, представляется, что похожие проблемы существовали и в отношениях французов к России. Тем не менее, в XVI – начале XVII вв. существовал ряд успехов русской дипломатии, как, например, именование русского царя «братом» со стороны Генриха III⁷⁹, что включало великого князя в «общество государей», а также признание Людовиком XIII полного царского титула⁸⁰. Однако, вероятно, что этот опыт использовался нерегулярно, так Г. К. Котошихин в своем сочинении указывал что материал по ранним русско-французским контактам к сер. XVII в. сгорел⁸¹.

Начало русско-польской войны 1654–1667 гг. стимулировало новое включение России в масштабный дипломатический диалог с европейскими странами после периода концентрации на внутривосточных задачах, длившегося с 1640-х по 1654 г.⁸² Вопрос о значении русско-польской войны для существовавшей системы международных отношений ранее уже поднимался в современной историографии. Так, Б. Н. Флоря отметил, что из-за отсутствия тесных связей с ведущими государствами европейской системы международных отношений война между Россией и Речью Посполитой не могла серьезно повлиять на сложившееся в Европе соотношение сил⁸³. С другой стороны, Л. В. Заборовский считал, что в условиях войны с Испанией и сложных отношений с Англией для Франции особое значение имел вопрос

⁷⁸ Shaub M.-K. Comment régler des incidents protocolaire... P. 324.

⁷⁹ Шишкин В. В., Шварц И. Указ. соч. С. 148–152.

⁸⁰ Рыбина Е. А. Три внештатных переводчика Посольского приказа и одна подпись на французской грамоте // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. М., 2019 С. 118–122.

⁸¹ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 40–41.

⁸² Поршнев Б. Ф. Указ. соч. С. 41.

⁸³ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 11.

о союзе со Швецией и ее примирение с Речью Посполитой⁸⁴, что, в целом, продолжало похожую точку зрения Б. Ф. Поршнева⁸⁵. Тем не менее, авторы сходятся на том, что события второй половины 1650-х гг. привели к кризису традиционной системы международных отношений в восточноевропейском регионе, не в последнюю очередь в результате действий русской стороны⁸⁶.

Все эти обстоятельства обусловили то, что посольства 1653–1654 гг. имели широкий внешнеполитический контекст для русского правительства⁸⁷. По всей видимости, царь и его окружение сознательно стремились к локализации конфликта⁸⁸, но достичь невмешательства в него других стран необходимо было поддержанием с ними дипломатических связей, а не изоляцией от Европы, ставшей причиной неудач русской политики в конце XVI в.⁸⁹ Так или иначе судьба Речи Посполитой касалась всей европейской дипломатической системы, в том числе Франции⁹⁰.

В советской историографии существовала точка зрения, что русские и французские политические деятели в 1650-х гг. «чувствовали» враждебность в отношениях между странами⁹¹. Однако изучение русских дипломатических миссий 1653–1654 гг. В. П. Заборовским показало, что хотя первые гонцы были отправлены в Швецию и Республику Соединенных провинций, а остальные лишь позже во Францию, Швецию, Голландию и Данию, тем не менее это было сделано вследствие антигабсбургской ориентацией этих стран, и именно они, как вероятно представлялось в окружении царя и в Посольском приказе, могли иметь более благожелательное отношение к русской внешней политике⁹². В проектах грамот, направляемых во Францию и Голландию, содержалась просьба оказывать России всяческую поддержку и, напротив, не

⁸⁴ Заборовский Л. В. Указ. соч. С. 34.

⁸⁵ Поршнева Б. Ф. Указ. соч. С. 275.

⁸⁶ Заборовский Л. В. Указ. соч. С. 30; Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи... С. 6.

⁸⁷ Grönebaum F. Op. cit. P. 9.

⁸⁸ Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи... С. 10.

⁸⁹ Филюшкин А. Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного. М., 2018. С. 294–298.

⁹⁰ Поршнева Б. Ф. Указ. соч. С. 261.

⁹¹ Преображенский В. Д. Франко-русские... Ч.2. С. 23.

⁹² Заборовский Л. В. Указ. соч. С. 30–31.

помогать ничем Речи Посполитой, но в окончательный текст она не вошла. Л. В. Заборовский считал, что отказ от этого положения был связан с дипломатической гибкостью, так как реально этим странам было бы сложно поддерживать Россию⁹³. Тем не менее, Республика Соединенных провинций благожелательно отнеслась к сложившейся ситуации и направила в Россию партию оружия⁹⁴, с другой стороны, из Франции происходила поддержка Речи Посполитой, а в дальнейшем даже существовали планы прямой военной помощи⁹⁵ и остановить ее заранее могло быть достаточной значимой целью для Посольского приказа. Вероятно, что русская дипломатия не рассчитывала на возможность вмешательства Франции в русско-польский конфликт⁹⁶, либо на то, что это вмешательство останется ограниченным.

Таким образом, главной целью миссии К. Г. Мачехнина во Францию в 1654 г. было проинформировать Людовика XIV о начале войны и объяснить ее причины. Аргументация в грамоте к французскому королю была выстроена вокруг оскорбления царского титула. В ней приводились примеры неправильного написания титула, его умаления, ошибок в имени царя, преувеличения титула польского короля за счет царских титулов, в том числе продолжение именованя Владислава IV «обранным великим князем Московским». Наконец в грамоте обращалось внимание на то, что многие оскорблявшие царя в печатных трудах поляки не понесли наказания⁹⁷. Подобная аргументация, в целом, соответствовала существовавшим практикам защиты чести монарха в Западной Европе, например, из-за дипломатического инцидента 1661 г. в Лондоне почти началась война между Францией и Испанией, а Петр I воспользовался отсутствием репараций со стороны Швеции за нападение на него в 1697 г.⁹⁸ Показательным стал случай

⁹³ Заборовский Л. В. Указ. соч. С. 31.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 4.

⁹⁵ Nagielski M. Druga Wojna Domowa W Polsce: Z Dziejaow Polityczno-Wojskowych Rzeczypospolitej U Schyku Rznadaow Jana Kazimierza Wazy. Warszawa, 2011. S. 44.

⁹⁶ Заборовский Л. В. Указ. соч. С. 36.

⁹⁷ «Брату нашему Лудвигу...»: переписка русских царей с королями Франции в конце XVI – начале XVIII в. М.; Берлин, 2021. С. 198–201.

⁹⁸ Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge, P. 24.

1644 г., когда один парижский публицист, оскорбивший в печати императора, был посажен в тюрьму⁹⁹. Стоит обратить внимание на то, что это происходило до подписания комплекса Вестфальских соглашений, т.е. в период, когда король Франции и император находились в состоянии войны, в отличие от отношений России и Речи Посполитой, регулируемых мирным договором 1634 г.

Гонца К. Г. Мачехнина с дьяком А. К. Богдановым отправили из Москвы 6 (16) декабря 1653 г.¹⁰⁰, еще до официального вступления России в войну и Переяславской рады. Помимо гонца и дьяка в состав их свиты входили переводчик Роман Болдвинов, толмач Юрий Михайлов и 8 слуг¹⁰¹, что соответствовало стандартной свите для гонца в русской дипломатической практике¹⁰². Путешествие гонцов осуществлялось сухопутным маршрутом, и переводчик Р. Болдвинов занимался организацией найма подвод, договаривался с местными властями о выдаче посольству продовольствия и предоставлении сопровождающих¹⁰³; иногда в переговорах также участвовал толмач Ю. Михайлов¹⁰⁴. Маршрут проходил через шведскую Эстляндию: Ям, Нарва (Ругодив), Таллин (Колывань)¹⁰⁵.

Так посольству удалось добраться до Гааги, но 27 апреля (6 мая) внутри посольской свиты произошел конфликт, и в 4 часа ночи толмач Нечай Дрябин «поколел ножом переводчика Романа Болдвинова, а за што у них стало, тово не ведомо, а писано об его, Романове, смерти к Москве с подьячим с Офонасьем Буколовым»¹⁰⁶. Смерть переводчика стала проблемой для посольства, потому что в небольшой посольской свите никто не мог полноценно восполнить его языковые компетенции. В отличие от более

⁹⁹ Поршнева Б. Ф. Указ. соч. С. 68.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 2. Преображенский В. П. Франко-русские... Ч. 2. С. 23.

¹⁰¹ AN. Mar. B7 204. Fol. 172.

¹⁰² AN. Mar. B7 204. Fol. 173r.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. 3об.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. 4об.–5.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 3об.–6.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 22.

ранних и поздних практик¹⁰⁷, гонец К. Г. Мачехнин не стал нанимать нового переводчика в Голландии, который бы мог способствовать работе с французской языковой средой. Вместо этого он встретился в Гааге с Матвеем Поливановым, русским гонцом, направленным в Республику Соединенных провинций, и попросил передать ему переводчика Ивана Вильнера. Несмотря на то, что М. Поливанов изначально не хотел его передавать, переговоры между русскими дипломатами закончились успехом для К. Г. Мачехнина, и в его свите вновь появился переводчик¹⁰⁸. Иван Вильнер был московским торговым иноземцем фламандского происхождения, поэтому мог переводить с русского на фламандский¹⁰⁹, вероятно, что он также владел немецким языком, однако сведений о знании им латыни не сохранилось¹¹⁰. Необходимо также отметить, что для голландской посылки И. Вильнеру было выдано «70 рублей»¹¹¹, что было значительно меньше жалования последующих переводчиков, отправляемых во Францию. Тем не менее, проблема перевода на французский язык на этот момент решена не была из-за отсутствия знания французского у Вильнера.

Более острой проблемой для гонца стал проезд во Францию: на морских путях вопреки завершению англо-голландской войны 1652–1654 гг. сохранялась опасность английских каперов¹¹², а в испанских Нидерландах шли активные боевые действия между армиями Франции и Испании¹¹³. Несмотря на то, что власти Республики Соединенных провинций предоставили посольству корабль в городе Брилле, выйти в море мешало отсутствие ветра и

¹⁰⁷ См. Рыбина Е. А. Три внештатных переводчика Посольского приказа и одна подпись на французской грамоте // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. М., 2019 С. 118–122. Манин Д. О. Стратегии и практики взаимодействия П. И. Потемкина с переводчиками в посольствах во Францию в 1667–1668 и 1680–1681 гг. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 3. М., 2023. С. 222–231.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 22об.–23.

¹⁰⁹ Recueil des instructions... Т. VII, Р. 43; Безобразов П. В. Указ. соч. С. 14.

¹¹⁰ Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021. С. 85.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Мирный договор был ратифицирован Генеральными штатами 22 апреля 1654 г (см. Израэль Д. И. Голландская республика. Ее подъем, величие и падение. 1477–1806. Т. II 1651–1702. М., 2018. С. 151).

¹¹³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 26.

опасения насчет появления английских кораблей, а 31 июля (10 августа) 1654 г. предоставленный корабль загорелся¹¹⁴.

Неудачное стечение обстоятельств с морским маршрутом привели посольство к попытке совершить сухопутное путешествие. Для него голландские власти подготовили собственные письма, подтверждавшие статус гонца¹¹⁵. Посольству удалось успешно добраться до Антверпена и Брюсселя, в которых переводчик Иван Вильнер проводил переговоры с местными управляющими¹¹⁶. Испанские власти не предоставили миссии продовольствия, транспорта и не выделили сопровождающего, настаивая, что им необходимо дождаться возвращения эрцгерцога Леопольда, либо его победы¹¹⁷. В это время эрцгерцог руководил шедшей уже несколько месяцев осадой Арраса, которая через несколько недель закончится поражением испанских войск¹¹⁸. Таким образом, гонец вернулся 3 (13) августа в Гаагу, где голландские власти отказали ему в оплате проживания и снабжении продовольствием, а опасность отсутствия попутного ветра вынудила Г. К. Мачехнина рассчитывать на длительное ожидание.¹¹⁹ Чтобы оплатить дальнейшие расходы, гонец связался с торговавшими в Москве гостями Маркусом де Вогеларом и Томасом Сваном, которые находились в Амстердаме. Когда они прибыли в Гаагу, то Мачехнин оформил у них займ для государева дела и приложил грамоты о нем к статейному списку¹²⁰. Ранее компания де Вогелара и Кленка уже выдавала займ миссии А. Д. Виниуса и И. Е. Марсова во время их посольства 1653 г. в Амстердаме¹²¹, в связи с чем можно говорить, что это уже стало частью сложившейся практики. Финансовая поддержка царских представителей была выгодна, так как в

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 35об.–36.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 37.

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 37об.–38.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 41об.

¹¹⁸ Palat В.-Е. Une campagne de Turenne (1654). Paris, 1897. P. 62–65.

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 43–45об.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 47об.–48.

¹²¹ Велувенкамп Я. В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М., 2006. С. 150.

благодарность за нее в России могли предоставить торговые привилегии, которые компания де Вогелара и Кленка имела в 1662–1667 гг.¹²²

Помимо голландских купцов успеху дипломатической миссии способствовал ранее упоминавшийся П. Шаню, теперь занимавший пост французского посла в Республике Соединенных провинций в 1653–1655 гг. 7 мая 1654 г. он проинформировал государственного секретаря по иностранным делам Франции Анри-Огюста де Ломени де Бриенна о прибытии русского гонца в Гаагу¹²³. После того как власти Голландии все же выделили гонцу новый корабль, 10 (20) октября 1654 г. участники миссии прибыли во французский порт Гавр¹²⁴. Таким образом, путешествие из Москвы до Франции в общей сложности заняло 10 месяцев. Несмотря на известие П. Шаню в Гавре не были готовы к приему гонца, и К. Г. Мачехнин послал переводчика И. Вильнера к губернатору, чтобы ему назначили сопровождающего, выдали продовольствие («корм»), а также предоставили транспорт («подводы») и провожатых до Парижа¹²⁵. Генеральный наместник Рене де Сент-Мор, сеньор де Борепер, представлявший местного губернатора, не был уполномочен организовать сопровождение русского гонца и даже после личной встречи с К. Г. Мачехниным просил его написать письмо к королю чтобы получить официальный ответ на его просьбы¹²⁶. Генеральный наместник также отметил, что во Франции нет общепринятой практики снабжения иностранных посольств за счет королевской казны, на что гонец ответил, что такая практика существует для русских посольств во всех прочих государствах. Несмотря на сохранявшееся недопонимание между сторонами, Сент-Мор пытался проявить вежливость (*honnête*) по отношению к дипломату и пригласил его к себе на обед, что было общепринятой нормой французского

¹²² Велувенкамп Я. В. Указ. соч. С. 150–151.

¹²³ *Recueil des instructions...* Т. VII. Р. 43; Шиколо М. И. Дипломатический церемониал как способ репрезентации королевской власти во Франции второй половины XVII – начала XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.03. 2016. С. 247; Grönebaum F. *Op. cit.* Р. 9.

¹²⁴ Grönebaum F. *Op. cit.* Р. 9; РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 49.

¹²⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 49об.

¹²⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 50.

гостеприимства, в том числе в отношении иностранных дипломатов¹²⁷. На такое предложение гонец не мог согласиться из-за принятого в России дипломатического церемониала, согласно которому дипломатам не было позволено посещать кого-либо прежде иностранного монарха, к которому они были направлены¹²⁸.

По совету губернатора Гавра гонец продолжил путь за свой счет и отправился к губернатору Нормандии герцогу де Лонгвилю в Руан, где снова попытался запросить королевское обеспечение, которое ему вновь не могли предоставить, вследствие чего К. Г. Мачехин нанял провожатого самостоятельно¹²⁹. Посольство остановилось 17 (27) октября в Сен-Дени, в гостинице «Королевская шпага» (Épée Royale), откуда отправило переводчика и нанятого сопровождающего в Париж для дальнейших переговоров о приеме миссии¹³⁰. Переводчик И. Вильнер встретился с государственным секретарем по иностранным делам Ломени де Бриенном. В Париже, после консультации с королевой-матерью Анной Австрийской и кардиналом Дж. Мазарини о переводе посольства на обеспечение из королевской казны, суперинтендант финансов А. Сервьен выделил на содержание дипломатов 2400 ливров из государственной казны¹³¹. Из них 100 ливров в день должно было идти на ежедневные траты дипломатов, начиная с момента, когда гонца разместили в королевской карете¹³².

Кареты прислали в Сен-Дени 24 октября (3 ноября) для торжественного въезда в Париж, одной из основных дипломатических церемоний Франции¹³³, вместе с ними к гонцу прибыл посольский сопроводитель де Берлиз (conducteur des ambassadeurs de Berlize)¹³⁴. Ранее при французском дворе уже наблюдали за приемом русских гонцов в других странах, в частности, в «La

¹²⁷ Lilti A. Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. Paris, 2005. P. 265.

¹²⁸ Юзефович Л. Указ. соч. С. 64; РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 51–51об.

¹²⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 51об.–52.

¹³⁰ AN. Mar. B7 204. Fol. 172; РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 52об.

¹³¹ Grönebaum F. Op. cit. P. 9; Recueil des instructions... T. VIII. P. 43.

¹³² AN. Mar. B7 204. Fol. 172.

¹³³ Шикучо М. И. Указ. соч. С. 72.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 53об.

Gazette» публиковались сведения о подобной церемонии в Вене¹³⁵, что подчеркивало включенность русских дипломатов в европейский дипломатический церемониал. Это способствовало тому, что К. Г. Мачехнин, как считается в историографии, стал первым русским дипломатом совершившим торжественный въезд в Париж¹³⁶. Несмотря на новизну этой церемонии для русско-французских отношений, она не вызвала конфликтов, которые были бы зафиксированы в источниках, в отличие от последующих русских посольств во Францию. В карете короля были размещены: гонец, два переводчика (*interpréte*) и посольский сопроводитель. В карете королевы – секретарь сопроводитель Рене Жиро, дьяк, вероятно А. К. Богданов, и два голландца сопровождавших посольство. Их отвезли в посольский особняк (*hôtel des Ambassadeurs extraordinaire*) на улицу дофина и кормили, как приказывал кардинал¹³⁷. В статейном списке гонца церемониал торжественного въезда в Париж практически не был отражен, в отличие от статейных списков более поздних посольств, вероятно, что для К. Г. Мачехнина он представлялся менее значимым, чем церемонии с личным участием короля. Несмотря на то, что малочисленная свита гонца была не предназначена для полноценной репрезентации статуса царя, их торжественный въезд привлек внимание парижской публики: парижан удивляло богатство необычной одежды гонца и его слуг в зеленых кафтанах, которых находили похожими на турок¹³⁸. В глазах французов русских отличали длинные волосы, дубленные мехом шляпы и длинные кафтаны, доходящие до лодыжек¹³⁹.

Несмотря на то, что посольство добралось до Парижа, попасть на королевскую аудиенцию было невозможно из-за временного отсутствия

¹³⁵ Grönebaum F. Op. cit. P. 11. В целом, внимание «*La Gazette*» к русским делам может служить доказательством того, что события в Восточной Европе привлекали внимание французского двора и осмыслились государственными деятелями Франции и опровергает точку зрения о полном игнорировании правительством Франции разгоравшегося русско-польского конфликта (см. Seydoux M. Op. cit. P. 236).

¹³⁶ Grönebaum F. Op. cit. S. 9–10.

¹³⁷ AN. Mar. B7 204. Fol. 172.

¹³⁸ Recueil des instructions... T. VIII. P. 43; Grönebaum F. Op. cit. S. 9–10.

¹³⁹ AN. Mar. B7 204. Fol. 172.

короля в столице. До этой торжественной встречи им назначали толмача для перевода с фризского языка, которым владел их переводчик, на французский. Эту роль должен был исполнять голландский банкир Жан Фрисс¹⁴⁰. Проблемы перевода русского языка также привлекали к дипломатам внимание парижан, в частности, в письме знаменитого французского драматурга Ж. Расина к не менее знаменитому французскому баснописцу Ж. де Лафонтену из южнофранцузского города Юзес от 11 ноября 1661 отмечалось, что без переводчика с окситанского он находится среди жителей Лангедока в таком же положении, как русский (*moscovite*) в Париже¹⁴¹. Внимание парижской публики к русскому гонцу и его поиску переводчика также отразилось в небольшом стихотворении в номере придворной стихотворной газеты «*La muze historique*»¹⁴², в письме от 7 ноября 1654 г.:

Le propre jour Saint-Marcial,	В день Святого Маркелла,
Dedans le carosse royal	В королевской карете
Un envoyé de Moscovie	Посланник из Московии
(Que de voir j'avois grande envie,	(Которого я хотел увидеть,
Mais que je ne vis pas pourtant)	Но так и не смог)
Prés du sieur de Berlize étant	В компании сьера де Берлиза
Dans cette cité fit entrée.	Совершил въезд в этот город.
Il vient d'une grande contrée;	Он приехал из великой страны;
Mais touchant sa légation,	Но касательно его приема,
Nul n'en fait encor mention:	Еще ничего не ясно:
Car, n'étant plus, dit-on, en vie,	Поскольку говорят, что
Le truchemant de Moscovie,	Переводчик из Московии,
Qui dans Saint-Denis trépassa	Скончался в Сен-Дени
Depuis sept ou huit jours en çà,	Семь или восемь дней назад,

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 54; Recueil des instructions... Т. VIII. Р. 43; Безобразов П. В. Указ. соч. С. 14.

¹⁴¹ Oeuvres completes de Jean Racine. Т. VII. Paris, 1808. Р. 82. Grönebaum F. Op. cit. Р. 9. Используемые в России языки привлекали внимание Ж. Расина и в других письмах (см. Oeuvres completes de Jean Racine. Т. VII. Paris, 1808. Р. 177).

¹⁴² Небольшая развлекательная газета в стихах, издаваемая в Париже придворным поэтом герцогини М. де Лонгвиль Ж. Лоретом в 1650–1665 гг., отразившая основные культурные события Парижа (см. Hatin E. Histoire politique et littéraire de la presse en France. Т. I. Paris, 1859. Р. 289–290).

On cherche quelqu'autre homme sage	Посему они ищут знающего человека,
Qui puisse expliquer le langage	Который может объяснить язык
De l'agent qui vient d'ariver,	Прибывшего посланца,
Mais on a peine à le trouver ¹⁴³ .	Но так его и не нашли.

Из-за отсутствия короля и необходимости получить его аудиенции пребывание гонца в Париже затянулось дольше изначально планируемых французской стороной 5–6 дней¹⁴⁴. Чтобы не задерживать дипломата ему предложили посетить королеву-регентшу и государственного секретаря по иностранным делам Ломени де Бриенна, обращая внимание на их особое значение в связи с малолетством короля, а также у русской стороны запросили копию царской грамоты, чтобы проверить написание титулов и узнать цель приезда¹⁴⁵. Однако К. Г. Мачехнин отказался от этих встреч до официальной королевской аудиенции и настоял на том, что грамоту должен вручить лично в руки королю, в соответствии с церемониалом¹⁴⁶. Аудиенция у короля была назначена на 30 октября (9 ноября) 1654 г., с учетом традиционного для русской дипломатии условия – отсутствия в этот день на приеме других иностранных дипломатов¹⁴⁷. Практика участия находившихся при дворе иностранных дипломатов в посольском церемониале была распространена во Франции¹⁴⁸, но не была обязательной, и это условие было соблюдено. Именно благодаря исключению прочих дипломатических представителей русские дипломаты имели возможность избегать с ними дискуссий о статусе¹⁴⁹, что могло значительно усложнить церемониал.

На аудиенцию к Людовику XIV посольство отправилось в королевской карете, где разместились: посольский сопровождающий, два толмача

¹⁴³ Loret J. La muze historique. T. I. Paris. P. 564.

¹⁴⁴ AN. Mar. B7 204. Fol. 172.

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 54–54об.

¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 55об. Отдать грамоту раньше аудиенции у монарха считалось серьезным недочетом в русской дипломатической традиции (см. Юзефович Л. Указ. соч. С. 134).

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 56об.

¹⁴⁸ Шикучо М. И. Указ. соч. С. 77.

¹⁴⁹ Hennings J. Op. cit. P. 52.

(truchements), гонец и дьяк, который вез царскую грамоту в красной тафте¹⁵⁰. Несмотря на интерес двора к посольству, на королевской аудиенции присутствовали только его брат Филипп Орлеанский, двое неназванных в статейном списке герцога и государственный секретарь по иностранным делам Ломени де Бриенн¹⁵¹. В своем отчете К. Г. Мачехнин воздержался от пространныго описания церемониала аудиенции, отметив лишь, что король, встречая их, встал, снял шляпу и стоя спрашивал про здоровье царя¹⁵². Большое значение описанию церемониала придавали и при французском дворе, в записке де Берлиза отмечено, что король, спрашивая о здоровье царя, не встал. Из-за этого толмач (truchements) сказал, что в России принято подниматься, говоря о царе, на что король ответил, что этого во Франции не делают ни для турок, ни для императора, ни для персов, ни для татар, но он готов снять шляпу в знак уважения к царю¹⁵³. Тем не менее, окончательно эта норма во французском церемониале не была закреплена, а также, вероятно, проблема не стала известна в России из-за отсутствия упоминания ее в отчетных документах посольства, и эта часть церемониала потребовала уточнения в ходе дальнейшего дипломатического взаимодействия.

После королевской аудиенции Н. де Берлиз пригласил К. Г. Мачехнина к королеве-матери, объяснив это тем, что она рада прибытию царских дипломатов, которые уже давно не посещали Францию¹⁵⁴. Гонец и его свита глубоко поклонились королеве, как им показал де Берлиз, и высказали ей формальные комплименты¹⁵⁵. Королева спросила о задачах их миссии, и гонец ответил, что им было необходимо доставить царскую грамоту к королю. Также Анна Австрийская сообщила дипломатам, что много слышала про царя и рада присланной грамоте¹⁵⁶. Важно отметить, что при упоминании царского имени

¹⁵⁰ AN. Mar.B7 204. Fol. 172r.

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 59.

¹⁵² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 57об.

¹⁵³ AN. Mar.B7 204. Fol. 172r.

¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 59–59об.

¹⁵⁵ AN. Mar.B7 204. Fol. 172r.

¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 59об.–60.

она встала¹⁵⁷. Тем не менее, у гонца не было для нее отдельной грамоты¹⁵⁸, что ограничивало его возможности для переговоров. Более того, согласно сообщению де Берлиза, К. Г. Мачехнин выглядел недовольным из-за того, что на этой встрече толмач сказал царские титулы сокращенно, чтобы не затягивать позднюю аудиенцию¹⁵⁹. Встреча с королевой-матерью имела важное значение для дипломатической системы рассматриваемого периода, потому что она, наряду с польской королевой Марией-Луизой де Гонзаг, участвовала в подготовке проекта продвижения кандидата династии Бурбонов на польский престол, вследствие чего французская королева была одним из акторов восточной политики Франции¹⁶⁰.

На следующий день, 31 октября (10 ноября) гонец попросил о второй аудиенции у короля, чтобы передать ему книгу, перечисляющую причины русско-польской войны. Несмотря на то, что он настаивал на встрече с королем, его удалось убедить вручить книгу государственному секретарю по иностранным делам Ломени де Бриенну¹⁶¹. Встреча с государственным секретарем произошла 1 (11) ноября, гонца на нее также сопровождал Берлиз, а Ломени де Бриенн встретил его у дверей зала для аудиенции, а после встречи проводил обратно до них, что гонец зафиксировал в статейном списке¹⁶². На самой официальной встрече Ломени де Бриенн обещал отдать книги королю, который передавал гонцу, что рад его приезду. Тем не менее, король считал, что с польским королем царь должен оставаться в мире, потому что их государства соседние. К. Г. Мачехнин, не будучи уполномоченным, не стал вступать в переговоры по этому вопросу и попросил лишь о назначении ему в ближайшее время отпускной аудиенции у короля, после того как тот

¹⁵⁷ AN. Mar.B7 204. Fol. 172r.

¹⁵⁸ В европейской дипломатической практике существовала норма отправлять дипломатов от монарха к монарху и отдельно от супруги одного монарха к супруге другого, в отношении России она имела место быть в предложении гетмана великого литовского П. Сапеги 27 декабря 1656 г. предложившего направить посланника от русской царицы к польской королеве Людовике Марии, чтобы способствовать избранию царевича преемником польского короля, впрочем к королеве все равно были направлены послы от царя (Флоря Б. Н. Русское государство... С. 181–182).

¹⁵⁹ AN. Mar.B7 204. Fol. 172r.; Recueil des instructions... Т. VIII. P. 44.

¹⁶⁰ Recueil des instructions... Т. IV–V. P. XLI–XLI.

¹⁶¹ AN. Mar.B7 204. Fol. 173. Grönebaum F. Op. cit. P. 10.

¹⁶² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 60об.; 62.

ознакомится с книгами, и будет подготовлена ответная грамота для царя¹⁶³. 9 (19) ноября к гонцу в посольский особняк прибыл Берлиз, чтобы попросить прислать специалиста по языкам для перевода книги, для чего К. Г. Мачехнин направил ко двору И. Вильнера. После их возвращения гонец попросил подготовить для него копию с королевской грамоты к царю, чтобы сверить титулатуру¹⁶⁴.

Аудиенции К. Г. Мачехнина у короля, королевы-матери и государственного секретаря по иностранным делам вновь привлекли внимание придворного общества. Его прием был отражен в письме от 14 ноября опубликованном в уже упоминавшейся «La muze historique» парижским литератором Ж. Лоретом:

L'ambassadeur de Moscovie,	Посол Московии,
Dont la personne étoit suivie	С которым прибыли
De maints Allemans et Flamans,	Также немцы и фламандцы,
Qui luy servoient de truchemans,	Которые служили ему толмачами,
Fit, l'autre-jour, la révérence	Поклонился на другой день
Au Roy, dont il eut audience.	Королю, у которого имел аудиенцию.
Quand il parla de son seigneur,	Когда он говорил о своем государе,
Ce fut avec beaucoup d'honneur,	Он делал это с великой честью,
Et luy donna maint noble titre	И представляя королю его послание,
Présentant au Roy son épître:	Перечислил много его благородных
	титулов, и
Entre autre choze, il l'apella	Между прочим, он его назвал
Comte d'icy, marquis de-là,	Граф здесь, маркиз там
Grand duc, grand roy de Circassie,	Великий князь, великий король Черкассии,
Grand Empéreur de la Russie,	Великий император России,
Prince de l'isle de Colcos,	Князь Колхидского острова,
D'où vient le fruit nommé cocos,	С которого приходит плод зовущийся кокос,

¹⁶³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 61об.

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 62об.

Potentat de la Capadoce,	Повелитель Кападокии,
A quarante dégrez d'Ecosse,	Сороковой части Шотландии,
Chef du Caucaze et Zahara,	Владелец Кавказа и Сахары
Soldan, Caliphe, et cetera.	Султан, халиф и так далее.
L'ambassade, autrement vizite,	Посольство или прием,
De cét étranger de mérite,	Этого достойного иностранца,
Portant grande barbe au menton,	Носящего большую бороду на подбородке,
Est sur le sujet, ce dit-on,	Посвящено, как говорят,
Des diférents, tant nez qu'à naïtre,	Разногласиям, нынешним и грядущим,
Entre la Pologne et son maître,	Между Польшей и его господином,
Dont nôtre Louis de Bourbon,	В которых наш Людовик де Бурбон,
Qui de monarque sage et bon	Монарх добрый и мудрый
Mérite dignement le titre,	Достойно заслуживающий титула,
Sera, s'il plaist à Dieu, l'arbitre.	Станет, если угодно господу, арбитром.
Certes, si ces deux souverains,	Конечно, если эти два государя,
Qui sont présentement aux mains,	Которые в настоящее время в ссоре,
Prenoient cette amiable voye,	Примут этот дружественный путь,
Ils en recevroient de la joye,	Они стали бы счастливы,
Et j'en jurerois bien ma-foy ¹⁶⁵	И я бы сам поклялся на том

Из этих сатирических куплетов видно, что некоторые аспекты русской культуры воспринимались при дворе курьезно, в частности длинный царский титул, что в России могло считаться не меньшим оскорблением, чем сочинения польских авторов, ставшими формальным поводом для русско-польской войны 1654–1667 гг. Тем не менее, личность гонца не рассматривается с курьезной стороны, его называют «достойным иностранцем» (*étranger de mérite*), а возможность королю Франции стать арбитром в русско-польском конфликте оценивается как достойная его

¹⁶⁵ Loret J. Op. cit. P. 565.

статуса. К тому же, благодаря этому сообщению из придворных кругов можно сделать вывод, что идея о посредничестве французского короля возникла после полученных гонцом аудиенций и уже стала известна среди придворных, прежде чем предложение о посредничестве было официально зафиксировано в ответной королевской грамоте¹⁶⁶.

Пока К. Г. Мачехнин и его свита ожидали в посольском особняке список с королевской грамоты их посещали еще несколько человек, что было отражено в статейном списке. Первыми из них были французские придворные вместе с переводчиком Ж. Фриссом. Из сохранившихся документов сложно определить цель их визита, но гонец воспользовался этой ситуацией чтобы уточнить детали внешнеполитической обстановки. Он интересовался франко-испанской войной 1635–1659 гг., с которой лично столкнулся при попытке путешествия через Нидерланды. Ему попытались объяснить династические связи между королями Франции и Испании и причины войны, объявили о победе французов при Аррасе, осада которого не давала гонцу добраться до Парижа по суше, а также о том, что люди французского короля уже стоят в 6-и лье от Брюсселя¹⁶⁷. Более подробно К. Г. Мачехнину рассказали и о переходе французского принца Конде на сторону испанцев, о котором гонец помнил со времен своего путешествия, и к причинам которого он проявлял интерес¹⁶⁸.

После французов посольский особняк посетили двое шотландцев, служивших наследнику английского престола в изгнании, будущему королю Карлу II. Их визит был обусловлен тем, что дядя одного из них, Иван Бутлер, служил царю. Они также попросились на царскую службу, несмотря на то что после казни Карла I из России, как они слышали, изгнали англичан. Помимо этого, они сообщили, что в составе войска своего короля ходили с 12-ю тыс. чел., чтобы поддержать англичан-роялистов в войне против лорда-протектора Оливера Кромвеля, но предательство англичан привело их к поражению¹⁶⁹.

¹⁶⁶ Заборовский Л. В. Указ. соч. С. 60.

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 64.

¹⁶⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 41об.

¹⁶⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 65–65об.

Вокруг отпуска гонца возник дипломатический конфликт, так как, согласно русским дипломатическим традициям, К. Г. Мачехнин должен был получить отпускную аудиенцию лично у короля, но вместо этого принимающая сторона стремилась убедить принять ответную грамоту у государственного секретаря по иностранным делам. При этом используемая титулатура в ответной грамоте была уже согласованна с гонцом к 11 (21) ноября, когда немецкую копию проверил переводчик И. Вильнер¹⁷⁰. Чтобы убедить гонца принять грамоту от министра посольский сопроводитель ездил к нему каждый день с 11 (21) по 15 (25) ноября, но К. Г. Мачехнин стоял на своем¹⁷¹. В статейном списке он указал, что аргументировал это тем, что раз отдал королю царскую грамоту лично в руки, то и ответную должен взять из его рук¹⁷². В записке Берлиза указано, что гонец также заявил, что ему отрубят в Москве голову, если возьмет грамоту у Ломени де Бриенна¹⁷³. Наконец на 17-е (27) ноября была назначена официальная отпускная аудиенция у короля. Гонца на нее отвез Берлиз в королевских каретах. Помимо короля на аудиенции присутствовала королева-мать, Филипп Орлеанский и государственный секретарь по иностранным делам Ломени де Бриенн, державший грамоту для царя. Король встал и сказал, что рад быть с царем в вечной дружбе и, сняв шляпу, передал грамоту Мачехнину, который отдал ее дьяку Богданову и поклонился королю¹⁷⁴. На этом завершилась официальная миссия гонца к французскому королю, согласно правилам русского церемониала¹⁷⁵.

Советский историк В. П. Преображенский, считал, что прием К. Г. Мачехнина у малолетнего Людовика XIV и Анны Австрийской был крайне «сухим»¹⁷⁶. Похожим образом французский историк М. Сейду считала

¹⁷⁰ Копия содержала только титулатуру, содержание грамоты для царя гонцу не раскрывали (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 66об.–67).

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 67об.

¹⁷² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 67.

¹⁷³ AN. Mar. V7 204. Fol. 173. Grönebaum F. Op. cit. P. 10. Русские дипломаты иногда использовали представления о жестокости их страны для получения ответной грамоты (см. Hennings J. Op. cit. P. 86).

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 68–68об.

¹⁷⁵ Юзефович Л. Указ. соч. С. 201–202.

¹⁷⁶ Преображенский В. Д. Франко-русские... Ч. 2. С. 24.

русскую дипломатическую миссию 1654 г. малозначимой и неспособной завязать диалог между сторонами¹⁷⁷. Однако важно привлечь внимание, во-первых, к статусу дипломата, который был гонцом (аналогично французскому «courrier»), которым во французской традиции обычно не предоставлялось право аудиенции у монарха, и в отношении К. Г. Мачехнина это было уступкой с французской стороны¹⁷⁸. Во-вторых, целью посольства не было ведение переговоров, а следовательно, и получение специальных аудиенций. Для гонца были значимыми исключительно передача царской грамоты в ходе церемонии официального приема дипломатов у монарха, вручение книги, подтверждающей правомерность обвинений в адрес польского короля, и получение ответной королевской грамоты. Именно направленная с гонцом грамота имела первостепенное значение в этой миссии. Так, Ф. фон Гроненбаум подчеркивал, что эта грамота была самой длинной среди царских писем к французскому монарху до времен Петра I¹⁷⁹. Он также отмечал, что несмотря на то, что К. Г. Мачехнин был всего лишь гонцом, ему дали 3 аудиенции, что было не принято для западноевропейских гонцов, сближая его со статусом посланника (малого посла)¹⁸⁰. Исследователь связывал это с тем, что дипломатический протокол русско-французских отношений только зарождался в XVII веке и окончательно был установлен уже в следующем столетии¹⁸¹. Однако, нам представляется, что в дипломатическом протоколе XVII в. существовала особая логика. Действительно часто статус русских посольств во Франции фактически становился более высоким, к тому же на посещениях лично короля настаивали сами русские дипломаты, и французы шли в большинстве случаев им навстречу. О том что во Франции имели представление о системе дипломатических рангов России показывает записка

¹⁷⁷ Seydoux M. Op. cit. P. 235.

¹⁷⁸ Hennings J. Op. cit. 202–204.

¹⁷⁹ Grönebaum F. Op. cit. P. 9.

¹⁸⁰ 3 аудиенции у царя были нормой для иностранных дипломатов в Москве (см. Талина Г. В. Наместники и наместничества в конце XVI – начале XVIII века. М., 2012. С. 77), и, представляется, что эволюция французских практик приема русских посольств сближалась с ней благодаря дипломатическому взаимодействию сторон.

¹⁸¹ Grönebaum F. Op. cit. P. 11.

посольского сопровождающего Берлиза, посвященная посольству Мачехнина. Он писал, что к иностранным государям они отправляют 3 вида людей: послов (ambassadeurs), посланников (envoyé) или малых послов (ambassadeurs) и гонцов (courriers), их послы приезжают со свитой из 300 людей, посланники – с 30-ю или 40, а гонцы – с 10 или 12, а по возвращению им дают наместничества (gouvernemens) в зависимости от сделанных ими расходов¹⁸². Таким образом, представляется, что повышение статуса К. Г. Мачехнина французской стороной было осознанным.

После официального отпуска у французского короля, к К. Г. Мачехнину был направлен Генри Джермин от английской королевы Генриетты-Марии, живущей в изгнании в Лувре¹⁸³. В целом, отношения между царем и английскими роялистами были благожелательны, в одном из английских изданий царь якобы даже предлагал объединиться христианским силам под руководством французского короля, чтобы противостоять английским мятежникам. Несмотря на вероятную подложность этого заявления, представляется, что оно было недалеко от реальных настроений при русском дворе¹⁸⁴. В современной историографии считается, что известие об этом подготовил после визита в Москву лорд Колпепер, либо один из его приближенных, под названием «Протест царя Алексея Михайловича по поводу казни короля Карла I»¹⁸⁵. Показательно, что в этом издании от имени царя были высказаны предположения о средствах для установления всеобщего мира между христианами, что вновь причисляло к христианскому миру Россию, и могло благосклонно сказываться на положении русского монарха в

¹⁸² AN. Mar.B7 204. Fol. 173r.

¹⁸³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 69 (хотя после отпуска нельзя ни с кем видеться, см. Юзефович Л. Указ. соч. С. 201–202).

¹⁸⁴ Hennings J. Op. cit. P. 120.

¹⁸⁵ Рогинский З. И. Миссия лорда Колпепера в Москву. (Из истории англо-русских отношений в период Английской буржуазной революции XVII в.) // Международные связи России в XVII–XVIII вв. – М., 1966. С. 99–101; Рогинский З. И. Так называемый «Протест царя Алексея Михайловича по поводу казни короля Карла I». // Ученые записки Ярославского гос. пед. ин-та им. К. Д. Ушинского. – Вып. XXII (XXXII): Всеобщая история. – 1957; 109. Козулин В. Н. Революционная Англия и царская Россия в середине XVII в.: их отношения и восприятие Англии и англичан в этот период русскими дипломатами и правящей элитой // Известия АлтГУ. 2015. №3 (87). С. 101.

системе европейских государств¹⁸⁶. Со своей стороны, английская королева Генриетта-Мария во Франции старалась всячески способствовать объединению международных сил для поддержки интервенции против Английской республики¹⁸⁷. Прибывший от нее к русскому гонцу Джермин сообщил, что наследник престола Карл признан королем Шотландии и Ирландии, но разбит англичанами и уехал в Германию¹⁸⁸, а королева с его младшими братьями живет в Париже и надеется на царскую милость¹⁸⁹. Таким образом, это был уже второй визит британских подданных к гонцу, и он отражал не только особую значимость отношений между русским и английским двором, которая сохранялась даже после Английской революции, но и определенное признание статуса царя в системе международных отношений, вынужденной реагировать на последствия гражданской войны в Англии. В целом, связи с Англией были намного более тесными, чем с Францией, ярким примером этому может служить тот факт, что в 1660 г. царь просил А. Л. Ордина-Нащокина «писать к друзьям своим», чтобы они побудили английского короля Карла II прислать в Москву послов с сообщением о своем вступлении на престол¹⁹⁰.

Как уже упоминалось выше, гонец и его окружение привлекали много внимания парижской публики¹⁹¹. Среди прочего это проявилось в том, что сопровождающие также предлагали им более тесное взаимодействие с парижским окружением, например, 23–25 ноября им желали показать Лувр и другие красивые места, но гонец от таких предложений отказывался¹⁹². Это отсутствие любопытства (*curiosité*), одной из характерных черт французской светской жизни XVII в., отмечалось французами и создавало пропасть,

¹⁸⁶ Козулин В. Н. Революционная Англия и царская Россия в середине XVII в.: их отношения и восприятие Англии и англичан в этот период русскими дипломатами и правящей элитой... С. 101.

¹⁸⁷ Поршнева Б. Ф. Указ. соч. С. 142.

¹⁸⁸ См. Израэль Д. И. Указ. соч. С. 152.

¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 69об.–70.

¹⁹⁰ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 537.

¹⁹¹ Grönebaum F. Op. cit. P. 9–10.

¹⁹² AN. Mar.B7 204. Fol. 173. Grönebaum F. Op. cit. P. 10. Recueil des instructions... T. VIII. P. 44.

затруднявшую более тесное межкультурное взаимодействие¹⁹³. В дополнение к этому французами подчеркивалось, что К. Г. Мачехнин не мог сказать ни к какому дому относится супруга великого князя, ни его мать, что он даже практически не умел писать. К этому добавлялось и представление о его невысокой компетентности в области дипломатии, в частности, Берлиз подчеркивал, что гонец был настолько плохо осведомлен в иностранных делах, что не знал предков никого из государей, даже самых близких их соседей¹⁹⁴. В историографии существует точка зрения, что русский дипломат был плохо информирован, так как это была одна из первых миссий во Францию¹⁹⁵, но вполне возможно, что гонец в принципе не имел должных компетенций, потому что не должен был выполнять задач сверх данного ему наказа. Показательно, что отсутствие интереса к светской культуре было характерно не только для посольства в Париже, аналогичной замкнутостью отличалось и посольство в Вену. Лишь отправленный позже в Венецию И. Чемоданов, чей дипломатический статус был выше, а свита более представительна, глубоко познакомился с театрами этого итальянского города¹⁹⁶.

Несмотря на то, что потребление пищи гонцом и его свитой представлялось французам более культурным, в сравнении с поляками и турками, их отказ от табака и пристрастие к крепким напиткам (*eau-de-vie*), которые гонец, дьяк и переводчик потребляли, согласно сообщению Берлиза, до 8 пинт в день, создавали в целом негативное впечатление¹⁹⁷. Особенно посольскому сопровождающему запомнился случай, когда швейцарцам, охранявшим покои гонца, пришлось вмешаться в драку между ним и дьяком.

¹⁹³ В современных исследованиях распространена точка зрения о любопытстве, как особом элементе культуры, символизирующем наступление Нового времени (см. Шамин С. М. Иностранная пресса... С. 547; Sarmant T. 1715: La France et le monde. Paris, 2017. P. 471).

¹⁹⁴ AN. Mar. B7 204. Fol. 173r.

¹⁹⁵ Jensen C. R. Maier I., Shamin S., Waugh D. C. Russia's Theatrical Past... P. 58.

¹⁹⁶ Jensen C. R. Maier I., Shamin S., Waugh D. C. Russia's Theatrical Past... P. 58.

¹⁹⁷ AN. Mar. B7 204. Fol. 172, 173r.

Причем, согласно его известию, после того как ссора была улажена, швейцарцы остались пить с ними до раннего утра¹⁹⁸.

Тем не менее, это не стало серьезным дипломатическим инцидентом и 18 (28) ноября 1654 г. посольский сопроводитель привез им королевские подарки, которые им выделил суперинтендант финансов А. Сервьен¹⁹⁹. Гонцу К. Г. Мачехнину вручили золотую цепь за 1000 экю, другую золотую цепь за 100 экю вручили дьяку, ордонанс на 200 ливров – переводчику И. Фриссу и 100 экю – переводчику И. Вильнеру²⁰⁰. При этом размер цепи для гонца пришлось уменьшить на одно звено, стоимостью 600 ливров, из-за выдачи денег на обеспечение посольства, которое изначально Ломени де Бриенн не планировал²⁰¹. Стоит подчеркнуть, что сам гонец не преподносил дары в ходе своей миссии, поэтому даже несмотря на их скромность, в сравнении с дарами для последующих посольств, они создавали благоприятный образ французской дипломатии.

Описание подарков для гонца и свиты наряду с другими сведениями было опубликовано в издании «La muze historique». Ж. Лорет перечисляя подарки назвал переводчика (*interprète*) посольства также в некоторой степени поэтом («*mesme étoit un peu poëte*») и восхищался не столько сиянием подаренной гонцу дорогой золотой цепи, сколько чести получить от короля его изображение на золотой медали:

Se n'est pas cét or précieux	Не это драгоценное золото,
Dont l'éclat enchante les yeux,	Блеск которого завораживает глаза,
Qu'on doit estimer davantage,	Следует наиболее ценить,
Mais c'est cette royale image,	Но этот королевский образ,
Dont la charmante majesté	Чарующее величие которого
Inspire la félicité	Вдыхает счастье
Dans l'ame de toute personne,	В душу каждого человека,

¹⁹⁸ Recueil des instructions... Т. VIII. P. 44; Grönebaum F. Op. cit. P. 10.

¹⁹⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 69об.–70; Recueil des instructions... Т. VIII. P. 44.

²⁰⁰ AN. Mar. B7 204. Fol. 173r.; Recueil des instructions... Т. VIII. P. 44.

²⁰¹ Grönebaum F. Op. cit. P. 11.

Sur tout quand c'est luy qui la donne²⁰². Особенно, если сам король его дарит.

Изображение монарха действительно несло дополнительные репрезентативные смыслы, значение которых особенно ярко проявится во время церемониального конфликта вокруг русского посольства 1687 г. Гонец принял подарки и попросил его отпустить при первой же возможности. Ему назначили отпуск на 19 (29) ноября и отправили толмача Ж. Фрисса проводить миссию до границы, предоставив сумму эквивалентную 100 рублям на найм корабля, аргументируя это тем, что из-за английских и испанских кораблей невозможно отправить гонца на французском судне. Ж. Фрисс проводил посольство до Руана, а далее за свой счет оно добралось до Гавра, где удалось нанять корабль до Амстердама²⁰³.

Возвращаясь в Россию через земли северной Германии, посольство продолжало собирать информацию о европейской политике: так, стало известно об успехах царской армии в Речи Посполитой, о попытках короля Польши собрать наемников в Германии и крайне обрадовавшее гонца известие о поимке самозванца Т. Анкудинова²⁰⁴. Однако большая длительность посольства К. Г. Мачехнина делала доставку в Москву информации менее оперативной, чем в большинстве случаев было характерно для миссий русских гонцов²⁰⁵.

Посольство К. Г. Мачехнина вернулось последним из посольств 1653–1654 гг. в европейские страны. С собой гонец привез королевскую грамоту, содержащую предложение заключения мира между Россией и Речью Посполитой и посредничества в его подготовке со стороны Людовика XIV²⁰⁶. Тем не менее, при русском дворе вряд ли рассматривалась необходимость французского посредничества и заключения мира с Речью Посполитой после военных успехов в 1654–1655 гг. В целом, среди стран, в которые были

²⁰² Loret J. Op. cit. P. 571.

²⁰³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 70об.–71.

²⁰⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 73–77об.

²⁰⁵ Waugh D. O., Maier I. Op. cit. P. 38.

²⁰⁶ Заборовский Л. В. Указ. соч. С. 33–34.

направлены посольства в 1653–1654 гг., только Франция выступила за прекращение конфликта, при этом не приняв активных шагов к реализации посреднического проекта²⁰⁷. Однако наиболее важным в присланной грамоте было то, что по итогам посольства французский король признал высший, императорский, титул царя, который не признавали в Вене²⁰⁸. Русской дипломатии не удалось, как вероятно планировалось, локализовать русско-польский конфликт и отстранить от участия в нем французов. В войне на стороне Речи Посполитой приняли участие Р. де Ла Валетт, графы А. де Гиш и А. де Лувины, А. де Грамон и др.²⁰⁹ Их появление в Польше было связано не только с интенсивностью франко-польских связей, но и с французским происхождением польской королевы и планами закрепить на французском престоле герцога Энгиенского или принца Конде, что вело к включению в конфликт их сторонников²¹⁰.

Тесные династические связи Франции с Речью Посполитой оставались поводом для соболезнований польской королеве, и известия о царских победах не приносили французским авторам радости. Тем не менее, в дальнейшем прямого осуждения русской политики в «*La muze historique*» не публиковалось²¹¹, сообщения «*La Gazette*» также стали более сдержанными и нейтральными²¹².

В более общем контексте развития русско-французских связей необходимо отметить, что К. Г. Мачехнин не приобщился к французской культуре, и его посольство вряд ли можно рассматривать как значимое для культурного трансфера между Россией и Западной Европой, в чем намного более выигрышно выглядела миссия И. Чемоданова в Венецию²¹³. Тем не менее, посольство сохраняло важность для дипломатической истории и стало частью процесса повторного включения России в европейскую

²⁰⁷ Флоря Б. Н. Русское государство и его... С. 11.

²⁰⁸ Hennings J. *Op. cit.* P. 57.

²⁰⁹ Бабулин И. Б. Московский поход Яна II Казимира 1663–1664 гг. М., 2022. С. 34, 40–41, 51, 76, 89.

²¹⁰ *Recueil des instructions...* Т. IV–V. P. XLI–XLI.

²¹¹ Loret J. *Op. cit.* P. 575–576; 578–579.

²¹² Бабулин И. Б. Указ. соч. С. 51

²¹³ Jensen C. R. Maier I., Shamin S., Waugh D. C. *Op. cit.* P. 58.

дипломатическую систему. Несмотря на то, что гонец не демонстрировал эрудиции по вопросам внешней политики, он вполне владел необходимым дипломатическим языком для успешного выполнения поставленных задач. Правила его приема во Франции соотносились с традициями приема русских дипломатов в других европейских странах и признавались французскими церемониймейстерами.

Немецкий исследователь Ф. фон Гроненбаум считал, что прибывший гонец попал в самоуверенное, замкнутое придворное общество, в котором он и его свита вызывали недовольство, особенно своим иностранным, высокомерным поведением²¹⁴. Однако несмотря на сомнительное поведение гонца, зафиксированное в источниках о его приеме, показательно, что эти известия не были включены в печатные издания, хотя и были достаточно курьезными, чтобы привлечь внимание читателей. Это способствовало сохранению высокого статуса прибывшего гонца, не вызывая дипломатический конфликт из-за нарушения права народов (*jus gentium*), которое в европейских странах стремились соблюдать по отношению к русским дипломатам²¹⁵. Как предполагали К. Дженсен и С. Пауэл, единственным свидетельством распространения этих известий является эпизод из одноактового фарса «*Les Faux Moscovites*» 1668 г., где лжемосковиты представлены изрядно выпивающими, что не было характерно для посольства П. И. Потемкина, в связи с прибытием которого была поставлена пьеса²¹⁶.

Гонец К. Г. Мачехнин не участвовал в дискуссиях о написании царского титула, избегал большинства церемониальных конфликтов и не стремился изучить парижскую жизнь и достопримечательности, однако он справился с основной задачей – передачей царской грамоты, назначением аудиенций лично у короля и получением от него ответной грамоты. Сопоставление

²¹⁴ Grönebaum F. Op. cit. S. 10.

²¹⁵ Hennings J. Op. cit. P. 51.

²¹⁶ Jensen C., Powell J. Op. cit. P. 135.

датировок его статейного списка с французскими источниками показывает, что вероятнее всего он зафиксировал все значимые, с его точки зрения, события и их даты. Небольшие проблемы существовали в его свите, так в Голландии от него сбежал один человек, который вернулся в Россию с другим посольством²¹⁷. Также на обратном пути в Любеке из свиты сбежал некий «Андрюшка Фомин», которого обещал найти местный бургомистр²¹⁸. В остальном К. Г. Мачехнин справился с поставленной пред ним задачей, особенно стоит отметить, что ему удалось успешно договориться с направленным в Голландию М. Поливановым чтобы заменить скончавшегося переводчика, вместо того чтобы нанимать нового за границей. Эта миссия стала важной частью служилой карьеры гонца и вскоре после своего возвращения в 1656/1657 г. он был пожалован в стряпчие²¹⁹.

1.2. Русско-французские контакты в период Северной войны (1655–1660 гг.)

В середине XVII в. место восточноевропейских стран в системе международных отношений оставалось не до конца определенным. К периоду 1650–1660-х гг. одной из наиболее проблемных зон Европы была Речь Посполитая, находившаяся в кризисе в связи с неудачными для нее последствиями восстания Б. Хмельницкого, начального этапа русско-польской войны и вторжения шведского короля Карла X. В 1656 г. уже появляются первые планы раздела Речи Посполитой с участием Бранденбурга, Швеции и Трансильвании, вызывавшие опасения при французском дворе²²⁰. Все эти события поставили ряд вопросов об особенностях взаимодействия восточноевропейских государств в контексте сложившейся системы.

²¹⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 32об.–33.

²¹⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4. Л. 76об.–77.

²¹⁹ Пожалован в стряпчие вскоре после возвращения из Франции (Боярская книга 1658 года. М., 2004. С. 96).

²²⁰ Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах: Заключение договора о Вечном мире. Москва, 2008. С. 41; Кобзарева Е. И. Россия и Вестфальская система (1648–1686 годов) // Новая и Новейшая история. 2014. № 2., С. 148.

Посольство К. Г. Мачехнина не привело к структурным изменениям французской политики в отношении Восточной Европы. Франция продолжала способствовать заключению союза между Швецией и Польшей против их общих врагов, в частности России²²¹. Особенно такая точка зрения была характерна для координировавшего французскую политику кардинала Мазарини. Как отмечал Ф. фон Гроненбаум, в его письмах часто транслировалась идея, что Польша и Швеция должны объединиться против московской угрозы. Кардинал хотел не допустить чтобы Польша или Швеция использовали союз с Россией в войне друг с другом, поэтому ответная грамота 1654 г. к царю с предложением о посредничестве, с точки зрения немецкого исследователя, была двуличной²²². Тем не менее, как будет показано далее, позиция Мазарини не всегда становилась определяющей в отношениях между странами, и в ряде случаев он сам мог от нее отходить.

В целом, с 1650-х гг. французский королевский двор отправлял в Речь Посполитую резидентов, преимущественно специализировавшихся на балтийском вопросе²²³, для лоббирования в ней собственных интересов, несмотря на то что король Речи Посполитой Ян Казимир занимал определенно антишведскую позицию, будучи претендентом на шведский престол до своего поражения в Северной войне 1655–1660 гг. В условиях вовлечения Франции в восточноевропейские дела, а также усиления дипломатической позиции Москвы, Россия привлекала все большее внимание французской политики, которая теперь должна была брать в расчет новый фактор²²⁴.

Как было показано в предыдущем параграфе, династические и культурные связи между французским и польским двором, а также прямые контакты придворных способствовали негативной оценке русской внешней политики. Ее смягчало лишь наличие отправленной ранее миссии К. Г. Мачехнина, подчеркнувшей готовность царя продолжать русско-

²²¹ Кобзарева Е. И. Россия и Вестфальская система... С. 146.

²²² Grönebaum F. Op. cit. S. 14.

²²³ Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la révolution française. T. IV–V. Paris, 1888. P. XXXIX.

²²⁴ Wójcik Z. Traktat Andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959. S. 86.

французский диалог несмотря на различное отношение к войне. Дальнейшие русские военные успехи привели к необходимости пересмотра стратегии Франции в этом конфликте. Исходя из переписки Дж. Мазарини с французском послом в Швеции Шарлем д'Авогуром, формирование позиции Франции, в целом, было завершено к концу 1654 г. Кардинал Мазарини считал, что усиление «москвитов» может многое дать их соседям («la puissance des Moscovites en doivent donner beaucoup aux princes qui leur sont voisins»), о чем писал в письме к послу в Швеции от 11 декабря 1654 г.²²⁵ Кардинал не планировал противодействовать возможным попыткам примирения двух сторон и даже был готов поддержать союз между ними, о чем сообщал в письме от 18 декабря.²²⁶ Изменения в позиции Мазарини произошли в связи с известиями о попытках венского двора объединить Россию и Польшу против Швеции, сохранявшей с Францией тесные союзнические отношения, поэтому в письме от 25 декабря 1654 г. кардинал просил д'Авогура уведомить об этих планах шведского короля²²⁷.

Французская дипломатия, не имевшая на тот момент агентов в России, не стала стремиться к противостоянию с Габсбургами в Москве. Вместо этого заняв антимосковскую позицию, Мазарини, в письме к д'Авогуру от 8 января 1655 г., отмечал, что союз со Швецией может помочь польскому королю получить «смоленский маркизат» и просил посла противодействовать возможному русско-шведскому союзу против Польши, потому что русские завоевания не останутся в пределах Речи Посполитой²²⁸. Представлениям Мазарини о естественной напряженности в отношениях России и Швеции не мешал прецедент русско-шведского союза в годы Тридцатилетней войны, обусловивший включение царя в Вестфальский мирный договор²²⁹.

²²⁵ Lettres du cardinal Mazarin. Paris, 1890. T. VI. P. 397.

²²⁶ Lettres du cardinal Mazarin... T. VI. P. 406.

²²⁷ Lettres du cardinal Mazarin... T. VI. P. 412.

²²⁸ Lettres du cardinal Mazarin... T. VI. P. 422–423.

²²⁹ Rambaud A. Introduction // Recueil des instructions, données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la révolution française. T. VIII. Russie, t. I. Paris, 1890, p. X.

После начала шведско-польской войны 1655–1660 гг. направление французской политики в регионе не изменилось. Ее основной целью оставалось сближения Речи Посполитой и Швеции, заключение между ними мира или даже союза. Для осуществления этих целей в Речи Посполитой действовал посланник Антуан де Люмбр²³⁰. Французский посланник быстро осознал незаинтересованность шведов в конфликте с Россией, отвлекавшим бы их от дел в Империи. Более того польская королева Луиза-Мария де Гонзаг, возглавлявшая профранцузскую часть двора²³¹, хотела включить Россию в обще-восточноевропейский мирный договор в 1656 г., о чем сообщила французским дипломатам д'Авогуру и де Люмбру²³². Тем не менее, с точки зрения де Люмбра, создание полноценной трехсторонней системы договоров между Речью Посполитой, Швецией и Россией представлялось слишком долгим и затратным, особенно из-за попыток императора Фердинанда III изолировать Швецию²³³. К тому же при польском дворе множились слухи о том, что нападение Швеции было спровоцировано Францией, как замечал в своем письме от 27 октября 1655 г. секретарь польской королевы Пьер де Нуайе²³⁴, что мешало польско-шведскому сближению с французским посредничеством.

В свою очередь, кардинал Мазарини крайне критически отзывался и о перспективах русско-польского союза, возможность которого отстаивал еще в 1654 г. Так, в письме к д'Авогуру от 14 октября 1656 г. Мазарини отмечал, что если король Польши вступит в подобный союз, то должен будет заплатить за это избранием на польский престол одного из сыновей царя и последующей потерей независимости всей Речи Посполитой²³⁵.

²³⁰ Grönebaum F. Op. cit. S. 16.

²³¹ Recueil des instructions... T. IV–V. P. XLI–XLI.

²³² Wójcik Z. Traktat Andruszowski... S. 31.

²³³ Grönebaum F. Op. cit. S. 16.

²³⁴ Lettres de Pierre Des Noyers secrétaire de la reine: de Pologne Marie-Louise de Gonzague ... pour servir a l'histoire de Pologne et de Suède de 1655 a 1659. Berlin, 1859. P. 6.

²³⁵ Lettres du cardinal Mazarin. Paris, 1893. T. VII. P. 413.

Успехи России в военных кампаниях 1654–1655 гг. вызывали опасения у правителей сопредельных государств²³⁶, что французская дипломатия стремилась использовать для их сплочения против русского наступления. С этой целью государственный секретарь по иностранным делам Ломени де Бриенн писал французскому чрезвычайному посланнику в Майнц, отправленному в Нойберг, Штутгарт и Мюнхен в 1656 г., что император навлек беду на Империю, потакая «московитам» в польских делах, и что в дальнейшем они смогут обрушиться на Померанию, что должно было способствовать объединению северогерманских государей под эгидой Франции в Рейнскую лигу²³⁷. Вероятно, что эти опасения имели место в германских землях, например, Бранденбургский курфюрст старался добиться от Республики Соединенных провинций мер для удержания русских «в их старых границах», чтобы весь «христианский мир» (*ganze Christenheit*) не пострадал от их опасного соседства и, в частности, о посылке на помощь курфюрсту голландского флота²³⁸. Сложно сказать, насколько опасность русского наступления в Северной Европе представлялась реальной в Париже, действительно, в письмах секретаря польской королевы П. де Нуайе приводилась значительно завышенная численность наступающей на Речь Посполитую царской армии²³⁹. Однако французские дипломаты в Швеции уже неоднократно сталкивались с тем, что для стокгольмских политиков нападения казаков, татар и русских не представлялись серьезной опасностью, потому что они с ними «могли также легко договариваться, как и поляки»²⁴⁰. Более того, в переписке между государственным секретарем по иностранным делам Франции и посланниками в Германии встречалась положительная характеристика царя Алексея Михайловича, отмечалось, что он не лишен сердца, ума и великих амбиций, подкрепленных наличием людей и денег²⁴¹.

²³⁶ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 70.

²³⁷ Grönebaum F. Op. cit. S. 19.

²³⁸ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 101.

²³⁹ *Lettres de Pierre Des Noyers*... P. 194.

²⁴⁰ *Lettres du cardinal Mazarin*. Paris, 1893. T. VII. P. 413.

²⁴¹ Grönebaum F. Op. cit. S. 8.

Впрочем, до Москвы прежде всего доходили именно сведения о французских интригах. Перед виленскими переговорами в апреле 1656 года поляки предоставили русской стороне копии писем шведского короля и Магнуса де Ла Гарди к Яну Казимиру, в которых шла речь о французских предложениях антирусского союза Швеции и Польши, а шведы упоминали о финансовой помощи им со стороны Франции; в инструкции декабря 1656 г. говорилось об успешном французском посредничестве между Яном II Казимиром и Карлом X Густавом. Этому способствовало и то, что литовские информаторы специально создавали для русских воевод негативный образ шведов и пытались настроить их друг против друга²⁴². Возможно, что из-за союзнических отношений Швеции с Францией, представления о французской политике при русском дворе также становились негативными.

В то же время из Австрии и Швеции в 1656 г. приходили сообщения о готовности католических государств, в числе которых Франция и Испания, поддержать Речь Посполитую, препятствуя ее уничтожению²⁴³. В целом, несмотря на более благожелательную позицию в отношении России, имперские дипломаты также не стремились к созданию в Восточной Европе мощного государства с неизвестной внешнеполитической ориентацией²⁴⁴.

В 1657 г. успехом французской дипломатии стало то, что польский король согласился на французское посредничество в мирных переговорах со Швецией, параллельно французы способствовали нормализации польско-бранденбургских отношений и отказу курфюрста Фридриха-Вильгельма от прошведской политики. По-видимому, и вся русская внешняя политика определялась исходя из отношений с этими странами. Например, в конце 1658 г. в «La Gazette» было опубликовано, что «Великий князь Московии все

²⁴² Флоря Б. Н. Русское государство... С. 45.

²⁴³ Там же. С. 60–61.

²⁴⁴ Там же. С. 125.

еще решает, какую из партий ему поддержать – польскую или шведскую...», подобное представление сохранялось в «La Gazette» и к концу 1660 года²⁴⁵.

Включение Франции в восточноевропейские дела стимулировало возникновение новых контактов с Россией. Отчасти появившаяся попытка французского посредничества 1658 г. была связана с деятельностью имперского посланника Ф. Лизолы, который планировал создать широкую антишведскую коалицию, а Дж. Мазарини стремился не допустить ее оформления²⁴⁶. Целью кардинала стало отлучение Москвы от этого проекта коалиции. Его взгляд разделял и французский посол в Стокгольме д'Авогур. В письме от 22 мая 1657 г. он соглашался, что интересы Франции и Швеции лежат в Империи, а не в России, и урегулировать русско-шведский конфликт на данном этапе возможно²⁴⁷. Окончательно проект миссии в Россию, по-видимому, сложился в июне-июле 1657 г. и был многим обязан именно шведской политике и деятельности д'Авогура в Стокгольме²⁴⁸. Таким образом, если для Дж. Мазарини в Париже Россия представлялась как Терра инкогнито, судьба которой не представляла значения и можно было всячески ее дискурсивно использовать, то для французских дипломатов в Северной и Восточной Европе ее появившееся значение в международных отношениях было более очевидно.

В свою очередь, шведская сторона поднимала вопрос о посредниках, которыми могли бы стать Бранденбургский курфюрст, французский король и английский лорд-протектор еще в марте 1657 г., о чем М. де Ла Гарди писал к А. Л. Ордину-Нащокину²⁴⁹. Именно благодаря этому письму сведения о возможном включении Франции в переговоры о мире были получены при царском дворе.

²⁴⁵ «Le Grand Duc de Moscovie est toujours en balance, pour sçavoirlequelil doit embrasser des deux Partis de Pologne ou de Suède» (Recueil des gazettes nouvelles ordinaires et extraordinaires. Paris, 1658. P. 4; Recueil des gazettes nouvelles ordinaires et extraordinaires. Paris, 1660. P. 4).

²⁴⁶ Grönebaum F. Op. cit. S. 20–21.

²⁴⁷ ААЕ. СР. Suède. T. 23. Fol. 123.

²⁴⁸ Grönebaum F. Op. cit. S. 24.

²⁴⁹ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 267.

О французском интересе в посредничестве с Россией было известно и в Варшаве, где об участии представителей Франции и Англии в переговорах интересовались у русского гонца в начале августа 1657 г.²⁵⁰ Не для всех политических групп Речи Посполитой такое посредничество было желательным, например, в октябре 1657 г. в Москве посланец от польного гетмана литовского А. Госевского, Я. Лосовский, высказал пожелание, чтобы царь их (французов и англичан) «дум и советов не принял». Тем не менее, официально ему сообщили, что русский монарх в любом случае будет обязан принять французского и английского дипломатов, если они придут²⁵¹.

Вопреки этим заявлениям, английская миссия в 1657 г. в Москву не состоялась, так как посла не впустили в страну из-за ошибки в царском титуле. Немецкий исследователь Ф. фон Гроненбаум считал реальной причиной то, что дипломат пытался проехать в Москву через земли Швеции, враждебной Русскому государству и находившейся с ним в состоянии войны. Доказательством такой позиции России служит то, что еще в 1655 г. русское правительство не позволило предыдущему английскому послу В. Придо возвращаться в Англию этим путем²⁵². Все же представляется, что главной причиной для отсылки дипломата были конкретно политические представления о прошведской позиции Англии. Как показал Б. Н. Флоря, А. Л. Ордин-Нащокин советовал задержать посла в Курляндии, «покаместа твои, великого государя, рати изо Пскова и с Полоцка придут в Лифлянты»²⁵³, т.е., чтобы попытаться извлечь пользу от его прибытия.

В своей внешней политике Франция занимала похожую на Англию позицию, будучи в продолжительных союзнических отношениях со шведским монархом. Как уже отмечалось, сама инициатива в сближении с Россией происходила от шведского двора, а не из окружения Людовика XIV²⁵⁴. Представляется, что накануне подготовки французской миссии в Россию ее

²⁵⁰ Там же. С. 277.

²⁵¹ Там же. С. 308.

²⁵² Козулин В. Н. Революционная Англия и царская Россия... С. 104.

²⁵³ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 282.

²⁵⁴ *Lettres du cardinal Mazarin...* Т. VII, P. 450.

организаторам уже было известно о неудаче английского посланника, однако в мемуарах де Терлона, она объяснялась непризнанием со стороны царя легитимности Кромвеля, а не актуальным положением дел²⁵⁵. 6 июля 1657 г., вскоре после получения в Париже письма от д'Авогура с просьбой написать официальное послание к царю, оно было подготовлено²⁵⁶. В первой версии письма широко использовались христианские формулировки: подчеркивалась общность христианской религии между Россией и Францией, что долг каждого христианского монарха препятствовать пролитию христианской крови, и что христианские народы очень страдают из-за войны между Швецией и Россией. Союзнические отношения со шведской короной не скрывались, и король Карл Густав в этом письме назван «нашим очень дорогим и очень хорошим другом, братом, кузеном и союзником»²⁵⁷. С другой стороны, в письме обращалось внимание на значение счастья народа: «заставите всех признать, что народы счастливы, находясь под властью таких великих монархов, которые отказываются от своих личных обид ради счастья своих подданных»²⁵⁸.

В этой версии письма не шла речь о назначении конкретного королевского подданного в посольство, и выбор кандидатуры ложился на плечи шведского короля. В окончательном варианте письма от 20 ноября 1657 г. посланником был определен Жан Десминьер (Jean Desminières), ординарный камер-юнкер (*gentilhomme ordinaire de la chambre*). Ранее он служил в шведской армии в качестве полковника, участвовал в польско-шведской войне, а в 1656 г. был отправлен шведским королем Карлом-Густавом в Германию. Его кандидатура для этой миссии оставалась не бесспорна. В депеше от 28 декабря 1657 г. кардинал Мазарини писал де Терлону, что назначение дворянина, выступавшего против короля, вероятно участника Фронды, вызвало дискуссии в совете Людовика XIV, и, как считал

²⁵⁵ Grönebaum F. Op. cit. S. 20

²⁵⁶ Ibid. S. 24.

²⁵⁷ «notre très cher et très ami, bon frère, cousin et allié» (см. Recueil des instructions... Т. VIII. P. 46).

²⁵⁸ «ferez avouer à tout le monde que les peuples sont heureux qui sont sous la puissance de si grands monarques qui donnent leurs ressentiments particuliers pour la félicité de leurs sujets» (см. Op. cit. P. 46).

Ф. фон Гроненбаум, лишь поддержка кандидатуры со стороны Карла-Густава помогла преодолеть это сопротивление²⁵⁹. Наличие подобной дискуссии может служить подтверждением значимости этой миссии для внешнеполитических планов французского двора. Также французское участие в заключении шведско-польского мирного договора должно было, с точки зрения А. де Люмбра, продемонстрировать царю силу французских позиций в Восточной Европе²⁶⁰.

Вместе с назначением Десминьера была подготовлена новая версия королевской грамоты к царю от 20 ноября 1657 г. Теперь она начиналась с соболезнований о смерти Михаила Федоровича и поздравления Алексея Михайловича с вступлением на престол²⁶¹, что было более характерным для писем французских монархов в Россию. Несмотря на запоздалые сожаления, этот аспект подчеркивал связь русских монархов с европейским «обществом государей», а не только статус христианского правителя, как было в первой версии письма. Однако грамота заканчивалась подписью «Ваш дражайший друг Людовик» (*Votre très cher ami*)²⁶², без добавления «брат», характерного для дипломатической переписки между правителями Европы и отражавшим равноправие сторон²⁶³. Это могло послужить негативным прецедентом для русской дипломатии, принижавшим статус царя. В историографии существовала точка зрения, что к царю была отправлена только вторая версия грамоты²⁶⁴, однако, судя по сделанному при новгородском воеводе переводе с присланных Десминьером листов, сначала в Россию был направлен именно первый вариант грамоты, отличавшийся от сохранившегося во французских архивах припиской о назначении посланником именно Десминьера²⁶⁵.

Его прием в России оказался не менее специфичным. Несмотря на то, что формально Десминьер был французским посланником, его связь со

²⁵⁹ Grönebaum F. Op. cit. S. 25.

²⁶⁰ Grönebaum F. Op. cit. S. 36–37.

²⁶¹ Recueil des instructions... T. VIII. P. 47.

²⁶² Recueil des instructions... T. VIII. P. 48.

²⁶³ Юзефович Л. Указ. соч. С. 15.

²⁶⁴ Grönebaum F. Op. cit. S. 24–25.

²⁶⁵ РГАДА. Ф. 96. 1658 г. Д. 1. Л. 411.

шведской дипломатией была очевидна принимающей стороне. Именно шведский гонец 8 (18) июля 1657 г. привез новгородскому воеводе Г. С. Куракину грамоты от представителя Людовика XIV²⁶⁶. Присланные бумаги были отданы на перевод переводчику М. Сахарникову, который констатировал, что из них два листа на немецком языке, третий – на французском, а четвертый – на шведском. В полученном письме Десминьер уточнял стоит ли ему ехать в Новгород, к Москве или сразу на посольский съезд для участия в процедуре заключения русско-шведского мирного договора²⁶⁷. Чтобы перевести французскую грамоту Г. С. Куракин написал послу И. С. Прозоровскому, участвовавшему в переговорах со Швецией, и к воеводе были направлены переводчики И. Адамов и Е. Фентуров. Они перевели 3 немецких листа и отправили сделанные переводы в Москву 11 (21) июля 1657 г., а также к кн. И. В. Прозоровскому, так как в королевском письме был указан неполный царский титул²⁶⁸. Факт опосредованной передачи грамоты не от посланника к царю, а через шведского гонца и новгородского воеводу значительно снижал ее церемониальную ценность.

Присланный от французского посланника шведский гонец получил в Новгороде «корм и подводы» в обратную дорогу до Ругодива (Нарвы). Его отпустили 11 (21) июля²⁶⁹, приняв с характерными для российской дипломатии особенностями. Содержание перевода имеет незначительные отличия от сохранившегося франкоязычного черновика: в частности, в присланном к Новгороду письме в начале присутствует царский титул, хотя и неполный, а вместо краткого титула шведского короля указан его полный²⁷⁰. В черновом французском письме присутствовал титул «великий государь» (*grand seigneur*) и «император» (*empereur*)²⁷¹, но последний отсутствует в сделанном переводе. Также если черновое письмо датируется 6 июля 1657 г., то в переводе указано

²⁶⁶ РГАДА. Ф. 96. 1658 г. Д. 1. Л. 407.

²⁶⁷ РГАДА. Ф. 96. 1658 г. Д. 1. Л. 408.

²⁶⁸ РГАДА. Ф. 96. 1658 г. Д. 1. Л. 409.

²⁶⁹ РГАДА. Ф. 96. 1658 г. Д. 1. Л. 410.

²⁷⁰ РГАДА. Ф. 96. 1658 г. Д. 1. Л. 413–414.

²⁷¹ *Recueil des instructions...* Т. VIII. Р. 47.

9 (19) мая 1658 г.²⁷² Наконец, необходимо обратить внимание на то, что в переводе за царем признается титул великого князя Литовского и Смоленского²⁷³. Показательно, что включение этого титула произошло по инициативе французской стороны, вероятно, ориентировавшейся на шведско-русскую дипломатическую практику. Также отдельное письмо от 3 (13) июля 1658 г. было прислано от самого посланника, где он описывал свои контакты с Псковским и Юрьевским воеводой кн. Иваном Андреевичем Хованским. Десминьеру не удалось договориться с воеводой, который не проконсультировал его о порядке дальнейших действий, и посланнику пришлось обратиться к новгородским властям, чтобы ему указали нужно ли отправляться к Москве или ожидать в Ругодиве²⁷⁴. Следствием возникших претензий французского дипломата стало то, что кн. И. А. Хованский также подключился к обсуждению сложившейся ситуации. Он объяснил свою позицию тем, что на переговорах со шведскими послами в Москве, о которых к нему пришла грамота 9 (19) июля, было постановлено заключить мир без посредников и изменять согласованные условия нельзя, следовательно принимать француза не имеет смысла²⁷⁵. Сам князь активно участвовал в дипломатии и следил за ситуацией в Ругодиве, например, 5 (15) июля к воеводе в Сыренске заранее сообщали, что из Колывани в Ругодив приехали посланники из Голландии, Франции и неизвестной страны чтобы быть посредниками²⁷⁶.

Сведения о миссии Десминьера также известны из его письма к французскому послу в Голландии Жаку-Огюсту де Ту²⁷⁷ от 29 июля 1658 г., которое впоследствии тот переслал Мазарини в Париж. Согласно письму, посланника сопровождали 50 шведских всадников с их капитаном и толмачом.

²⁷² РГАДА. Ф. 96. 1658 г. Д. 1. Л. 418.

²⁷³ РГАДА. Ф. 96. 1658 г. Д. 1. Л. 419, 420.

²⁷⁴ РГАДА. Ф. 96. 1658 г. Д. 1. Л. 421–422.

²⁷⁵ РГАДА. Ф. 96. 1658 г. Д. 1. Л. 431–432.

²⁷⁶ РГАДА. Ф. 96. 1658 г. Д. 1. Л. 436.

²⁷⁷ Жак-Огюст де Ту (1609–1677 гг.) был третьим сыном знаменитого французского эрудита Жака-Огюста де Ту (1553–1617 гг.), назначен послом Республику Соединенных провинций в 1657 г. (см. Hamon Ph. La chute de la maison de Thou: la fin d'une dynastie // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 1999. P. 81).

Дерптский (юрьевский) воевода, к которому миссия отправилась в первую очередь, не соглашался пропустить дипломата в Россию, угрожая арестовать его, если он останется, утверждая, что император не нуждается ни в служащих короля Франции, ни Кромвеля. Шведская свита Десминьера порекомендовала ему попытаться проехать через Новгород, где воеводой был более порядочный (*honnête*) человек. Переговоры в Новгороде действительно прошли в более вежливой обстановке, но впустить посланника в Россию воеводы не имели полномочий²⁷⁸, зато смогли оказать для него полагавшиеся дипломату почести. Десминьер попросили вернуться в Нарву, куда воевода не преминет направить ответ царя. Для соблюдения вежливости и следования церемониальным правилам посланнику выдали мед, крепкие напитки (*eau-de-vie*), пиво и провиант. Вернувшись в Нарву, он ожидал разрешения увидеть пресветлые очи («*aller voir ces clairs yeux*») государя, которого называл варварским императором («*empereur barbare*»)²⁷⁹. Во время своей поездки Десминьер, французский капитан на шведской службе, на протяжении двух дней видел русскую армию у Новгорода, которая не произвела на него впечатления. Он описал ее как армию слабо дисциплинированных и плохо управляемых крестьян²⁸⁰. Ж.-О. де Ту, переслав письмо Десминьера к Мазарини, выражал скепсис в отношении перспектив дальнейших переговоров²⁸¹.

О предложении посредничества стало известно польским политикам, что вызывало у них опасения по поводу возможности заключения русско-шведского договора и освобождения шведских сил. Главной причиной этих опасений была заинтересованность французов в ориентации шведской экспансии в направлении Священной Римской империи²⁸². В искренности французских намерений не смог их убедить и посланник де Люмбр²⁸³. С точки

²⁷⁸ Recueil des instructions... VIII. P. 49.

²⁷⁹ Recueil des instructions... VIII. P. 49.

²⁸⁰ Recueil des instructions... VIII. P. 50.

²⁸¹ Grönebaum F. Op. cit. S. 26.

²⁸² Флоря Б. Н. Русское государство... С. 372.

²⁸³ Grönebaum F. Op. cit. S. 22.

зрения Б. Н. Флори, сама русская сторона не была заинтересована в услугах посредника, так тесно связанного со Швецией²⁸⁴, что подтверждается дальнейшим ходом событий.

Тем не менее, французский посреднический проект продолжал развиваться. Государственный секретарь по иностранным делам Ломени де Бриенн был готов привлечь к русско-шведскому посредничеству даже Венецианский сенат, в связи с итогами миссии И. Чемоданова, показавших равнодушное отношение России к венециано-турецкому конфликту вокруг Кандии (1645–1669 гг.). На участие в этом конфликте французскому министру представлялось возможным переориентировать русскую внешнюю политику²⁸⁵.

Тем не менее, миссия Десминьера не стала началом для воплощения этого проекта в жизнь. Главным ее результатом стала высокая оценка шведским королем французских добрых намерений (*bona intentio et voluntas*) и лично деятельности Десминьера, о чем он написал в письме к Мазарини. Причинами неудачи проекта Карл X Густав считал варварскую спесь (*barbari fastus*) и малую склонность (*exigua propensio*) царя Алексея к заключению мира²⁸⁶. В действительности шведы уже успешно вели переговоры без посредников, которые вскоре привели к заключению Валиесарского перемирия. Представляется, что во французском посредничестве не была заинтересована ни одна из сторон, хотя отправление миссии и стало важным карьерным этапом для Десминьера. В ноябре 1658 г. он уже был направлен на переговоры в немецкие земли, для взаимодействия с Рейнской лигой и в дальнейшем успешно продолжал дипломатическую карьеру²⁸⁷. Главный парадокс французской посреднической миссии состоял в том, что она вступала в противоречие не только с русской и шведской внешней политикой, но также и с планами польского двора и французского посланника при Яне Казимире,

²⁸⁴ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 371–372.

²⁸⁵ Grönebaum F. Op. cit. S. 23.

²⁸⁶ Grönebaum F. Op. cit. S. 26.

²⁸⁷ Grönebaum F. Op. cit. S. 25–26.

А. де Люмбра. В частности, посланник в Речи Посполитой опасался возможного разделения Речи Посполитой между Россией и Швецией в случае успеха переговоров, о чем сообщал в письме к Мазарини от 17 ноября 1658 г.²⁸⁸

Нельзя сказать, что дипломатические отношения между Россией и Францией были прекращены из-за ситуации с Десминьером, так как в Посольский приказ была принята грамота от 27 октября 1657 г. от короля Людовика XIV и государственного секретаря по иностранным делам Ломени де Бриенна с просьбой отпустить с русской службы лотарингского офицера К.-Ф. де Спевилля²⁸⁹. Тем не менее, для России новый этап Тринадцатилетней войны с Польшей, после перемирия 1656–1658 гг. на фоне противостояния со Швецией, был отмечен усилением войск Речи Посполитой и закономерно привел к патовой ситуации в противостоянии. Внешнеполитическое ведомство России и государственные деятели в целом, искали пути к замирению на выгодных им условиях. К этому процессу пытались подключиться и западноевропейские державы, в том числе Франция.

Вокруг решения крупного восточноевропейского конфликта, включающего в себя коалиционную Северную войну 1655—1660 гг. против Швеции, развернулась борьба основных акторов Вестфальской системы отношений, прежде всего Франции и державы Габсбургов. О французских подозрениях в отношении русской внешней политики знали при императорском дворе, где старались использовать информацию о них для предотвращения французского влияния на решения царя. Немецкий историк Ф. фон Гроненбаум считал, что в России уже к концу 1650-х гг. существовало представление о негативной роли Франции для русских внешнеполитических планов. С этим он связывал предписание в наказе посланнику Я. Н. Лихарева в Вену узнавать о наличии враждебных планов Франции относительно

²⁸⁸ Waliszewski K. Polsko-francuskie stosunki w XVII wieku, 1644–1667. Opowiadania i źródła historyczne ze zbiorów archiwalnych francuskich publicznych i prywatnych. Kraków, 1889. S. 234.

²⁸⁹ «Брату нашему Лудвигу...»... С. 145.

России²⁹⁰. Однако обращение к тексту наказа позволяет увидеть, что посланнику необходимо было собрать сведения о враждебной позиции не только и не столько Франции: «И папа, и Король Ишпанской, Французжской Короли, и иные Государства на Московское государство не мыслят ли какого зла и впредь не чаять ли от них какого дурна?»²⁹¹. Таким образом, речь в наказе шла о католических странах, которые, как было показано нами ранее, представлялись в Москве, как возможные гаранты сохранения целостности католической Речи Посполитой и ее защитники. Помимо этого, со всеми перечисленными государствами в 1650-х гг. либо полностью отсутствовали дипломатические связи, либо они оставались крайне редкими. Также стоит отметить, что упоминание Франции в наказе шло после папы и короля Испании, которые участвовали в политике Речи Посполитой значительно меньше французов.

Более прагматичной в наказе выглядела задача уточнения места съезда польских, шведских и французских представителей для мирных переговоров между странами²⁹², от участия в которой руководители русской внешней политики отказались по итогам миссии Десминьера. Габсбургские дипломаты удовлетворили любопытство русской стороны и описали французскую внешнюю политику и внутреннее состояние следующим образом: «Французеня бездушники большие и непостоятельные: всегда во всем лгут. Да и с нами де Французеня в большой недружбе, бездушничают и во всем лгут, верить де им ни в чем нельзя»²⁹³. Тем не менее, нет доказательств тому, что эта картина определяла русскую внешнюю политику, исходя из дальнейших шагов Москвы. Более того, передавая рассказ имперских военных о французской кандидатуре на польский престол, посланник записал, что «как де зовут того Французского удельного князя, и они того не упомнят»²⁹⁴.

²⁹⁰ Grönebaum F. Op. cit. S. 28.

²⁹¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее ПДС). СПб., 1854. Т. 3. Стб. 922.

²⁹² ПДС. Т. 3. Стб. 922.

²⁹³ ПДС. Т. 3. Стб. 1045.

²⁹⁴ ПДС. Т. 3. Стб. 1054–1055.

Вероятно, это говорит о том, что информация о деятельности принца Конде в борьбе за польский престол, речь о которой пойдет ниже, не была приоритетной для внимания Посольского приказа. Поэтому направленный в Вену посланник не соотносил борьбу за престол с его именем. Что касается французской деятельности по созданию польско-шведского союза, направленного в том числе против Русского государства, то он отражен в статейном списке как инициатива шведов²⁹⁵, а французское участие в нем оставалось никак не продемонстрировано.

Показательно, что к весне 1659 г., когда А. Л. Ордину-Нащокину были предоставлены полномочия для ведения мирных переговоров со Швецией, реальные условия заключения договора не были сформулированы, в том числе, с точки зрения Б. Н. Флори, из-за ожидания информации об отношениях Швеции с ее возможными союзниками — Англией и Францией²⁹⁶. В это время в Речи Посполитой французская дипломатия и ее местные сторонники, как показал сейм 22 марта 1659 г., стремились к заключению сепаратного мира со Швецией и одностороннему выходу из Северной войны 1655—1660 гг.²⁹⁷ Этот вариант представлялся французам наиболее компромиссным для Швеции и Речи Посполитой. Французский посол в Варшаве А. де Люмбр зафиксировал эту точку зрения в письме от 7 мая 1659 г. к Дж. Мазарини, отмечая, что единственный шанс для шведского короля успешно завершить коалиционную войну это пойти на союз с Москвой и Империей для раздела Польши²⁹⁸, чего французская дипломатия на протяжении всей второй половины 1650-х гг. стремилась не допустить.

Интересно сравнить стратегию французской дипломатии со сложившимися к октябрю 1659 г. представлениями воеводы Царевичева Дмитриева А. Л. Ордина-Нащокина. Вместо картины организации французского посредничества между воюющими лагерями он писал в Москву

²⁹⁵ ПДС. Т. 3. Стб. 1057.

²⁹⁶ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 472–473.

²⁹⁷ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 476.

²⁹⁸ Waliszewski K. Op. cit. S. 237.

о возможности прямого вступления Франции в войну на стороне Швеции против Голландии. Окончательное перенаправление шведской политики на запад, потребность шведов в деньгах для этого конфликта, а также возможный выход Австрии из числа союзников Яна Казимира могли, с его точки зрения, способствовать заключению удачного мирного договора со Швецией, с удержанием за Россией прибалтийских городов²⁹⁹. Частично эти сообщения подтверждались сделанными в русских приграничных городах записями слухов иностранных купцов. Среди них были сведения о вторжении французского войска во владения австрийских Габсбургов для помощи шведам и низложения императора³⁰⁰.

Тем не менее эта информация и та, которой располагал А. Л. Ордин-Нащокин, серьезно расходилась с дальнейшей французской деятельностью по урегулированию противоречий на севере и востоке Европы. Итогом этой деятельности стало заключение в мае 1660 г., при посредничестве Франции, Оливского (между Швецией, Бранденбургом и Польшей) и Копенгагенского (между Швецией и Данией) договоров³⁰¹. Россия не была включена в процесс их принятия, но от Б. Радзивилла А. Л. Ордин-Нащокин получил известие о переговорах между Швецией и Речью Посполитой, а также о роли французского посланника при польской королеве, одного из главных творцов этой системы договоров. В начале апреля сообщения об этом были доставлены в Посольский приказ³⁰². При разработке соглашения между Швецией и Речью Посполитой существовали проекты их союза против России, но среди их противников оказался и французский посланник де Люмбр, которому требуемая шведами передача им польских городов в Ливонии представлялась излишней³⁰³. В дальнейшем французская дипломатия оказывала меньшее влияние на русско-шведские отношения, так как на протяжении 1660-х гг. влияние французов в Швеции уменьшалось из-за усиления сторонников

²⁹⁹ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 514.

³⁰⁰ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 553.

³⁰¹ Grönebaum F. Op. cit. S. 29.

³⁰² Флоря Б. Н. Русское государство... С. 554–555.

³⁰³ Wójcik Z. Traktat Andruszowski... S. 86.

проголландской ориентации, наиболее ярким из которых был канцлер Б. Оксеншерн³⁰⁴.

Показательно, что именно во второй половине 1650-х гг. на французском языке появлялись новые размышления о роли России в европейской системе государств. Среди них преобладали скептические точки зрения, но секретарь польской королевы П. де Нуайе считал, что расширение контактов, вызванное русско-шведской войной 1656–1658 гг., может оказать смягчающее воздействие на царский деспотизм³⁰⁵. Крайне высоко в Западной Европе была оценена антитурецкая инициатива царя³⁰⁶. Миссия И. Чемоданова в Венеции привлекла внимание французского представителя в Венеции Бернара дю Плесси-Безансона, а также авторов «La Gazette». Из-за этой миссии Ломени де Бриенн даже некоторое время подозревал, что русский дипломат появится и при французском дворе. С его точки зрения, антитурецкие проекты с участием России могли способствовать миру между Польшей и Швецией и были на руку французской внешней политике. Также Ломени де Бриенн в переписке с дю Плесси-Безансоном предположил, что может появиться возможность убедить венецианский сенат сотрудничать для заключения соглашения между Швецией и Россией³⁰⁷. Эти факторы также оказывали существенное влияние на французские посреднические проекты в рассматриваемый период.

Окончание Северной войны 1655–1660 гг. и Оливский мирный договор были положительно оценены А. Л. Ординым-Нащокиным, который пришел к выводу, что в Швеции стремятся «воины на себя не допустить, а учинить со всеми государствами мир»³⁰⁸. Вопреки тому, что на Оливских переговорах проявлялись проекты антирусского союза, А. Л. Ордин-Нащокин в 1660 г. был сторонником включения России в сложившуюся при французском посредничестве систему договоров. Несмотря на то, что он был отстранен от

³⁰⁴ Bjorkman S. De la guerre de Trente Ans à l'époque gustavienne: diplomates et découvreurs entre 1600 et 1800 // Une amitié millénaire: Les relations entre la France et la Suède à travers les âges. Paris, 1993. P. 125.

³⁰⁵ Grönebaum F. Op. cit. S. 20.

³⁰⁶ Grönebaum F. Op. cit. S. 19–20.

³⁰⁷ Grönebaum F. Op. cit. S. 23.

³⁰⁸ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 614.

участия в переговорах для подготовки Кардисского мира, воевода Царевичева Дмитриева прикрепил к наказу послам лист со своими соображениями, а после того, как посольские дьяки этот лист оторвали, он написал свои мысли в письме к царю. Среди его идей была необходимость заключения мира с Францией или Англией в роли посредников³⁰⁹. Тем не менее позиция воеводы не нашла поддержки в Москве, и процесс подготовки Кардисского мира происходил без посредников, хотя его текст впоследствии был переведен в канцелярии государственного секретаря по иностранным делам Франции, наблюдавшего за работой созданной при его участии системы договоров³¹⁰.

1.3 Русская и французская дипломатия в контексте проблемы наследования польского престола в 1660-х гг.

Помимо вопроса о заключении русско-шведского мирного договора, между Россией и Францией в рассматриваемый период существовало и другое значимое противоречие, связанное с наследованием польского престола. Внимание французского двора к престолонаследию в Речи Посполитой проявилось в 1650-х гг., при жизни кардинала Мазарини, когда польская королева Луиза-Мария де Гонзаг выступила с проектом династического брака для закрепления франко-польского сближения³¹¹. В ответ кардинал предложил несколько кандидатур, среди которых был герцог Нейбургский, которого, в борьбе за польский престол, поддержит Людовик XIV во второй половине 1660-х гг., но королева и будущий коронный гетман Е. Любомирский выступали за герцога Энгиенского, сына знаменитого в Европе победителя битвы при Рокруа 1643 г. принца де Конде³¹².

Несколько кандидатур противопоставлялись французскому принцу крови, среди которых был и царь Алексей Михайлович, также

³⁰⁹ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 624–625.

³¹⁰ ААЕ, СР, Russie. Vol. 01. Extrait des nouveaux traites de Paix Commerce a Cardoiiis en Livonie entre Sa M-st le Roy de Suede et le Grand Duc de Moscovi, fol. 10–11.

³¹¹ От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века. М.; СПб., 2015. С. 325.

³¹² Recueil des instructions... IV–V. P. XL–XLI.

претендовавший на польский престол³¹³. Однако А. де Люмбр, продолжавший выполнять роль французского резидента при польском дворе, считал, что все же царь вряд ли сможет пойти на необходимые уступки чтобы стать королем Польши, о чем писал в письме к Дж. Мазарини от 25 мая 1658 г.³¹⁴ Из письма от 15 июня 1658 г. видно, что для А. де Люмбра более реальной представлялась военная угроза для будущего Речи Посполитой, которую могут разделить между собой царь и император³¹⁵.

В 1660 г. несмотря на традиционное династическое соперничество Бурбонов и Габсбургов, решение об избрании на польский престол герцога Энгийенского было поддержано и имперской дипломатией, при условии заключения им брака с сестрой императора³¹⁶. В этом проекте предполагалась работа компенсаторского механизма династического равновесия, описанного Б. Тешке, когда усиление одного династического государства происходило при отсутствии возражения других ведущих акторов династической системы с тем условием, что это не мешало их собственным планам династического накопления³¹⁷. Ликвидация Речи Посполитой не могла принести новых территориальных приобретений дому Бурбонов, но ее сохранение во главе с французским принцем и австрийской принцессой, напротив, создавало между ними определенное династическое равновесие. Подобный принцип не работал в отношении России, так как в планах царской дипломатии было и закрепление русского царевича на польском престоле, и включение Великого княжества Литовского в состав Русского государства, от которого царская дипломатия не стремилась отказываться на переговорах³¹⁸.

К 1660 г. французской стороне было очевидно, что проект избрания французского принца на польский престол повлечет за собой необходимость

³¹³ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 97.

³¹⁴ Grönebaum F. Op. cit. S. 27.

³¹⁵ ААЕ. СР. Pologne. Vol. 12. Fol. 121 v.

³¹⁶ Recueil des instructions... V–VI. P. XLIII.

³¹⁷ Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М., 2011. С. 342.

³¹⁸ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 97.

посредничества в конфликте между поляками и русскими³¹⁹. Тем не менее, развитие посреднического проекта замедлялось, так как де Люмбру представлялось, что сепаратный русско-польский мир может способствовать продолжению русско-шведской войны, которого французская дипломатия стремилась избежать³²⁰. Для Речи Посполитой избрание французского принца могло означать усиление королевской власти, так как закрепляло принцип «*vivente rege*» – избрания наследника престола при живом короле³²¹. Поэтому этот шаг привел к последующим конфликтам со шляхтой, сгруппировавшейся вокруг коронного гетмана Е. Любомирского³²². Поддержать королевский двор Речи Посполитой через введение французских войск Людовику XIV мешало отсутствие сильного флота в Северном море, проблема которая стала наиболее очевидной во второй англо-голландской войне 1665–1667 гг., а также безрезультатность попыток заключения договоров о сухопутной переброске французских войск с северными немецкими государствами, даже несмотря на расширение состава профранцузской Рейнской лиги³²³. Таким образом дальнейшее продвижение французских интересов при польском дворе должно было опираться исключительно на дипломатическую и финансовую поддержку Франции, частью которой могло стать посредничество в заключении мира с Россией. Примирение Москвы и Варшавы выходило за рамки противостояния русского и французского кандидатов на польский престол. В Париже полагали, что после заключения договора между двумя странами император тоже не решится силой навязать полякам своего кандидата³²⁴.

Конец 1660 г. представлялся де Люмбру удачным временем для переговоров о мире благодаря военным успехам поляков³²⁵. Письмо к царю с предложением посредничества он подготовил на польском языке и отправил

³¹⁹ Recueil des instructions... IV–V. P. XLII–XLIII; Флоря Б.Н. Русское государство... С. 632–635.

³²⁰ Grönebaum F. Op. cit. S. 30.

³²¹ Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия... С. 44

³²² Там же. С. 43

³²³ Nagielski M. Druga Wojna... S. 44.

³²⁴ Grönebaum F. Op. cit. S. 33; Флоря Б.Н. Русское государство... С. 631.

³²⁵ Grönebaum F. Op. cit. S. 32.

его из Познани 15 октября 1660 г. к А. Л. Ордину-Нащокину³²⁶. В отличие от миссии Ж. Десминьера, на этот раз письмо было отправлено без официального гонца, через голландского офицера, состоявшего на русской службе, и находившегося, на момент написания письма, в польском плену³²⁷. То, что А. Л. Ордин-Нащокин состоял в переписке с царем и имел сеть иностранных контактов³²⁸, делало его наиболее подходящей кандидатурой для начала обсуждения французского посредничества, учитывая итоги миссии Ж. Десминьера, направленного сразу к царю. В начале 1660-х гг. во Франции уже обладали некоторой информацией о государственном аппарате России, А. Л. Ордин-Нащокин был известен, и его имя встречается на страницах работ, упоминавших особенности системы власти в Москве³²⁹. Вполне вероятно, что этому способствовали польские авторы и французы, поучаствовавшие в восточноевропейских конфликтах во второй половине 1650-х гг., уже издававшие свои сочинения³³⁰. Тем не менее, скорее всего на контакт с Ординым-Нащокиным, французского посланника вывел канцлер великий литовский М. Пац. С одной стороны, Пац представлял при короле и королеве литовскую шляхту и был знаком с ее основными русскими контактами³³¹, а с другой – был значимой фигурой среди литовской шляхты для французов в династической борьбе за избрание французского принца, так в 1661 г. ему было выдано 13 тыс. ливров на раздачу литовской шляхте на сеймиках³³².

Посредническая инициатива де Люмбра была подтверждена официальными инструкциями, подготовленными для него 20 декабря 1660 г. в Париже. Они были посвящены избранию герцога Энгиенского на польский престол и подчеркивали желание Людовика XIV заключить мир между

³²⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1660 г. Д. 1.

³²⁷ Grönebaum F. Op. cit. S. 32.

³²⁸ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 537.

³²⁹ Charpuzeau S. L'Europe vivante. T. I. Genève, 1667. P. 269–270.

³³⁰ Поршнева Б. Ф. Указ. соч. С. 266.

³³¹ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 636.

³³² Waliszewski K. Polsko-francuskie stosunki w XVII wieku, 1644–1667. Opowiadania i źródła historyczne ze zbiorów archiwalnych francuskich publicznych i prywatnych. Kraków, 1889. S. 102.

Польшей и Россией, а также способствовать освобождению из Москвы гетмана В. Госевского³³³.

На рубеже 1660–1661 гг. обе стороны имели затруднения в своих внешнеполитических проектах. Для Москвы создавалась опасность объединения союзников вокруг Речи Посполитой и ослабления позиций на переговорах о мире и, тем более, о союзе, на который А. Л. Ордин-Нащокин рассчитывал³³⁴. Французскому династическому проекту мешало то, что польская шляхта, противилась усилению королевской власти в случае наследования престола французским принцем, а также из-за решения принца Конде стать кандидатом на престол вместо своего сына. После этого события Габсбурги сменили свою позицию, сделав ставку на герцога Лотарингского³³⁵. Уже на сейме 1661 г. представители Империи выступали против французского принца³³⁶.

Обе стороны были заинтересованы в сотрудничестве для достижения своих целей. Так А. Л. Ордин-Нащокин, уже ранее возлагавший надежды на французское посредничество, 11 декабря перенаправил письмо А. де Люмбра в Посольский приказ вместе с драгуном, где оно было получено 18 (28) декабря³³⁷. Благодаря оперативности французского посланника предложение было доставлено вовремя и при русском дворе было принято решение продолжить переговоры. Поэтому А. Л. Ордин-Нащокин уведомил А. де Люмбра о согласии русской стороны 28 декабря (7 января), а также отправил грамоту к французскому королю³³⁸. Официальная царская грамота была подготовлена 19 (29) декабря 1660 г. Царский титул включал в себя наименование великим князем Литовским и Смоленским³³⁹, как и в переводе письма Десминьера, т.е. ранее использованный и признанный французским

³³³ Recueil des instructions... T. VIII. P. 34.

³³⁴ Wójcik Z. Między Traktatem Andruszowskim a Wojna Turecka: Stosunki Polsko-Rosyjskie, 1667–1672. S. 31–32.

³³⁵ Recueil des instructions... T. V–VI. P. XLIV.

³³⁶ Wójcik Z. Między Traktatem Andruszowskim... S. 96.

³³⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1660 г. Д. 2. Л. 2.

³³⁸ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 631–632.

³³⁹ «Брату нашему Лудвигу...»... С. 203.

королем формуляр. Основным содержанием документа стало обещание свободного проезда к Москве для присланных французских дипломатов³⁴⁰, чего не удалось достичь предыдущей французской миссии.

Переписка между двумя дворами затягивалась из-за необходимости согласовывать действия де Люмбра с Парижем и получения официальных документов от Людовика XIV. Великий канцлер литовский, К. Пац, сообщил А. Л. Ордину-Нащокину о вручении царской «опасной грамоты» в руки А. де Люмбра в январе 1661 г. В период ожидания ответа от короля воевода ливонских городов готовил почву для дальнейших переговоров и возлагал на них надежды. В письме, доставленном в Москву 16 января, он писал к царю о перспективах заключения мира с участием христианских монархов и опасности их примирения для мусульман. А. Л. Ордин-Нащокин приводил в пример Оливский договор, подчеркивая наличие в его тексте формулировок, призывавших христианские страны к нему присоединиться. Благоприятную картину французского участия дополняла близость отношений между французским и польским королями, способствующая заключению мира без уступок в пользу шведов, Кардисский мирный договор с которыми еще не был подписан³⁴¹. В целом, А. Л. Ордин-Нащокину представлялся возможным целый конгресс европейских стран для подготовки русско-польского договора³⁴², тогда как в реальности французская политика не столько стремилась к созданию сети посредников, в лице герцога Курляндии и курфюрста Бранденбурга, сколько желала предотвратить их участие в переговорах из-за опасения их заинтересованности в разделе Речи Посполитой³⁴³.

Так или иначе, для обсуждения этих планов необходимо было поддерживать диалог между сторонами, и А. Л. Ордин-Нащокин пытался через свои контакты торопить А. де Люмбра, ответ от которого пришел 20

³⁴⁰ «Брату нашему Лудвигу...»... С. 203.

³⁴¹ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 632.

³⁴² Флоря Б. Н. Русское государство... С. 632.

³⁴³ Grönebaum F. Op. cit. S. 32.

марта. Французский посланник писал, что его предложение к Яну Казимиру организовать встречу в Вильно в июне 1661 г. не получило ответа, но вскоре будет прислано официальное королевское письмо с предложением посредничества.

Официальная грамота Людовика XIV была подготовлена еще 18 декабря 1660 г.³⁴⁴. Она, вместе с новым письмом де Люмбра, была прислана в пограничную ливонскую крепость Новгородок-Нейгаузен 10 апреля 1661 г.³⁴⁵. В России ее сначала направили в приказ Тайных дел, а позже переслали в Посольский приказ и перевели с французского языка 2 (12) июля 1661 г.³⁴⁶ Текст грамоты напоминал об успешном французском посредничестве в заключении Оливского договора. Вновь, как и в грамоте Десминьеру, отмечалась необходимость прекращения пролития «христианской крови», и предлагалось посредничество со стороны французского короля³⁴⁷. В своем письме, которое А. де Люмбр приложил к грамоте, он просил А. Л. Ордина-Нащокина уточнить, как царь относится к его предложениям о мирных переговорах³⁴⁸.

Пока шло обсуждение на востоке Европы, ситуация в Париже изменилась. После смерти Дж. Мазарини 9 марта 1661 г. Людовик XIV полностью переориентировался на урегулирование русско-польского конфликта, отказавшись от организации антирусской коалиции. Отчасти это было отражено в его мемуарах, где он писал о полученном им предложении посредничества в русско-польском конфликте³⁴⁹. В письме к шведскому двору он уже не скрывал, что не собирается отправлять войска на противостояние шведов с царем, если оно случится³⁵⁰. Представляется, что и сам кандидат на польский престол, принц де Конде, действовал в соответствии с королевской

³⁴⁴ «Брату нашему Лудвигу...»... С. 89.

³⁴⁵ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 634.

³⁴⁶ «Брату нашему Лудвигу...»... С. 89. Вероятно, что также могло происходить и с переводом курантов, механизм маршрут пересылки между приказами не до конца известен (Шамин С. М. Иностранная пресса и русская культура конца XV – начала XVIII столетия... С. 145).

³⁴⁷ «Брату нашему Лудвигу...»... С. 147.

³⁴⁸ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 634.

³⁴⁹ Mémoires de Louis XIV pour l'instruction du Dauphin. T. 2. Paris, 1860. P. 543.

³⁵⁰ Grönebaum F. Op. cit. S. 35.

линией. Так, летом 1661 г. его агент Ж. Кайе в Польше отрицал ходившие слухи о планах Франции способствовать продолжению войны с Россией и наоборот подчеркивал перспективность примирения сторон³⁵¹. Благодаря этому французское посредничество в русско-польской войне могло выставлять принца де Конде в выгодном свете накануне его избрания.

Согласно письму А. де Люмбра к Людовику XIV от 19 сентября 1661 г., А. Л. Ордин-Нащокин восстановил контакт с ним в середине сентября. Французский посланник был им уведомлен, что в Москве приняли имперское посредничество, и в то же время получил требование краткого ответа на русское предложение о трехлетнем перемирии, а также определения места и времени переговоров, что уже было согласовано с сеймом. Несмотря на ответ французского посла и его стремление продолжать переписку с А. Л. Ординым-Нащокиным³⁵², А. де Люмбр не закрепился в числе основных респондентов воеводы. Во многом дальнейшая позиция французской дипломатии в Речи Посполитой зависела от позиции польского двора, которая активно менялась. С одной стороны, после заключения Кардисского мира 1661 г. и окончательного урегулирования русско-шведского конфликта, польский двор проявил стремление к замирению с Москвой, чем активно пользовалась Франция³⁵³. С другой стороны, успешные военные действия королевского войска питали амбиции Яна II Казимира, которые Людовик XIV пытался урезонить в переписке, где вслед за поздравлениями с военными успехами обращал внимание на то, что после них заключить мир с Россией будет наиболее выгодно³⁵⁴. С амбициями польского короля соседствовали и дипломатические проекты литовской шляхты, в частности, в ноябре 1661 г. канцлер великий литовский К. Пац предлагал Людовику XIV поддержать кандидатуру принца де Конде на титул великого князя Литовского, но и здесь

³⁵¹ Grönebaum F. Op. cit. S. 36. Recueil des instructions... T. IV–V. P. 38.

³⁵² Grönebaum F. Op. cit. S. 36.

³⁵³ Wójcik Z. Traktat Andruszowski... S. 101.

³⁵⁴ Grönebaum F. Op. cit. S. 37.

король Франции наотрез отказался втягиваться в прямое противостояние с русскими³⁵⁵.

Тем не менее, французским планам противодействовала дипломатия Габсбургов. Она проявилась в том, что имперский дипломат Августин Мейерберг описывал в Москве возможность создания широкой антирусской коалиции Польши и Швеции с поддержкой французских войск. Сведения Мейерберга вызывали опасения, но полной переориентации на императора не происходило. Вопреки обещаниям данным его дипломату, что царь не примет французского посредничества без уведомления императора³⁵⁶, А. Л. Ордина-Нащокин вновь установил контакт с А. де Люмбром. Однако французский посланник к 1662 г. осознал незаинтересованность короля Яна Казимира в посредничестве и прекратил выступать с подобными предложениями, впрочем, напрямую не отказываясь от возможности урегулирования конфликта с участием Франции³⁵⁷.

Определенную проблему в отношениях России и Франции продолжало создавать отсутствие выработанных дипломатических норм в отношениях между ними. Если дипломатия Габсбургов активно продвигала свои посреднические проекты при русском дворе, то французы опасались возникновения дипломатических конфликтов в случае отправки своих представителей. Наиболее остро стоял вопрос о соотношении рангов французских и габсбургских дипломатов при русском дворе. Касательно этого в письме от 24 августа Людовик XIV особо отметил, что А. де Люмбр должен предоставить имперским дипломатам преимущество только в том случае, если они имеют ранг послов³⁵⁸.

В дальнейшем Франция не исчезала из поля зрения А. Л. Ордина-Нащокина. К 1662 г. он предложил царю свою программу решения польского вопроса, где основой должен был стать русско-польский союз, подкрепленный

³⁵⁵ Grönebaum F. Op. cit. S. 37.

³⁵⁶ Wójcik Z. Traktat Andruszowski... S. 101.

³⁵⁷ Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа... С. 88, 89.

³⁵⁸ Grönebaum F. Op. cit. S. 38.

избранием члена династии Романовых на престол Речи Посполитой³⁵⁹. В связи со спецификой такого избрания, в качестве идеальной стратегии дипломат видел отсутствие французского и австрийского посредничества, которые могли воспротивиться такому сближению. Однако запасным вариантом оставался союз с Францией: «надобно иметь союз с французом, спомогать ему тайным советом о Королевстве Польском, а чаять ево к тому делу в совет быть охотна»³⁶⁰, т.е. альтернативой становился союз с Речью Посполитой через посредничество французов и их кандидата на польский трон. Отчасти эти предложения были приняты составителями наказа к львовскому посольству, где А. Л. Ордину-Нащокину предписывалось в переговорах действовать «через королеву (Луизу-Марию де Гонзаг – прим. Д. М.), угрожая ей делать через француза»³⁶¹.

В любом из вариантов ключевую роль в рассматриваемом вопросе должна была играть позиция польско-литовской стороны³⁶². Проблемы трехстороннего взаимодействия привели к тому, что среди французов сложилось представление о незаинтересованности русских в заключении мирного соглашения, и с 1663 г. французская дипломатия сосредотачивается исключительно на продвижении собственной кандидатуры на польский престол³⁶³. Эта стратегия отразилась в более жесткой позиции, которую занял новый французский резидент Пьер де Бонзи, прибывший в Варшаву в 1664 г.³⁶⁴. Он считал, что перемирие с Россией снизит шансы избрания Конде польским королем, так как устранил восточную угрозу и необходимость ввода французских войск³⁶⁵. После этой переориентации французской дипломатии, попытки сторон договориться фактически прекратились.

Позицию де Бонзи поддержали в Париже, и он получил инструкции о противодействии попыткам избрания царевича на польский трон, в том числе

³⁵⁹ Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа... С. 16.

³⁶⁰ Там же. С. 17.

³⁶¹ Там же. С. 19.

³⁶² Флоря Б. Н. Русское государство... С. 635–636.

³⁶³ Grönebaum F. Op. cit. S. 39.

³⁶⁴ Recueil des instructions... P. 52.

³⁶⁵ Wójcik Z. Traktat Andruszowski... S. 35.

при помощи использования шведской агрессии, а в инструкциях 1668 г. появился пункт о возможности также использовать силы Бранденбурга³⁶⁶. В 1668 г. де Бонзи в своих донесениях стремился побудить правительство Людовика XIV к переговорам со Швецией с целью ее противодействия избранию русского кандидата. С Бранденбургом дипломат достиг договоренности, что французский и английский короли будут сотрудничать для выступления турецкого султана против русского кандидата в Польше. Со своей стороны, курфюрст Фридрих-Вильгельм просил французов о прямом военном вмешательстве, в случае наступления царя на Польшу. Наконец, Швеция искала поддержки Англии, Голландии, казаков, Крымского ханства и осман для противодействия избранию царевича³⁶⁷.

Позиция России также, как представляется, все больше клонилась в сторону конфронтации с Францией. В начале 1666 г. в Россию прибыл посланник от возглавлявшего рокош³⁶⁸ коронного гетмана Е. Любомирского, который предлагал создание международной коалиции для противодействия избранию французского кандидата на польский трон. В некоторой степени эта программа повлияла на подготовку посольств 1667–1668 гг., часть из которых должна была привлечь внимание к проблеме престолонаследия в Польше, но на соглашения с мятежным гетманом русские правящие круги не пошли³⁶⁹. Тем не менее, наличие проекта Любомирского использовалось русской дипломатией при агитации шляхты против кандидатуры принца де Конде³⁷⁰.

Параллельно французская официальная пресса, в лице «La Gazette», распространяла информацию о возможном династическом союзе Романовых и Габсбургов в борьбе за польский престол через женитьбу царевича на одной из родственниц императора³⁷¹. В переведенных в Москве курантах появилось сообщение, согласно которому французский посланник в Польше в 1669 г.

³⁶⁶ Recueil des instructions... P. 81, 92.

³⁶⁷ Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа... С. 401–402.

³⁶⁸ Восстание шляхты против короля, на которое та имела право при нарушении шляхетских прав и свобод (см. Nagielski M. Druga Wojna... S. 7–12).

³⁶⁹ Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа... С. 133; 137; 196.

³⁷⁰ Там же. С. 153–154.

³⁷¹ Там же. С. 391.

считал, что выборы короля без смуты не пройдут³⁷², что могло подкреплять опасения Посольского приказа и окружения царя в отношении французов.

Со своей стороны, польский королевский двор рассматривал возможность избрания царевича для усиления королевской власти в Речи Посполитой, при условии принятия наследником католичества³⁷³. Часть литовской шляхты, в частности род Пацев до 1667 г. приближенный к профранцузской придворной партии, участвовала в переговорах с представителями России о заключении перемирия на выгодных обоим сторонам условиях³⁷⁴.

Оба проекта наследования престола, и русский, и французский не достигли своих целей, а избранный польским королем Михаил Вишневецкий был настроен против союза с Францией³⁷⁵. В ходе противостояния и взаимодействия русская и французская дипломатия показали гибкость и возможности к взаимопониманию, Россия, как показывает ее дипломатическая стратегия, не поддерживала безоговорочно ни имперскую, ни французскую сторону, сохраняя возможности для взаимодействия с каждой из них. Благодаря расширявшимся дипломатическим контактам в России корректировались представления о расстановке сил в Европе, шел поиск возможных союзников и уточнялись их позиции. Во Франции, в свою очередь, складывались новые представления о месте России в европейской политике и специфике ее внешнеполитической стратегии, а также о возможности продуктивных переговоров с ее представителями, что способствовало дальнейшему развитию отношений между странами.

³⁷² Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1. М., 2009. С. 357.

³⁷³ Там же. С. 133.

³⁷⁴ Nagielski M. Druga Wojna... S. 9, 55; Флоря Б.Н. Русское государство... С. 638.

³⁷⁵ Recueil des instructions... IV–V. P. XLIV.

Глава 2. Оформление дипломатической традиции в русско-французских отношениях (1668–1679 гг.)

Заключение Андрусовского перемирия в 1667 г. стало значимым событием для карьеры А. Л. Ордина-Нащокина, возглавившего после этого Посольский приказ. Для осуществления его масштабной внешнеполитической программы в 1667–1668 гг. были направлены посольства в европейские страны. В современной историографии из посольств XVII в. во Францию именно миссия 1668 г. изучена лучше других³⁷⁶. Для этого существует несколько причин. Во-первых, посольство было достаточно резонансным: оно вызвало интерес к России во Франции, стало основой для сюжета популярной пьесы³⁷⁷ и даже временно ввело моду на русский стиль в одежде³⁷⁸, ему посвящено несколько известий из курантов³⁷⁹, и оно попало на страницы Титулярника 1672 г., в отличие от более ранних дипломатических контактов. Во-вторых, к изучению рассматриваемого посольства привлечено на данный момент наибольшее число исторических источников, как русских, так и французских. Многие из них были опубликованы, в частности мемуарные записи маркиза де Сенкто и дневник полковника де Кате о приеме посольства 1668 г., а статейный список П. И. Потемкина публиковался несколько раз³⁸⁰.

³⁷⁶ Schaub M.-K. Comment régler des incidents diplomatiques? Diplomates russes et français au XVIIe siècle // L'incident diplomatique (XVIe–XVIIIe siècle). Paris, 2009. P. 323–343.; Schaub M.-K. Obtenir l'oreille du roi. Les entretiens diplomatiques lors de l'ambassade russe de Pierre Ivanovitch Potemkin et Siméon Roumiantsev à la cour de Louis XIV (1668) // Paroles de négociateurs. L'entretien dans la pratique diplomatique de la fin du Moyen-Age à la fin du XIXe siècle. Rome, 2010. P. 216–229.; Архимандрит Августин (Никитин) Франция и Россия от Людовика XIII до Петра I // Нева. 2010. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/10/aa17.html> (дата обращения 16.05.2024.); Третьякова М.В. «Такой чищенной грамоты нам не имывать», или к вопросу о посольстве стольника П.И. Потемкина и дьяка С. Румянцева во Францию в 1667–1668 годах // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2013. Вып. 1. С. 43–62.; Hennings J. Op. cit.; Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа... С. 201–204; Jensen C. R., Powel J. S. Op. cit. P. 131–144; Ведюшкин В. А. Посольство П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 годах: особенности взаимного восприятия и диалога двух дипломатий // Новая и новейшая история. 2021. Вып. 5. С. 105–116.; Володина Т. В. Русский человек в Западной Европе (по материалам «Статейного списка» П. И. Потемкина и «Журнала» Като) // Вестник НовГУ. 2003. №24. С. 75–81.

³⁷⁷ Jensen C., Powell J. Op. cit. P. 134.

³⁷⁸ Берелович А., Назаров В. Д., Уваров П. Ю. Как издавали записки Маржерета // Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: тексты, комментарии, статьи. М., 2007. С. 22.

³⁷⁹ Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.... С. 169, 289, 296, 306, 308, 309, 313–314.

³⁸⁰ Galitzine E. Op. cit. P. 207–385; Статейный список посольства стольника и наместника Боровскаго, Петра Ивановича Потемкина во Францию, в 1715 (1667) годе // Древняя российская вивлиофика. М., 1788. Ч. IV. С. 457–564.; Статейный список П. И. Потемкина (Франция) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 227–315.

Именно это посольство стало тем, которое заложило основы для русско-французских дипломатических связей во второй половине XVII в. и поэтому будет нами подробно рассмотрено в контексте развития дипломатических практик в русско-французских отношениях.

2.1 Русское посольство 1668 г. во Франции

Формальным поводом к отправлению посольства стольника Петра Ивановича Потемкина и дьяка Семена Владимировича Румянцева, равно как и прочих посольств 1667–1668 гг., было уведомление европейских государств о заключении между Речью Посполитой и Россией Андрусовского перемирия³⁸¹. Направленная через посланников царская грамота оценивала в положительном ключе предложение де Люмбра о посредничестве в 1660 г., но дальнейшего французского посредничества для подготовки русско-польского мирного договора не предлагала³⁸².

В наказе к посольству П. И. Потемкина 1668 г. касательно Андрусовского перемирия было предписано использовать формулировку близкую той, которая содержалась в присланной де Люмбром в 1661 г. французской грамоте: «А Великий Государь наш, Его Царское Величество, как есть истинный, правый и милосердый и премудрый Христианский Государь, по своему царскому обычаю о соединении христианском, всегда о всем, милостиваго Бога просит и молит, чтоб между всех великих Христианских Государей кровь христианская литися престала и все б Христианство было в покое и тишине»³⁸³. Таким образом, в контактах между двумя сторонами использовалась сходные общехристианские формулы, разница была лишь в том, что в русском варианте преимущественное значение уделялось военной стороне христианского единения для подготовки коалиции против осман³⁸⁴:

³⁸¹ Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа... С. 196.

³⁸² Arch. du ministere des affaires étrangères, Correspondence Politique, Russie. Vol. 01. Fol. 10–55. fol. 19; Статейный список П.И. Потемкина (Франция) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 227–315. С. 15; Тайный Наказ // Сын отечества. №9. 1850. С. 15.

³⁸³ Тайный Наказ // Сын отечества. №6. 1850. С. 9.

³⁸⁴ Тайный Наказ // Сын отечества. №6. 1850. С. 9–10.

чтобы султан и иные «насилие и кровопролитие на Христиан страхом Божиим отложат и в дружбе соседственной со всеми Христианскими народы сдержательны будут»³⁸⁵.

В историографии существовала точка зрения о том, что посольство, в целом, имело антиосманскую направленность³⁸⁶, как продолжение политики А. Л. Ордина-Нащокина по подготовке русско-польского союза. В рассматриваемую эпоху религиозные идеи были неотъемлемой составляющей дипломатии, а священные войны против иноверцев продвигались как католическими, так и православными духовными лицами. Так во время конфликта между королем Яном Казимиром и восставшими казаками Богдана Хмельницкого обе стороны были благословлены церковными иерархами на священную войну³⁸⁷. В свою очередь, среди населения христианских стран были массово распространены представления о турках как наказании, посланном христианам за грехи, что укрепляло страх перед ними³⁸⁸, сообщения с подобными представлениями регулярно встречались в подборках курантов³⁸⁹. Таким образом, как в культуре католических стран, так и в культуре России XVII в. существовали предпосылки для подготовки антиосманских коалиций. Среди прочего это отражалось в планах включения в них Россию даже в более ранние эпохи³⁹⁰.

Франция воспринималась Посольским приказом как одна из ведущих держав Европы и находилась на 3-м месте в иерархии европейских государств, после Священной Римской империи и Испании³⁹¹. Эта иерархия отражала статусные отношения между правителями Европы и фиксировалась в русских титулярниках. Она влияла на знатность отправляемых в государства русских

³⁸⁵ Тайный Наказ // Сын отечества. №9. 1850. С. 17.

³⁸⁶ Путешествия русских послов... С. 426–428.

³⁸⁷ Ляпин Д. А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века. СПб., 2018. С. 215–216.

³⁸⁸ Roumarède G. Pour en finir avec la Croisade... P. 7–12.

³⁸⁹ Шамин С. М. Иностранцы памфлеты... С. 86.

³⁹⁰ Филлюшкин А. Первое противостояние... С. 294–298.; Магилина И. В. Антитурецкая коалиция как инструмент восточной политики Московского государства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 1. С. 69–77.

³⁹¹ См. Царский Титулярник. Т. 1. М., 2007. С. 120–132.

дипломатов, ранг их миссии, размеры свиты, количество и стоимость даров³⁹². Нельзя не отметить, что участие Франции в антиосманских коалициях 1660-х гг. повлияло на русские представления о ней. В частности, из 94-х проанализированных нами известий из курантов за 1660–1670 гг., упоминающих Францию, 23 посвящены Кандийской войне, а 5 – Австро-турецкой войне 1663–1664 гг.³⁹³ Все 5 известий об Австро-турецкой войне были получены из Вены, 4 из них посвящены действию французской армии, а 1 – действиям французских дворян-добровольцев. Одно известие представляет французские грабежи населения, остальные 4 нейтрально информируют о ходе боевых действий, несмотря на то что происходят из Вены, столицы соперничавшей с Францией державы Габсбургов.

Известия о Кандийской войне были получены голландскими информаторами из Венеции (7 известий), Парижа (5 известий), а также из Антверпена, Штеттина, Марселя, Рима и Константинополя. Сообщения в основной массе демонстрируют единение французов с прочими странами христианского мира, что отмечалось в историографии³⁹⁴. Исключение составляют 4 известия 1669 и 1670 гг. о переговорах между Францией и Портой. В целом, в курантах 1660–1665 гг. создавался благожелательный образ Франции связанный, по-видимому, с оценкой голландских информаторов, так как до конца Англо-голландской войны 1665–1667 гг. французский король считался союзником голландцев³⁹⁵.

Иначе Франция предстает в греческих письмах, направляемых в Москву. Здесь успешная оборона Кандии – заслуга местного греческого населения, а итальянцы и французы предстают как враги православного христианства,

³⁹² Hennings J. Op. cit. P. 102.

³⁹³ Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1. М., 2009. 856 с. В целом, Франция была одним из основных источников известий о Кандийской войне, выбранных для перевода в Посольском приказе (Шамин С. М. Иностранная пресса и русская культура... С. 219–220).

³⁹⁴ Шамин С. М. Кандийская война в курантах 1660–1670 гг. // Каптеревские чтения. М., 2008. Т. 6. С. 81.

³⁹⁵ Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998. С. 261–263. В курантах переводились прежде всего голландская и немецкая пресса, поэтому отношение к Франции в Нидерландах и Северной Германии сильно влияло на поступающие сведения (Шамин С. М. Куранты времени правления... С. 499–500).

которое, с точки зрения греков, при поддержке России могло самостоятельно справиться с осадой, а далее и с турецким господством в Константинополе³⁹⁶.

Посольский приказ имел несколько источников о франко-османских конфликтах и переговорах в 1660-х гг. Тем не менее, все они не позволяли оперативно проследить изменения внешнеполитического курса Франции и приводили к дипломатическим инцидентам. Вероятно, сведения о протурецкой ориентации Франции, поступающие из поздних подборок курантов, могли рассматриваться Посольским приказом критически из-за противостояния Франции с Республикой Соединенных провинций, основным поставщиком известий для курантов. К тому же сами франко-османские отношения в раннее Новое время представляют собой комплексную проблему: они сочетали некоторое внешнеполитическое сотрудничество, но в то же время и религиозно-идеологические конфликты, приводящие к прямой конфронтации³⁹⁷. Показательно что и при обсуждении возможного союза Речи Посполитой с Россией А. Л. Ординым-Нащокиным в 1664 г. представители коронной шляхты предполагали возможность добиться от осман уступок территорий без войны, так как те уже воюют с коалицией европейских стран (Австро-турецкая война 1663–1664 гг.). Тем не менее, в Польше находились и сторонники войны, например, будущий литовский гетман М. Пац³⁹⁸, что уже демонстрировало первичность в Восточной Европе государственных интересов над конфессиональными.

Представляется, что наибольшее значение имело само включение русской дипломатии в дела христианского мира, такие как борьба с турками, что действительно серьезно поднимало престиж России в европейских странах. Современные исследователи даже отмечают связь петровских реформ и успехов России в Азовских походах 1695–1696 гг., подготовивших почву для положительного восприятия России в Европе³⁹⁹. Процесс

³⁹⁶ См. Греческо-русские связи сер. XVI – начала XVIII вв.: Греческие документы московских хранилищ. М., 1991. С. 45–46.

³⁹⁷ Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991. С. 221–225, 238.

³⁹⁸ Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа... С. 57.

³⁹⁹ Шамин С. М. Иностранцы памфлеты... С. 254.

вовлечения России в дела «христианского мира», в западноевропейском его понимании, шел нелинейно: существовали периоды как сближения с прочими европейскими странам на фоне проектов антитурецких коалиций, так и охлаждения интереса к России, не предпринимавшей активных шагов для борьбы с османами. Частью этого процесса были и французские проекты антиосманских коалиций. Их значение подтверждается тем, что, когда французский посол в Речи Посполитой де Люмбр в 1656 г. узнал о переговорах русского посла И. Чемоданова с венецианцами о вступлении России в войну с турками, он оценил это решение, как сближение царя с цивилизованными странами, через предприятие по освобождению Греции от ига⁴⁰⁰. Русский фактор в борьбе с османами учитывался королевским двором уже в 1664 г., во время участия войск Людовика XIV в Австро-турецкой войне 1663–1664 гг., когда во Франции был подготовлен проект большого антитурецкого крестового похода, с ведущей ролью России, Персии и казаков для завоевания и последующего раздела европейских владений осман⁴⁰¹. В свою очередь, перемирие с Речью Посполитой открыло дорогу планам А. Л. Ордина-Нащокина по созданию широкой антиосманской коалиции во главе с Австрией, сохранялась надежда и на заинтересованность Франции в продолжении противостояния с османами⁴⁰². Впрочем, австрийская дипломатия, по-видимому, была слишком обеспокоена предыдущими успехами французов при Сент-Готхарде в 1664 г. и избегала предоставления Людовику XIV нового повода получения международного признания⁴⁰³. Тем не менее, для развития серьезных внешнеполитических проектов России требовалось укрепление связей с Францией и посольство 1668 г., не имевшее полномочий для переговоров об антиосманской коалиции, могло быть лишь первым шагом.

⁴⁰⁰ Кобзарева Е. И. Россия и Вестфальская система... С. 149–150.

⁴⁰¹ Wójcik Z. Traktat Andruszowski... S. 193.

⁴⁰² Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа... С. 198–199.

⁴⁰³ Гусарова Т. П. Австрийские Габсбурги и проблема борьбы с османами в Европе в 50–70-е гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II. М., 2001. С. 165.

Посольство возглавлял посланник, стольник П. И. Потемкин, ранее один из воевод, участник русско-польской (1654–1667 гг.) и русско-шведской (1656–1658 гг.) войн⁴⁰⁴. Стольник П. И. Потемкин происходил из смоленского служилого города⁴⁰⁵ и не имел тесных родственных связей с наиболее знатной московской аристократией, будучи, тем не менее, включен в сети придворных связей⁴⁰⁶. Карьерный рост П. И. Потемкина на дипломатической службе американский исследователь Р. Крамми считал инициативой А. Л. Ордина-Нащокина, выделяя П. И. Потемкина наряду с В. М. Тяпкиным в качестве его основных выдвиженцев⁴⁰⁷. При этом П. И. Потемкин, получив ранг посланника и наместнический титул, изначально по своему статусу превосходил отправленного ранее в гонцах К. Г. Мачехнина. Это во многом отражало их положение внутри России. Если оклад Мачехнина на 1647/1648 г. составлял 550 чети земли и 25 рублей денег, то у Потемкина в этом же году – 850 чети, 42 рубля денег. Прибавки к окладу П. И. Потемкина также были выше: в 1664–1666 гг. он получил 150 чети земли и 12 рублей с полтиною против 130 четей и 9 рублей пожалованных в тот же год Мачехнину⁴⁰⁸. Направляясь в посольство в чине посланника, стольник П. И. Потемкин также получил титул наместника Боровского. Боровское наместничество занимало в сер. 1660-х гг. последнее (48-е) место в перечне наместнических титулов, замыкая собой список окольных наместничеств. Более того, до сер. XVII в. этот титул выдавался чаще всего дьякам и только в рассматриваемый период происходит повышение его престижности⁴⁰⁹. Традиционно посланники не получали высоких наместнических титулов⁴¹⁰, тем не менее, его присуждение московскому дворянину было значимым для его службы. Стоит отметить, что

⁴⁰⁴ Чаще всего в европейские страны из России со значимыми поручениями отправлялись посланники из-за большой стоимости организации отправки послов с соответствующей их рангу свитой (см. Талина Г. В. Указ. соч. С. 65).

⁴⁰⁵ Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2018. С. 329.

⁴⁰⁶ См. Флоря Б. Н. Русское государство... С. 43, 67–68.

⁴⁰⁷ Crumme R. O. *Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite of Russia, 1613–1689*. Princeton; New Jersey, 1983. P. 105.; Jensen C. R., Powel J. S. *Op. cit.* P. 132.

⁴⁰⁸ Боярская книга 1658 года... С. 85, 96.

⁴⁰⁹ Талина Г. В. Указ. соч. С. 34.

⁴¹⁰ Талина Г. В. Указ. соч. С. 73.

чаще всего наместнический титул не менялся в ходе карьеры⁴¹¹. Для П. И. Потемкина это было важным фактором, потому что в 1660–1680-х гг. происходил процесс введения новых наместнических титулов, многие из которых были ниже по статусу чем Боровское, возвышая его обладателя⁴¹².

Вторым посланником был дьяк С. В. Румянцев, также выходец из смоленского служилого города, в связи с чем между ними происходили статусные конфликты⁴¹³, несмотря на то, что даже самые родовитые представители рода Румянцевых были по размерам своих окладов значительно ниже П. И. Потемкина⁴¹⁴. В отличие от П. И. Потемкина, служившего по московскому списку, С. В. Румянцев начинал свою карьеру в Тобольске в 1659–1664 гг., а его назначение в столичный приказ Новой чети произошло в 1664 г. Последовавшее за этим направление в далекое посольство в 1667 г. может служить доказательством быстрого карьерного роста дьяка⁴¹⁵.

Для переводческой деятельности Посольский приказ назначил в миссию переводчика и толмача. На начальном этапе выезда посольства из Испании во Францию перевод речей участников миссии при контактах с местными властями осуществлял толмач Роман Эглин⁴¹⁶, переводивший на немецкий язык и, согласно документам Посольского приказа, знавший французский⁴¹⁷. Контакты с официально присланным к посольству придворным дворянином, де Като, осуществлялись на латыни, в связи с чем устную речь переводил

⁴¹¹ Изменения происходили примерно в 20% случаев (см. Талина Г. В. Указ. соч. С. 90, 95).

⁴¹² Талина Г. В. Указ. соч. С. 34, 35.

⁴¹³ Эскин Ю. М. Указ. соч. С. 329.; Несмотря на то, что наказом любые конфликты между посланниками были строго запрещены: А буде чем и учинится им чем ссора и вражда, и тою их ссорою и несогласием Великаго государя дел вчинится хотя малая спона и помешка, и им за то быть от Великаго Государя в опале и в разорении (см. Тайный наказ // Сын Отечества. №6. С. 14).

⁴¹⁴ Боярская книга 1658 года... С. 152.

⁴¹⁵ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 453–454. В целом, благодаря надбавкам за посольские миссии, можно говорить, что участвовавшие в них служащие Посольского приказа быстрее продвигались по карьерной лестнице (Беляков А. В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017. С. 55).

⁴¹⁶ Путешествия русских послов... С. 227.

⁴¹⁷ Дневник г. Кате, кавалерийского полковника и придворного дворянина, о Московитах, прибывших во Францию в 1668 г. // Русский вестник. М., 1863. Т. 47. С. 611. Тем не менее, он считался исключительно устным переводчиком, в наказе посольства подчеркивалась необходимость получения списка грамоты на латинском языке, т.к. «французскаго письма прочесть у них некому» (см. Тайный наказ // Сын Отечества. № 9. С. 6).

переводчик посольства, московский торговый иноземец Иоганн Госенц⁴¹⁸. Также он переводил речи в ходе официальных приветственных церемоний, которые устраивали представители французских городов⁴¹⁹. Исходя из французских источников, сам П. И. Потемкин не вел переговоров на латыни⁴²⁰, что приписывали ему парижские слухи⁴²¹, по-видимому, к 1681 г латынью владел его сын⁴²², но момент, когда он ей обучился установить затруднительно.

Вместе с посланником были посланы 7 дворян, среди которых его сын Семен Потемкин, 3 подьячих, 2 священника, переводчик, толмач и 38 человек прислуги⁴²³. Отправление младшего родственника в посольство к сер. XVII в. становится распространенной практикой, с ее помощью было возможным передать ему дипломатический опыт и закрепить род в сфере дипломатической службы, в чем некоторые рода московской аристократии смогли преуспеть⁴²⁴. В качестве подьячих с дипломатами были отправлены Андрей Сидоров из приказа Новой чети, Иван Прохоров – из Рейтарского и Иван Болванов из Большого дворца⁴²⁵.

Представляется, что невысокий статус посланника был связан с необходимостью прощупать почву в европейских странах для взаимодействия с русской дипломатией. Это было основной причиной, почему посольство было направлено к испанскому королю прежде французского, несмотря на более развитые связи именно с Францией и более широкие возможности для сотрудничества во внешней политике⁴²⁶. В условиях, когда цели миссии в обеих странах было одинаковыми приоритет был отдан Испании, как

⁴¹⁸ Bibliothèque nationale de France, département des Manuscrits, français 14118, fol. 43r. Вероятно, он был курляндским немцем, однако в историографии существует точка зрения о его голландском происхождении см. Краatz. А. Ор. cit. P. 16–17.

⁴¹⁹ Путешествия русских послов... С. 244.

⁴²⁰ Дневник г. Кате... С. 610.

⁴²¹ Борисов Ю. В. Указ. соч. С. 146.

⁴²² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681. Д. 1. Л. 108.

⁴²³ Тайный Наказ // Сын отечества. №5. 1850. С. 3; Bibliothèque nationale de France, département des Manuscrits, français 14118. Fol. 44r.

⁴²⁴ Талина Г. В. Указ. соч. С. 94.

⁴²⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1686 г. Д. 2. Л. 5.

⁴²⁶ Практика отправления одного посольства сразу в несколько стран стала распространенной во второй половине XVII в. (см. Талина Г. В. Указ. соч. С. 62).

занимавшей, исходя из русских представлений, более статусное положение в европейской дипломатической системе, находясь на втором месте после императора Священной Римской империи⁴²⁷. Значимой частью миссии в обеих странах было предложение направить в Россию ответные посольства, для чего в Испанию и Францию были подготовлены «опасные грамоты», подтверждавшие статус их возможных дипломатических представителей в случае приезда в Россию⁴²⁸. Вероятно, что, согласно стратегии А. Л. Ордина-Нащокина, связи с западноевропейскими странами должны были стать более регулярными и продолжительное отсутствие во Франции русских посольств следовало объяснять военным временем⁴²⁹ для сглаживания сложившейся дипломатической ситуации.

Также стоит затронуть проблему существования плана А. Л. Ордина-Нащокина по сотрудничеству с Испанией против французского кандидата в Речи Посполитой. В европейской прессе и дипломатической переписке фигурировал проект якобы предложенный П. И. Потемкиным при испанском дворе 7 марта 1667 г., заключающийся в поддержке русской династической политики в Польше⁴³⁰. Часть исследователей принимают этот проект за подлинный⁴³¹, более того, для такого проекта могли быть основания: в куранты попадали сведения о возможности франко-испанского сотрудничества для наступления на вольности шляхты в Речи Посполитой⁴³². В этих условиях А. Л. Ордин-Нащокин мог воспользоваться расстановкой сил чтобы заручиться помощью западноевропейского союзника. Однако, по-видимому, следует согласиться с Б. Н. Флорей об отсутствии каких-либо намеков в русских посольских документах, подтверждающих существование подобного проекта⁴³³. Более того, в наказе посольству П. И. Потемкина в Испанию было предписано объявить, что «Французской и Датской короли с

⁴²⁷ См. Царский титулярник... Т. I. С. 94–100.

⁴²⁸ Тайный Наказ // Сын отечества. №9. 1850. С. 8.

⁴²⁹ Тайный Наказ // Сын отечества. 1850. № 9. С. 3.

⁴³⁰ Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа... С. 391, 392.

⁴³¹ Wójcik Z. Traktat Andruszowski... S. 130.

⁴³² Вести-Куранты. 1656 г.... С. 400.

⁴³³ Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа... С. 393.

Великим Государем нашим с Его Царским Величеством в ссылке и в дружбе, и в любви»⁴³⁴. Маловероятно что после объявления о дружеских отношениях с французским королем дипломаты должны были обсуждать возможности противостояния с ним.

После затянувшегося на несколько месяцев пребывания посольства в Испании⁴³⁵, посланники через подьячего И. Прохорова и толмача Р. Эглина установили контакт с контролировавшим франко-испанскую границу генеральным наместником Байонны маркизом де Сен-Пэ (Saint-Pée). Ему объявили о намерении посланников отправиться к королю с посольской миссией и запросили снабжение за счет королевской казны для оплаты расходов на путешествие и проживание в городах следования⁴³⁶, как это было принято в русской дипломатической практике. Как уже упоминалось в предыдущей главе, ранее это обеспечение выдавалось гонцу К. Г. Мачехнину, и от посланников требовалось закрепить сложившуюся практику. Этот аспект имел существенное значение для церемониала, поэтому даже в главное парижское периодическое издание «La Gazette» для читателей была включена информация, что в Испании посланнику П. И. Потемкину уже давали обеспечение из королевской казны⁴³⁷. Таким образом, это мера основывалась не только на ранее установленном русско-французском дипломатическом церемониале, но и на церемониальных контактах России с соседними европейскими странами. Она закрепилась несмотря на то, что в Испании русское посольство принимали по образцу приема османских дипломатов, с элементами церемониала для европейских государств, не успев получить сведения о приеме их в других христианских странах⁴³⁸. Тем не менее неподготовленный к прибытию русского посольства генеральный наместник

⁴³⁴ Тайный Наказ // Сын Отечества. 1850. № 6. С. 13.

⁴³⁵ См. Дневник г. Кате... С. 610.

⁴³⁶ Путешествия... С. 228–229.

⁴³⁷ Путешествия... С. 427.

⁴³⁸ Эхеа Фернандес М. А. Прием русского посольства 1667–1668 гг. при дворе Карла II (по материалам испанских архивов) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. М., 2015. С. 207–208.

решил прежде согласовать их прием с Парижем и губернатором Байонны Арманом де Грамоном, графом де Гишем. Сен-Пэ согласился предоставить дипломатам кареты, лошадей и гостиницу, а также назначил дворянина и солдат для их сопровождения, но все сделанные транспортные расходы на этом этапе были сделаны за счет русских⁴³⁹. Несмотря на отсутствие королевского распоряжения о приеме посольства, официального сопровождающего и согласования трат с Парижем, местные власти регулярно направляли для миссии собственных сопровождающих. Отдельные служащие направлялись и для сопровождения посланников от Байонны до Бордо⁴⁴⁰, и для осмотра постоянного двора в Бордо⁴⁴¹. Кроме того, к посольству регулярно присылали для охраны солдат, что считалось посланниками показателем престижности их миссии и заносилось в статейный список⁴⁴².

В ходе путешествия посланники планировали задействовать поваров из собственной свиты для приготовления пищи, чтобы сохранить средства до решения вопроса об обеспечении миссии за счет королевской казны. Тем не менее, им пришлось пойти на уступку французским обычаям и платить за еду на постоялом дворе⁴⁴³. Германо-британский социолог Н. Элиас отмечал, что в обществах раннего Нового времени «бремя этикета несли против воли, но сломить его изнутри не могли ... по той причине, что к нему было привязано социальное существование самих вовлеченных в его исполнение людей»⁴⁴⁴. Для дипломатов он имел еще большее значение для репрезентации направившего их монарха. Благодаря следованию этикету 18 (28) июля русских посланников пригласили поселиться на дворе капитана королевской

⁴³⁹ Путешествия... С. 228–229. Немецкий исследователь Ф. фон Гроненбаум считал, что отсутствие королевского представителя на границе с Испанией для встречи посольства, о котором было известно заранее, было связано с конфликтом за дипломатическое первенство между Францией и Испанией и первоначальное отправление русского посольства в Испанию вызывало неудовольствие Людовика XIV (см. Grönebaum F. Op. cit. S. 48). Тем не менее, согласно статейному списку П. И. Потемкина, посольский интродуктор Н. де Берлиз подчеркивал, что заранее об их прибытии известно не было (Путешествия... С. 248).

⁴⁴⁰ Путешествия... С. 237.

⁴⁴¹ Путешествия... С. 237–238.

⁴⁴² Путешествия... С. 239.

⁴⁴³ Путешествия... С. 230–231.

⁴⁴⁴ Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. М., 2002. С. 111.

гвардии г. Мунье около Бордо, подчеркнув, что это была бы для него большая часть, вместо того чтобы поселить их на постоялом дворе⁴⁴⁵.

Дипломаты планировали добираться за свой счет и дальше, до города Бордо, из-за того, что ответ из Парижа об их обеспечении еще не успел прийти в Байонну. Проблемой для их путешествия была откупная система сбора налогов, из-за чего посольство должно было заплатить пошлины за перевозимые вещи в пользу местного губернатора, А. де Грамона⁴⁴⁶. Решение взять с них пошлины было расценено участниками миссии как бесчестье, лишь факт взятия пошлин по их росписи, без осмотра товаров, частично сгладил ситуацию⁴⁴⁷. Тем не менее, позиция представителя откупщика, который стал брать пошлины с драгоценных окладов икон и животворящего креста, в статейном характеризовалась как враждебная христианству. Стольник П. И. Потемкин, согласно написанному им отчету, обратившись к откупщику сказал: «Видя твое безстыдство и нрав зверской, как псу голодному или волку несытому, имущу гортань восхищати от пастырей овцы, так тебе бросаем золото, как прах», после чего бросил сто золотых ему на землю⁴⁴⁸. Этот конфликт не отразился во французских источниках, предположительно, из-за того, что направленный королем сопровождающий, сеньор де Като, встретился с посланниками уже после этого события. По всей видимости, это событие не привело к далекоидущему дипломатическому конфликту, в том числе, потому что отданная сумма была позже компенсирована из королевской казны⁴⁴⁹.

После получения известия о прибытии посольства король поручил сопроводить дипломатов кавалерийскому полковнику, дворянину королевской свиты (*gentilhomme ordinaire du roi*)⁴⁵⁰, Франсуа де Кате 5 августа 1668 г., как это было принято в отношении русских дипломатических миссий

⁴⁴⁵ Путешествия... С. 239.

⁴⁴⁶ Антуан Ш де Грамон, как упоминалось в прошлой главе, был участником похода Яна Казимира 1663–1664 гг. на Москву (Бабулин И. Б. Указ. соч. С. 89). Представляет интерес, что в сохранившихся источниках отсутствуют упоминания оказания им почестей русским посланниками и стремления встречи с ними.

⁴⁴⁷ Путешествия... С. 233–235.

⁴⁴⁸ Путешествия... С. 236–237.

⁴⁴⁹ Дневник г. Кате... С. 621.

⁴⁵⁰ Придворная должность, функционировавшая для помощи оберкамергеру (Шишкин В. В. Французский королевский двор в XVI веке. История института. СПб., 2018. С. 291).

по итогам предыдущих посольств. Расходы на это посольство значительно превосходили те, что были сделаны в связи с прибытием гонца К. Г. Мачехнина: из казны было выделено 34 347 ливров⁴⁵¹, против 2 400, потраченных на посольство в 1654 г. Уже 31 июля (9 августа) свитский дворянин с двумя другими сопровождающими встретился с посланниками и пожал им руки⁴⁵². На встрече помимо них присутствовали предоставивший им дом г. Мунье, дворяне, толмач и переводчик⁴⁵³. Общение происходило через И. Госенца, который знал латынь⁴⁵⁴. Уже на этом этапе принимающая сторона затронула вопрос о том, почему Испания была посещена посольством раньше, если церемониально Франция первенствует ей⁴⁵⁵. Свой маршрут П. И. Потемкин объяснил морскими ветрами, направившими его корабль сначала к берегам Испании, и в дальнейшем этот вопрос не поднимался⁴⁵⁶. Таким образом, Россия, с французской точки зрения, была частью европейской дипломатической системы и порядок посещения ее посольствами стран должен был соответствовать существовавшим правилам, однако французами не были приложены усилия для того, чтобы посланниками эти правила исполнялись.

Путешествие от Байоны до Парижа было лишь частично формализовано французским церемониалом. Действующие в последующем нормы только оформлялась. Главной особенностью оказанного приема было то, что, как и посольства неевропейских стран, русские были освобождены от расходов на время пребывания во Франции и принимали почести во всех крупных городах⁴⁵⁷. Среди почестей были встречи с городскими властями

⁴⁵¹ Seydoux M. Op. cit. P. 240.

⁴⁵² Путешествия... С. 239.

⁴⁵³ Толмач специализировался на устном переводе, а переводчик имел компетенции для перевода письменных текстов (см. Рогожин Н. М. Посольский приказ: колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 48).

⁴⁵⁴ Дневник г. Кате... С. 610–611.

⁴⁵⁵ Ранее случился серьезный дипломатический конфликт в Англии по вопросу дипломатического первенства между французским и испанским послами, по итогам которого Франция закрепила свой более высокий статус (см. Hennings J. Op. cit. P. 24).

⁴⁵⁶ Дневник г. Кате... С. 610–611.

⁴⁵⁷ Шикуну М. И. Указ. соч. С. 75; Освобождение от расходов посольства 1668 г. аргументировалось церемониймейстером Н. де Сенкто тем, что аналогичные правила для европейских дипломатов действуют в России (Bibliothèque nationale de France, département des Manuscrits, français 14118. Fol. 41v–42r).

(мэрами, эшевенами, парламентариями), которые приветствовали посланников, спрашивали об их здоровье и дарили подарки, чаще всего состоящие из вина, крепкого алкоголя (eau-de-vie), фруктов и варенья⁴⁵⁸. Речи посетителей переводил И. Госенц, вероятно, с латыни, а со своей стороны, стольник П. И. Потемкин в ответ жаловал деньгами тех, кто приносил подарки, а также игравших для посланников музыкантов⁴⁵⁹. Иногда, как в Бордо и Орлеане, к миссии приставляли почетный караул из 40–50 солдат⁴⁶⁰.

Посланники также особо отмечали в отчетной документации, что из Парижа для их сопровождения направили поваров, во главе с капитаном Антуаном де Ла Гардом, которые занимались организацией их обедов. Обеды состояли из несколько блюд, также в соответствии с постными днями православного календаря для посланников готовились рыбные блюда, а для демонстрации престижа использовалась серебряная посуда⁴⁶¹.

В остальном путешествие практически не регламентировалось. Кареты предоставляли местные власти, например, в Бордо посланников везла карета генерального наместника в Гаскони маркиза де Сен-Люка, в которой на почетных местах сидели П. И. Потемкин и С. В. Румянцев, а напротив их – де Кате. Всего было задействовано шесть карет по шесть запряженных лошадей в каждую и 30 верховых лошадей⁴⁶². Несмотря на фиксацию в сохранившихся документах мест, которые занимали участники посольства, в дальнейшем церемониальное значение придавалось лишь местам, занятым ими во время публичных церемоний, а не во время путешествия. В частности, дьяк только в этот раз садился в одну карету с посланником за все время их пребывания во Франции, что не было учтено французскими церемониймейстерами при возвращении П. И. Потемкина с другой миссией в 1681 г.⁴⁶³ Показательно, что

⁴⁵⁸ Дневник г. Кате... С. 612.

⁴⁵⁹ Путешествия... С. 242–243, 245; Дневник г. Кате... С. 613.

⁴⁶⁰ Путешествия... С. 245.

⁴⁶¹ Путешествия... С. 242; Дневник г. Кате... С. 612.

⁴⁶² Путешествия... С. 240; Bibliothèque nationale de France, département des Manuscrits, français 14118. Fol. 41.

⁴⁶³ Манин Д. О. Особенности дипломатического церемониала русского посольства во Франции в 1681 г. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых. М., 2022. С. 31.

согласно дневнику де Кате, первый посланник старался, чтобы карета его сына предшествовала той, в которой он сам ехал, дабы этим показать, что его сын не уступает дьяку, ехавшему вслед за каретой посла, несмотря на то что, когда они ехали в королевских каретах, на официальных церемониях, сын не мог опередить дьяка⁴⁶⁴. Помимо этого, конкуренция наблюдалась и за места за столом. На первом данном им за счет королевской казны ужине в Бордо с почетной правой стороны от П. И. Потемкина сидел его сын, с левой – дьяк, а сопровождающих их де Кате занимал место около сына первого посланника⁴⁶⁵.

Это могло иметь значение для статусных отношений внутри свиты. В частности, Ю. М. Эскин считал, что в борьбе за почетные места проявлялись практики местничества. С его точки зрения, сын посланника стремился сесть выше дьяка, потому что уже получил местническую «находку», будучи записанным в статейный список выше второго посланника. Единственным выходом для С. В. Румянцева стало садиться за другой стол⁴⁶⁶. В этом дьяка поддержали некоторые дворяне из посольской свиты, также занимавшие отдельные места⁴⁶⁷. Представляется, что этот же фактор обусловил то, что дьяк выбирал для путешествия отдельную от первого посланника карету.

Несмотря на значение частных визитов для французской светской жизни и этикета, наказ русским посланникам предписывал отказываться от посещения обедов у других людей до первой публичной аудиенции у короля⁴⁶⁸. Это проявилось в том, что в Бордо они не приняли приглашение на обед от маркиза де Сен-Люка, обосновав это тем, что не могут посещать его прежде короля. В свою очередь, и маркиз де Сен-Люк не принял их встречное приглашение, а также отверг посланные к нему в дар меха⁴⁶⁹.

⁴⁶⁴ Дневник г. Кате... С. 611.

⁴⁶⁵ Дневник г. Кате... С. 612.

⁴⁶⁶ Эскин Ю. М. Указ. соч. С. 329.

⁴⁶⁷ Дневник г. Кате... С. 612. По-видимому, внутри свиты существовали не зафиксированные в русских источниках конфликты, например, из дневника де Кате известно, что 23 августа их ужин был прерван, потому что стольник П. И. Потемкин рассердился на одного из ужинавших с ним дворян (см. Дневник г. Кате... С. 613).

⁴⁶⁸ Тайный Наказ // Сын отечества. № 9. 1850. С. 1–2.

⁴⁶⁹ Путешествия... С. 241; Дневник г. Кате... С. 612.

Взаимодействие с принимающими осложнялось ограниченными языковыми компетенциями переводчика и толмача. Как упоминалось выше, И. Госенц считался компетентным в немецком, голландском, и итальянском языках, но не во французском⁴⁷⁰. Согласно дневнику де Кате, французским не владел и толмач посольства Р. Эглин⁴⁷¹. Знание французского языка могло значительно поспособствовать выполнению поставленных перед посольской миссией задач. В решении этой проблемы П. И. Потемкин продемонстрировал способности к использованию своих ранних социальных связей, наняв в качестве нового переводчика, доминиканца Урбановского. С ним Потемкин познакомился в Люблине в конце 1655 г. во время военных действий⁴⁷². Как было отмечено в историографии⁴⁷³, в известии о найме Урбановского существует разночтение между французскими и русскими источниками. Так, согласно статейному списку, Урбановский был нанят в Амбуазе⁴⁷⁴, а по версии журнала де Кате – в Блуа⁴⁷⁵. В целом, Урбановский занимался переводом с французского, в то время как И. Госенц должен был подготавливать официальные переводы с латыни. Практика самостоятельного найма переводчиков была распространена и в большинстве случаев не встречала возражений со стороны Посольского приказа⁴⁷⁶. Несмотря на то, что в языке статейного списка статус Урбановского и Госенца не отличался, оба назывались переводчиками, французская сторона отразила более официальный статус Госенца (*translateur*), а за Урбановским закрепила статус устного переводчика (*interpréte*)⁴⁷⁷, что отразилось и на размере выданных им королевских подарков⁴⁷⁸. Тем не менее, согласно журналу де Кате, Потемкин

⁴⁷⁰ Путешествия... С. 244.

⁴⁷¹ Дневник г. Кате... С. 611.

⁴⁷² Путешествия русских послов... С. 426.

⁴⁷³ См. Путешествия русских послов... С. 433.

⁴⁷⁴ Путешествия русских послов... С. 244.

⁴⁷⁵ Дневник г. Кате... С. 613–614.

⁴⁷⁶ Домрачев Н. Е. Русская постоянная дипломатическая миссия в Польско-Литовском государстве в 1670-е – 1690-е гг. и ее переводчики: к вопросу о комплектовании и обязанностях // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 34–51; Рыбина Е. А. Указ. соч. С. 120.

⁴⁷⁷ ААЕ. СР. Russie. Vol. 01. Fol. 59r.

⁴⁷⁸ Дневник г. Кате... С. 619.

преимущественно вел переговоры через доминиканца, а не через официального переводчика: также именно Урбановский проверял написание царских титулов в ответной французской грамоте, так как ее латинский перевод по составу титулов отличался от французского оригинала⁴⁷⁹. Таким образом, знание французского языка играло значительную роль в статусных отношениях между русским царем и французским королем.

Одной из двух основных дипломатических церемоний Франции XVII в. был торжественный въезд посольства в Париж. Размещение дипломатов накануне торжественного въезда зависело от их конфессиональной принадлежности: послы католических государств размещались в монастыре Пикпюс, а послы протестантской и других конфессий – в особняке Рамбуэ, сам въезд проходил с востока Парижа по улице Сент-Антуан через одноименные ворота⁴⁸⁰. Тем не менее, эта практика не распространялась на русских дипломатов. Если К. Г. Мачехнин, как было представлено в предыдущей главе, въезжал в Париж с севера, согласно маршруту своего следования, вероятнее всего через ворота Сен-Дени, то прибывшие из Испании П. И. Потемкин и С. В. Румянцев въезжали с юга из парижского предместья Бур-ла-Рен.

Посланники прибыли в Бур-ла-Рен 18 (28) августа, и их торжественный въезд был назначен на 21 (31) августа. На церемонии дипломатов должен был сопровождать маршал Франции в королевских каретах⁴⁸¹. В этом церемония их торжественного въезда не отличалась от посланников прочих европейских стран, за исключением того, что к ним не присылались кареты от принцев крови⁴⁸², вероятно, в связи с подчеркнутой направленностью их миссии исключительно к королю. Чтобы подготовить церемонию к ним прибыл посольский интродуктор Н. де Берлиз, ранее занимавшийся организацией

⁴⁷⁹ Путешествия русских послов... С. 287–288, 295; Дневник г. Кате... С. 611, 615.

⁴⁸⁰ Шикуло М. И. Указ. соч. С. 77–78.

⁴⁸¹ Путешествия... С. 245.

⁴⁸² Шикуло М. И. Указ. соч. С. 78–79.

приема посольства К. Г. Мачехнина⁴⁸³. На этой встрече возник вопрос о передаче ему копии царской грамоты, которую посланники не могли отдать. В русской церемониальной практике особым значением наделялась передача грамоты лично в руки монарха, принимавшего посольство. Именно вручение грамоты было для П. И. Потемкина и С. В. Румянцева главной целью посольства⁴⁸⁴. Более того, в русской дипломатии было характерно скрывать содержание официальных грамот до публичной аудиенции у иностранного монарха. В Москве даже случались серьезные дипломатические инциденты из-за попыток выведать у прибывающих посольств содержание грамот раньше их публичной аудиенции⁴⁸⁵. Тем не менее, посольский интродуктор вовсе не стремился к этому, главной проблемой становилось то, что для получения права на торжественный въезд в Париж иностранные дипломаты должны были предоставлять ему верительные грамоты от своего государя⁴⁸⁶. Таких грамот у русских посланников не было, несмотря на то что этот тип документов был известен Посольскому приказу и направлялся в некоторые страны⁴⁸⁷. Посланники ограничились предоставлением ему проезжей грамоты, подтверждавшей их посольский статус, на чем инцидент был исчерпан⁴⁸⁸.

В день торжественного въезда к посланникам прибыл маршал Франции Бернарден Жиго маркиз де Бельфон, незадолго до этого получивший маршальский жезл⁴⁸⁹. В русском статейном списке также уделено внимание удаленности места начала церемонии от столицы. Отмечалось, что Бур-ла-Рен находится за 2 мили от Парижа, со слов маршала де Бельфона, а также что никого из иностранных послов так далеко от города не встречали⁴⁹⁰. В русском

⁴⁸³ В 1666 г. должность посольского сопровождающего (*conducteur des ambassadeurs*) была заменена на посольского интродуктора (*introduceur des ambassadeurs*) (см. Шикуло М. И. Указ. соч. С. 62, 197).

⁴⁸⁴ Путешествия... С. 246–247.

⁴⁸⁵ Юзефович Л. Указ. соч. С. 134.

⁴⁸⁶ Шикуло М. И. Указ. соч. С. 72.

⁴⁸⁷ Гуськов А. Г. Указ. соч. С. 94–95.

⁴⁸⁸ Путешествия... С. 248–249; Дневник г. Кате... С. 614.

⁴⁸⁹ La Roque L. de. *Catalogue historique des généraux français*. Paris: Desaide, 1896. P. 116–117.

⁴⁹⁰ Путешествия... С. 250.

церемониале это имело большое значение для статуса принимаемого посольства⁴⁹¹.

Маркиз де Бельфон прибыл в Бур-ла-Рен с посольским интродуктором де Берлизом в карете короля, за ними ехали карета королевы, две кареты маршала и четыре взятые им у своих знакомых, каждая из которых была запряжена шестью лошадьми⁴⁹². Тем не менее, статейный список посланников указывал на принадлежность первых двух карет к королю и королеве, а дальнейшие определялись как королевские без привязки к конкретным французским придворным, которые направляли свои кареты для организации торжественного въезда иностранных дипломатов. Во французском церемониале принадлежность каждой кареты конкретному придворному имела дополнительное значение⁴⁹³.

Помимо маршала и посольского интродуктора для сопровождения посланников прибыли 20 конных дворян и переводчик. Согласно статейному списку, подьячие и толмач встречали маршала у кареты, дворяне – у дверей постоянного двора, в прихожей маршала встречал С. В. Румянцев, а в самой комнате – П. И. Потемкин⁴⁹⁴, чем он вновь продемонстрировал первенство своего статуса перед вторым посланником. Иначе встреча была описана в дневнике де Кате, согласно ему посланника убедили встретить маршала на вершине лестницы на второй этаж, а дворяне встречали его внизу⁴⁹⁵.

Описание занимаемых мест в каретах во время торжественного въезда в Париж в русских и французских источниках дано сходно. Согласно им, в королевской карете П. И. Потемкин сел на самое почетное место, слева от него расположился маршал, напротив – посольский интродуктор и де Кате, а в стремени ехал переводчик. Отличаются описания размещения в карете королевы: исходя из дневника де Кате в ней ехал один С. В. Румянцев, а из русского статейного списка известно, что с ним ехал помощник посольского

⁴⁹¹ Юзефович Л. Указ. соч. С. 76.

⁴⁹² Дневник г. Кате... С. 615.

⁴⁹³ Путешествия... С. 250; Шиколо М. И. Указ. соч. С. 78.

⁴⁹⁴ Путешествия... С. 249.

⁴⁹⁵ Дневник г. Кате... С. 615.

интродуктора Дююи, исполнявший функции секретаря-сопроводителя (*secrétaire à la conduite*) вместо заболевшего Рене Жиро. Остальные кареты занимали дворяне, в том числе сын П. И. Потемкина, и священники, а перед ними ехали оставшиеся люди посольства на лошадях, среди которых был толмач Р. Эглин⁴⁹⁶. Порядок, что второй посланник находился в отдельной карете, занимая менее статусное место чем первый, закрепился во французском церемониале и станет причиной для дипломатического конфликта во время следующего визита П. И. Потемкина в 1681 г.⁴⁹⁷

Сам въезд прошел менее торжественно чем ожидал П. И. Потемкин, с его точки зрения, за церемонией следило слишком мало горожан, из-за чего посланник несколько раз выказывал свое недовольство. Также по пути он раздавал монеты нищим, чтобы продемонстрировать щедрость царя, как одну из наиболее значимых черт его образа⁴⁹⁸. Небольшой инцидент произошел лишь, когда, прибыв в посольскую резиденцию, маршал сопроводил посланника до его комнаты, но П. И. Потемкин в ответ не проводил его до кареты, чем вызвал негодование де Бельфона, и впоследствии русский дипломат принес ему извинения⁴⁹⁹.

По всей видимости, посольство остановилось в посольском особняке (*hôtel des ambassadeurs extraordinaires*) на улице Турнон, где обычно размещались чрезвычайные послы всех государств⁵⁰⁰. Главным отличием от стандартной процедуры стало королевское обеспечение посланников, которых три дня угощали королевский гофмейстер д'Эстублон (*maître d'hôtel du Roi d'Estoublon*) и королевский контролер Шамуа, после чего их снабжение возвращалось в ведение капитана А. де Ла Гарда⁵⁰¹. Королевские гофмейстеры занимались организацией королевской трапезы⁵⁰², и назначение одного из них

⁴⁹⁶ Дневник г. Кате... С. 615; Путешествия... С. 251.

⁴⁹⁷ Манин Д. О. Особенности дипломатического церемониала... С. 31.

⁴⁹⁸ Дневник г. Кате... С. 615.; Юзефович Л. Указ. соч. С. 111.

⁴⁹⁹ Дневник г. Кате... С. 615–616; Путешествия... С. 251.

⁵⁰⁰ Шикуло М. И. Указ. соч. С. 104; Дневник г. Кате... С. 615–616.

⁵⁰¹ Дневник г. Кате... С. 616. Во Франции дипломатов высокого ранга традиционно обеспечивали 3 дня, считается, что эта норма имела одно происхождение с русским правилом обеспечивать дипломатов за счет казны, но претерпела другую эволюцию (Юзефович Л. Указ. соч. С. 109).

⁵⁰² Шишкин В. И. Указ. соч. С. 283–284; 456.

для подготовки обедов посланников было дополнительной почестью. Сами русские дипломаты также отметили это в статейном списке и высоко оценили королевскую милость⁵⁰³. Организация обедов была крайне значима для русского церемониала, и даже в наказе посольству особо оговаривалось, что необходимо благодарить короля в случае присылки к ним обеда или приглашения на обед с королем⁵⁰⁴.

Второй значимой посольской церемонией была публичная королевская аудиенция. Русскому посольству ее назначили на 25 августа (4 сентября). Как было принято⁵⁰⁵, посланников на нее сопровождал маршал де Бельфон и посольский интродуктор де Берлиз. Аудиенция проходила в Сен-Жермене, где их с барабанным боем встретили французская и швейцарская гвардии, численностью в 600 человек. Гвардейцы были выстроены под ружьем вдоль всей дороги от места для игры в мяч до кухонного двора, где посольство вышло в комнаты графа дю Люда, первого камер-юнкера и губернатора Сен-Жермена (*premier gentilhomme de la chambre et gouverneur de Saint-Germain*)⁵⁰⁶. Предполагалось, что все пойдут пешком, но так как посланник посчитал, что ему оскорбительно не подъехать ко дворцу в карете, то было послано за двумя каретами: в одну из них сел посланник с сыном, в другую – дьяк⁵⁰⁷. За ними следовали все прочие участники посольства, прошедшие чрез кухонный двор ко дворцу, у подъезда которого остановились обе кареты. При выходе из кареты посланник был встречен обер-церемониймейстером Антуаном де Родом и ординарным церемониймейстером Никола де Сенкто⁵⁰⁸. Швейцарская

⁵⁰³ Путешествия... С. 251.

⁵⁰⁴ Тайный Наказ // Сын отечества. №9. 1850. С. 4–5. Подробнее о значении церемониала трапезы в России см. Юзефович Л. Указ. соч. С. 211–224.

⁵⁰⁵ См. Шиколо М. И. Указ. соч. С. 198.

⁵⁰⁶ Путешествия... С. 254; Дневник г. Кате... С. 616–617; Bibliothèque nationale de France, département des Manuscrits, français 14118. Fol. 56v–57r. Описание торжественного въезда русских послов и их публичной аудиенции были опубликованы в 105 номере *La Gazette* от 7 сентября 1668 г., т.е. через 3 дня после аудиенции, что может говорить о значимости этого события (*Recueil des gazettes nouvelles ordinaires et extraordinaires*. Paris, 1668. P. 937–938).

⁵⁰⁷ Дневник г. Кате... С. 617. Несмотря на то, что по правилам французского дипломатического церемониала запрещалось въезжать на королевский двор в карете до получения им первой королевской аудиенции (Шиколо М. И. Указ. соч. С. 73).

⁵⁰⁸ Обе должности занимались организацией придворного церемониала и участвовали в его официальной части, соотношение их функций и статуса было затруднительным (см. Шиколо М. И. Указ. соч. С. 61; Шишкин В. В. Указ. соч. С. 284).

гвардейская сотня стояла вдоль ступеней лестницы, наверху которой на протяжении приема играли трубачи⁵⁰⁹. У дверей зала для аудиенции посланников встретил капитан королевской лейб-гвардии, маркиз де Жевр, чтобы сопроводить их в зал⁵¹⁰. На самой аудиенции помимо короля присутствовали его брат, дофин и королева, находившаяся инкогнито в комнате с дамами⁵¹¹. Таким образом, аудиенция включала в себя всех ключевых участников дипломатического церемониала, за исключением государственного секретаря по иностранным делам⁵¹².

Стольник П. И. Потемкин вошел в зал с непокрытой головой, поклонившись по французским правилам⁵¹³, а Людовик XIV встал, снял шляпу и спросил про здоровье царя, закрепив таким образом церемониал, который начал формироваться во время посольства К. Г. Мачехнина. Далее каждый раз, когда называли имя царя, король снимал шляпу⁵¹⁴. При подготовке следующего русского посольства во Францию наказ к нему не содержал инструкции для убеждения короля в необходимости снимать шляпу при упоминании царского имени⁵¹⁵, что может свидетельствовать о том, что в Посольском приказе считали эту норму закреплённой. Царскую грамоту, которую нес С. В. Румянцев, П. И. Потемкин взял из его рук и, кланяясь, передал королю, который, в свою очередь, встал, снял шляпу и перчатку, и, взяв грамоту, держал ее в руках до конца аудиенции. При передаче грамоты П. И. Потемкин сказал речь, которую И. Госенц перевел на латинский, а Урбановский – на французский, он же перевел послу ответ короля. В конце

⁵⁰⁹ Дневник г. Кате... С. 617.

⁵¹⁰ Дневник г. Кате... С. 617.

⁵¹¹ В случае присутствия на аудиенции королевы, как это случилось в 1654 г. во время посольства К. Г. Мачехнина, необходимо было ей править поклона от царя, а также и от царицы Марии Ильиничны (Тайный Наказ // Сын отечества. № 9. 1850. С. 4).

⁵¹² См. Шиколо М. И. Указ. соч. С. 258.

⁵¹³ Французский церемониал считается частью исследователей менее пышным, чем современные ему английский и испанский, в нем перед королем было принято чаще делать реверанс, чем преклонять колено (см. Блюш Ф. Указ. соч. С. 414–415). Этот элемент посланникам был заранее объяснен, вероятно, посольским интродуктором, который следил за соблюдением ими церемониала.

⁵¹⁴ Путешествия... С. 256; Дневник г. Кате... С. 617.

⁵¹⁵ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 229. Л. 32.

аудиенции король позволил целовать руку посланникам, дворянам, переводчику, подьячим и толмачу⁵¹⁶.

Во время публичной аудиенции удалось обсудить два значимых вопроса. Во-первых, церемониальный – король предложил русским дипломатам аудиенцию у королевских министров в Париже. Со своей стороны посланники настояли, что на эту встречу они должны быть направлены лично королем, а также что она должна проходить на его дворе. Король согласился на эти условия, и аудиенция была назначена на 27 августа (6 сентября)⁵¹⁷. Эта уступка короля, и особенно дополнительная встреча с ним, еще больше поднимали престиж прибывшего посольства.

Во-вторых, относительно русско-польских отношений Людовик XIV пожелал, чтобы Андрусовское перемирие перешло в продолжительный мир⁵¹⁸. На этом приостановилось обсуждение польского вопроса, еще недавно бывшего камнем преткновения сторон. В царской грамоте Людовику XIV не предлагалась роль посредника в заключении Вечного мира между Россией и Речью Посполитой, в отличие от посольства в Вену И. А. Желябужского, где император получил такое предложение⁵¹⁹. Тем не менее, в дальнейшем высказанное французским королем пожелание сыграет свою роль.

Прощаясь с посланниками, монарх вновь встал и снял шляпу, после чего капитан гвардии проводил их до дверей и пожал им руки, а у подножия лестницы их разместили на носилках и доставили к палатам графа дю Люда, где для них и их свиты были накрыты столы⁵²⁰. Торжественное застолье заканчивало публичную аудиенцию у короля и было для обеих сторон значимой частью церемониала, зафиксированной в отчетах

⁵¹⁶ Путешествия... С. 256; Дневник г. Кате... С. 617. Целование руки монарха русскими дипломатами было неотъемлемой частью церемониала, так при заключении Константинопольского мира в 1700 г. с русской стороны отстаивалась обязательность допуска посланников к целованию руки султана. Ранее это положение им не соблюдалось (Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М., 2022. С. 486).

⁵¹⁷ Путешествия... С. 257–259.

⁵¹⁸ Путешествия... С. 256–257.

⁵¹⁹ Grönebaum F. Op. cit. S. 49–50.

⁵²⁰ Дневник г. Кате... С. 617; Сами посланники называли палаты королевскими, что повышала статус их обеда и в большей степени соответствовало вышеприведенным положениям наказа о правилах приема обедов у короля (см. Путешествия... С. 259).

церемониймейстеров и посланников. Им руководил маршал де Бельфон, исполнявший функции первого гофмейстера короля (*premier maistre d'hostel du roy*)⁵²¹, с целью показать посланникам всю королевскую роскошь. В свою очередь, посланник П. И. Потемкин, как ему предписывал наказ, поднимал многословные тосты за здоровье царского Величества, короля и их наследников, и все сидевшие за столом со стаканами в руках отвечали ему тем же⁵²². По-видимому, длина тостов П. И. Потемкина была спародирована демонстрацией многословности русского языка на сцене парижского театра⁵²³. После ужина маршал де Бельфон проводил их до карет, а посольский интродуктор де Берлиз сопровождал в Париж до комнаты посольского особняка⁵²⁴.

Церемония первой публичной аудиенции у короля привлекала внимание придворных, несмотря на то что ранее торжественный въезд наблюдало мало людей. Так в придворной рифмованной газете «*La Gazette rimée*», которую редактировал уже упоминавшийся в предыдущей главе Ж. Лорет, было издано несколько известий о посольстве. В частности, об обстоятельствах их публичной аудиенции у короля:

Ces deux Ministres remarquables	Эти два примечательных министра
Par leur air, par leurs vestemens	По их виду, по их одежде
Et leurs bizarres ornemens,	И их странными украшениями,
Qui n'ont nul rapport a nos modes,	Которые не имеют ничего общего с нашей модой,
Mais qui leur sont bien plus commodes,	Но которые гораздо удобнее для них,
Ont ete menez pour certain,	Были доставлены, определенно
Dans le meme ordre, a <i>Saint-Germain</i> ,	В том же порядке, в Сен-Жермен,
Et du Grand <i>Sire</i> en l'audience,	И на аудиенцию к Великому Сиру,

⁵²¹ В этой роли де Бельфон занимался организацией наиболее значимых придворных торжеств (см. Блюш Ф. Указ. соч. С. 222).

⁵²² Дьяк и сын посла были больны и не ладили между собою; потому обедали в разных комнатах (Дневник г. Кате... С. 617–618).

⁵²³ Это отличало пародию русского от пародирования в Париже кратного языка турок (см. Jensen С., Powell J. Op. cit. P. 136–137).

⁵²⁴ Путешествия... С. 259.

<p>Avec pompe et magnificence. Ce <i>Monarque</i>, dont le Renom Passe celui de Salomon, Quoi qu'on en die, ou qu'on en prone, Se trouvant assis sur un Trone, Avec toute la majeste Presque d'une Divinite, Et dans un Lieu plus beau qu'un Temple, Qu'avec que respect l'on contemple, Ils demeurèrent eblouis A l'aspect de ce <i>Grand-Louis</i>, Et crurent a le dire en somme, Voir un Dieu bien plutot qu'un Homme.</p> <p>Après leurs inclinations, Ou bien leurs prosternations, L'un d'eux fit, en leur propre Langue, Une plantureuse Harangue⁵²⁵; ... Mais fermons cet article ci, Disant que l'Auguste <i>Monarque</i> Fit voir par mainte belle marque, A ces Messieurs Ambassadeurs, Qu'il estimoit fort leurs grandeurs, Qui font du merite paraitre, Et le <i>Duc Alexis</i>, leur Maitre,</p>	<p>С помпой и великолепием. Этот Монарх, чье прозвище Перешло к нему от Соломона, Что бы ни говорили и ни отстаивали, Восседает на Троне, Со всем величием Почти божеством, И в месте, более прекрасном, чем храм, Который с таким благоговением созерцают, Они были ослеплены Видом этого Великого Людовика, И верили, сказав в итоге, Что видят скорее Бога, чем человека.</p> <p>После их наклонов, или скорее их поклонов, Один из них произнес на своем языке Пышную речь; ... Но давайте завершим эту статью, Сказав, что августейший монарх Проявил много прекрасных качеств, К этим господам послам, Что он высоко ценит их величие, Что зиждется на достоинстве Герцога Алексея, их господина,</p>
---	--

⁵²⁵ Дневник г. Кате... С. 606.

De maintes Terres le Seigneur,	Владыки многих земель
Et soy-disant Grand Empereur	И называемом ими Великим Императором
(Dont pour moy peu je me soucie)	(О котором я сам мало забочусь)
De toute la triple Russie ⁵²⁶ .	Всех трех частей России.

Следующая аудиенция произошла 29 августа (7 сентября) в Сен-Жермене. Она совмещала в себе элементы публичной и частной аудиенций, разграничение между которыми существовало во французском церемониале⁵²⁷, но не имело большого значения для русских посланников. Их целью было, следуя наказу, встретиться с французскими министрами для обсуждения перспектив развития дипломатических связей и торгового соглашения⁵²⁸. В Париж для сопровождения посланников были направлены посольский интродуктор де Берлиз, свитский дворянин де Кате и помощник посольского интродуктора Дюпюи⁵²⁹, при этом отсутствовал маршал. Для доставки посланников ко двору было отправлено 5 карет вместо 8 на первой публичной аудиенции, но участники церемонии разместились в них аналогично, за исключением уже упомянутого отсутствия маршала⁵³⁰. На этот раз они остановились на овальном дворе Орлеанского епископа, откуда отправились на королевскую аудиенцию⁵³¹. В источниках не зафиксировано торжественного церемониала, подготовленного для встречи посланников, описание их маршрута к королю ограничивается упоминанием о встрече с церемониймейстером маркизом де Сенкто у входа в королевские палаты. На приезде их встречали лейб-гвардейцы таким же строем, как и на первой аудиенции⁵³². Сама встреча с королем, согласно статейному списку,

⁵²⁶ Gazette rimée от 8 сентября 1668 года // Дневник г. Кате... С. 610.

⁵²⁷ Шикуло М. И. Указ. соч. С. 71–74.

⁵²⁸ Тайный наказ // Сын Отечества. 1850. № 6. С. 3. Детали этой аудиенции не были раскрыты для парижской публики в «La Gazette», присутствовало лишь упоминание о том, что она состоялась (Recueil des gazettes nouvelles... 1668. P. 962).

⁵²⁹ Путешествия... С. 261–262.

⁵³⁰ Дневник г. Кате... С. 618; Путешествия... С. 262.

⁵³¹ Дневник г. Кате... С. 618.

⁵³² Путешествия... С. 271.

ограничилась выражением благодарности посланниками за данный им обед и вопросом короля об их здоровье, задавая который, он встал и снял шляпу⁵³³. Этим актом он не только следовал этикету, но и показал аналогичное отношение к здоровью посланников, как к здоровью самого царя, которого они на публичной аудиенции представляли.

Король направил посланников в палаты возглавлявшего финансовый совет королевства маршала Никола де Виллерау, для аудиенции с ним, новым государственным секретарем по иностранным делам Югом де Лионном и генеральным контролером финансов Жаном-Батистом Кольбером⁵³⁴. Этот состав министров был более чем достаточен для разработки французской внешнеполитической программы относительно России, а также русские посланники видели во встрече с тремя министрами подтверждение своего высокого статуса и осознания значимости их миссии. Предположительно, именно поэтому в конференции участвовали основные министры рассматриваемого периода правления Людовика XIV, входившие в его узкий круг доверенных лиц, занимавшие места в Государственном совете и возглавлявшие королевский совет финансов⁵³⁵. Впрочем, для ограниченных в своих полномочиях посланников существенное значение также имел церемониал встречи: в статейном списке было подчеркнuto, что ответная палата находилась рядом с той, где были на посольстве у короля⁵³⁶, а также порядок, в котором их встречали королевские министры, полностью опущенный во франкоязычных источниках. У входной двери их встретил де Лионн, а у дверей зала – Виллерау и Кольбер, которые пожали руки посланникам и пошли в зал для аудиенции слева от Потемкина. В зале они также расположились за столом слева от посланников⁵³⁷.

⁵³³ Путешествия... С. 262.

⁵³⁴ Дневник г. Кате... С. 618.

⁵³⁵ Блюш Ф. Указ. соч. С. 123.

⁵³⁶ Путешествия... С. 262; Жилище монарха имело особое статусное значение и чем ближе к нему проходила встреча, тем почетнее она считалась (см. Юзефович Л. Указ. соч. С. 153).

⁵³⁷ Путешествия... С. 263–264; Дневник г. Кате... С. 618.

Конференция с министрами продолжалась 2 часа. На ней посланники объявили, что приехали, во-первых, чтобы углубить дипломатические отношения с Францией и сделать отправку посольств более регулярной, а также чтобы установить торговые отношения между странами⁵³⁸. По всей видимости, переговоры велись преимущественно по поводу торгового вопроса, несмотря на то что П. И. Потемкин скорее разбирался в ситуации в Речи Посполитой благодаря своей военной службе, к тому же государственный секретарь Ю. де Лионн был основным теоретиком восточной политики Франции, а генеральный контролер Ж.-Б. Кольбер курировал расходы на подкуп польской шляхты для избрания французского кандидата⁵³⁹. По вопросу развития дипломатических контактов министры спросили посланников о наличии у них «опасной грамоты», чтобы подтвердить официальный статус французских дипломатов в России. Грамота была заранее подготовлена Посольским приказом, и посланники ее отдали⁵⁴⁰. Тем не менее, именно предложение торговли в наибольшей степени заинтересовало французских министров, послужив развитию контактов между странами, что будет подробно нами рассмотрено в следующем параграфе.

На этой конференции было решено несколько значимых церемониальных и организационных вопросов для посольства: посланники попросили отправить им копию с королевской грамоты, чтобы проверить титулатуру и провести отпускную аудиенцию у короля, на которой грамота будет вручена. Помимо этого, они напомнили, что с их отщепенца животворящего креста, образа Богородицы и одежды взяли двести золотых дукатов в Байонне, чем «учинили им великое бесчестье»⁵⁴¹. Наконец русские дипломаты обратили внимание на то, что маркиз де Сен-Пэ обещал, что деньги, потраченные посланниками на маршруте из Байоны до Бордо, будут им возвращены из королевской казны. Обо всех этих вопросах министры обещали уведомить

⁵³⁸ Путешествия... С. 263–264; Дневник г. Кате... С. 618.

⁵³⁹ Отчасти это было отражено в курантах (см. История внешней политики... С. 325).

⁵⁴⁰ Путешествия... С. 264.

⁵⁴¹ Путешествия... С. 268–269.

короля и разрешить их⁵⁴². Окончание конференции также сопровождалось простыми этикетными жестами: посланники пожали руки министрам, де Виллеруа и Кольбер проводили их до входных дверей в зал, а де Лионн – до входной двери, гвардейские капитаны – до спуска с лестницы, а до подножия лестницы их сопровождали гвардейцы. После возвращения в палаты Орлеанского епископа гвардейцы разместили дипломатов в носилках (*litières*) и доставили на ужин к графу дю Люду. В тот же день посольство возвратилось в Париж⁵⁴³.

После второй аудиенции П. И. Потемкина пригласили ознакомиться с основными достопримечательности французской столицы, подневную роспись которым он не давал в своем статейном списке. Согласно дневнику де Кате, 11 сентября посланник, вместе со свитой, посетил Венсеннский дворец, сад и охотничьи угодья. Это не было частью официального церемониала, поэтому их везли на 6-и каретах по 2 лошади в каждой. После возвращения в Париж они посетили дворец Тюильри, где им показали площадь, королевские покои и сад. Стольник П. И. Потемкин соблюдал этикет и вел себя «остерегательно», как предписывал ему наказ⁵⁴⁴. Он проявлял интерес к тому, что ему показывают, но не давал оценочных суждений, чтобы его не заподозрили в лести⁵⁴⁵. 13 сентября посольство посетило мануфактуру для производства гобеленов, где их принимал первый художник короля и директор «Гобеленов» Шарль Лебрэн. Он показывал им картины, произведения фабрики и угощал завтраком, однако реакция участников посольства из сохранившихся источников неизвестна. В Париже П. И. Потемкин посетил Лувр, где осматривал покои королевы-матери и королевскую мебель в кладовых. Отвечая на вопрос сопровождавших его французов, посланник заявил, что у царя есть мебель такого же высокого качества⁵⁴⁶. 15 сентября они осматривали Версаль, в частности его зверинцы и

⁵⁴² Путешествия... С. 270.

⁵⁴³ Путешествия... С. 271; Дневник г. Кате... С. 618.

⁵⁴⁴ Тайный Наказ // Сын отечества. №9. 1850. С. 6.

⁵⁴⁵ Дневник г. Кате... С. 618–619.

⁵⁴⁶ Путешествия... С. 271; Дневник г. Кате... С. 618.

гроты, также дворец Сен-Клу с его садом, где любовались фонтанами, а 19 сентября – церковь Валь-де-Грас, основанную в честь рождения Людовика XIV⁵⁴⁷.

После обеда в день отпускной аудиенции, 23 сентября, П. И. Потемкин согласился осмотреть королевские сады в сопровождении посольского интродуктора, без заболевшего С. В. Румянцева. Среди прочего посланнику показали, как «арап скакал на лошади во всю пору без седла», за что П. И. Потемкин подарил ему 2 ефимка. Сады Сен-Жермена произвели впечатление на русского дипломата, и в статейном списке он отметил, что в нем «строенья, виноград и иные многие деревья плодовые улицами устроены и воды взводные разными образцами»⁵⁴⁸. Свое общее отношение к достопримечательностям Парижа П. И. Потемкин выразил в конце статейного списка. Он упоминал, что они ездили смотреть дворы, потешные дворцы, зверинцы, прядильни из драгоценных металлов и мастерскую гобеленов. Дворцы привлекли его внимание, и о них он написал, что «на потешных дворах палат и строений много», но особенно подробно им были описаны сады, где «всяких доброплодных древ множество, винограду, винных, миндальных ядер и ягод, лимонов, яблок, груш, дуль великих, слив розных, орехов грецких без числа много, цытронов, гранатов, аранцов и иных овощей». В дополнение к ним шло пространное описание зверинцев, в которых «львы, бобры, слоны, рыси и иных зверей много. Птиц индейских из восточной и из западной Индей, и которые во всей Италии и во Французской земле есть, и тех всяких птиц у королевского величества много»⁵⁴⁹. Известно, что и в русских городах огороды с овощами привлекали особое внимание жителей и выращивались ими⁵⁵⁰. Среди предметов он обращал внимание на платья и различные сосуды «золотые, серебряные, хрустальные, каменные, и рукомои,

⁵⁴⁷ Дневник г. Кате... С. 619; Блюш Ф. Указ. соч. С. 16.

⁵⁴⁸ Путешествия... С. 294–295.

⁵⁴⁹ Путешествия... С. 314–315.

⁵⁵⁰ Ляпин Д. А. На окраине царства: повседневная жизнь населения Юга России в XVII веке. СПб., 2020. С. 147–153. В то время как более ранний исследователь Ф. фон Grönebaum F. Op. cit. считал, что садовая культура в России была практически неизвестна (Grönebaum F. Op. cit. С. 51).

и лохани, и поддоны серебряные для овощей, и паникадила хрустальные и в палатах их ставят»⁵⁵¹.

Особое место в историографии занял эпизод с посещением П. И. Потемкиным парижских театров⁵⁵². 16 сентября они с С. В. Румянцевым наблюдали комедию «Coups de l'amour et de la fortune» (Удары любви и судьбы) труппы Демаре, а 18 сентября – «Амфитриона» труппы Мольера в театре Пале-Рояль. Об обоих представлениях участники посольства отзывались хорошо и благодарили актеров⁵⁵³. Сказанные на сцене речи для них переводились силами обоих переводчиков посольства⁵⁵⁴. Сложно сказать, насколько доброжелательное отношение к театральной жизни Парижа было продиктовано соблюдением этикета, а насколько следствием реальной предрасположенности посланников к театральным зрелищам. Свидетельством в пользу последнего может служить то, что П. И. Потемкин в ходе своей дальнейшей карьеры часто посещал театры, в сравнении с прочими русскими дипломатами⁵⁵⁵. В любом случае, посещение театров способствовало формированию крайне удачного образа посланников в глазах придворных, что отразилось в издании «La Gazette rimée»:

Mais je ne dois pas oublier,	Но я не должен забывать,
(Car, certe, il les en faut louer)	(Ибо, конечно, их надо восхвалять)
Que Messieurs nos Francois	Что господа наши французские
Comiques,	комедианты,
Et, meme aussi les Italiques,	И также немного итальянские,
Les ont, soit effectivement,	Их, либо по факту произошедшего,
Soit intentionnellement,	Либо намеренно,
Divertis et regalez meme	Развлекли и усладили также
Avec une Liesse extreme.	С крайнем ликованием.
Car je scais qu'effectivement,	Ибо я это точно знаю,

⁵⁵¹ Путешествия... С. 314–315.

⁵⁵² Jensen C., Powell J. Op. cit. P. 131–144.

⁵⁵³ Дневник г. Кате... С. 618–619.

⁵⁵⁴ Jensen C., Powell J. Op. cit. P. 134.

⁵⁵⁵ Jensen C. R. Maier I., Shamin S., Waugh D. C. Op. cit. P. 236.

Et j'en fus temoin memement,	И даже был свидетелем,
La Troupe, ou preside Moliere,	Труппа, которую возглавляет Мольер,
Par une chere toute entiere,	Во всеобщем уважении,
Leur donna son Amphitriion,	Представила им своего Амфитриона,
Avec ample Collation,	Со свободными дополнениями,
Pas de Ballet et Symphonie,	Балетных и симфонических частей,
Sans aucune Cacophonie:	Без всякой какофонии:
Et ces Gens, aimans les Gratis,	И их люди, ценящие дары,
Y furent des mieux divertis,	Здесь были лучше всех развлечены,
Ayans deux fort bons Interpretes,	Располагая двумя прекрасными переводчиками,
Versez aux Langues, et Languetes,	Знающими языки и наречия,
Qui leur firent entendre tout	Которые заставили их слышать все
Du commencement jusqu'au bout,	От начала до конца,
Dont l'un, qui scait, entr'autre	Из которых один, знавший, помимо
chose,	прочего,
La belle Rime et belle Prose ⁵⁵⁶	Изящную рифму и изящную прозу

Тем не менее, у посольства еще оставались значимые формальные цели, среди которых получение отпускной аудиенции лично у короля и подготовка им грамоты с полным перечнем царских титулов. Несмотря на важность защиты титула в наказе посольству подчеркивалось, что в вопросе исправления грамоты посланники должны «стояти о том накрепко, а говорить учтиво и остерегательно»⁵⁵⁷, т.е. не выходя за рамки этикета. Примером в исправлении титула должна была стать миссия во Францию 1615 г., когда по итогам обсуждения необходимые корректировки были внесены⁵⁵⁸.

⁵⁵⁶ Дневник г. Кате... С. 609.

⁵⁵⁷ Тайный Наказ // Сын отечества. №9. 1850. С. 6.

⁵⁵⁸ Тайный Наказ // Сын отечества. №9. 1850. С. 6–7. Подробнее о масштабах успеха миссии 1615 г. и их причинах см. Рыбина Е. А. Указ. соч. С. 118–122.

По-видимому, с самого начала посольской миссии, на пути в Париж посланник следил за именованием царя, даже несмотря на то, что не включил эти эпизоды в текст статейного списка. По данным журнала де Кате, во время путешествия стольник П. И. Потемкин требовал, чтобы русского монарха называли исключительно царским Величеством (*Caesarea Majestas*), а не царем московским и прочими вариантами титула⁵⁵⁹. Когда 20 сентября, после аудиенции у королевских министров и осмотра достопримечательностей, их посетил де Берлиз, но он не привез для них латинской копии грамоты, которую те ранее запрашивали. Посольского интродуктора вновь попросили предоставить копию не менее чем за 4 дня до отъезда короля, чтобы проверить написание царских титулов⁵⁶⁰. Этот элемент не без проблем укладывался во французский церемониал, потому что посланники список с царской грамоты до аудиенции не предоставляли, а следовательно, правильность королевского титула в ней не могла быть проверена до акта официального вручения королю, что послужило поводом для Людовика XIV отказать посланникам в их просьбе⁵⁶¹. Однако из-за слов посланника о серьезных для него последствиях в России в случае отсутствия проверки титулов король пошел на уступки, перевод был сделан и вручен П. И. Потемкину на следующий день, чему тот был крайне рад. В журнале де Кате была приведена история, что, получив перевод, посланник попросил вина, выпил за здоровье короля и бросил на пол фужер, говоря, что он от души желает, чтобы все враги короля разбивались, как это стекло⁵⁶².

Тем не менее, в присланном списке оказались не написаны имена царя и короля, из-за чего П. И. Потемкин попросил переписать грамоту. На этот шаг французская сторона согласилась, но посольский интродуктор Н. де Берлиз сообщил посланникам о том, что грамота будет им выдана лишь во время королевской аудиенции⁵⁶³. Даже после подготовки новой грамоты оказались

⁵⁵⁹ Дневник г. Кате... С. 612.

⁵⁶⁰ Путешествия... С. 279.

⁵⁶¹ Путешествия... С. 280.

⁵⁶² Дневник г. Кате... С. 620.

⁵⁶³ Путешествия... С. 281–283.

не упомянуты титулы «самодержца, отчича и дедича, и наследника, и государя, и обладателя», самые высокие царские титулы, по словам посланников⁵⁶⁴. Показательно, что, согласно статейному списку, трансляция статуса из Византии через Константина Мономаха, предписываемая наказом⁵⁶⁵, не использовалась в качестве аргумента, а П. И. Потемкин обосновывал титулатуру через длительность существования России, ее контроль над бывшими татарскими ханствами (Казанским, Астраханским и Сибирским) и через признание титулатуры прочими монархами Европы, т.е. апелляцией к общеевропейскому дипломатическому языку⁵⁶⁶.

Третий вариант грамоты, выданный посланникам уже после отпусковой аудиенции, представлял собой вычищенный вариант предшествующего документа, против чего дипломаты протестовали, однако титул уже был указан, с их точки зрения, верно и после переписывания в чистовой вариант грамота была принята⁵⁶⁷. Важно отметить, что исправления грамоты известны только по статейному списку, а во французских отчетах упоминается лишь отстаивание посланником необходимости наличия латинского перевода⁵⁶⁸. Тем не менее повторение подобных инцидентов с исправлениями грамот в последующих посольствах (среди них есть прецеденты, когда сами французские представители вспоминают об исправлениях), позволяют утверждать о большой вероятности их соответствия действительности, а отсутствие описания исправлений грамоты связано с меньшим значением этого эпизода для французского церемониала. Необходимо также отметить, что в сохранившихся латинских копиях царских грамот титул «*magnus dominus*» («Великий Государь») используется в отношении обоих правителей⁵⁶⁹, но французский король не стал отстаивать себя подобной титулатурой в ответной грамоте⁵⁷⁰. Основным достижением посольства 1668

⁵⁶⁴ Путешествия... С. 288.

⁵⁶⁵ Тайный наказ // Сын Отечества. 1850. № 6. С. 8–9.

⁵⁶⁶ Статейный список Потемкина... С. 290.

⁵⁶⁷ Статейный список Потемкина... С. 292–295.

⁵⁶⁸ ААЕ, СР, Russie. Vol. 01., fol. 52–53.

⁵⁶⁹ ААЕ, СР, Russie. Vol. 01., fol. 19, 26.

⁵⁷⁰ ААЕ, СР, Russie. Vol. 01., fol. 38.

г. в области дискуссий о формулярах официальных грамот стоит выделить становление новой традиции русско-французских отношений⁵⁷¹ и формирование представления о царском титуле. Касательно этого вопроса, Ф. фон Гроненбаум отмечал, что в рассматриваемой грамоте отсутствовал ранее используемый для царя титул императора (Empereur)⁵⁷², однако он и не входил в перечень официальных царских титулов и не мог отстаиваться посланниками.

Отпускная аудиенция у короля была дана посланникам без дополнительного согласования. Это была уже третья аудиенция с королем, что показывало высокий статус посольства. Она произошла 13 (23) сентября, когда дипломатов вновь сопроводили в Сен-Жермен с тем же составом сопроводителей, как и на первой королевской аудиенции, в том числе с маршалом де Бельфоном⁵⁷³. В Сен-Жермене их ждал прием, в целом, аналогичный первой публичной аудиенции: их вновь встречали церемониймейстер де Сенкто – у входа во дворец и капитан королевской лейб-гвардии маркиз де Жевр – у дверей зала аудиенции⁵⁷⁴. Главное отличие, помимо отсутствия обер-церемониймейстера на встрече, было в том, что посланников отвезли на овальный двор, где теперь не было войск, и они остановилось в комнатах Орлеанского епископа⁵⁷⁵, вместо апартаментов графа дю Люда на первом приеме.

На встрече с королем, в отличие от первой публичной аудиенции, присутствовал государственный секретарь по иностранным делам Ю. де Лионн, который поднес королю грамоту для царя. Эту же роль в церемонии государственный секретарь по иностранным делам играл для прочих европейских дипломатов, а также для посольства К. Г. Мачехнина⁵⁷⁶. Людовик XIV передал грамоту П. И. Потемкину встав и сняв шляпу и из своих

⁵⁷¹ Для России в той же степени, что и для Франции, т. к. в Титулярнике 1672 г. из всех посольских миссий во Францию описано только посольство 1668 г.

⁵⁷² Grönebaum F. Op. cit. S. 51.

⁵⁷³ Путешествия... С. 284.

⁵⁷⁴ Путешествия... С. 287.

⁵⁷⁵ Дневник г. Кате... С. 621.

⁵⁷⁶ Шикун М. И. Указ. соч. С. 87.

же рук отдал латинскую копию, что должно было считаться честью для посланников и было отражено в их статейном списке⁵⁷⁷. Французский король просил передать царю благодарности за направленное к нему посольство, что дипломаты обещали сделать, а после миссии посланники, дворяне, переводчик, подьячий и толмач целовали руку короля, что также было особой честью для дипломатов⁵⁷⁸. Выход из зала для аудиенций был аналогичен первой публичной аудиенции, король встал и снял шляпу, а посланники поклонились и вышли, до конца дворцовой лестницы их провожали Сенкто и Жевр, после чего пожали им руки и ушли к королю, а до подворья Орлеанского епископа посольство сопровождали полковники и французские дворяне⁵⁷⁹.

Однако посольство не приступило к трапезе сразу после аудиенции из-за вышеупомянутой ситуации с необходимостью корректировки царских титулов. Организацией исправления грамоты занялся лично маршал де Бельфон, в связи с чем он отсутствовал в начале застолья. Посланников убедили пойти на ужин только с обещанием исправления грамоты⁵⁸⁰. К столу их также сопроводили в носилках, где позже к ним присоединился маршал де Бельфон, принеший извинения за описки в официальной грамоте. Торжественное застолье после отпускной аудиенции вновь проходило у графа дю Люда. На нем посланники, как и было указано в наказе⁵⁸¹, пили за здоровье царя, короля, королевы и многих других с маршалом и остальными участниками ужина⁵⁸².

Наиболее курьезным эпизодом застолья, привлечшим внимание придворных, стал обмен головными уборами посланника Потемкина и маршала де Бельфона. Этот обмен дорогой меховой шапки стольника на более дешевую шляпу маршала должен был символизировать, по словам посланника, приведенным в дневнике де Кате, связь и торговые отношения,

⁵⁷⁷ Путешествия... С. 286.

⁵⁷⁸ Юзефович Л. Указ. соч. С. 187.

⁵⁷⁹ Путешествия... С. 287; Дневник г. Кате... С. 621.

⁵⁸⁰ Путешествия... С. 289.

⁵⁸¹ Тайный Наказ // Сын отечества. №9. 1850. С. 4–5.

⁵⁸² Путешествия... С. 290.

которые должны существовать между французами и русскими⁵⁸³. Стоимость отданной шапки из бархата с соболем, украшенной драгоценными камнями и жемчугом оценивалась посланником более чем в 70 рублей. Подарок был высоко оценен маршалом, и он не только поцеловал полученную шапку, но также пошел в ней к королю, чем еще больше поднял престиж полученного дара⁵⁸⁴. Тем не менее, сама сложившаяся ситуация дарения не была стандартизирована и вызвала замешательство со стороны маршала, не готового сразу принять подарок. Также важно отметить, что обычно предмет одежды, которым пользовался даритель, при дарении показывал его старшинство при приеме в дар⁵⁸⁵, поэтому, представляется, что преподнесение в ответ шляпы маршала, пусть и более дешевой, должно было разрешить сложившуюся ситуацию⁵⁸⁶. В дополнение к этому П. И. Потемкину, через одного из гофмейстеров, была выражена благодарность короля за сделанный придворному подарок. Сам посланник аргументировал решение передать в дар шапку тем, что у него закончилась соболья казна, а маршал является доверенным лицом короля, живет при нем и участвовал в организации престижной церемонии торжественного въезда посланников в Париж, а также сопровождал их на публичных аудиенциях у короля. Источником информации для русского посольства о положении маршала де Бельфона был переводчик Урбановский⁵⁸⁷. В целом, эти сведения были недалеки от истинны, так как де Бельфон действительно пользовался большим доверием Людовика XIV, с точки зрения современного биографа короля Ф. Блюша, даже чрезмерным⁵⁸⁸. Поэтому можно сказать, что благодаря переводчику П. И. Потемкину удалось адекватно оценить ситуацию и воспользоваться случаем для создания положительного образа в глазах короля, что было крайне важно как для этой

⁵⁸³ Дневник г. Кате... С. 621.

⁵⁸⁴ Путешествия... С. 292–293.

⁵⁸⁵ Юзефович Л. Указ. соч. С. 302.

⁵⁸⁶ При царском дворе было распространено представления о необходимости в процессе обмена дарами давать более дорогие подарки чем вторая сторона (см. Хеннингс Я. Указ. соч. С. 205). Эта практика могла оказать влияние и на частное решение П. И. Потемкина в этой ситуации.

⁵⁸⁷ Путешествия... С. 294.

⁵⁸⁸ Блюш Ф. Указ. соч. С. 363, 548.

дипломатической миссии, так и в целом, для развития русско-французских дипломатических связей. После окончания посещения Сен-Жермена, посланников до посольского подворья в Париже сопровождали де Берлиз, де Кате и Дююи, как и после двух предыдущих аудиенций⁵⁸⁹.

Отдельно стоит остановиться на вопросе о дипломатических дарах, преподнесенных в ходе посольства. Современными исследователями подробно рассмотрены противоречия между декларируемой добровольностью дара и скрытыми обязательствами сторон, возникающими при обмене ими, которое следует из работ французского антрополога М. Мосса⁵⁹⁰. Отчасти эти механизмы были нами ранее рассмотрены на уровне личных отношений между стольником П. И. Потемкиным и первым королевским гофмейстером маршалом де Бельфоном при обмене головными уборами. Еще большее символическое значение имели дары, когда дело касалось межгосударственных отношений.

Для русской дипломатической традиции было характерно наличие официальных (от монарха к монарху) и частных даров (от дипломатов к монарху), хотя и те и другие выдавались дипломатам из царской казны⁵⁹¹. На первой публичной аудиенции в дарах от себя П. И. Потемкин поднес много дорогих подарков. Во-первых, саблю из дамасской стали в серебряной золоченой оправе с яшмой и бирюзой⁵⁹². В целом, дарение оружия было распространено в русской дипломатии исключительно для стран, с которыми отношения были дружественными и в отношении их считалось крайне престижным⁵⁹³. Во-вторых, королю преподнесли большое число мехов и тканей, в основном соболей⁵⁹⁴, но также чернобурых лисиц, горностаев и золоченный персидский дамаст⁵⁹⁵. Меха в тексте статейного списка были

⁵⁸⁹ Путешествия... С. 297.

⁵⁹⁰ См. Хеннингс Я. Указ. соч. С. 204.

⁵⁹¹ Юзефович Л. Указ. соч. С. 121.

⁵⁹² Юзефович Л. Указ. соч. С. 117.

⁵⁹³ Юзефович Л. Указ. соч. С. 121.

⁵⁹⁴ Мех соболей был подарен не поштучно, а сороками, что характерно для соболей не наивысшего качества, но все равно крайне ценных (см. Юзефович Л. Указ. соч. С. 117).

⁵⁹⁵ Путешествия... С. 257.

ранжированы по статусу. Для русской стороны наиболее ценным был мех соболей, чья стоимость значительно увеличивалась в странах Западной Европы, за ним по своей престижности шел мех чернобурых лисиц, а после них – мех горностаев. Несмотря на их различный статус все преподнесенные меха были крайне престижны⁵⁹⁶. Сын первого посланника также дарил меха (соболей и горностаев) и ткани для одежды, а также нож из дамасской стали, в сумме подарки Потемкиных достигали 1248 рублей. Дьяк С. В. Румянцев поднес менее дорогие меха, помимо меньшего количества соболей в них входили меха бобровые, горностаевые и беличьи, наименее статусные в России⁵⁹⁷, сумма его даров составляла 796 рублей⁵⁹⁸. Король оказал посланникам честь и лично принял саблю, а также меха соболя и чернобурой лисицы из рук П. И. Потемкина, а первые дары С. П. Потемкина и С. В. Румянцева велел класть перед собой⁵⁹⁹. В дополнение к этому, на обратном пути в Париж де Берлиз вновь повторил что король очень рад прибытию посланников и их дарам⁶⁰⁰. Сама ситуация дарения была создана посольской свитой наиболее торжественной: подаренную саблю в ножнах один из дворян посольской свиты нес, высоко подняв перед собой, от самой кареты до зала королевской аудиенции, остальные подарки также несли члены посольской свиты и королевские лейб-гвардейцы⁶⁰¹. Во французских источниках закрепилось представление о том, что даров было настолько много, что посольская свита не могла их донести без помощи королевских солдат⁶⁰².

Не только внимание участников аудиенции было приковано к русским подаркам, но и французских издателей газет, в частности уж ранее

⁵⁹⁶ Юзефович Л. Указ. соч. С. 117. Сведения о сделанных П. И. Потемкиным дарах (сабле, мехах и тканях) были опубликованы в *La Gazette (Recueil des gazettes nouvelles...* 1668. P. 938).

⁵⁹⁷ Юзефович Л. Указ. соч. С. 117.

⁵⁹⁸ Путешествия... С. 257.

⁵⁹⁹ Путешествия... С. 257.

⁶⁰⁰ Путешествия... С. 259.

⁶⁰¹ Дневник г. Кате... С. 616–617.

⁶⁰² Seydoux M. Op. cit. P. 241.

упоминавшегося Ж. Лорета. В «La Gazette rimée» было уделено особое внимание образности и значениям полученных королем подарков:

Puis on apporta leurs Presens.	Затем появились их Дары.
Dont l'un certe, des plus luisans,	Один из них, самый блестящий,
Etoit un riche Cimeterre,	Был богатый скимитар,
Qui mieux que celui de Saint-Pierre	Который лучше, чем тот, которым Святой
	Петр
Abatroit une Oreille nef.	Отрубил ухо.
Il est bien monte tout a fait,	Теперь он хорошо обрамлен,
Et tout couvert de Pierrerie	И весь покрыт камнями
Sur une riche Orfeverie.	В богатом оправлении.
Le reste des Presens etoyent	Остальные дары были
Des Vestes qui beaucoup valoyent,	Одеждами, которые стоят дорого,
Avec nombre d'autres Fourures,	И множество других мехов,
Qui seront d'utiles parures	Которые станут полезными украшениями
Avant qu'il soit trois mois d'ici ⁶⁰³ .	Не пройдет и три месяца ⁶⁰⁴ .

Ответные дары от короля посланники получили после отпускной аудиенции, для этого 15 (25) сентября к ним в посольский особняк приезжали де Берлиз и Дюпюи. Стольнику П. И. Потемкину были вручены портреты короля, королевы и дофина во весь рост от лучших придворных художников, что считалось во Франции наиболее ценным даром из-за репрезентации на нем короля. В ответ на дарение мехов и восточных тканей ему были вручены различные дорогие ткани, в том числе из драгоценных металлов, производившиеся на французских мануфактурах⁶⁰⁵. Помимо них в число даров входили 7 стенных и карманных часов из драгоценных металлов (золота и меди), двое из которых были инкрустированы алмазами. Его сыну была

⁶⁰³ Gazette rimée от 8 сентября 1668 года // Дневник г. Кате... С. 607.

⁶⁰⁴ Т.е. зимой

⁶⁰⁵ Kraatz A. Op. cit. P. 17.

преподнесена шпага с золотой рукояткой, 3 ружья, 2 пистолета, а также дорогие ткани, включая ткани из драгоценных металлов, и 6 золотых часов. Наконец, дьяк С. В. Румянцев получил 6 гобеленов, несколько дорогих ковров и ценных тканей, а также медные настенные часы⁶⁰⁶. Помимо прочего второй посланник получил серебряные подсвечники, которые сохранились до наших дней и входят в коллекцию музея Оружейной палаты⁶⁰⁷. Выбор подарков отчасти может быть объяснен тем, что французской стороне было известно о закупке П. И. Потемкиным нескольких часов, золотых и серебряных тканей и шелковых материй⁶⁰⁸, вследствие чего ему поднесли похожие на них, но более дорогие, дары. В ответ посланники и сын П. И. Потемкина подарили де Берлизу и Дюпюи позолоченный серебряный кубок, несколько оставшихся у них небольших собольих и беличьих мехов, фляжку из моржовой кости и нож в оправе⁶⁰⁹. По сообщениям де Кате, П. И. Потемкин также подарил прислуге несколько недорогих мехов и безделушек, а самому свитскому дворянину – пару меховых рукавиц, небольшой нож в ножнах и меховой воротник со своего платья⁶¹⁰. Как уже упоминалось выше, в России одежда дарителя считалась подходящим подарком для человека более низкого положения,⁶¹¹ но де Кате такие подарки не оценил, возможно, не считая себя статусно ниже русских.

В ответных дарах можно заметить не только демонстрацию королевской роскоши, но и большое число товаров французских мануфактур, ради которых планировалось развитие торговли с северными странами⁶¹². Возможно, что это

⁶⁰⁶ Дневник г. Кате... С. 621; Путешествия... С. 297.

⁶⁰⁷ Grönebaum F. Op. cit. S. 154. Серебро особенно ценилось царской казной и подаренные изделия из него считались показателем чести в России (Бережная Л. Символика даров в дипломатических отношениях между Речью Посполитой и Московским Царством во второй половине XVII в // На языке даров... С. 231).

⁶⁰⁸ Дневник г. Кате... С. 621.

⁶⁰⁹ Путешествия... С. 297.

⁶¹⁰ Дневник г. Кате... С. 622. Русский этикет подчеркивал неравенство между сторонами более серьезно, чем французский и это могло быть причиной таких незначительных даров, которые казались в России почетными для прислуги (см. Кошелева О. Е. Коннотации лжи и правды в различных формах Вежливости // Обманные практики и доверительные отношения. Поведенческие стратегии в меняющихся социокультурных условиях Европы (Средние века и Новое время). М., 2018. С. 234).

⁶¹¹ Юзефович Л. Указ. соч. С. 117.

⁶¹² Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9.

также могло иметь символическое значение⁶¹³, но прямого доказательства тому, что оно было считано в России у нас нет. Подтверждение такого подтекста со стороны французов можно найти в тексте уже ранее упоминавшейся «La Gazette rimée», посвященному выдаче посольству королевских подарков⁶¹⁴:

<p>Ils ont, pour les Presens du Roy, Qui les surprirent fort, je croy, Receu de superbes Tantures Des royales Manufactures, Qui se font, dans les Gobelins. Avec des Tapis des plus fins, Qui leur ont montre que la France, Par les soins et la vigilance De son genie universel, Colbert, ce celebre Mortel, Pour son Roy se remply de zelle, A de tout, sans emprunt, chez elle. Enfin, apres force Cadeaux, Suivis de Regales si beaux, En echange de leurs Hermines, Et de leurs Martres Zibelines, Ils s'en sont allez Mercredy⁶¹⁵.</p>	<p>Они, в качестве подарков от короля, Что их крайне удивило, я полагаю, Получили превосходные ткани С королевских мануфактур, Которые производятся в виде Гобеленов. С тончайшими коврами, Которые показали им, что Франция, Благодаря заботе и вниманию Своего всеведущего гения, Кольбера, этого знаменитого смертного, Для своего короля преисполняясь рвением, Ничего не облагает налогом. Наконец, после многих подарков, Следующих за королевскими, столь прекрасными, В обмен на их горностаев, И их соболей, Они отправились в четверг.</p>
--	--

⁶¹³ Хеннингс Я. Указ. соч. С. 218.

⁶¹⁴ Аналогичным образом в «La Gazette» подчеркивалось, что королевские дары русским посланникам демонстрируют возможность французов самостоятельно обладать всем, чем остальные государства могут владеть только по-отдельности («qui leur ont fait connoistre que nous avons chez nous, tout ce que les autres Estats ne peuvent posséder que séparément» (Recueil des gazettes nouvelles... 1668. P. 937–938)).

⁶¹⁵ Gazette rimée от 8 сентября 1668 года // Дневник г. Кате... С. 608.

В отличие от дипломатов, переводчики получили от короля жалование деньгами: И. Госенцу полагалось 700 ливров, толмачу Р. Эглину – около 400 ливров (по русским источникам «30 дублонов золотых»), а также 400 ливров Урбановскому⁶¹⁶. Вместе с подарками посланникам были компенсированы пошлины, взятые с них на Байоннской таможне, но расходы на их путешествие от Байонны до Бордо, до принятия их на содержание королевской казны, компенсированы не были по причине начала их поездки без согласия короля, о чем посланников предупредили заранее⁶¹⁷.

В день получения королевских даров посольство отправилось из Парижа в 8-и каретах, согласно статейному списку, либо в 6-и, согласно журналу де Кате, которые были запряжены по информации обоих источников 6-ю лошадьми⁶¹⁸. Посланников, как было принято, провожал де Кате, продолжая выдавать им снабжение из королевской казны. Всего сопровождающих с французской стороны, согласно статейному списку, было около 30-и человек⁶¹⁹. Как и на пути в Париж, русские принимали от местных властей почести и подарки, вновь состоявшие из фруктов, вина и крепкого алкоголя (eau-de-vie), за которые в ответ отдаривались деньгами. Для путешествия вино и крепкий алкоголь были ими перелиты в бочки⁶²⁰.

Местные власти оказывали им и другие почести, например, в порту Монтрей-сюр-Мер, по просьбе П. И. Потемкина пехотный полк герцога Орлеанского дал для них залп и прошел мимо посланников маршем⁶²¹. Также в Кале местные власти во главе с губернатором сеньором де Куртебонном и президентом Тоссом провожали посольство с каретами, предоставив ок. 30 людей, которые помогли отнести вещи посольства, вместе с полученными подарками, на нанятый корабль. Сам найм корабля тоже был сделан заранее, с помощью Куртебонна. Перед отъездом посланники раздали оставшиеся у них

⁶¹⁶ Дневник г. Кате... С. 621–622; Путешествия... С. 298.

⁶¹⁷ Дневник г. Кате... С. 621; Путешествия... С. 285, 298.

⁶¹⁸ Путешествия... С. 298; Дневник г. Кате... С. 622.

⁶¹⁹ Путешествия... С. 298.

⁶²⁰ Дневник г. Кате... С. 623.

⁶²¹ Дневник г. Кате... С. 623.

подарки для де Кате, сопровождавшего их гофмейстера и прислуги⁶²². Деньги на найм корабля до Риги из королевской казны посланникам, как они просили, не были предоставлены, чтобы не слишком повышать статус миссии⁶²³.

По завершении посольской миссии в полученной от Людовика XIV ответной грамоте, король изъявлял желание установить вечный мир между Речью Посполитой и Россией⁶²⁴, чем, по-видимому, и ограничилось обсуждение польского вопроса. Важно, что при этом король признал все царские титулы, закрепленные Андрусовским перемирием. О попытках уговорить Людовика XIV проявить благосклонность к избранию сына царя польским королем,⁶²⁵ исходя из отчетной документации посольства и французских источников, утверждать нет оснований.

Представляется, что признание царского титула являлось более значимой целью миссии. Именно титул был важным показателем как позиции России в Европе в целом, так и ее статуса в отношениях с Францией. Для решения этой задачи в наказе Посольского приказа предписывался порядок действий для обоснования титула. Посланнику необходимо было объявить королю и его советникам, что «*Великий Государь*, Его Царское Величество с *Великим Государем* их, с Его Королевским Величеством в братской дружбе и любви, на какове мере быти хочет»⁶²⁶, подчеркивая равный статус царя и его державы с королем и Францией⁶²⁷. В наказе также расписывался алгоритм действий для обоснования такой титулатуры: основной акцент был на защиту титулов «царь» и «самодержец», а полемика вокруг титула «Великий Государь» и прочих должна была повторять ее⁶²⁸. Наказ рекомендовал при аргументации ссылаться на трансляцию статуса из Византии, вместе с регалиями – животворящим крестом и шапкой Мономаха, которая, как

⁶²² Путешествия... С. 299; Дневник г. Кате... С. 623.

⁶²³ Дневник г. Кате... С. 622.

⁶²⁴ Тайный Наказ // Сын Отечества. 1850. № 9. С. 23.

⁶²⁵ См. Кобзарева Е. И. Россия и Вестфальская система... С. 154.

⁶²⁶ Тайный наказ // Сын Отечества. 1850. № 6. С. 2.

⁶²⁷ Там же. С. 4.

⁶²⁸ Там же. С. 5–9.

утверждалось в наказе, использовалась ранее для коронации всех греческих великий государей⁶²⁹.

Большое значение для миссии имело взаимодействие с переводчиками, как основной контактной группой, способствовавшей русско-французскому взаимодействию. На протяжении миссии несмотря на значительную роль, которую играл Урбановский, статусных конфликтов между ним и официальным переводчиком, согласно сохранившимся источникам, не возникало. Например, во время перемещения послов в каретах, когда места каждого участника миссии точно фиксировались для соблюдения дипломатического церемониала и выделения статуса отдельных его участников⁶³⁰, оба переводчика занимали места в стременах первой кареты⁶³¹.

В дальнейшем И. Госенц продолжил работу с П. И. Потемкиным, получив в 1674 г. назначение переводчиком в его посольстве к императору⁶³², несмотря на то, что в 1668 г. между ним и посланником возникали конфликты и незадолго до отъезда из Франции Потемкин даже его побил⁶³³. Стоит отметить, что статус Госенца внутри русского общества, обеспечивающий ему связи с московскими торговыми иноземцами и другими группами торгующих иностранцев, привлек внимание французов, и он был нанят Ж.-Б. Кольбером в качестве агента. В 1669 г. И. Госенц подготовил отчет о торговле в Московском государстве, который Ж.-Б. Кольбер использовал при организации Северной торговой компании⁶³⁴. Переводчик, согласно французским источникам, и ранее проявлял самостоятельность, например, при посещении Лувра сказал французам на латыни, что Потемкин их обманывает, заявляя, что мебель царя такого же высокого качества как королевская⁶³⁵. О частных контактах переводчика с французами, по всей видимости, посланнику было известно, так как вскоре после получения королевских подарков

⁶²⁹ Там же. С. 8–9.

⁶³⁰ Шиколо М. И. Указ. соч. С. 72–84; Hennings J. *Op. cit.* P. 72

⁶³¹ Путешествия русских послов... С. 262, 284.

⁶³² Переводчики Посольского приказа... С. 103.

⁶³³ Дневник г. Кате... С. 622.

⁶³⁴ Kraatz A. *Op. cit.* P. 20.

⁶³⁵ Дневник г. Кате... С. 621.

переводчик был им заперт по подозрению в измене⁶³⁶, но эти известия не привели к отстранению И. Госенца от дел.

С другой стороны, поддержка Потемкина не способствовала закреплению Урбановского при французском дворе, несмотря на редкое для Франции 1660-х гг. знание русского языка. Стоит отметить, что, согласно статейному списку, царскую грамоту во Франции не смогли сразу перевести, не имея переводчика с русского языка, поэтому посланникам был предоставлен латинский перевод присланной грамоты⁶³⁷. В последствии Людовиком XIV будут наняты другие переводчики с русского, также не задержавшиеся надолго при дворе в силу обстоятельств⁶³⁸. Таким образом, уже в ходе посольства 1668 г. можно отметить, что П. И. Потемкин стремился опираться не только на официальные посольские структуры, что дополнительно иллюстрирует и его конфликт с дьяком С. В. Румянцевым, но и на выстраиваемую им самим систему частных связей.

Посланники привлекали еще большее внимание, чем миссия К. Г. Мачехнина. Известно, что уже в Бордо к ним приходили люди разного социального положения, чтобы на них посмотреть⁶³⁹. Особенно резонансной их миссия стала благодаря посещению театров. От их присутствия в них выигрывали местные труппы, а Раймон Пуассон подготовил в их честь одноактовый фарс «Les Faux Moscovites», объясняя свою задумку тем, что настоящих «москвитов» увидеть уже не получится⁶⁴⁰. Одним из основных событий посольства, ставших основой для фарса, стал разговор Потемкина с де Кате, в котором русский посланник не стал обсуждать французских красавиц, потому что у него есть дома жена⁶⁴¹. Эпизод привлек внимание французов и был обыгран в «Les Faux Moscovites», когда лжемосквит отказывается сближаться с дамой, говоря, что у него есть супруга, но, чтобы

⁶³⁶ Дневник г. Кате... С. 622.

⁶³⁷ Путешествия русских послов... С. 261.

⁶³⁸ Борисов Ю. В. Указ. соч. С. 340.

⁶³⁹ Путешествия русских послов... С. 239.

⁶⁴⁰ Jensen C., Powell J. Op. cit. P. 134.

⁶⁴¹ Дневник г. Кате... С. 614.

не обижать даму, просит передать ей, что его жена все же не столь красива как она⁶⁴². Помимо этого, немецкий исследователь Ф. фон Гроненбаум считал, что в пьесе высмеивалось пристрастие русских к церемониям, например, через обычай поднимать тосты за всех присутствующих⁶⁴³. С нашей точки зрения, объектом для иронии была скорее курьезность ранее неизвестных русских обычаев во Франции.

Среди особенностей русской культуры, которые посланники и их свита стремились демонстрировать во Франции наиболее выделялись те, которые свидетельствовали об их приверженности христианской вере. С самого приезда в Бордо один из их священников обустроил сакральное пространство из золотого креста с отщепом животворящего креста, небольших икон Христа, Божией Матери, Св. Николая и других святых; трех молитвенников и четырех лампад, что в дальнейшем повторялось при перемещении миссии⁶⁴⁴. Эти христианские символы оберегались посланниками и, как было описано выше, решение взять с них пошрины вызвало негодование П. И. Потемкина. Также посланники соблюдали пост и отказывались сокращать время молитв, чем создавали еще более религиозный образ⁶⁴⁵. В современной историографии установлено, что специфика культуры России XVII в. во многом связывалась самими ее русскими современниками с православием⁶⁴⁶. В целом, их обряды воспринимались французами как близкие к их собственным, как, например, похороны, проходившие вскоре после прибытия посланников в Бур-ла-Рен из-за смерти одного из членов их свиты⁶⁴⁷, но все же православные обряды казались более строгими.

Сами посланники также проявляли заинтересованность французским церемониалом, часть которого также была связана с выездами в церковь. В статейном списке зафиксировано как после отпускной аудиенции русских

⁶⁴² Jensen C., Powell J. Op. cit. P. 137.

⁶⁴³ Grönebaum F. Op. cit. S. 51.

⁶⁴⁴ Дневник г. Кате... С. 611–612.

⁶⁴⁵ Дневник г. Кате... С. 622–623.

⁶⁴⁶ Стефанович П. С. Личность псковского горожанина по его письмам к английскому купцу (1686–1687 гг.) // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 157.

⁶⁴⁷ Дневник г. Кате... С. 615.

дипломатов королева и дофин отправлялись на богомолье. Церемониал их выезда отличался от приема посланников использованием открытых карет, которые также были запряжены шестью лошадьми. Сопровождался выезд шестью «рейтарами»⁶⁴⁸ со шпагами наголо, десятью пешими солдатами также с обнаженными шпагами, а за каретой дофина следовало еще четверо дворян и трое «рейтар». После возвращения королевы и дофина и встречи их стоявшими для русских посланников солдатами, «рейтарами» и полковыми музыкантами они спрашивали у посольского интродуктора, всегда ли выезд королевы обставлен так пышно и многолюдно⁶⁴⁹.

Как уже упоминалось в начале главы, в историографии существовала точка зрения об антиосманских целях миссии П. И. Потемкина. В целом, даже в воззрениях Людовика XIV, одного из образцовых европейских монархов раннего Нового времени, провиденциализм занимал важное место в представлениях о миссии монарха⁶⁵⁰. В современной российской историографии укрепляется точка зрения о господстве в России XVII в. представлений об общности христианского мира перед лицом иноверцев⁶⁵¹, однако, на наш взгляд, такие представления были не столько следствием наивности московской дипломатии, сколько желаемой действительностью, от которой не были далеки и европейские монархи в XVII в.⁶⁵²

Полученные сведения демонстрировали противоречивое представление о французской политике в отношении осман. В статейном списке П. И. Потемкина 1668 г. указано, что французский король с султаном «в дружбе и послы ссылаются»⁶⁵³. Тем не менее участие Франции в антитурецких коалициях 1660-х гг. стало одной из причин русских попыток ее привлечения к участию в войнах Священной лиги, что будет показано в последней главе работы.

⁶⁴⁸ Названы так в русском статейном списке.

⁶⁴⁹ Путешествия русских послов... С. 295–296.

⁶⁵⁰ Попова Е. А. Указ. соч. С. 48.

⁶⁵¹ Флоря Б. Н. Проект русско-французского союза 1680 года против османов // Средние века. 2018. № 2. С. 139–146.

⁶⁵² Poumarède G. Pour en finir avec la Croisade... P. 13.

⁶⁵³ Путешествия русских послов... С. 314.

В 1660-х гг. сближаться с Францией на почве подготовки антитурецкой коалиции окружение Алексея Михайловича, по-видимому, еще не спешило. Во время посольства 1668 г. вопроса о подготовке антитурецкой коалиции с участием Франции посланники не поднимали⁶⁵⁴, вопреки сведениям, поступавшими для составления в России курантов⁶⁵⁵ и отчасти существующими в современной историографии⁶⁵⁶. На сегодняшний день эти сведения не подтверждаются ни русскими, ни французскими отчетными документами, и, скорее всего, газеты выдавали желаемое за действительное⁶⁵⁷. Сам наказ посольства 1668 г. во Францию не подразумевал описания возможностей наступательной войны против осман и освобождения христианских народов, лишь грамота к Людовику XIV содержала положение о пользе мира между Россией и Речью Посполитой для эффективной обороны против Порты⁶⁵⁸, но о наступательных проектах речи не шло. Вероятно, стратегия русских дипломатов не была связана с представлениями о дружественных отношениях между королем Франции и Портой, и для Посольского приказа было преждевременным делать подобные выводы, так как политика Людовика XIV до 1670-х гг. носила скорее антитурецкую направленность⁶⁵⁹, а в Россию продолжали регулярно поступали новости об участии французских войск и военачальников в Кандийской войне. Противоречивые сведения в Москве появились лишь о переговорах с султаном в 1669 г., а также в 1670 г. особое внимание при составлении курантов привлек курьер с титулом, который султан якобы использовал в переписке с Людовиком XIV. Подпись султанской грамоты отразилась в курантах следующим образом: «слава величества монархов веры Исусовой, избранному в высоких государех закона мессиева, судия всех христианских народов, государь величества и чести, хранитель славы и хвалы, кесарю французскому

⁶⁵⁴ Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа... С. 209.

⁶⁵⁵ Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.... С. 298.

⁶⁵⁶ Кобзарева Е. И. Россия и Вестфальская... С. 152.

⁶⁵⁷ Тайный Наказ // Сын Отечества. 1850. № 6. С. 3.

⁶⁵⁸ ААЕ, СР, Russie. Vol. 01., fol. 19.; Тайный Наказ // Сын Отечества. 1850. № 9. С. 17.

⁶⁵⁹ Roy P. Op. cit.

Людвигу его же последние дни, желаю да скончаться в привысоком счастье»⁶⁶⁰. Такой султанский титул мог был истолкован как угроза для всех христианских стран, от Франции до России.

В целом, еще до возвращения посланников А. Л. Ордину-Нащокину поступали сведения об успешных переговорах с Францией⁶⁶¹, однако вопреки донесениям курантов, договоренности по польскому вопросу достигнуто не было. В дальнейшем угрозой французского вторжения с целью поддержки профранцузского кандидата на польский трон продолжал пользоваться курфюрст Бранденбурга⁶⁶². Аудиенция русских посланников у французских министров породила домыслы современников, например, венецианец Марко Антонио Джустиниани считал, что П. И. Потемкин на аудиенции специально отвращал Людовика XIV от поддержки кандидатуры герцога Нейбургского на польский престол, существовали и точки зрения что посланник убеждал короля поддержать кандидатуру сына царя, но доказательств из русских и французских официальных источников этому нет⁶⁶³.

Тем не менее, главным достижением миссии стольника П. И. Потемкина и дьяка С. В. Румянцева во Францию в 1668 г. было создание дипломатической традиции, как в контексте приема русских посланников, так и по вопросам написания царского титула. Доказательством формирования этой традиции во Франции может служить дневник церемониймейстера де Сенкто, который сознательно отказался от создания обобщенных правил приема русских посланников, вместо этого приведя в дневнике свои наблюдения о посольстве П. И. Потемкина 1668 г. и А. А. Виниуса в 1673 г.⁶⁶⁴ В свою очередь, в России дипломатические итоги миссии были зафиксированы в Титулярнике 1672 г. и в дальнейшем к ним активно обращались при подготовке новых посольств. Также известно, что благодаря этой миссии род Потемкиных вошел в систему

⁶⁶⁰ Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.... С. 500.

⁶⁶¹ Вести-Куранты. 1656 г.... С. 298.

⁶⁶² Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа... С. 207.

⁶⁶³ Grönebaum F. Op. cit. S. 50.

⁶⁶⁴ Bibliothèque nationale de France, département des Manuscrits, français 14118. Fol. 38r.

местничества⁶⁶⁵. Вместе с тем 8 июня 1674 г. дьяк С. В. Румянцев получил прибавку к окладу в 31 рубль «за испанскую и французскую посылки»⁶⁶⁶, что являлось значимым для его приказной карьеры. Проведенный анализ происходившего взаимодействия русского и французского дипломатических языков показывает их совместимость и возможность обеих сторон считывать значения символических действий друг друга. Однако дипломатический диалог между Францией и Россией продолжал отчасти сохранять характер взаимодействия вне европейской дипломатической системы, что выражалось в том, что посланников не заставляли признавать церемониальное первенство Франции перед Испанией. Дальнейшему развитию контактов между странами должен был способствовать предложенный французам торговый проект, что также было ее крайне значимым достижением миссии.

2.2 Итоги посольства П. И. Потемкина и дьяка С. В. Румянцева 1668 г.

Заключение Андрусовского перемирия и отправление посольств в европейские государства временно сняло напряжение между русской дипломатией и странами, лоббировавшими своих кандидатов на польский престол, подводя итог Тринадцатилетней русско-польской войне 1654–1667 гг. Ситуация в Речи Посполитой сложилась не в пользу Франции, и шляхта, опасавшаяся усиления королевской власти с иностранной поддержкой, добила высылки французских дипломатов в 1668 г. Этому способствовало то, что значительная часть литовской шляхты в этом противостоянии делала ставку и на союз с Москвой⁶⁶⁷. Тем не менее, дальнейшее лоббирование кандидатуры русского царевича на престол Речи Посполитой грозило открытым противостоянием с Францией. Отчасти это стало одной из причин отказа от русского династического проекта к осени 1668 г.⁶⁶⁸

⁶⁶⁵ Эскин Ю. М. Указ. соч. С. 136.

⁶⁶⁶ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник. М., 2011. С. 487.

⁶⁶⁷ Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа... С. 384, 386–388.

⁶⁶⁸ Там же. С. 389, 409, 416; «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989. С. 71, 92.

Другая внешнеполитическая задача программы А. Л. Ордина-Нащокина: заключение союза с Речью Посполитой и преодоление шведского торгового барьера в Прибалтике оказалась нерешенной, в том числе и из-за противодействия со стороны Франции и профранцузских сил. Впрочем, и профранцузская партия потерпела поражение: избранный польским королем Михаил Вишневецкий был настроен против французов⁶⁶⁹, а информацию об отсутствии дипломатических отношений между Францией и Речью Посполитой фиксировал А. А. Виниус даже во время своего пребывания во Франции в 1673 г.⁶⁷⁰ Избрание королем Михаила Вишневецкого вместо профранцузского герцога Нейбургского и прогабсбургского герцога Лотарингского демонстрирует сложность внутривосточной ситуации в Речи Посполитой, выходящей за рамки внешней для нее борьбы французской и габсбургской дипломатии.

Большую роль в дальнейшем развитии русско-французских отношений, помимо необходимости заключения Вечного мира с Речью Посполитой, стали играть противостояние с Османской империей и торговый проект. Руководивший Посольским приказом А. Л. Ордин-Нащокин считал, что «именно взаимовыгодная торговля являлась наиболее надежной основой для дружественных отношений между государствами»⁶⁷¹, схожую позицию занимал и генеральный контролер финансов Франции Ж.-Б. Кольбер, с точки зрения которого, торговое соглашение с Россией может привести к политическому союзу с ведущей ролью Франции, благодаря ее экономической силе⁶⁷².

Несмотря на то, что торговые вопросы для французской внешней политики во второй половине XVII в. не стояли на первом месте⁶⁷³, они могли оказывать на нее существенное влияние. Отчасти именно этим обусловлено

⁶⁶⁹ Recueil des instructions... IV–V. P. XLIV.

⁶⁷⁰ Казакова Н. А. А. А. Виниус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672–1674 гг. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. XXXIX. С. 358.

⁶⁷¹ Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа... С. 208.

⁶⁷² Kraatz A. Op. cit. P. 11.

⁶⁷³ Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998. С. 266–267.

пристальное внимание Франции к русско-шведскому Кардисскому миру 1661 г.⁶⁷⁴, которое прослеживается в пометах, сохранившихся на французском переводе договора в архиве министерства иностранных дел⁶⁷⁵. После смерти Дж. Мазарини и ареста Н. Фуке в 1661 г., главной фигурой, формирующей экономическую политику Франции, стал вышедший из окружения кардинала Ж.-Б. Кольбер. На протяжении 1663–1665 гг. он зондировал настроения купцов по отношению к северной торговле и к созданию Северной торговой компании, так как стратегические ресурсы для флота он не мог доверить иностранцам. В целом, изучение северной коммерции стало одним из пунктов его программы, заявленной на заседании совета торговли в августе 1664 г.⁶⁷⁶ Развивая идеи программы, 5 декабря 1664 г. была установлена премия в 2 ливра на тонну водоизмещения для собственников кораблей, отправлявшихся на Балтику, в Норвегию или Россию⁶⁷⁷. Подобные льготы были характерны для протекционистской политики Ж.-Б. Кольбера, стремившегося поощрять французское судоходство в северных морях. Одновременно, пользуясь своим новым положением, А. Л. Ордин-Нащокин решил возродить торговый вопрос в русско-французской дипломатии, что отразилось в наказе посольству П. И. Потемкина 1667 г. В нем руководитель Посольского приказа предписывал посланникам в Испанию и Францию объявить, «чтоб на обе стороны Великих Государей, подданные, торговые люди ходили и торговали»⁶⁷⁸. Во Франции, в отличие от Испании, это даже стало основной целью посольства⁶⁷⁹, возможно, что именно поэтому к посланникам в качестве переводчика был назначен московский торговый иноземец И. Госенц, занимавшийся торговлей в Архангельске⁶⁸⁰. С точки зрения Б. Н. Флори, через развитие торговли с Западной Европой руководитель Посольского приказа планировал добиваться

⁶⁷⁴ Безобразов П. В. Указ. соч. С. 17.

⁶⁷⁵ ААЕ, СР, Russie. Vol. 01. Extrait des nouveaux traites de Paix Commerce a Cardoiss en Livonie entre Sa M-st le Roy de Suede et le Grand Duc de Moscovi, fol. 10–11.

⁶⁷⁶ Первое заседание Совета торговли под председательством короля 3 августа 1664 г. // Старый порядок во Франции. История в источниках. М.; Л., 1925. С. 30.

⁶⁷⁷ Малов В. Н. Указ. соч. С. 164–165.

⁶⁷⁸ Тайный наказ // Сын Отечества. 1850. № 6. С. 3.

⁶⁷⁹ Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа... С. 211.

⁶⁸⁰ Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021. С. 102.

международной изоляции Швеции, контролировавшей балтийскую торговлю России и добиться выхода России на рынки других европейских стран, помимо Швеции⁶⁸¹.

Также Франция могла сыграть на руку России благодаря торговому и военному присутствию в морях. В условиях отсутствия регулярных морских сил прибрежные города России оказывались под угрозой во время любого конфликта со Швецией и сближения с ней Англии и Республики Соединенных провинций, владевших практически монополией на военно-морские силы в северных морях. Наиболее ярко это проявилось во время англо-шведских переговоров 1664 г., когда рассматривалась возможность использования английского флота для разрушения Архангельска⁶⁸². С нашей точки зрения, царь и его окружение были заинтересованы в наличии в северных водах если не своего собственного флота, то максимального возможного количества флотов разных держав, между которыми сохранялась возможность лавирования и использования в качестве противовеса флотам соперников. Именно, в связи с этим И. Госенц, завербованный после посольства 1668 г. Ж.-Б. Кольбером, видел возможность получить старые привилегии англичан, добившись права выплачивать вдвое меньшие пошлины⁶⁸³. Таким образом, для России сближение с Францией в перспективе несло выгоды как в прибалтийском регионе, так в бассейне Северного Ледовитого океана, однако реальные условия возможного сближения оставались не определены из-за редких контактов этих государств.

Французская сторона ожидала этого обсуждения, и появление торгового вопроса на переговорах П. И. Потемкина и С. В. Румянцева в Испании уже привлекло внимание авторов придворной «La Gazette», которые не считали, что русским дипломатам в Испании удастся заключить торговый договор⁶⁸⁴. В свою очередь, во Франции, на встрече посланников с королевскими

⁶⁸¹ Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа... С. 211.

⁶⁸² Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа... С. 93, 213.

⁶⁸³ Kraatz A. Op. cit. P. 25.

⁶⁸⁴ Путешествия русских послов... С. 427.

советниками, сразу нашло отклик предложение торговли, от которой бы «великим государствам прибавленья и расширения прибывало»⁶⁸⁵, поставленное посольством во главу угла⁶⁸⁶. Людовик XIV и Ж.-Б. Кольбер сами были близки к пониманию торговли, как пути к внешнеполитическому союзу двух государств. По инициативе Ж.-Б. Кольбера, 29 августа (8 сентября) посольский интродуктор привез посланникам проект торгового договора, просив подготовить письменный ответ на французские предложения. Со своей стороны, русские дипломаты ограничились устным заявлением, что французам необходимо направить посольство к царю для обсуждения предложенного соглашения⁶⁸⁷.

Статья 1 предложенного договора была посвящена декларации мира (paix), союза (confederation), вечной дружбы (amitié) и согласия (alliance) между сторонами, без которых взаимовыгодная морская торговля затруднительна. Стольник П. И. Потемкин высоко оценил такой жест французской стороны, ведь именно утверждение «братской дружбы и любви»⁶⁸⁸ между государями являлось официальной целью его миссии и определенной гарантией того, что французские войска не будут задействованы против России в ходе противостояния с Речью Посполитой или Швецией. Обсуждение торговли имело не только экономический характер, но и обладало культурно-дипломатическим значением, потому что в раннее Новое время политико-экономические отношения, в частности развитие торговли, были неотделимы от личных отношений между монархами⁶⁸⁹.

Также проект позволял русским купцам свободно передвигаться (trafiquer) на всей территории Франции и Наварры с уплатой стандартных пошлин (droits) – статья 2; свободно нанимать складские помещения (maisons) в городах – статья 3; беспрепятственно перевозить товары водными путями и

⁶⁸⁵ Тайный наказ... С. 3.

⁶⁸⁶ Путешествия русских послов... С. 428–430.

⁶⁸⁷ Путешествия русских послов... С. 272, 274–275.

⁶⁸⁸ Статейный список П. И. Потемкина (Франция) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.-Л., 1954. С. 274.

⁶⁸⁹ Хеннингс Я. Указ. соч. С. 218.

свободно сбывать их, как жители Франции – статья 4; не платить пошлин за перегрузку товаров на другой корабль – статья 5; покупать и перевозить любые товары – статья 6; без различных сборов и податей назначать приказчиков (*commis*) и управляющих (*directeurs*), которые будут под защитой короля – статья 7; учредить в главных портах Франции консулов (*consuls*) для решения судебных разбирательств между русскими – статья 8; пользоваться свободой вероисповедания – статья 9⁶⁹⁰. Предоставляемые льготы для русских купцов были существенны, но воспользоваться ими было затруднительно. Русские торговые миссии в Западную Европу в рассматриваемый период были скорее исключениями, как поездка ярославских купцов в Голландию⁶⁹¹. Среди прочего это было связано с тем, что моря в XVII в. принадлежали тем государствам, которые могли их контролировать и обеспечивать свой торговый флот военной поддержкой⁶⁹², возможности которой была практически лишена допетровская Россия. Тем не менее, продолжительное обсуждение коммерции в рамках посольств во Францию и Испанию может говорить о планах Посольского приказа достичь успеха в развитии торговли с Западной Европой.

Далее в тексте договора действие предыдущих восьми статей распространяется и на французов во владениях царя (статья 10). Эта статья, в отличие от предыдущих, Урбановским в переводе отражена вопросом: «...вольности также ли даны будут, как московским людям во Французском государстве?»⁶⁹³, что может говорить о необходимости ее дальнейшего обсуждения.

Найм складских помещений во всех городах без особого позволения от государя и воевод для французов в тот период был невозможен, и поэтому вопрос стоял остро, так как французам для обустройства складов приходилось

⁶⁹⁰ ААЕ, СР, Russie. Vol. 01. Projet du traité entre le Rois et le Grand Duc de Moscovie, fol. 34–35.

⁶⁹¹ Нефедов С. А. Начало российской модернизации и менталитет XVII века // Историческая психология и социология истории. 2010. № 1. С. 54.

⁶⁹² Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М., 2011. С. 291.

⁶⁹³ Статейный список П. И. Потемкина (Франция) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.-Л., 1954. С. 273.

арендовать царские амбары, в отличие от купцов из Республики Соединенных провинций, Любека, Гамбурга и московских торговых иноземцев, пользовавшихся амбарами на Немецком дворе⁶⁹⁴.

Свободная торговля в розницу казалась еще менее возможной. В целом для восточноевропейской экономической мысли был характерен запрет на розничную торговлю купцов других государств, что иллюстрирует Новоторговый устав 1667 г. (статьи 42, 83 и 84)⁶⁹⁵. Более того, формировавшееся купечество России всячески отстаивало свои права на родной территории, что выражалось не только в многочисленных челобитных, среди которых знаменитая челобитная 1646 г., но и в деятельности архангельских таможенных голов⁶⁹⁶. Однако свобода допуска французских купцов на территорию России была важным дипломатическим шагом. Посланники описывали реакцию французских министров на предложение вольной торговли следующим образом: «Как послы ваши нам предложили Вашего Величества именем в намерении вашем быть, чтоб могли наши подданные идти к Архангельскому городу... устья куплю делати... своими кораблями... и всякие торговые промыслы... в продаже и чтоб их там... всякой вольности постановить.... но и в сохранение в своих торговых промыслах учинили их, но и принять их и отпустить добровольно, а больше которые иноземцы с великою радостью сие объявление приняли, о которых замыслах также Вашему Величеству благодарим сердечно и равно обещаем подданным Вашего Величества, которыя в устья в государства наши с кораблями своими приедут для торговых своих промыслов, и их примут и отпустят со всякою вольностию, чтоб их приезд и отъезд был вольный»⁶⁹⁷. Таким образом, предложение свободного доступа к русскому рынку, прежде всего к Архангельску, имело именно дипломатическое значение для запуска переговорного процесса.

⁶⁹⁴ Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений XV и первой половины XVII в. Тбилиси, 1959. С. 118–120.

⁶⁹⁵ Новоторговый устав // ПСЗ. Т. 1. С. 684, 688–689.

⁶⁹⁶ История предпринимательства в России. М., 2000. Кн. 1. С. 177.

⁶⁹⁷ Тайный наказ // Сын Отечества. № 9. С. 23.

Освобождение от пошлин за перегрузку товаров, которые не везут вглубь страны, с одного корабля на другой вряд ли интересовало французов, поскольку дальше единственного на тот момент крупного русского порта, Архангельска, ходить французским купцам было бесперспективно. Впрочем, путешествие в северные моря оставалось и без того затруднительным: основная часть французского торгового флота на Севере (крайне немногочисленного⁶⁹⁸) была задействована в Северном и Балтийском морях (в том числе и корабли недавно полученного Людовиком XIV от короля Англии Дюнкерка⁶⁹⁹). Следствием этого станет то, что парадоксальным образом большая часть купцов-участников Северной компании Кольбера будут происходить из городов Бискайского залива (Ла-Рошели и Бордо⁷⁰⁰), а не с севера Франции, который уже имел морские торговые связи с Россией в XVI в.⁷⁰¹

Размещение приказчиков и управляющих французской торговлей в России было вполне реальным, более того, уже в следующем 1669 г. кандидатов на их должности в своем отчете Кольберу об архангельской торговле предложил Иоганн Госенц, так как это было необходимым условием для успеха торговой деятельности⁷⁰². В России на тот момент уже была известна практика постоянных резидентов, в частности английской Московской компании, и здесь французами переносился английский опыт. Впрочем, предусмотренная возможность введения русских приказчиков во Франции также была важна для демонстрации равного положения сторон в договоре.

⁶⁹⁸ Bamford P. W. French Shipping in Northern European Trade 1660–1789 // *Journal of Modern History*, 1954. XXVI, Sept, 3. P. 207.

⁶⁹⁹ Le Bouëdec G. Le grand cabotage entre la France et les ports de l'Europe hanséatique, scandinave et baltique XVIIIe–XIXe siècles // *Revue du Nord*. 2017. № 2 (420). P. 295–296.

⁷⁰⁰ Kraatz A. La Compagnie Française de Russie: Histoire de Commerce Franco-Russe aux XVII et XVIII siècles. Paris, 1993. P. 27.

⁷⁰¹ Vianey B. Le premier récit d'un Français en Russie: le voyage de Jean Sauvage en Moscovie en 1586 // *La Revue russe*. 2013. T. 40. № 40. P. 9–10.

⁷⁰² Kraatz A. La Compagnie Française de Russie: Histoire de Commerce Franco-Russe aux XVII et XVIII siècles. Paris, 1993. P. 24.

Высокий статус российской стороны также демонстрирует статья 8, подразумевающая введение во Франции русских консулов (consuls) для решения тяжб между прибывшими русскими. Здесь Россия, как и Франция по статье 10, получала право экстерриториальности для своих торговцев. Однако в Русском государстве XVII в. традиционно не предоставлялось право экстерриториальности другим европейским купцам, и уступка Франции была маловероятна.

Особенное место занимает вопрос о свободе вероисповедания. В немецких слободах имелись протестантские кирхи, а русско-шведские договоры XVII в., в частности, наиболее хронологически близкий посольству Кардисский мир, разрешали богослужения на шведских торговых дворах⁷⁰³. Такие уступки были преимущественно сделаны для представителей протестантской веры, предоставление подобных прав для католиков было более сложным из-за отношения к ним русских властей. Даже несмотря на то, что католики считались православной церковью схизматиками, а не еретиками⁷⁰⁴. Лишь в период регентства царевны Софьи Алексеевны правительство стало относиться к католическому богослужению более лояльно.

Статья 11, развивая положение о предоставлении французам права торговли на всей территории России, предлагала оказывать помощь (assistance) им в транзитной торговле с Персией и другими азиатскими странами, в том числе, освободив их от пошлин (doits) при перевозке восточных товаров. Во Франции было известно, что в России прямая торговля с Востоком не передавалась в руки иностранных торговцев, поэтому в переводе Урбановского эта статья, так же, как и предыдущая, представлена в виде вопроса, подлежащего дальнейшему обсуждению⁷⁰⁵. Впрочем, несмотря на отставку Бутлера для разведки речного пути в Персию, ставшим известным

⁷⁰³ Договор между Шведским и Российским Государствами, заключенный на съезде между Колывани и Юрьева въ Кардисе, полномочными послами // ПСЗ. Т. 1. С. 540.

⁷⁰⁴ Белякова Е. В., Мошкова, Л. В., Опарина, Т. А. Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию. М.; СПб., 2017. С. 395.

⁷⁰⁵ Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.-Л., 1954. С. 273.

в России из материалов для составления курантов⁷⁰⁶, окружение Ж.-Б. Кольбера не видело далеких перспектив в освоении внутренних рынков России. Так, в своем «Совершенном негодянте» Ж. Савари⁷⁰⁷ отмечал, что торговля в Архангельске, без проникновения вглубь российской территории, является для французов наиболее выгодной⁷⁰⁸.

Следующая 12-я статья предлагала установить для французов, прибывающих в порты царя, половину стандартной для иностранцев пошлины. Несмотря на наличие аналогичного положения в Жалованной грамоте парижским купцам 1587 г., статья ссылается на дарование такой привилегии англичанам (отмененной в 1649 г.), что говорит о большем влиянии английского опыта, чем французской традиции. Тем не менее российская политика унификации пошлин шла в разрез с установлением привилегированного положения отдельной национальной группы иностранцев. Торговля с Францией не была настолько значима для экономики России, чтобы пойти на подобную меру, к тому же политический союз с ней оставался все менее возможным на протяжении 60–70-х годов XVII в.

Последняя 13-я статья запрещает изымать товары у французов. Однако Франция была известным поставщиком табака в северные страны⁷⁰⁹, который в России XVII в. оставался заповедным товаром, т.е. был запрещен для ввоза и продажи. Также один из основных товаров французской Северной компании, крепкий алкоголь (*eau de vie*), нарушал российскую государственную монополию на соответствующие напитки, что делало их свободную продажу невозможной.

Ознакомившись с переводом договора, П. И. Потемкин отметил, что не уполномочен принимать этот документ, а французской стороне для его

⁷⁰⁶ Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 211.

⁷⁰⁷ Составитель «Эдикта об оптовой и розничной торговле», известного под названием «Кодекс Савари», а также автор переведенного на большинство европейских языков капитального труда «Совершенный негодянте», описывавшего торговлю каждого известного автору региона мира.

⁷⁰⁸ Savary J. *le Parfaite Negociant*. Paris, 1675. Pt. II. p. 103.

⁷⁰⁹ Kraatz A. *La Compagnie Francaise de Russie: Histoire de Commerce Franco-Russe aux XVII et XVIII siecles*. Paris, 1993. P. 23.

обсуждения стоит направить ответное посольство⁷¹⁰. Проект заинтересовал французские ремесленные корпорации, которые прислали к русскому посланнику своих представителей, чтобы узнать перспективы торговли в Архангельске и попросить проездной лист, разрешавший французским купцам посещать русские порты. Представители ремесленных корпораций были предупреждены о запрете ввоза в Россию табака и крепкого алкоголя, а также получили в устной форме разрешение торговать в городах России. К следующему году эти корпорации, согласно сообщениям курантов, уже подготовили к отправке первые 6 кораблей⁷¹¹.

В целом рассмотренный проект предоставлял Франции больше привилегий чем России. Все статьи с привилегиями для русской стороны распространялись и на французскую сторону благодаря статье 10, а последние 3 статьи давали исключительные привилегии французам, что естественно, когда контроль над морскими пространствами был в руках западноевропейских держав. Равное положение русских и французских купцов в 10-и первых статьях скорее отражало дипломатические нормы, закреплявшие равенство статуса монархов, заключавших договор, чем реальное соотношение сил⁷¹². Тем не менее у России были основания пойти навстречу французам, именно через прямые связи русской торговли со странами Западной Европы А. Л. Ордин-Нащокин планировал способствовать вовлечению этих стран в русско-шведское противостояние в Прибалтике⁷¹³. При этом правительственные круги России вряд ли считали, как Ж. Савари, что большая часть товаров, вывозимых из России, шла во Францию, а большинство ввозимых были из Франции⁷¹⁴. Проект в данном случае был неотделим от политики, и укрепление экономических связей могло способствовать политическому сближению двух крупных государств Европы.

⁷¹⁰ Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.-Л., 1954. С. 275.

⁷¹¹ Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.-Л., 1954. С. 277–278.

⁷¹² Хеннингс Я. Указ. соч. С. 218.

⁷¹³ Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 207–208.

⁷¹⁴ Savary J. le Parfaite Negociant. Paris, 1675. Pt. II. p. 107.

Именно ради этого сближения было направлено русское посольство 1668 г. Можно сказать, что оно достигло успеха, так как у Ж.-Б. Кольбера сложились представления о возможности посредством торгового сближения прийти к союзу между Францией и Россией⁷¹⁵.

2.3 Представитель французской Северной торговой компании в России Иоганн Госенц

Продолжение обсуждения торгового проекта служило основанием для отправки последующих русских посольств во Францию и французских – в Россию⁷¹⁶. Торговые инициативы французов привлекали внимание А. Л. Ордина-Нащокина и, как уже было отмечено, могли иметь значимые внешнеполитические последствия для развития отношений между странами⁷¹⁷.

Одну из главных ролей в развитии торгового проекта играл переводчик русского посольства 1668 г. И. Госенц. До отправления посольства во Францию он занимался торговлей в Архангельске, о чем известно из его челобитной⁷¹⁸. По всей видимости, это позволило И. Госенцу иметь связи среди иностранных купцов, которые он использовал для контактов с представителями Франции. Подтверждений того, что о его контактах было известно Посольскому приказу нами не было выявлено, возможно, именно поэтому он пересылал корреспонденцию через личные контакты, а не официальную почту⁷¹⁹. Свои письма от 12 августа и 7 сентября 1669 г. он направлял в Амстердам через голландских и гамбургских торговцев, в частности через К. Кленка, о чем свидетельствуют сохранившиеся письма

⁷¹⁵ Kraatz A. La Compagnie Francaise de Russie: Histoire de Commerce Franco-Russe aux XVII et XVIII siecles. Paris, 1993. P. 9.

⁷¹⁶ Подробнее см. Манин Д. О. Развитие торгового проекта и его роль в русско-французских отношениях начала 1680-х гг. // История: Факты и символы. 2023. № 3(36). С. 87.

⁷¹⁷ Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 211.

⁷¹⁸ Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021. С. 102.

⁷¹⁹ В целом, для XVII в. вопрос о степени секретности каждой конкретной переписки решается затруднительно (см. Шамин С. М. Иностранная пресса и русская культура конца XV – начала XVIII столетия... С. 87).

И. Госенца⁷²⁰. Тесные контакты с К. Кленком и успех его торгового предприятия в Архангельске привели к тому, что московский торговый иноземец предлагал французам пригласить голландца в учрежденную в 1669 г. Северную торговую компанию, в качестве представителя в Амстердаме. Однако французская сторона не была к этому предрасположена, что также отразилось в сохранившейся переписке⁷²¹. С самого основания компании Ж.-Б. Кольбер предписывал ее участникам избегать контактов с голландцами и рассматривать их в качестве соперников⁷²². Вскоре К. Кленку действительно пришлось стать противником Франции. Будучи тесно связанным с амстердамскими властями, он в 1672 г. стал капитаном стрелков, оборонявших город от войск Людовика XIV. В 1675 г. К. Кленк уже напрямую участвовал в антифранцузской дипломатии и ездил с официальной миссией в Москву, чтобы инициировать вступление России в войну со Швецией для ослабления французских позиций в Европе⁷²³.

С другой стороны, И. Госенц выступал против участия в компании гамбургского купца Филиппа Верпоссена и пересылки писем в Россию через него, так как тот руководил собственной компанией, торговавшей в Архангельске, и не был заинтересован в создании новой⁷²⁴. Его кандидатура представлялась французской стороне более удачной, потому что взаимодействие с немецкими торговцами в северных морях соответствовало политике компании, филиалом которой в Ла Рошели управляли двое протестантов, один из которых был немцем, выходцем из Любека⁷²⁵. Вероятно, что именно поэтому была предпринята попытка организовать пересылку писем через него, но по этому вопросу Ж.-Б. Кольбер был готов пойти

⁷²⁰ Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9.

⁷²¹ Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9.

⁷²² Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. С. 165.

⁷²³ Велувенкамп Я. В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М., 2006. С. 154.

⁷²⁴ Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9. Также Верпоссен был напрямую связан с российскими властями и занимался поставкой новостей ко двору (см. Шамин С. М. Иностранная пресса и русская культура конца XV – начала XVIII столетия... С. 86).

⁷²⁵ Малов В. Н. Указ. соч. С. 165.

навстречу московскому торговому иноземцу и искать другие пути для корреспонденции⁷²⁶.

Помимо предложенных кандидатур, И. Госенц сам желал получить официальный статус представителя французской Северной торговой компании в России, а также устроить в нее своего сына Даниэля, о чем писал в 1669 г. к Пьеру де Фремоню, выходцу из ближайшего окружения Ж.-Б. Кольбера и одному из директоров компании⁷²⁷. Именно Фремоню было поручено организовать русско-французскую торговлю по решению Ж.-Б. Кольбера⁷²⁸. Это соотносилось с политикой компании по созданию агентурной сети в местах предполагаемой коммерции; пункты о необходимости присутствия торговых представителей содержались в проекте договора 1668 г., а позже были воспроизведены и в наказе к русскому посольству 1681 г.⁷²⁹

Обладая также представлениями о текущей торговле в Архангельске, И. Госенц подготовил реестр основных товаров, которые следует ввозить в Россию. Возможной основой для французского экспорта московский торговый иноземец считал вина, но, чтобы обеспечить их выгодный ввоз, с его точки зрения, было необходимо направить посольство для переговоров о размерах пошлин⁷³⁰. Значение экспорту вина придавало то, что среди французских товаров оно наиболее удачно могло играть роль балласта на кораблях, вместо песка и гравия, что значительно повышало бы прибыльность путешествия⁷³¹. Поэтому посольство для получения пошлинных привилегий необходимо было направить заранее, до организации полномасштабного торгового предприятия в Архангельске.

Будучи участником русской дипломатической миссии в 1668 г., И. Госенц имел представления об особенностях дипломатических практик. В

⁷²⁶ Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9.

⁷²⁷ Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9; Grönebaum F. Frankreich in Ost- und Nordeuropa: Die französisch-russ. Beziehungen von 1648–1689. Wiesbaden, 1968. S. 57.

⁷²⁸ Lettres, instructions et mémoires de Colbert... Т. II. P. 605.

⁷²⁹ Путешествия... С. 274; Grönebaum F. Op. cit. S. 57; Манин Д. О. Развитие торгового проекта... С. 82.

⁷³⁰ Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9.

⁷³¹ Kraatz A. Op. cit. P. 55.

составе посольства из Франции он предлагал отправить посланника со свитой из 30-и человек, большей, чем свита английского посланника из 16-и, безуспешно пытавшегося сократить пошлины для английских негодантов в России. Важным фактором было наличие у будущего французского дипломата полномочий заключить торговый договор в Москве, чтобы не затягивать переговоры⁷³². Предложенный состав посольства был меньше свиты русских посланников во Францию в 1668 г., но все равно считался в России достаточно представительным для посланника⁷³³. Он должен был направляться в Россию через Ригу, уведомив о своем прибытии власти Пскова, чтобы быть сопровождаемым до Москвы за счет царской казны и без оплаты проезжих пошлин⁷³⁴. Вместе с посольством И. Госенц предлагал направить на корабле французское вино⁷³⁵, что церемониально бы подчеркнуло значимость вопроса об отмене дополнительных пошлин на этот товар и даже сделало бы его основным. Подобным образом, с помощью дипломатических даров, Россия вела торговые переговоры с Англией⁷³⁶, и возможность использования этого языка французской стороной также представляется перспективной. Наконец особую значимость И. Госенц придавал подписи на присланной французской грамоте, в которой было необходимо подчеркивать равный статус царя и короля Франции⁷³⁷.

В целом, описанная И. Госенцом картина архангельской торговли свидетельствовала о возможности Франции в ней участвовать. Во-первых, подчеркивалось, что французы могут преуспеть, вытеснив голландцев, которые, во многом, опосредованно торгуют французскими товарами, и англичан, которые потеряли свои привилегии. Во-вторых, в Архангельск, согласно отчету, в последние годы приходит не так много кораблей и хватает

⁷³² Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9.

⁷³³ Archives Nationales. Archives Marine. B/7/204. Fol. 173r.

⁷³⁴ Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9.

⁷³⁵ Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9.

⁷³⁶ Хеннингс Я. Неудачный подарок: культурный шок или политическая культура? О функции и значении дипломатического дара в англо-русских отношениях XVII в. // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 207.

⁷³⁷ Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9. Несмотря на то, что сам формуляр дипломатических грамот подразумевал равенство сторон (Гуськов А. Г. Указ. соч. С. 16).

объемов торговли для присоединения к ней французов, которые могут вложить в коммерцию до 1 млн. ливров в год с целью успешного получения прибыли⁷³⁸. Если Ж.-Б. Кольбер считал, что преуспеть в международной торговле Франция может лишь за счет неудачи остальных держав⁷³⁹, то присылаемые отчеты демонстрировали, где и как французы могут этого добиться, прекрасно соотносясь с его представлениями.

Французская миссия для подписания торгового договора планировалась в 1670 г., для нее уже была согласована кандидатура посланника из окружения французского посла в Речи Посполитой⁷⁴⁰, однако она не успела состояться. Возможно, что одной из причин задержки отправления посольства стали народные волнения в России. Например, известие из «La Gazette» в октябре 1670 г., посвященное восстанию Степана Разина, свидетельствовало об опасениях европейских стран разрыва с Россией из-за этого внутреннего конфликта⁷⁴¹. Другой причиной задержки посольства могло быть то, что к французскому двору было отправлено письмо Алексея Михайловича от 20 (30) мая 1670 г. В нем царь, после неудачи переговоров о Вечном мире с Речью Посполитой, просил короля Франции о посредничестве на переговорах. Для такой миссии необходимо было согласовать посольство более высокого ранга и, предположительно, в него в начале 1671 г. планировалось назначить маркиза де Виллета, племянника будущей морганатической супруги Людовика XIV Франсуазы д'Обинье, маркизы де Ментенон⁷⁴². Из Москвы уже были направлены грамоты во Псков и Новгород для встречи французского дипломата⁷⁴³, как и предлагал И. Госенц в письме 1669 г. Однако в последний момент миссия была отменена, а Голландская война 1672–1678 гг. сначала приостановила подготовку посольства, а позже поставила Северную

⁷³⁸ Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9.

⁷³⁹ Малов В. Н. Указ. соч. С. 146.

⁷⁴⁰ Wójcik Z. Traktat Andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959. S. 256.

⁷⁴¹ «Nous sommes, toujours, dans la crainte d'une rupture avec les Moscovites, depuis que le Grand Duc a témoigné qu'il ne vouloit point accepter la Mediation qu'on luy offroit sur notre Différent» (Иностранные известия о восстании Степана Разина: материалы и исследования. Л., 1975. С. 110).

⁷⁴² Grönebaum F. Op. cit. S. 52. Бантыш-Каменский Н. Н. Указ. соч. С. 82.

⁷⁴³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1670 г. Д. 2.

компанию на грань банкротства⁷⁴⁴. В целом, распространена точка зрения, что Ж.-Б. Кольбер не смог до конца убедить короля в выгоде дальних и колониальных путешествий из-за существовавших при дворе представлений о серьезном опережении англичан и голландцев⁷⁴⁵. По-видимому, именно это служило причиной того, что последнее письмо от И. Госенца было получено 24 октября 1671 г., а о дальнейших его контактах с французами неизвестно. Тем не менее сам факт поддержания переписки может служить доказательством сохранения контактов между Россией и Францией в 1671 г., что ранее ставилось под сомнение современной историографией⁷⁴⁶.

Письма И. Госенца были важным продолжением диалога, возникшего между французской и русской дипломатией в 1668 г. Вероятно, без Голландской войны 1672–1678 гг. развитие проекта могло быть продолжено. Тем не менее, во Франции продолжали осмысляться сведения И. Госенца, и они стали основой для планирования дипломатических миссий и аналитических изданий о перспективах торговли в России⁷⁴⁷. Повторное обращение к ним происходило в 1680-х и 1700-х гг. вместе с попытками вернуться к торговому проекту, возродить Северную торговую компанию и добиться для французских торговцев снижения пошлин.

2.4 Русско-французские связи после отставки от руководства Посольским приказом А. Л. Ордина-Нащокина

В 1671 г. руководство Посольским приказом перешло от А. Л. Ордина-Нащокина к А. С. Матвееву, что привело к смене приоритетов во внешней политике России. Все большее внимания уделялось проблемам удержания Левобережной Украины и отношений с Османской империей⁷⁴⁸. Турецкое наступление в Подолии и взятие Каменца-Подольского в 1672 г. привело к началу затяжного русско-османского противостояния, и некоторые авторы

⁷⁴⁴ Малов В. Н. Указ. соч. С. 166.

⁷⁴⁵ Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998. С. 266–267.

⁷⁴⁶ Шамин С. М. Иностранная пресса и русская культура... С. 183.

⁷⁴⁷ Savary, J. *Le Parfaite Negociant*. Paris, 1675. Pt. II. P. 100–107.

⁷⁴⁸ «Око всей великой России»... С. 96.

относят к этому времени начало Чигиринской войны⁷⁴⁹. Непостоянная политика Речи Посполитой и ее королевского двора стала благодатной почвой для распространения русских представлений о ненадежности союза с поляками. Все чаще в Посольский приказ поступали сведения о попытках переориентации Польши на войну с Габсбургами вместо противостояния с османами⁷⁵⁰. В этих планах Франция также занимала значимое место благодаря известиям об участии ее флота в борьбе с подданными султана в Средиземном море, переведенные Посольским приказом в сводках курантов за 29 июня и 6 июля, а также за 7, 15 и 21 сентября 1671 г.⁷⁵¹ Известия об обещании французского посла в Риме вступить в антиосманскую коалицию и сведения о подготовке турками приморских крепостей для противостояния французам, вкупе с сообщением об аресте французского дипломата в Константинополе⁷⁵² создавали оптимистичный взгляд на возможность поддержки со стороны Людовика XIV в случае начала военных действий против осман.

Осенью 1672 из России были направлены гонцы в основные европейские страны. Так П. Менезиус посетил Рим, Венецию, Вену, Дрезден, Берлин и Митаву, а Е. И. Украинцев – Стокгольм, Копенгаген и Гаагу⁷⁵³. Одновременно с ними в Лондон, Париж и Мадрид был отправлен посланник А. А. Виниус с целью оповещения европейских государств о событиях на Украине, в особенности, о взятии Каменца-Подольского⁷⁵⁴. Международные отношения в Западной Европе в 1672–1678 гг. во многом определялись Голландской войной Людовика XIV, которая скорее мешала планам русской дипломатии по организации антиосманской коалиции, чем им способствовала. Поэтому во

⁷⁴⁹ См. Флоря Б. Н. Начало открытой османской экспансии в Восточной Европе (1667–1671 гг.) // Османская империя и страны... С. 76

⁷⁵⁰ «Око всей великой России»... С. 99.

⁷⁵¹ Шамин С. М. Иностранная пресса и русская культура... С. 197–198.

⁷⁵² Там же. С. 198.

⁷⁵³ Grönebaum F. Op. cit. S. 63.

⁷⁵⁴ Казакова Н. А. Указ. соч. С. 351.

всех отправленных от царя к европейским монархам письмах содержалось пожелание, чтобы они способствовали прекращению войны⁷⁵⁵.

За ходом военных действий пристально наблюдали в Посольском приказе. Известия о противостоянии стран Западной Европы появлялись в России достаточно оперативно, часто в течение полутора месяцев, как это произошло с сообщением о начале войны⁷⁵⁶. Исходя из сохранившихся сведений, можно констатировать, что при царском дворе были разные взгляды на Голландскую войну. С одной стороны, русский резидент в Варшаве В. М. Тяпкин всячески подчеркивал деструктивную роль Франции, как в политике Речи Посполитой, так и в европейской системе отношений в целом, утверждая, что «французы безпрестанно в том упражняются мыслами и хитрыми штуками своими, чтоб над всеми государствами первенство одержать»⁷⁵⁷. Также и в куранты включались сведения о чудесах, требовавших от короля Франции прекращения войны, например, о знамени в Эльзасе, напугавшем наступающих французских солдат⁷⁵⁸. Помимо этого известно, что в куранты не попадали известия о катастрофическом положении Республики Соединенных провинций в 1672 г. В современной историографии это связывают как с тем, что для перевода на русский использовались голландские и немецкие газеты, в которых преобладала антифранцузская позиция, так и с тем, что отбором известий для перевода в России занимались переводчики А. А. Виниус, голландского происхождения, и Л. А. Гросс, происходивший из Священной Римской империи⁷⁵⁹. С другой стороны, иностранцы при русском дворе отмечали, что когда поражения в этой войне несли голландцы, то русские говорили, что наказывать взбунтовавшихся крестьян справедливо, а когда проигрывали французы – что это Бог хочет покарать их короля за

⁷⁵⁵ Grönebaum F. Op. cit. S. 64. Похожую тактику в России наблюдали в переводах известий о дипломатии папы Римского от 16 марта и 19 апреля 1671 г., стремившегося объединить государей Европы против турок (Шамин С. М. Иностранная пресса и русская культура... С. 190).

⁷⁵⁶ Шамин С. М. Иностранная пресса и русская культура... С. 183.

⁷⁵⁷ Флоря Б. Н. Проект... С. 148.

⁷⁵⁸ Шамин С. М. Иностранная пресса и русская культура... С. 71

⁷⁵⁹ Шамин С. М. Иностранная пресса и русская культура... С. 194.

гордыню⁷⁶⁰. Скорее всего, именно из-за такой позиции при дворе миссия А. А. Виниуса была направлена ко всем воюющим сторонам с аналогичными предложениями, без очевидной поддержки одной из них.

В дополнение к основной цели посольства, у французского и английского королей А. А. Виниусу следовало узнать, планируется ли мир с голландцами, кто в этой войне побеждает и получить иные полезные известия о международном конфликте⁷⁶¹. Гонец должен был последовательно посетить Англию, Францию и Испанию, несмотря на разный статус их правителей. Согласно Титулярнику 1672 г. в отношениях престижа первым был король Испании, за ним короли Франции и наконец Англии⁷⁶². Тем не менее, подготовленная проезжая грамота перечисляла монархов в порядке начиная с французского. Это позволило Виниусу получить распоряжение государственного секретаря иностранных дел Франции, который проверял у русских дипломатов проезжие грамоты прежде организации для них церемоний⁷⁶³.

Переводчик А. А. Виниус был отправлен в европейские страны в качестве гонца, и главной целью его миссии была передача царской грамоты от 11 (21) октября 1672 г. В грамоте ко французскому королю надежность России как будущего союзника подтверждалась уведомлением о продолжении перемирия между Россией и Речью Посполитой, а также об обсуждении ими антитурецких проектов. В ней описывались события, происходившие на Украине после Андрусовского перемирия, приведшие к противостоянию с османами⁷⁶⁴. Особенно подчеркивалась враждебность султана по отношению к христианству, например, что при взятии Каменца-Подольского он «шляхту и духовенство вырубил, и освященных Господу Богу дев осрамил, и церкви Божии и костелы в мечети обратил и на искоренении имени христианского»⁷⁶⁵.

⁷⁶⁰ Бушкович П. Указ. соч. С. 73.

⁷⁶¹ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. 1672 г. Д. 229. Л. 51.

⁷⁶² Царский титулярник... Т. I. С. 90–101.

⁷⁶³ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 39об.

⁷⁶⁴ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. 1672 г. Д. 229. Л. 68.

⁷⁶⁵ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. 1672 г. Д. 229. Л. 76.

Грамота подчеркивала непрерывность переписки между царем и французским королем и ее влияние на русскую внешнюю политику, в частности, отмечалось, что просьба закончить войну с Речью Посполитой в присланной с К. Г. Мачехниным грамоте 1654 г. была выполнена, соответственно, французскому королю предлагалось аналогичным образом прислушаться к позиции царя и заключить мир с Голландией⁷⁶⁶. В случае желания короля помочь в противостоянии с османами следовало прислать своих посланников и обсудить возможности будущего союзного русско-французского договора, к которому могли присоединиться другие страны⁷⁶⁷.

По-видимому, такая позиция Посольского приказа была обусловлена поступающими через куранты сведениями о готовности предоставить воюющим странам посредничество со стороны королей Дании и Швеции, а также императора Священной Римской империи⁷⁶⁸. Отправленное параллельно с Виниусом посольство в Швецию тоже стремилось побудить короля Карла XI способствовать заключению мира между воюющими странами. Шведский король занял благожелательную позицию и для поддержания мира с Россией даже предложил ей вступить в антитурецкий союз с Англией и Францией⁷⁶⁹. Похожие предложения содержали царские грамоты и к остальным европейским монархам⁷⁷⁰. Немецкий исследователь Ф. фон Гроненбаум считал, что Посольский приказ сознательно предлагал Франции ведущую роль в антиосманской коалиции, исходя из сложившейся в Европе расстановки сил, а не из-за наивного восприятия тезиса о единстве христиан⁷⁷¹, с чем возможно согласиться.

В отличие от предыдущих миссий во Францию, А. А. Виниус в большей степени опирался на уже существовавшие церемониальные практики. В частности, еще находясь в Лондоне, до отпускной аудиенции у английского

⁷⁶⁶ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. 1672 г. Д. 229. Л. 79–80.

⁷⁶⁷ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. 1672 г. Д. 229. Л. 81.

⁷⁶⁸ Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг... С. 232, 250, 335.

⁷⁶⁹ Кобзарева Е. И. Россия и Швеция... С. 31, 34.

⁷⁷⁰ Казакова Н. А. Указ. соч. С. 352.

⁷⁷¹ Grönebaum F. Op. cit. S. 64.

короля, он через подьячего и толмача предупредил французского посла о своем дальнейшем визите во Францию, чтобы тот написал об этом к государственному секретарю по иностранным делам⁷⁷². Именно такой подход был принят в официальной французской дипломатической практике⁷⁷³ и А. А. Виниус таким образом смог ему соответствовать. Французский посол в Англии, Шарль Кольбер де Круасси, младший брат сюринтенданта финансов, прислал к А. А. Виниусу своего секретаря 2 (12) апреля 1673 г., который подтвердил, что Людовик XIV готов принять гонца и сопроводить из Кале до Парижа за счет королевской казны⁷⁷⁴. Перед своим отправлением из Англии Виниус нанял переводившего с французского языка Даниеля Бордые в качестве толмача для лучшего исполнения возложенной на него миссии⁷⁷⁵.

В целом, на посольство Виниуса распространялись те же правила приема, что и на прочих русских дипломатов. В первом пограничном городе ему было необходимо запросить сопровождающего и оплату из королевской казны питания и транспорта. В день его аудиенции у короля не должно было быть прочих дипломатов⁷⁷⁶. Самой аудиенции у короля выделялось исключительно репрезентативное значение и после нее было необходимо только передать царскую грамоту, отвечая всем, что сверх нее дел ему не наказано⁷⁷⁷.

Несмотря на раннее уведомление короля о визите, 18 (28) апреля, когда к коменданту Кале было прислано письмо Виниуса, он еще не имел королевского указа и просил ожидать ответа из Парижа⁷⁷⁸. Гонцу было предложено встать на дворе за свой счет, до получения королевского письма, что ему будет возмещено из французской казны. Из-за необходимости выполнить свою миссию оперативно, чтобы успеть посетить Испанию и вернуться до наступления зимы, Виниус планировал, как предыдущие

⁷⁷² РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. 1672 г. Д. 229. Л. 108; РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 19об.

⁷⁷³ Шикун М. И. Указ. соч. С. 123.

⁷⁷⁴ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 22об.; РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. 1672 г. Д. 229. Л. 108–109.

⁷⁷⁵ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 22об.

⁷⁷⁶ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. 1672 г. Д. 229. Л. 17–18.

⁷⁷⁷ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. 1672 г. Д. 229. Л. 22.

⁷⁷⁸ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. 1672 г. Д. 229. Л. 115; РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 34об.

посольства, добираться до Парижа за свой счет, однако король находился в действующей во Фландрии армии и маршрут к нему должен был быть определен принимающей стороной, на что указал комендант⁷⁷⁹. Ожидая королевский ответ, гонец стал целью таможенных служащих, которые пришли к нему в день его прибытия в Кале. Однако конфликта с ними, подобного тому, который случился у П. И. Потемкина в Байоне, у Виниуса не произошло. Представители таможни сослались на то, что во Франции принято осматривать вещи всех прибывавших к ним дипломатов, на что гонец ответил, что это имеет смысл, если вещи французских дипломатов также в других странах осматриваются, однако в России такой практики не существует и следует этого придерживаться. Вещи дипломата все равно осмотрели, но не стали пытаться собрать с них пошлин, не найдя ничего ценного⁷⁸⁰.

Наконец, 28 апреля (8 мая) к Виниусу прибыл свитский дворянин Пьер де Жиберти (Pierre de Giberti), объявив, что король согласен его принять, с оплатой всех расходов из казны⁷⁸¹. Ранее де Жиберти уже играл роль сопровождающего для турецких послов в 1669 г., которые принимались по схожим церемониальным правилам, что и стало наиболее вероятной причиной его отправки к Виниусу⁷⁸².

9 (19) мая гонца сопровождали в Менен, где находились и другие дипломаты⁷⁸³. Там его размещением занимались королевские квартирмейстеры (les maréchaux des logis). В целом, вопросами снабжения и подбором сопровождающих занимался лично Ж.-Б. Кольбер, а не посольский интродуктор или церемониймейстеры⁷⁸⁴, что придавало миссии дополнительную значимость. В остальном церемониал был таким же, как и при подготовке торжественного въезда в Париж. В Менен к гонцу также приехал посольский интродуктор Этьен де Бонней, заменивший на этой

⁷⁷⁹ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 34об.–35об.

⁷⁸⁰ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 36–36об.

⁷⁸¹ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. 1672 г. Д. 229. Л. 115–115об.

⁷⁸² Bibliothèque nationale de France, département des Manuscrits, français 14118. Fol. 38v.

⁷⁸³ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. 1672 г. Д. 229. Л. 101.

⁷⁸⁴ Bibliothèque nationale de France, département des Manuscrits, français 14118. Fol. 76v.

должности Н. де Берлиза⁷⁸⁵. Он объявил о назначении королевской аудиенции на 12 мая и попросил проезжую грамоту, отметив, что французский король написан выше испанского и английского, поблагодарил за выказанную «братскую любовь», сказав, что известит об этом короля⁷⁸⁶. Показательно, что вместо верительной грамоты, требуемой от прочих дипломатов, для русских после посольства П. И. Потемкина закрепляется проезжая, что вновь подтверждает важное значение его миссии для формирования дипломатической традиции. Русские проезжие грамоты имели формулярные отличия от верительных, наиболее существенным из которых было то, что верительные составлялись к конкретному монарху, а проезжие служили для пропуска через все государства, которые посольство посещало на пути к своей цели⁷⁸⁷, что, тем не менее, не помешало прийти к компромиссу по их поводу во Франции. Виниус находился в Менене в окружении дипломатов других европейских стран, и для него было важно получить аудиенцию у короля в день их отсутствия у него на церемониальных мероприятиях. На его просьбу об этом интродуктор сообщил, что это требование русской стороны уже учтено, и король заранее отпустил прочих дипломатов, дожидаясь только русского гонца, прежде чем покинуть Куртре⁷⁸⁸. Таким образом вновь было подчеркнуто расположение короля к русской миссии.

Тем не менее, именно в ходе посольства Виниуса французской стороной была предпринята попытка в большей степени унифицировать церемониал приема русских дипломатов и сблизить их статус с другими европейскими посольствами. В первую очередь это касалось аудиенции у государственного секретаря по иностранным делам прежде получения публичной аудиенции у монарха, с целью подготовки дипломатов к этой встрече. Такая практика была

⁷⁸⁵ Семья де Боннейев владела должностью посольских интродукторов с 1671 по 1698 гг. (см. Шиколо М. И. Указ. соч. С. 63). Наследник Этьена – Мишель де Бонней подготовил отчет о приеме Виниуса впоследствии переписанный церемониймейстером де Сенкто в его мемуары (Bibliothèque nationale de France, département des Manuscrits, français 14118. Fol. 76r.–77v.).

⁷⁸⁶ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 39об.

⁷⁸⁷ Гуськов А. Г. Указ. соч. С. 80–84.

⁷⁸⁸ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 40об.

принята при французском дворе⁷⁸⁹, но русские дипломаты ее избегали из-за существовавших представлений о невозможности получения частных аудиенций раньше публичной у монарха, к которому они были присланы⁷⁹⁰.

Гонцу объявили, что «всех государей послы и посланники, прежде не быв у короля на приезде бывают и розговаривают о делах, о чем посланы, с королевским думным дьяком, чтоб королю мочно о тех делех ведать», а также просили передать об этом обычае царю, иначе без частной аудиенции у министра перестанут допускать русских дипломатов к монарху⁷⁹¹. Виниус не мог не опротестовать это положение, подчеркнув, что он прислан с посольством к королю от царя, а грамоты от думного дьяка к думному дьяку (т.е. государственному секретарю иностранных дел) у него нет. Тем не менее, на этот раз король пошел навстречу гонцу, раз тот прислан с такой целью⁷⁹².

В день публичной королевской аудиенции для А. А. Виниуса, как и для предыдущего посольства, было организовано торжественное застолье, которым также руководил первый королевский гофмейстер маршал де Бельфон, встретивший гонца у дверей⁷⁹³. За большим столом с одной стороны сидел гонец и его свита, а с другой – французские придворные, которых король прислал для участия в трапезе⁷⁹⁴. Бельфон первый пил за здоровье царя, после чего гонец пил за здоровье короля, затем маршал – за царевича и Виниус – за дофина⁷⁹⁵. В наказе специально оговаривалось, что гонцу стоило обязательно благодарить короля, в случае присылки к нему стола, либо приглашения к королевскому столу, на которое он должен был соглашаться⁷⁹⁶, в связи с чем обед был еще одной почестью для русских дипломатов, ценимой в Посольском приказе. Необходимость поддержания

⁷⁸⁹ См. Шиколо М. И. Указ. соч. С. 58.

⁷⁹⁰ Юзефович Л. Указ. соч. С. 52–53.

⁷⁹¹ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. 1672 г. Д. 229. Л. 125–127.

⁷⁹² РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 41–43.

⁷⁹³ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 43.

⁷⁹⁴ Bibliothèque de l' Arsenal. Ms 3859–3865. Fol. 268.

⁷⁹⁵ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 44.

⁷⁹⁶ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. 1672 г. Д. 229. Л. 22–23.

этикета, «чин и учтивость во всем иметь», была также зафиксирована в наказе, будучи одним из условий поддержания диалога между государствами⁷⁹⁷.

Первая публичная аудиенция 12 (22) мая состоялась по стандартному церемониалу, но была менее пышной, потому что проходила в походном шатре в Куртре, а не в королевском дворце. Посольский интродуктор заранее предупредил, что эта же аудиенция будет отпуской из-за участия короля в военных действиях⁷⁹⁸. К тому же в день аудиенции была плохая погода, что сказало на виде королевского шатра⁷⁹⁹. Около него гонца встречали 5–7 человек пеших драгун и солдат⁸⁰⁰, вероятно, лейб-гвардейцев, а после прибытия короля гонца также проводили несколько дворян. На аудиенции инкогнито присутствовали королева, герцог Орлеанский и его супруга, занимая места в шатре без официального статуса⁸⁰¹. В остальном аудиенция проходила так же, как и в других русских посольствах.

После церемонии король пригласил А. А. Виниуса со свитой на смотр войск и выделил им лошадей⁸⁰². В своей монографии, посвященной франко-русским отношениям Ф. фон Гроненбаум считал, что Людовик XIV таким образом демонстрировал, что не собирается прерывать начинающуюся кампанию⁸⁰³. Вряд ли этот жест можно интерпретировать однозначно, приглашения посланников на смотры войск происходили и в дальнейшем, к тому же в походном лагере было меньше вариантов почетного досуга для дипломатов, чем в Париже или королевских дворцах. Перед тем как отправиться на смотр, гонец и его свита приветствовали королеву, отказавшуюся после публичной королевской аудиенции от статуса инкогнито. На смотре участники посольства ехали рядом с королевской каретой вместе с интродуктором и приставом, их также сопровождал маршал

⁷⁹⁷ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. 1672 г. Д. 229. Л. 23.

⁷⁹⁸ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 45.

⁷⁹⁹ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 47.

⁸⁰⁰ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 45–45об.

⁸⁰¹ Bibliothèque de l' Arsenal. Ms 3859–3865. Fol. 268; РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 46–46об.

⁸⁰² РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 47.

⁸⁰³ Grönebaum F. Op. cit. S. 65.

Франсуа де Креки⁸⁰⁴. Всего, согласно записке Мишеля Шабена де Боннея, сына действующего посольского интродуктора, гонец со свитой прошли 200 или 300 шагов перед королем⁸⁰⁵. Виниус высоко оценил французскую конницу, но низко пехоту, что в тексте статейного списка подчеркнуло значение комплимента маршала де Креки, который объявил гонцу, что по всей Европе хвалят именно русскую пехоту⁸⁰⁶. Перед отъездом в Париж, посольский интродуктор принес Виниусу 500 золотых экю, пообещав, что остальные дары выдадут в Париже и заплатят дьяку и переводчику⁸⁰⁷. Впрочем, дары по итогам выданы не были⁸⁰⁸, возможно, из-за того, что миссия гонца не подразумевала поднесение подарков королю.

Большое значение для посольства имело получение ответной грамоты. На официальной аудиенции Людовик XIV вновь предупредил гонца, что не сможет организовать отпускной прием из-за участия в военной кампании. Позже его слова подтвердил на встрече с А. А. Виниусом государственный секретарь по иностранным делам Симон Арно маркиз де Помпонн, уведомивший, что ответную грамоту пришлют гонцу в Париж. Такой вид принятия грамоты не поощрялся в Посольском приказе, как будет показано в следующей главе, но узнав, что аудиенции не даются никаким другим дипломатам, Виниус согласился на этот шаг. 14 (24) мая он прибыл в Париж, а 2 (12) июня получил королевскую грамоту сразу с копией на латинском языке. Проверка царского титула в оригинале и латинском переводе показала его соответствие правилам написания, и грамота была принята гонцом. Вопросы вызвало лишь то, что царские титулы не были написаны золотом, как в предыдущих грамотах, что объяснили отсутствием при короле в походе золотописцев⁸⁰⁹.

⁸⁰⁴ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 47об.

⁸⁰⁵ Bibliothèque de l' Arsenal. Ms 3859–3865. Fol. 268.

⁸⁰⁶ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 48об.–49.

⁸⁰⁷ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 54–54об.

⁸⁰⁸ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 73об.

⁸⁰⁹ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. Л. 71–72. Традиционно грамоты к царю европейскими правителями писались золотом до начала перечисления его владений, аналогично подготавливались и царские грамоты к европейским монархам (Гуськов А. Г. Указ. соч. С. 95).

Вопрос о написании титулов на этот раз был поднят французской стороной. Ранее в Куртре маркиз де Помпонн, получив латинскую копию с царской грамоты, указал Виниусу на допущенную ошибку в королевском именовании: в царской грамоте он был назван пресветлейшим (*serenissimus*), а не высочайшим (*altissimus*). Министр подчеркнул, что такой титул подходит для принца Конде и курфюрстов, а не для короля, но сказал, что не будет считать это оскорблением⁸¹⁰.

Таким образом, при обмене грамотами серьезных споров вокруг титулатуры и статуса не возникло⁸¹¹, хотя в русской грамоте на латинском языке царский титул «*magnus dominus*» был впервые употреблен в послании к королю⁸¹², что, вероятно, было связано с изменением русского дипломатического церемониала при А. С. Матвееве⁸¹³. Возможно, отсутствие конфликта можно объяснить и низким дипломатическим статусом посланника А. А. Виниуса или расчетом на возможность в будущем привлечь Францию к подготовке Вечного мира с Речью Посполитой, а в перспективе и к антитурецкой коалиции. Тем не менее, после возвращения Виниуса в Посольском приказе была проведена аналитическая работа о причинах почему король Франции принижает статус царя, не используя титул «Великий Государь». В ходе сравнения французских грамот с испанскими и имперскими оказалось, что некоторые титулы (например «вельможнейший» вместо «вельможного») король Франции употребляет к большей славе царя, но отсутствие титула «Великие Государы» все же перевешивало прочие достоинства королевских грамот, по оценке служащих приказа, и требовало дальнейшей борьбы за закрепление в формуляре подлинного титула⁸¹⁴.

Основное значение принятой А. А. Виниусом грамоты французского короля, копию которой гонец сразу отправил через почту⁸¹⁵, было в том, что

⁸¹⁰ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 49об.

⁸¹¹ Казакова Н. А. А. А. Виниус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672–1674 гг. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. XXXIX. С. 355.

⁸¹² ААЕ, СР, Russie. Vol. 01., fol. 75.

⁸¹³ «Око всей великой России»... С. 96.

⁸¹⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1673. Д. 1. Л. 6–19.

⁸¹⁵ Более подробна работа почты между Россией и Францией раскрыта в 4-й главе.

царя благодарили за помощь польскому королю против турок, но в то же время отмечалось, что отвлеченный Голландской войной Людовик XIV помочь христианским государствам не сможет⁸¹⁶.

Несмотря на то, что гонец получил всего один торжественный прием у короля, это отчасти было компенсировано аудиенцией у наследника трона дофина Людовика, которую в остальных случаях русские дипломаты не получали. На нее А. А. Виниуса пригласил секретарь-сопроводитель Жиро, перенявший на время нахождения гонца в Париже функции посольского интродуктора, который оставался в походе при короле. Приглашение Жиро передал 23 мая (2 июня), сказав, что дофин желает видеть царского гонца, чтобы спросить о здоровье царевича⁸¹⁷.

Аудиенция у дофина не была предусмотрена наказом, так как ранее не происходила из-за его малолетства (р. 1661 г.), но А. А. Виниус согласился на нее, чтобы не создавать дипломатический конфликт⁸¹⁸. Прием состоялся 24 мая (3 июня) и превосходил по пышности церемонию у короля. Он проходил в королевской резиденции Сен-Жермен, в которую участников посольства отвезли две кареты. Во внутреннем дворе их встречало более 100 гвардейцев под ружьем, а в королевские апартаменты проводили 10 дворян. На пути к залу для аудиенции гонец видел еще 50 швейцарских гвардейцев, а у входа в апартаменты их встретили гофмейстеры⁸¹⁹. Всего на аудиенции присутствовали 10–12 человек, в том числе молодые приближенные дофина и двое его наставников⁸²⁰. Таким образом, состав участников этой аудиенции значительно отличался от королевской. В ходе церемонии Виниус был представителем наследника русского престола, царевича Федора Алексеевича, и передал дофину поздравления от его имени. Дофин соблюдал такие же церемониальные правила, как и король, и также слушал речь о царевиче стоя, сняв шляпу. Он не только спросил о его здоровье, но также уточнил возраст

⁸¹⁶ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. 1672 г. Д. 229. Л. 132–138.

⁸¹⁷ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 58–58об.

⁸¹⁸ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 59–60.

⁸¹⁹ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 60об.–62.

⁸²⁰ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 65.

Федора Алексеевича⁸²¹. Оказалось, что царевич является ровесником дофина, и им обоим на момент аудиенции было 12 лет. В конце своей речи дофин попросил передать Федору Алексеевичу поклон и поздравления⁸²². Немецкий исследователь Ф. фон Гроненабум считал, что аудиенцией у дофина гонцу пришлось довольствоваться вместо отпуска у короля⁸²³, однако она скорее стала дополнительной честью, оказанной посланнику, чем заменой публичного королевского приема. В дополнение к встрече с дофином, чтобы выказать гонцу особое внимание, ему предложили осмотреть разные залы Сен-Жерменского дворца, убранства и интерьеры которого А. А. Виниус зафиксировал в своем статейном списке. После прогулки для него вновь было организовано торжественное застолье маршалом де Бельфоном⁸²⁴. Согласно данным, которые приводит исследователь биографии Людовика XIV Ф. Блюш, война оторвала короля от двора на 166 дней в 1673 г.⁸²⁵, поэтому встреча с дофином была одним из способов повысить престиж миссии в условиях отсутствия монарха.

Пока гонец находился в Париже ему нанесли визиты несколько иностранцев. Первым его посетил греческий священник из Константинополя, попросивший у А. А. Виниуса проезжую грамоту, чтобы на своем пути через Англию в Москву он мог преодолеть маршрут между столицей России и Архангельском. Однако для предоставления грамоты у гонца не было полномочий⁸²⁶. После него А. А. Виниуса посетил бывший пленник белгородец Иван Андреев сын Воронкин, служивший рейтаром в Орле. Согласно словам белгородца, будучи пленен крымскими татарами, он оказался продан на турецкие галеры, откуда ушел на французский корабль и сейчас желает вернуться в Россию для службы государю. Тем не менее, гонец не мог выдать проезжую грамоту и ему⁸²⁷. Наконец, Виниуса посетил секретарь

⁸²¹ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 63.

⁸²² РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 64–64об.

⁸²³ Grönebaum F. Op. cit. S. 65.

⁸²⁴ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 65об.–66.

⁸²⁵ Блюш Ф. Указ. соч. С. 285.

⁸²⁶ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 69об.–70.

⁸²⁷ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 70–70об.

английского посла, который лишь поблагодарил за милости, оказанные им при приеме в Москве, и на этом окончил свой визит вежливости⁸²⁸. Таким образом, присутствие русского гонца в Париже становилось известно и привлекало внимание, однако сведений о посещении его местными французами по собственной инициативе не сохранилось в источниках.

4 (14) июня А. А. Виниусу предоставили кареты до Испании, но не все задачи его миссии были решены. Прежде всего ему не удалось нанять в Париже трубачей, потому что, по словам французов, они все были в войсках, а в ином случае король бы предоставил ему двух лучших. Он также не нашел во Франции плавильщиков и рудных мастеров, причиной чему считал отсутствие во Франции большого числа рудников⁸²⁹. Тем не менее, главным достижением миссии стало накопление наибольшего объема актуальной информации о Франции среди статейных списков.

Гонец остался доволен приемом, и миссию можно было считать успешной. За время путешествия Виниус отметил, что ему везде давали сопровождающих, размещали на лучших дворах, королевские повара готовили пищу, и специальный королевский служащий занимался организацией трапезы, для которой использовалась дорогая серебряная посуда. Сопровождающий служащий подготавливал для них продовольствие во время поездок, и все расходы оплачивались из казны⁸³⁰. Было обращено внимание и на то, что, когда в Байонне к гонцу пришли представители откупщиков, с которыми возник конфликт посольства П. И. Потемкина, то сопровождающий Жиберти показал им королевскую печать, после чего они сразу удалились, а сам свитский дворянин сопровождал русское посольство до испанского города Ируна, лишь после этого вернувшись во Францию⁸³¹. Эти обстоятельства приема должны были развеять сомнения Посольского приказа

⁸²⁸ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 74.

⁸²⁹ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 75.

⁸³⁰ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 78.

⁸³¹ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 76об.

о надобности русского посольства для французского короля, о чем, согласно наказу, Виниус должен был разузнать⁸³².

Гонец подготовил заметки о многих сторонах французской жизни. Он описал государственное устройство королевства и функции государственных секретарей, ранжировав их по статусу, и первым среди них он считал маркиза де Лувуа⁸³³. Его внимание привлекали также христианские святыни. Виниус описывал большой собор в Амьене и его реликвии: мощи Иоанна Крестителя, золотой ковчег с отщепом животворящего креста с греческими письменами, полученный, по рассказам хранителя, от греческого царя Алексея, который передал его Готфриду Бульонскому, когда тот шел в крестовый поход на Иерусалим⁸³⁴. В дополнение к этому он дал наиболее подробное описание аббатства Сен-Дени, которое посещали почти все русские дипломаты в XVII в. Он не только упомянул хранение там мощей Святого Дионисия Ареопагита в золотых ковчегах, но также привел легенду, о том, что после того, как святому отрубили голову, он дошел с ней до места, где поставлен собор. Вместе с тем гонец упомянул хранение в реликварии двух отщепов животворящего креста, один из которых помещен в распятие папой Климентом, сосуда с кровью и водой, истекшей из Христа, а также одного из 3-х гвоздей с креста, переданного французскому королю от византийского императора Константина VI⁸³⁵.

Помимо священных мест, посещение которых демонстрировало принимающей стороне принадлежность Виниуса к христианской вере, гонец давал описания французским дворцам. Кроме уже упомянутого Сен-Жермена, его внимание привлек Булонский замок, известный также как Мадридский. Его второе название сопровождающие обосновали историей строительства замка при Франциске I, противостоящем Испании и не желающим, по условиям мирного договора, посещать ее столицу⁸³⁶. Наконец, на пути в

⁸³² РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 78об.

⁸³³ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 86об.–87.

⁸³⁴ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 55об.–56.

⁸³⁵ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 56об.–57.

⁸³⁶ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 67–68.

Испанию А. А. Виниус отметил красивые сады, пруды и фонтаны Фонтенбло⁸³⁷.

Оценка А. А. Виниусом Голландской войны была неутешительной для ожидавшего ее завершения Посольского приказа. Армию французского короля он рассматривал как наиболее многочисленную в Европе, общие силы которой оценивал более чем в 150 тыс. человек⁸³⁸. Вместе с тем в письме в Россию от 11 (21) апреля он упоминал, что английский король посылает в качестве подкрепления еще 60 тыс. военных во Францию⁸³⁹. Эти сведения были важны для русского дипломатического ведомства. Исходя из сохранившихся подборок курантов, можно предположить, что в России целенаправленно следили за численностью французской армии, чтобы определить способность Людовика XIV к продолжению войны⁸⁴⁰.

В своих письмах гонец рассказывал о существовавшем предложении посредничества со стороны Швеции, которое были готовы принять англичане и французы, но не голландцы по причине несогласованности его с их союзниками⁸⁴¹. В целом, французские перспективы в дальнейшей войне представлялись более оптимистичными, например, А. А. Виниус писал, что испанский король не готов к войне и уступит французам после оказанного с их стороны давления⁸⁴².

В период своего посольства А. А. Виниус фиксировал противоречивость позиции Людовика XIV по вопросам противостояния Польши с Османской империей. Король, исходя из полученных посланником сведений, действительно был готов напрямую вступить за Речь Посполитую, османское наступление от которой он пытался отвести с помощью дипломатического давления⁸⁴³, но оставался связанным большой

⁸³⁷ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 75–75об.

⁸³⁸ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 89.

⁸³⁹ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. 1672 г. Д. 229. Л. 108–109.

⁸⁴⁰ Шамин С. М. Иностранная пресса и русская культура... С. 190–194.

⁸⁴¹ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. 1672 г. Д. 229. Л. 101.

⁸⁴² РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. 1672 г. Д. 229. Л. 115–115об.

⁸⁴³ Roy P. Op. cit. P. 48.

западноевропейской войной⁸⁴⁴. К тому же он поддерживал с султаном дипломатические отношения, а французские подданные вели во владениях осман торговлю⁸⁴⁵. В ответной грамоте Людовик XIV положительно высказывался о русской помощи Речи Посполитой в войне с турками, а также выражал «устремление к крушению общего врага христианства», заявляя что «ничего не оставити будем, чтоб христианским народам мир той возвратился [...] силою которого совокупленными вкупе думами и силами врага нам непримиреннаго возбраняти и обуздать могли бы», исходя из перевода латинской грамоты Посольским приказом⁸⁴⁶.

Однако французские информаторы сообщали Виниусу другую картину. В статейном списке он отметил, что говорят о французской политике в отношении турок следующее: «И хотя имяни своем славы польской коруне противо наступления турскаго салтана помочь и учинил бы, как и в прошлых летех чинил споможение на турках цесарю римскому, в коем споможении сказывают французы великую победу на турками восприяли, и потом недавном времени и венецианом в Кандийской войне, но ныне король французской вступил в тяжкую войну и крепкой союз с аглинским королем учинил»⁸⁴⁷. А также, что «И получение прошлаго и нынешняго лета у галанцов толиких крепких городов и мест в намерении ево так угодило, что никаких иных сторонных ради причин или всего христианства для общих прибытков никако от континуации той войны не отступит, потому что во всех ево желаниях ничто ему так не поспешило, и ничто не может к расширению государства его вяще послужить, как случай нынешней»⁸⁴⁸. Наконец, нежелание Людовика XIV ввязываться в войну с османами объяснялось тем, что «иные люди от нарочитых сказывали как в прежние лета короли французские великим собранием ходили христианом на помощь противо турок, и тогда де дом устрийские соединясь с агличаны на французскую землю (видя

⁸⁴⁴ Казакова Н. А. Указ. соч. С. 353.

⁸⁴⁵ Там же С. 358.

⁸⁴⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1673. Д. 1. Л. 2–3об.

⁸⁴⁷ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 78об.

⁸⁴⁸ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 79.

ю от воинских людей обнаженну) наступали и великия разорения чинили, которой де случай и ныне мог бы збытися, потому что цесарь и гишпанской король давные неприятели короля французского»⁸⁴⁹. К этому прибавлялось зафиксированное Виниусом практически полное отсутствие дипломатических связей между Францией и пострадавшей от Османской империи Речью Посполитой после избрания королем Михаила Вишневецкого, и особенно его женитьбы на сестре императора⁸⁵⁰.

Таким образом, хотя миссия А. А. Виниуса не смогла ускорить окончание Голландской войны, им была получена полезная информация о позиции Франции по османскому вопросу и текущем состоянии европейской политики. Известное французское внимание к польско-турецким отношениям сохранилось, и именно с помощью французского посредничества был заключен мир Речи Посполитой с Османской империей в 1676 г., который, вопреки желаниям Людовика XIV, лишь стал раскалять отношения Речи Посполитой с Россией⁸⁵¹. Так или иначе, под руководством А. С. Матвеева Посольский приказ не успел предпринять других существенных шагов в отношении Франции.

В целом, с 1670-х гг. основной задачей Франции в Восточной Европе оставалось поддержание мира для создания угрозы с востока для империи Габсбургов. Учитывая эту задачу, русские посольства во Францию, с попытками предложить ей антитурецкий союз становятся более системными. Посольскому приказу было известно о переговорах Франции и Османской империи, о торговом договоре, и даже в курантах находилось сведение о подготовке союза⁸⁵². Однако такая информация поступала вместе с сообщениями о дипломатических скандалах в Константинополе, о притеснениях французского посла, военных действиях французского флота против подданных султана и страхе берберских городов и султанского дивана

⁸⁴⁹ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 80об.

⁸⁵⁰ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 83–83об.

⁸⁵¹ Борисов Ю. В. Указ. соч. С. 231–232.

⁸⁵² Путешествия русских послов... С. 314; Вести-Куранты. 1671–1672 гг. М., 2017. С. 121.

перед новыми нападениями французов⁸⁵³. Также Посольскому приказу было известно о вражде Франции с Габсбургами⁸⁵⁴ и соответствующей необходимости для Людовика XIV установить мир в Восточной Европе против императора. Часто в историографии франко-османский союз считается исследователями неотъемлемой частью системы международных отношений рассматриваемого периода⁸⁵⁵, из-за чего русские посольства во Францию с целью заключения антиосманского союза представляются наивными⁸⁵⁶. Однако многими современниками франко-османский союз самим собой разумеющимся не казался, ни русским, отправлявшим посольства для заключения союза против Османской империи, ни сами французам, что демонстрирует проект французского посла в Стамбуле Ш. де Нуантеля, датированный 1676 г., задумывавший вытеснение Османской империи из Европы с помощью Речи Посполитой, России и морских сил Франции⁸⁵⁷. Поэтому цели посольств 1673, 1685 и 1687 гг. исходили не только из русских представлений о декларируемом единстве христианского мира. Даже уведомление о дестабилизации обстановки в Восточной Европе, могло вызвать у Франции содействие к умиротворению региона для создания угрозы Габсбургам, как это уже происходило в 1650–1660-х гг. В действительности, несмотря на то что ради исключения Франции из участия в антиосманских коалициях султаном были выданы ей торговые привилегии в 1673 г., а из-за морских столкновений и претензий на господство в Средиземном море, Франция не считалась Портой надежным союзником⁸⁵⁸. К концу XVII в. султан делал ставку на европейских протестантов⁸⁵⁹, а ключи от Храма Гроба

⁸⁵³ Вести-Куранты. 1671–1672... С. 130.

⁸⁵⁴ Путешествия русских послов... С. 312.

⁸⁵⁵ См. История внешней политики России... С. 328.

⁸⁵⁶ Отчасти такое представление о русской дипломатии транслировали западные источники, часто характеризовавшие русских как излишне наивных и диких даже в более поздние периоды (см. Гуськов А. Г. Указ. соч. С. 47).

⁸⁵⁷ Борисов Ю. В. Указ. соч. С. 235.

⁸⁵⁸ Гусарова Т. П. Указ. соч. С. 177.

⁸⁵⁹ Наиболее ярко это проявится на Карловацком конгрессе, см. Poumarède G. La France et le retour à la Porte des négociateurs de Karlowitz // La paix de Karlowitz 26 janvier 1699. Paris, 2010. P. 206–210.

Господня в Иерусалиме в 1676 г. были вновь переданы православным⁸⁶⁰. Вследствие антифранцузской политики султана Мехмеда IV королевский посол Ш. де Нуантель не был ни разу за свое пребывание в Константинополе в 1670–1679 гг. приглашен ко двору⁸⁶¹.

Особо стоит отметить, что религиозное значение русско-османского противостояния на момент отправки посольства А. А. Виниуса оставалось не столь ярко выраженным. Несмотря на то, что греческие земли, в связи с их православной религией и византийским прошлым, регулярно привлекали к себе внимание русского правительства, для XVII в., исходя из сохранившихся материалов, пик этого внимания пришелся на время царствования Алексея Михайловича, для которого «византийское наследство» было одним из оснований создаваемой государственной идеологии⁸⁶². При Федоре Алексеевиче уже наблюдается преобладание интереса к известиям из западных и северных стран Европы над аналогичными из Османской империи и греческих земель⁸⁶³.

К тому же реальное влияние России на ситуацию в Восточном Средиземноморье оставалось на протяжении XVII в. весьма опосредованным, за исключением территории Причерноморья⁸⁶⁴. Что выгодно отличало от нее Францию, где идеи «византийского наследства» существовали еще со Средних веков из-за наличия опыта крестовых походов⁸⁶⁵. Более того французский флот физически присутствовал в Леванте, совершая рейды не только на османский Магриб, но и на острова Эгейского моря, преследуя турецкие корабли до самых стен Константинополя⁸⁶⁶. Ранее необходимость морских нападений на

⁸⁶⁰ Орешкова С. Ф. Поход Кара Мустафы на Вену. Его место в османской внешней политике и значение для судеб империи // Османская империя и страны... С. 225.

⁸⁶¹ Там же. В России сведения о том, что «Турецкий султан разгневан на французов. Французского посла посадили в погреб» поступили через переводную прессу 14 октября 1677 г. (см. Шамин С. М. Куранты времени правления... С. 122).

⁸⁶² Ляпин Д. А. Царский меч... С. 222–226.

⁸⁶³ Шамин С. М. Политико-географический кругозор членов правительства царя Федора Алексеевича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1. 2004. С. 30.

⁸⁶⁴ Достян К. С. Балканские народы во время войны Священной лиги с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны... С. 373.

⁸⁶⁵ Roumarède G. Pour en finir avec la Croisade... P. 39.

⁸⁶⁶ Гусарова Т. П. Указ. соч. С. 269.

осман была одной из главных причин для кардинального обновления французского военного флота на Средиземноморье при кардинале Ришелье⁸⁶⁷. Война с османами продолжала быть источником престижа, и даже кардинал Мазарини завещал свое состояние на борьбу с ними. Эта борьба при Людовике XIV активно велась до сер. 1670-х гг., когда сменилась локальными стычками⁸⁶⁸.

Гонцом А. А. Виниусом в его статейном списке были отражены наиболее яркие эпизоды противостояния Франции с османами в XVII в.: битва при Сент-Готхарде 1664 г. и французское участие в Кандийской войне 1645–1669 гг. Отчасти оборона Кандии и отдельные успехи французов использовались восточными патриархами в качестве аргументов о слабости Османской империи и необходимости России вступления в войну с ней⁸⁶⁹. Помимо сведений восточных патриархов, в Посольский приказ поступали сообщения из европейской прессы через переводы и составление новостных подборок – курантов. В них преобладала венецианская трактовка конфликта⁸⁷⁰. В целом, события Кандийской войны представлены в курантах как война всей христианской Европы с турками, относительно Франции в них особо выделяются действия французского флота с 1660 г. (отправление эскадр, захват судов, разведка состояния берберского побережья)⁸⁷¹, французских добровольцев (отправка войск, военные действия герцога де Бофора, его смерть, ранения других известных дворян, участие французов в вылазках, их потери, отъезд французов из Кандии и другие события)⁸⁷² и французской дипломатии (дипломатические инциденты с послами, разведывательные данные об опасности нападения на Мальту, готовность французов отомстить османам за захват морских судов, переговоры с персами о союзе, приезд в

⁸⁶⁷ Попова Е. А. Указ. соч. С. 77.

⁸⁶⁸ Roy P. Op. cit. P. 33. Известия о столкновениях французского флота с берберскими корсарами поступали в Посольский приказ до конца XVII в. и часто интерпретировались как проявления враждебности между французским королем и султаном (см. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 252об.).

⁸⁶⁹ Греческо-русские связи сер. XVI – начала XVIII вв.: Греческие документы московских хранилищ. М., 1991. С. 46.

⁸⁷⁰ Шамин С. М. Кандийская война... С. 77.

⁸⁷¹ Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.... С. 91, 97, 140, 158, 195, 357, 394, 492.

⁸⁷² Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.... С. 158, 368–369, 386, 391, 393, 394.

Париж турецкого посла и другие события)⁸⁷³. Вследствие получения таких сведений ко времени правления Федора Алексеевича в Посольском приказе, по-видимому, сложилось представление о возможности нового привлечения Франции к подобной коалиции. К тому же на франко-османские отношения постоянное влияние оказывал и польский фактор – Людовик XIV стремился не допустить переориентации османской экспансии на Северное Причерноморье и отвлечения турок от наступления на Габсбургов⁸⁷⁴. Кандийская война оставалась значимым примером противостояния европейских государств и Османской империи, даже на рубеже 1670–1680-х гг. гетман И. Самойлович приводил ее в пример, чтобы доказать значимость европейских фортификаций в борьбе против турок⁸⁷⁵.

Однако французский король к 1674 г. не был заинтересован в создании масштабной антитурецкой коалиции не только в связи с необходимостью отвлечь Габсбургов от Голландской войны 1672–1678 гг., но и из-за изменения французской религиозной политики в Леванте, которое Винусом зафиксировано не было. Людовик XIV добивался от султана покровительства христианам Османской империи для продвижения католического влияния, одним из достижений политики французов стало принятие антиохийским патриархом Анастасием III унии с папским Римом⁸⁷⁶.

Не получил в 1670-х гг. свое развитие и торговый вопрос. Дальнейшему развитию франко-русского торгового проекта мешало открытое военное столкновение между Францией и Голландией, как из-за нехватки ресурсов для организации амбициозного торгового проекта, так и из-за доминирования голландской торговли в северных морях и на территории России⁸⁷⁷. Также этому способствовал упадок влияния Ж.-Б. Кольбера при французском дворе, связанный, с одной стороны, с конкуренцией с маркизом де Лувуа и его

⁸⁷³ Там же. С. 182, 239, 387, 366, 389, 404, 528.

⁸⁷⁴ Wójcik Z. Między Traktatem... С. 19.

⁸⁷⁵ Кочегаров К. А. Генерал Патрик Гордон и гетман Иван Самойлович в 1679–1680 гг. (Заметка в связи с выходом очередного тома «Дневника» П. Гордона) // Славянский альманах 2010. М., 2011. С. 498–499.

⁸⁷⁶ Roumarède G. La France et le retour à la Porte... Р. 206.

⁸⁷⁷ Велувенкамп Я. В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М., 2006. С. 50–51.

клиентелой, а с другой – с утратой королевского доверия⁸⁷⁸. Вероятно, что Ж.-Б. Кольбер не стремился форсировать противостояние с Голландией, и его контрагенты в России также настаивали на необходимости сотрудничества с голландскими предпринимателями, уже закрепившимися в этой торговле⁸⁷⁹. Впрочем, экономический потенциал Франции оставался в поле зрения А. А. Виниуса и в статейном списке он отметил, что на пути в Испанию посетил Бордо, откуда большая часть французских вин идут к Архангельску через посредничество голландцев и гамбуржцев⁸⁸⁰, а также, что французские караваны «ходят в персидскую землю»⁸⁸¹.

Гонец А. А. Виниус не привлек большого внимания во французском обществе, однако именно церемониал его миссии стал во Франции основанием для дальнейшего приема русских посланников (*envoyé*), так как именно в таком статусе он был зафиксирован в журнале церемониймейстера де Сенкто. На этом формирование основ приема русских дипломатов во Франции можно считать завершенным. Кроме того, гонцу удалось собрать много информации о численности войск Людовика XIV, об основных направлениях его политики, столичной жизни, религиозных и светских достопримечательностях Франции, ее системе управления и, отчасти, экономических особенностях. Информационный потенциал писем Виниуса и его статейного списка был более чем высоким для Посольского приказа, однако, как покажут дальнейшие шаги русской дипломатии, османская политика французского короля окажется значительно более сложной и зависящей не только от успехов в противостоянии с Голландией. Эта проблема станет ключевой во внешнеполитических связях России и Франции во 1680-х гг.

⁸⁷⁸ Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998. С. 442; Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. С. 202–203.

⁸⁷⁹ Kraatz A. *Op. cit.* P. 25

⁸⁸⁰ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 76.

⁸⁸¹ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16. Л. 85.

Глава 3. Возобновление русско-французских дипломатических связей в первой половине 1680-х гг. и политика кн. В. В. Голицына

3.1. Отправление посольства 1681 г. во Францию

Возобновление дипломатических миссий во Францию произошло в начале 1680-х гг. вместе с наступлением нового этапа русско-польских переговоров о Вечном мире и создании антиосманской коалиции. Наиболее подробно внешнеполитическую ситуацию, сложившуюся накануне посольства 1680–1681 гг. рассмотрел Б. Н. Флоря. С его точки зрения, решение об отправлении посольства было связано с заключением между странами Западной Европы Нимвегенского мира 1678 г. и русскими планами по международному противостоянию Османской империи, укрепившей в 1670-х гг. свое присутствие на Украине⁸⁸². Внешняя политика Людовика XIV в сложившейся ситуации имела двоякую направленность. Как показывает анализ известий из курантов за 1680 г., проведенный С. М. Шаминым, к царю и его окружению поступали неоднозначные известия. С одной стороны, о деятельности французской дипломатии по замирению Речи Посполитой и Османской империи, для продолжения противостояния с Габсбургами, а с другой – о деятельности французского флота в Средиземноморье, противостоявшему подданному султана⁸⁸³. Если первые свидетельствовали о том, что русско-французские переговоры желательны, чтобы скорректировать стратегию Версаля, то вторые могли подавать надежды на вступление Франции в антиосманскую коалицию.

Посольству предшествовали переговоры русских послов с Франсуа Гастоном маркизом де Бетюном, французским чрезвычайным посланником в Речи Посполитой, посвященные возможности включения Франции в антиосманскую коалицию после заключения русско-польского союза⁸⁸⁴. Представляется, что именно деятельность маркиза де Бетюна при польском

⁸⁸² Флоря Б. Н. Проект русско-французского союза 1680 года против османов // Средние века. Вып. 79(2). 2018. С. 140–141.

⁸⁸³ Шамин С. М. Куранты времени правления... С. 136.

⁸⁸⁴ Флоря Б. Н. Проект русско-французского... С. 145.

дворе способствовала выдвижению условия об обязательном участии Франции и других христианских государств в будущей антиосманской коалиции⁸⁸⁵. Несмотря на то, что маркиз отверг проект договора, предложенный ему русскими послами в Речи Посполитой 10 мая 1680 г.⁸⁸⁶, в июне к нему была направлена верительная грамота Людовика XIV, уполномочивавшая де Бетюна, в статусе чрезвычайного посланника, вести переговоры с русскими представителями о возможности французского посредничества для заключения мирного договора между Россией и Речью Посполитой⁸⁸⁷. Однако эта верительная грамота имела скорее вспомогательное значение и должна была быть применена в случае необходимости вмешательства Франции в польско-русские переговоры⁸⁸⁸. Подготовивший основную публикацию франкоязычных источников о франко-русских отношениях А. Н. Рамбо считал, что, возможно, де Бетюну даже удалось посетить Москву, но, к сожалению, сохранилось лишь фрагментарное описание этой миссии, посвященное русским посольским церемониям, в связи с чем затруднительно подтвердить поездку Бетюна в Москву⁸⁸⁹. Основываясь на материалах статейного списка П. И. Потемкина о посольстве 1680–1681 гг., можно предположить, что переговоров о торговле до прибытия П. И. Потемкина во Францию не происходило, так как посланник подчеркивал, что после 1668 г. в Москву не прибывал представитель короля Франции для обсуждения договора⁸⁹⁰.

В целом, дипломатические миссии в раннее Новое время имели особое значение для развития системы международных отношений. Обмен дипломатами и церемониал их приема фактически создавал поле международных отношений XV–XVIII вв. благодаря репрезентации каждого

⁸⁸⁵ Grönebaum F. Op. cit. S. 79.

⁸⁸⁶ Флоря Б. Н. Проект... С. 145.

⁸⁸⁷ Recueil des instructions... Т. VIII. Paris, 1890. P. 66.

⁸⁸⁸ Grönebaum F. Op. cit. S. 84.

⁸⁸⁹ Recueil des instructions... Т. VIII. Paris, 1890. P. 67. Миссию де Бетюна в Москву также считал состоявшейся Б. Виане, вновь опубликовавший отчет о русских церемониях 1680 г. (см. Виане Б. Указ. соч. С. 249–253).

⁸⁹⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 83об.

из правителей Европы через участие их представителей в дипломатическом церемониале, а также через неофициальную деятельность послов и посланников, которая служила объектом пристального внимания принимающей стороны⁸⁹¹. Вследствие этого, связи дипломата, механизмы их создания и репрезентации имели основополагающее значение для системы межгосударственных отношений, особенно между монархическими государствами, считавшимися большинством авторов XVII в. единственными долговременными политическими образованиями⁸⁹². Значение личности дипломата и способы формирования им своего статуса через социальные связи имели для русских посольств во Францию еще большее значение, чем для западноевропейских миссий. Причиной этому было то, что в XVII в. статус правителя России в системе европейских государств не был окончательно определен и способности его дипломатов к межкультурной коммуникации и репрезентации царя становились одним из важнейших факторов поддержания русско-французских контактов и накопления информации как о России во Франции, так и о Франции в России. Значение этой культурной стороны дипломатии во многом раскрыто работами К. Дженсен на примере рецепции практик европейских театров⁸⁹³.

Стоит отметить, что французский посольский церемониал середины XVII в. находился в процессе трансформации⁸⁹⁴, и посольство стольника Петра Ивановича Потемкина и дьяка Семена Владимировича Румянцева 1668 г. заложило церемониальные основы приема, что было нами проанализировано в предыдущей главе. Образцовым оно стало и для русской стороны, будучи единственным из посольств во Францию, представленном в Титулярнике 1672 г. Таким образом, возвращение П. И. Потемкина во Францию в рамках его посольства 1681 г. представляет особый интерес для изучения. Уже знакомый с французским церемониалом, он и его свита могли выработать

⁸⁹¹ Hennings J. Op. cit. P. 7, 20; Bély L. *La société des princes...* P. 7, Мазарчук Д. В. Указ. соч. С. 287; Юзефович Л. Указ. соч. С. 5–9.

⁸⁹² Bély L. *La société des princes...* P. 7.

⁸⁹³ Jensen C., Powell J. Op. cit. P. 131–144.; Jensen C. R. Maier I., Shamin S., Waugh D. C. Op. cit. P. 88–92.

⁸⁹⁴ Шиколо М. И. Указ. соч. С. 6.

наиболее адекватные способы адаптации и использования этого церемониала в своих и государственных интересах. Поводом к отправлению посольства стало восшествие на престол Федора Алексеевича, а целями – укрепление «братской дружбы и любви» между государями, поддержка со стороны Франции и Испании перемирия с Речью Посполитой, а также обсуждение торговых вопросов⁸⁹⁵. Посольство было направлено во Францию, Испанию и Англию, и сам факт посещения в первую очередь Франции был показательным для принимающей стороны, которая осталась недовольна своей второстепенной ролью в миссии в 1668 г.⁸⁹⁶

Русское посольство 1680–1682 гг. во Францию, Испанию и Англию также представляет особый интерес для изучения благодаря разнообразию сохранившихся источников, среди которых статейный список посольства, допросные речи посланника Петра Ивановича Потемкина, расходные книги миссии, французские церемониальные документы, записки придворных и отчет о посольстве, опубликованный в журнале «*Mercure galant*». Информационный потенциал привлеченных источников позволяет не только получить представление о событиях посольства, но и выявить среди них наиболее герменевтически значимые, востребованные в разных ситуациях для упоминания и истолкования. Ранее это посольство уже рассматривалось исследователями, в контексте истории внешней политики России⁸⁹⁷, истории дипломатии⁸⁹⁸ и культурной истории⁸⁹⁹, но целью этих работ не была реконструкция комплекса социальных связей и способов их формирования, в связи с чем далеко не вся значимая информация о посольстве включена в научный оборот.

Отдельно стоит остановиться на русских источниках о посольстве. До настоящего времени они дошли в виде нескольких дел, среди которых

⁸⁹⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 об.–2.

⁸⁹⁶ Дневник г. Кате... С. 611.

⁸⁹⁷ Безобразов П. В. Указ. соч. С. 24–27; Флоря Б. Н. Проект... С. 139–146; Grönebaum F. Op. cit. S. 86–92.

⁸⁹⁸ Hennings J. Op. cit. P. 105–106; Schaub M.-K. *Se comprendre avec difficulté...* P. 376; Шиколо М. И. Указ. соч. С. 25, 103, 206.

⁸⁹⁹ Jensen C. R. Maier I., Shamin S., Waugh D. C. Op. cit. P. 236–238.

выделяются статейный список, расходная книга, допросные речи и перевод с грамоты французского короля. Разрозненность источникового комплекса связана с тем, что вернувшийся в Россию во время стрелецких волнений 1682 г. посланник П. И. Потемкин сдал статейный список лишь 8 апреля 1683 г.⁹⁰⁰, а расходные книги лишь 20 ноября 1687 г.⁹⁰¹ Как и при русском дворе XVII в., в историографии существуют дискуссии вокруг достоверности статейных списков⁹⁰². В том числе сомнения вызывал статейный список П. И. Потемкина, так как отставленный им от дел переводчик Ю. Гивнер в допросных речах заявил, что посланник «приехав к Москве царскому Величеству ничто же инотокмо самую ложь сказал, понеже путешествия свое повседневнога ничего не писал и писати не приказал», а также «клеветы и неправды царскому Величеству приехал сюды к Москве известил де и сказал, и те на Москве составил все суть»⁹⁰³. В связи с этим компаративный анализ отражения социальных связей в русских и французских источниках может стать доказательством достоверности соответствующих фрагментов статейного списка.

Необходимо подчеркнуть, что при подготовке посольства стольника П. И. Потемкина и дьяка С. И. Полкова во Францию, Испанию и Англию в Посольском приказе вновь обратились к ранее разрабатываемому торговому проекту. Наказ посольству 1680–1681 гг. подразумевал заключение договора на следующих условиях: русским купцам предоставлялась вольная морская и сухопутная торговля во Франции, возможность свободно нанимать дворы, амбары и погреба, пошлины французские власти должны были брать только с продаваемых русскими купцами товаров (не с покупаемых), русским предоставляли в стране торгового агента и консула для ведения суда, наконец, им должна быть дарована свобода богослужения. Взамен же, испанским⁹⁰⁴ и

⁹⁰⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 71.

⁹⁰¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 1об.

⁹⁰² См. Юзефович Л. Указ. соч. С. 292

⁹⁰³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 109.

⁹⁰⁴ Эта часть наказа распространялась и на Испанию, и на Францию, т. е. на основе французского проекта 1668 г. планировалось сближение и с Испанией.

французским купцам разрешалось вольно приезжать к Архангельску без заповедных товаров (табака и крепленого вина), уплачивая пошлины по Новоторговому уставу 1667 г.: уточнялось что пошлина с «весчих товаров», т.е. тех, которые возможно взвесить, составит 10 денег с рубля, а с остальных – 8 денег. Отдельно расписывались пошлины для разных сортов вина⁹⁰⁵, которые, как было показано в предыдущей главе, имели особое значение для французской коммерции. Также, согласно наказу, посланники должны были подчеркнуть, что посредническая торговля русскими товарами через других иностранцев для французов невыгодна, и им следует развивать собственную прямую торговлю в Архангельске⁹⁰⁶. Сравнение проекта 1681 г. с французским предложением 1668 г. показывает, что основная часть французских формулировок была принята в Посольском приказе, и в развитии этого проекта происходило уточнение, а не переосмысление, отдельных положений возможного договора.

Рассмотренная часть наказа, посвященная вопросам торговли во Франции, совпадала с аналогичными инструкциями для Испании, но представляется, что французская часть миссии была более значима, т.к. на поминки (дары) посланникам было выдано 5 тыс. рублей соболями, в то время как для Испании и Англии поминки не были предусмотрены⁹⁰⁷.

О большом значении обсуждения торгового проекта в миссии во Францию может свидетельствовать то, что уже после отправления посольства, ему через почту были направлены дополнительные инструкции о необходимости поднять вопрос о пропуске французских торговцев в Персию. В отличие от предыдущих пунктов, это условие было уникальным для французской стороны, в переговорах с Испанией оно не предполагалось. По всей видимости, его появление стало следствием получения в Москве письма от Людовика XIV с просьбой позволить его подданным торговлю по

⁹⁰⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 3–9.

⁹⁰⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 118а.

⁹⁰⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 2.

Каспийскому морю, упомянутом в курантах⁹⁰⁸. Это предложение было обусловлено попыткой реализации договора французского короля с армянскими торговцами шелком и, согласно переданному из Москвы известию в европейские газеты, вызвало широкое обсуждение при русском дворе с участием 20-и «гостей или торгового дела советников»⁹⁰⁹.

Условиями проезда французских купцов в Персию была оплата ими пошлин как на ввозе товаров в Архангельске, так и на вывозе их из Астрахани; также запрещалось везти табака более чем 20 фунтов на человека, для личного употребления; нельзя было вывозить из России в Персию драгоценные металлы, а вывозить из Персии разрешалось только шелк-сырец, чтобы не лишать Русское государство ценных товаров; также при продаже шелка во владениях царя следовало платить дополнительную пошлину⁹¹⁰.

Тем не менее, для переговоров о торговле необходимо было вновь воспользоваться сложным дипломатическим языком, закрепленным предыдущими русскими посольствами во Францию. Благодаря им миссия 1681 г. прибыла уже на подготовленную почву, и необходимость устанавливать основные церемониальные правила отсутствовала⁹¹¹. Несмотря на то, что система рангов дипломатических представителей в России была формально идентична западноевропейской, во Франции статус русских дипломатов зависел скорее от репрезентативности их посольства, чем от их реального дипломатического ранга, в отличие от Англии, где имело место полное соответствие⁹¹². В частности, Андрей Андреевич Виниус, отправленный во Францию в 1673 г. был гонцом (*courtier*), а П. И. Потемкин и дьяк С. И. Полков имели ранг посланников, аналогичный французскому

⁹⁰⁸ Шамин С. М. Куранты времени правления... С. 192.

⁹⁰⁹ Шамин С. М. Куранты времени правления... С. 192.

⁹¹⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 16–18.

⁹¹¹ Hennings J. *Op. cit.* P. 59, 65; Schaub M.-K. *Obtenir l'oreille du roi...* P. 328.

⁹¹² Юзефович Л. Указ. соч. С. 51; Hennings J. *Op. cit.* P. 102–105.

«envoyé»⁹¹³. При этом Виниус был принят как посланник (envoyé)⁹¹⁴, а П. И. Потемкин и дьяк С. И. Полков считались послами (ambassadeurs)⁹¹⁵.

Ранее уже отмечалось, что во Франции русские посольства рассматривались как часть экзотических «восточных» посольств⁹¹⁶: послы принимали различные почести во всех крупных городах, которые они проезжали по пути в Париж, а также были освобождены от расходов в течение всего пребывания в стране⁹¹⁷. Отчасти формированию такого церемониала способствовали сами русские дипломаты, так как в 1668 г. они убедили принимающую сторону в необходимости их материального обеспечения, поскольку аналогичным образом поступает царь при приеме представителей иностранных государств⁹¹⁸. По прибытии в Кале 28 марта 1681 г. посланникам, без уточнений дипломатической практики, были выделены местные кареты и постоянный двор⁹¹⁹, а после разрешения короля к ним с королевскими каретами, верховыми лошадьми и повозками для посольских вещей прибыл королевский гофмейстер сеньор де Ла Гард⁹²⁰. Посланники поблагодарили гофмейстера за оказанные им почести: восемь пушечных залпов, встречу местным гарнизоном и подарки от управляющих города. Однако русские дипломаты не проводили городских представителей после аудиенции, что было подмечено де ла Гардом⁹²¹. Теме не менее, в отличие от других прибывавших во Францию «восточных» посольств (османского, сиамского и персидского), русские посланники придерживались значительно большего формализма, что

⁹¹³ Schaub M.-K. *Se comprendre avec difficulté...* P. 376.

⁹¹⁴ Bibliothèque de l'Arsenal. Ms 3859–3865. Fol. 167.

⁹¹⁵ Эта особенность изменения статуса русских послов повлияла на современную франкоязычную историографию, в частности, в своей обобщающей публикации по русским посольствам во Францию XVII в. французский исследователь Э. Шнакенбург придерживался именно ее, что искажает реальный статус направляемых русских послов (см. Schnakenbourg É. *Op. cit.* P. 11).

⁹¹⁶ Как показывает записка 1716 г. Николя-Луи Ледрана, первого комми иностранных дел, представления о восточном характере русских посольств сохранялись и в начале XVIII в. (см. Seydoux M. *Op. cit.* P. 241).

⁹¹⁷ Шиколо М. И. Указ. соч. С. 75.

⁹¹⁸ Arch. du ministère des affaires étrangères. Correspondence Politique. Russie. Vol. 01., fol. 122.

⁹¹⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 38 об.

⁹²⁰ Семья Лижье де Ла Гард являлась потомственным обладателем должности гофмейстера, с начала XVII в.; РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 39–40 об.; ААЕ. СР. Russie. Vol. 01. Fol. 132.

⁹²¹ ААЕ. СР. Russie. Vol. 01. Fol. 122.

позволяет увидеть в их деятельности использование известных им европейских церемониальных практик⁹²².

На протяжении всего посольства, исходя из полученного наказа, посланники добивались поддержания дружеских отношений с Францией, подчеркивая, что ранее с Алексеем Михайловичем у Людовика XIV была «дружба, любовь и ссылки», и объявляя, что ныне взошедший на престол Федор Алексеевич желает их возобновить⁹²³. Именно это всячески подчеркивалось посланниками как основная цель миссии.

Можно выделить несколько этапов взаимодействия русских дипломатов с французскими представителями. Первый – прибытие посланников на территорию Франции и путь до Парижа. В городах по пути следования их встречали стрельбой из пушек, парадным строем в гарнизонах, сопровождали всадники, с посланниками встречались муниципальные власти, приносявшие подарки⁹²⁴. Русские дипломаты, принимая все это, демонстрировали благодарность за оказанные почести⁹²⁵, особенно Потемкин оценил представленные ему швейцарские роты, которым попросил сопровождавшего его дворянина выдать по одному экю⁹²⁶.

Второй этап дипломатической миссии был связан с подготовкой и осуществлением торжественного въезда посольства в Париж, одной из основных дипломатических церемоний во Франции при Людовике XIV⁹²⁷. 11 апреля к посланникам, остановившимся в Сен-Дени, прибыл посольский интродуктор Мишель де Бонней, с которым возник конфликт по поводу копии с царской грамоты: Бонней просил ее подготовить для информирования короля о целях посольства, но посланники отказывались предоставлять ее раньше официальной церемонии. Для укрепления своей позиции они, во-первых, отмечали, что такого не бывает ни в каких государствах, во-вторых,

⁹²² Hennings J. Op. cit. P. 215.

⁹²³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 41.

⁹²⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 41–42.

⁹²⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 43–43об.

⁹²⁶ ААЕ. СР. Russie. Vol. 01. Fol. 122.

⁹²⁷ Шикучо М. И. Указ. соч. С. 53.

ссылались на события 1668 г., когда копии прежде встречи с королем они не посылали⁹²⁸. Это происходило вопреки тому, что и в 1668 г., и в 1673 г. между сторонами был достигнут компромисс и вместо верительных грамот, требуемых французской стороной от прибывших дипломатов, уже дважды принимались проезжие, также подтверждавшие их официальный статус.

Третий этап исполнения посольской миссии заключался в посещении аудиенций короля и министров. Перед аудиенцией у короля посланники пожали руки церемониймейстеру маркизу де Сенкто и капитану королевских телохранителей⁹²⁹. Однако на самой встрече король снимал шляпу не каждый раз, когда произносилось царское имя, что было отмечено Потемкиным, и далее эта норма полностью соблюдалась⁹³⁰.

Наконец, последним этапом посольства стала подготовка к отпускной аудиенции и получение королевской грамоты. После торжественной встречи с Людовиком XIV и перевода полученной грамоты оказалось, что на ней отсутствовали титулы «царь» и «великий государь»⁹³¹. Стратегией обоснования титулов стало простое указание на идентичность титулов Федора Алексеевича титулам его отца Алексея Михайловича, которые французы уже писали в соответствии с русскими представлениями. Помимо этого, посланник пытался расположить к себе министра, выдав ему «сорок соболей по сто в десять рублей» для правильного написания титула⁹³². Аргументация была принята французской стороной, грамоту послали на исправление, но вручение ее послам затянулось, что французская сторона объясняла смертью одного из родственников государственного секретаря по иностранным делам.

На отпускной аудиенции посланники поблагодарили короля за достойный прием с момента пересечения ими границ королевства, пообещав, что сообщат об этом царю. Перед завершением церемонии они поцеловали

⁹²⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 45–46 об. В посольстве 1668 г. сложилась аналогичная конфликтная ситуация по поводу копии царской грамоты, но русской стороне удалось добиться принятия их без отправления документа (Дневник г. Кате... С. 613).

⁹²⁹ ААЕ. СР. Russie. Vol. 01. Fol. 125.

⁹³⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 61–66

⁹³¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1, Кн. 7. Л. 111 об.

⁹³² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 10.

королевскую руку и получили его ответную грамоту⁹³³. В ней не оказалось титула «Великий Государь», который Потемкин и Полков настоятельно просили написать «по достоинству», как это было в грамоте к царю Алексею Михайловичу, и отказывались покидать Францию без правильно оформленного документа. Однако, опасаясь испортить отношения с Людовиком XIV, после длительных споров они приняли грамоту⁹³⁴. Решение принять ее не из рук монарха также показалось руководству Посольского приказа противоречащим задачам посольской миссии⁹³⁵. Потемкин в допросных речах аргументировал свой поступок нежеланием поссорить царя с королем из-за одного неправильного титула, обращая внимание на то, что в наказе 1668 г. запрещалось принимать грамоту только без титулов «царь» и «самодержец», которые здесь присутствовали⁹³⁶.

Тем не менее, большое значение для развития русско-французских дипломатических связей имело не только участие посланников и их свиты в официальных церемониях, но и способы создания и поддержания социальных связей как между участниками посольства, так и с французами, пристально следившими за таким экстраординарным событием. На момент прибытия в Кале посольская свита насчитывала 62 человека, согласно французским источникам, за исключением официального издания «La Gazette» преувеличившей размер свиты до 80-и человек⁹³⁷. Наибольшее внимание французов привлекали посланники, репрезентовавшие своего монарха, и люди знакомые с иностранными языками. Согласно практикам русских дипломатических миссий, в посольство было направлено два посланника. Первым был стольник П. И. Потемкин, который в 1668 г. уже был первым посланником в миссии во Францию. Несмотря на то, что, по всей вероятности, он был обязан своей дипломатической карьерой А. Л. Ордину-Нащокину⁹³⁸,

⁹³³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 110; ААЕ. СР. Russie. Vol. 01. Fol. 129.

⁹³⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 112–115об.

⁹³⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 35.

⁹³⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 86.

⁹³⁷ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 105; Mercure galant, Du mai 1681. P. 236; Recueil des nouvelles ordinaires et extraordinaires. Paris, 1682. P. 116.

⁹³⁸ Crummev R. O. Op. cit. P. 105; Jensen C., Powell J. Op. cit. P. 132.

после смещения главы Посольского приказа, карьера П. И. Потемкина не прервалась, а активно развивалась. Именно он стал одним из немногих дипломатов, повысивших в XVII в. свой наместнический статус: если в миссии 1668 г. ему был присвоен ранг наместника Боровского, то в 1681 г. он был отправлен к королю в качестве наместника Угличского⁹³⁹. Вторым посланником был дьяк Степан Иванович Полков, числившийся в Посольском приказе с 1669 г. и имевший большой опыт дипломатической службы⁹⁴⁰. Также с посольством были отправлены 5 дворян, в числе которых сын первого посланника С. П. Потемкин, переводчик Посольского приказа Юрий Гивнер, толмач Иван Тур, 3 подьячих (Вонифатий Парфеньев из Малороссийского приказа, Степан Волков – из Посольского и Епифан Протопопов – из Поместного), торговый человек из приказа Большой казны и священник Иван Михайлов⁹⁴¹.

Традиционной проблемой оставалось соотношение статуса первого и второго посланника, уже проявлявшаяся в конфликте П. И. Потемкина с дьяком С. В. Румянцевым в 1668 г.⁹⁴². Согласно письму Й. Торфа, сопровождавшего посланников от границы, первый посланник сказал, что второй ему совсем неровня, всего лишь дьяк (*chancelier*), а он военный генерал, наместник и один из наиболее выдающихся людей государства⁹⁴³, что дополнительно подчеркивало статус П. И. Потемкина для принимающей стороны. Иной оказалась его позиция, когда возник более официальный церемониальный конфликт по вопросу размещения посланников в каретах. Ориентируясь на прецедент 1668 г., принимающая сторона планировала разместить посланников в разных каретах: в первой – стольника П. И. Потемкина на наиболее почетном месте, слева от него – маршала Франции Ж.

⁹³⁹ Талина Г. В. Указ. соч. С. 205.

⁹⁴⁰ В 1659 г. С. И. Полков был отправлен с посольством Василия Лихачева во Флоренцию, в 1667 г. участвовал в переговорах с крымским гонцом, в 1669 г. встречал приезжавших греков, в 1674 г. – в посольство кн. Н. И. Одоевского в Речь Посполитую, в 1677/1678 г. назначен в полк кн. Ромодановского «для посольских дел» с Турцией, а в 1679 г. был дьяком и приставом у польских послов (см. Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 420; Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 441).

⁹⁴¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 2, 61, 71; РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 17об.

⁹⁴² Эскин Ю. М. Указ. соч. С. 329.

⁹⁴³ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 116.

д'Эстре, напротив них – посольского интродуктора М. де Боннея и свитского дворянина Й. Торфа, а во второй карете – дьяка С. И. Полкова и секретаря-сопроводителя Р. Жиро⁹⁴⁴. В свою очередь, посланники настаивали, что должны размещаться вдвоем в одной карете, потому что имеют одинаковый дипломатический ранг, но французская сторона подчеркивала слишком высокий статус маршала д'Эстре, чтобы находиться на менее почетном месте чем посольский дьяк⁹⁴⁵. Несмотря на ограниченное значение местничества на дипломатической службе и его скорую отмену в 1682 г.⁹⁴⁶ проблема репрезентации своего персонального статуса в посольстве имела серьезное значение и в формализованных церемониях, где статус всех участников фиксировался как в русских, так во французских дипломатических документах, и П. И. Потемкин все же старался соблюдать равенство с С. И. Полковым. Дискуссия принимающей стороны и посланников закончилась уступкой русских дипломатов, и они согласились разместиться в разных каретах.

В отношениях с посольской свитой оба посланника следили за ее внешним видом, не только сами постоянно переодевались для оказания чести принимающей стороне⁹⁴⁷, но и выдавали деньги на покупку новой одежды другим участникам посольства: священнику, толмачу и музыкантам⁹⁴⁸. Также, согласно французским источникам, посланники следили за дисциплиной: сделали, вместе со священником, выговор С. П. Потемкину за бритье бороды⁹⁴⁹ и приговорили одного из участников свиты к 8-и ударам батогами за случайный выстрел из ружья⁹⁵⁰. Тем не менее вокруг посольства был создан образ сплоченной посольской миссии, что для французов символизировало их застольный этикет, по которому посланники и их свита пили очень мало

⁹⁴⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 55об.; ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 124r–125r; *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 265.

⁹⁴⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 52–55, ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 105; *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 264.

⁹⁴⁶ Эскин Ю. М. Указ. соч. С. 268–269.

⁹⁴⁷ *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 248–250.

⁹⁴⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 17об.

⁹⁴⁹ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 124.

⁹⁵⁰ *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 244.

алкоголя, но зато из одного стакана, вероятно, демонстрируя царящее между ними единение⁹⁵¹. В реальности внутри посольской свиты существовали многочисленные конфликты. Так, переводчик посольства Ю. Гивнер, которого отставили от посольских дел в Амстердаме по дороге во Францию⁹⁵², утверждал, что скончавшийся в ходе миссии дьяк С. И. Полков мог засвидетельствовать халатный подход стольника П. И. Потемкина к ведению подневных записей, будущей основы для составления статейного списка⁹⁵³. Со своей стороны, П. И. Потемкин сообщал, что толмач И. Тур «беспрестанно был пьян, и в толмачестве негоден»⁹⁵⁴, в связи с чем, например, «не доехав гишпанские границы тот толмачь напився пьян, королевскую лошадь с седлом потерял и сам было пропал»⁹⁵⁵. В целом, в отношениях с переводчиками П. И. Потемкин в еще большей степени стремился опираться на выстраивание с ними личных связей, чем во время посольства 1668 г. Это определялось и тем, что с миссией отправили лишь одного переводчика, Ю. Гивнера, в компетенции которого не входил французский язык, и толмача И. Тура, который знал французский⁹⁵⁶, но его переводческая деятельность не была отражена в статейном списке. При этом для этой миссии Гивнер получал такой же денежный оклад, как и Госенц в 1668 г. – несмотря на его более высокий статус штатного переводчика Посольского приказа, а не привлеченного к дипломатической службе московского торгового иноземца⁹⁵⁷.

Как отмечалось, посланник вернулся в Россию в мае 1682 г., когда в Москве еще шли стрельецкие волнения. Это привело к нарушению стандартной процедуры отчетности, и статейный список он сдал в Посольский приказ лишь 8 апреля 1683 г.⁹⁵⁸ В 1684 г., накануне отправления нового посольства во

⁹⁵¹ *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 309–310.

⁹⁵² Он был оставлен из-за финансовых махинаций с наймом подвод, тайных переговоров с курфюрстом Бранденбургским, высказываний о нежелании возвращаться в Россию и угрозы застрелить посланника (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 70).

⁹⁵³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 109.

⁹⁵⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 108.

⁹⁵⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 19об.

⁹⁵⁶ Переводчики Посольского приказа... С. 311–312.

⁹⁵⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 6–8.

⁹⁵⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 71.

Францию, были подготовлены допросные речи посланника Потемкина, уточнявшие многие события его посольства, неуказанные в статейном списке. В составлении допросных речей принимали участие думный дьяк Е. И. Украинцев и возглавлявший Посольский приказ кн. В. В. Голицын.

Допросные речи помогают уточнить не только события посольства, но и детали биографии его участников, в том числе переводчика Ю. Гивнера. В современной исследовательской литературе иногда относят его участие в посольской миссии во Францию к 1683 г.⁹⁵⁹, однако согласно материалам допросных речей он прибыл в Посольский приказ до возвращения посольства уже в мае 1682 г., но у дел в приказе не был до начала 1684 г.⁹⁶⁰

Раннее возвращение переводчика было связано с конфликтом между ним и Потемкиным. Согласно статейному списку и допросным речам, Гивнер, был оставлен в Амстердаме из-за того, что переводчик, во-первых, договаривался о найме подвод с иностранцами, присваивая себе часть платы за нанятые подводы, во-вторых, вступил в некие неизвестные договоренности с курфюрстом Бранденбургским, в-третьих, заявлял о своем желании при первой возможности остаться за границей и, в-четвертых, будучи пьяным, угрожал застрелить Потемкина из пищали⁹⁶¹. Все эти обвинения Гивнер на допросе полностью отрицал, утверждая, что «вышепомянутый Потемкин не токмо отсюда в розные государства идя, явственными лжами и неправдами путь своей совершал, также и приехав к Москве царскому величеству ничто же ино, токмо самую ложь сказал»⁹⁶². В версии переводчика именно Потемкин ранее сам собирался зарубить его мечом в Рижском замке, что должны были подтвердить отправленные из посольства «скаска» дьяка С. И. Полкова⁹⁶³. Тем не менее, дьяк скончался в ходе посольской миссии и уже не мог дать показания в Посольском приказе. Серьезного наказания ни посланник, ни

⁹⁵⁹ Белоброва О. А. Гивнер (Гибнер) Юрий Михайлович // СККДР. Вып. 3. Ч. 1. С. 203–204.; Переводчики Посольского приказа... С. 99–100.

⁹⁶⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 71.

⁹⁶¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 70.

⁹⁶² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 109.

⁹⁶³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 109.

переводчик по итогам допроса не понесли, хотя кн. В. В. Голицын лично занимался делом Потемкина⁹⁶⁴. Тем не менее, в дальнейшем Голицын при отправлении посольств в Испанию, Францию и Англию не делал ставки на Потемкина, в то время как переводчик Гивнер все же рассматривался Посольским приказом для назначения в посольство во Францию с посланниками С. Е. Алмазовым и С. Д. Ипполитовым в 1684 г.⁹⁶⁵. К 1689 г. Гивнер оставался одним из наиболее статусных переводчиков Посольского приказа по окладу⁹⁶⁶, продолжая активную работу в новых посольских миссиях и участвовал в переводах иностранной литературы, даже после того как в 1685 г. был обвинен в брани с одним из иностранцев, когда приходил к нему с оружием в руках⁹⁶⁷.

После отстранения Гивнера из статейного списка Потемкина упоминание о наличии у посольства переводчика практически исчезает, в допросных речах он дал показания, что в Голландии для письменного перевода с латинского, французского и испанского им был нанят Михаил Комыцкий⁹⁶⁸. Тем не менее, отсутствие переводчика и толмача в глазах французов лишь сплотило миссию – в переводе участвовал не только нанятый в Голландии переводчик, но и знавшие латынь сын посланника С. П. Потемкин и «полковников сын» Е. Кро⁹⁶⁹, а на королевской аудиенции – сопровождавший их Й. Торф и оказавшийся при дворе Людовика XIV бывший царский врач Л. Рингубер⁹⁷⁰. Несмотря на более высокий статус П. И. Потемкина и его опыт, посланники со свитой могли совещаться по вопросам церемониала. Например, в течение 2-х часов они обсуждали между собой возможность отправляться на конференцию к королевскому министру без личной встречи с королем, который отправил бы их на эту аудиенцию⁹⁷¹.

⁹⁶⁴ Восстание в Москве 1682 года: Сборник документов. М., 1976. С. 67.

⁹⁶⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 12.

⁹⁶⁶ Белокуров С. А. О посольском приказе. М., 1906. С. 131.

⁹⁶⁷ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 131; Переводчики Посольского приказа... С. 99–100.

⁹⁶⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 108.

⁹⁶⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 107–108.

⁹⁷⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 95а об.; РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 19; *Mercure galant, Du mai 1681*. P. 286.

⁹⁷¹ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 130.

Наличие отдельных конфликтов не помешало тому, что деятельность посланников внутри свиты, так и самой свиты осталась значима для создания благоприятного образа миссии, стимулировавшего установлению контактов с французской стороной.

3.2. Придворные и светские контакты русского посольства 1681 г. во Франции

Обстоятельства встречи посольства из России имели большое значение для королевской власти и его прием должен был быть организован грандиозно⁹⁷², поэтому в обществе целенаправленно создавался интерес к русской дипломатической миссии. Известия о ней печатались в периодических изданиях, а по итогам создавались портреты дипломатов и гравюры с их изображениями (см. Приложения 1 и 3)⁹⁷³. Прибытие дипломатов отдаленных стран ко французскому двору демонстрировало размах влияния Франции в мире, поэтому король и его окружение были заинтересованы в организации торжественного приема русских дипломатов. Для организации сопровождения посольства 1681 г. во Франции частично адаптировались русские дипломатические традиции. В частности, издание «*Mercure galant*» связало выбор сопровождающего с русской практикой назначения пристава (*Prfistaf*)⁹⁷⁴. Его функции должен был выполнять один из гвардейских капитанов королевского дома, немец по происхождению, Йонас Торф, отличавшийся храбростью. Он считался самым достойным кандидатом, потому что было необходимо демонстрировать твердость (*fermeté*) посланникам, при этом, не нарушая их посольских прерогатив и права народов («*droit des gens*»)⁹⁷⁵, которое традиционно распространялось на русские посольства в Европе⁹⁷⁶. На пути из Кале в Сен-Дени, откуда должен был происходить торжественный въезд посланников в Париж, Й. Торф разрешал

⁹⁷² Bibliothèque de l'Arsenal. Ms 3859–3865. Fol. 445.

⁹⁷³ Hennings J. Op. cit. P. 36.

⁹⁷⁴ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 122; *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 239–240.

⁹⁷⁵ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 142; *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 241–242.

⁹⁷⁶ Hennings J. Op. cit. P. 51.

несущественные церемониальные вопросы, не требовавшие внимания церемониймейстеров, и организовывал торжественные встречи в городах по маршруту следования посольства⁹⁷⁷. В целом, Й. Торф стал главным спутником русского посольства, сопровождая его как в формальных церемониях, так и при прочих их перемещениях, и посланники считали его первым приставом среди прочих⁹⁷⁸. Именно Й. Торф был главным посредником в отношениях русских дипломатов и двора, потому что держал с ними постоянный контакт и вел переписку с государственным секретарем по иностранным делам, маркизом де Круасси⁹⁷⁹. Согласно сообщению из «*Mercure galant*», посланники так привязались к Й. Торфу, что он был назначен далее для их сопровождения до границ Испании⁹⁸⁰. Должность Й. Торфа была достаточно престижной и щедро оплачивалась: сразу после назначения он получил вексель на 2 тыс. ливров для сопровождения послов⁹⁸¹, а после отъезда посланников ему выплатили еще 4 тыс. ливров⁹⁸²; а также он получал подарки от посланников⁹⁸³. На протяжении 1680-х гг. именно он будет сопровождать русские миссии в качестве пристава⁹⁸⁴, можно сказать, что организация приема и сопровождения русских посольств 1680-х гг. стали важной частью его биографии.

Своим вторым приставом посланники считали посольского интродуктора Мишеля Шабена де Боннея⁹⁸⁵. Именно интродукторы отвечали за все контакты короля с иностранными дипломатами, находившимися при французском дворе⁹⁸⁶. Однако, в случае русских посланников, основную часть контактов обеспечивал Й. Торф, а де Боннею оставалась более официальная церемониальная сторона контактов, связанная с основными

⁹⁷⁷ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 105, 116, 131r.

⁹⁷⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 18–18об.; ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 126r.

⁹⁷⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 49, 96–97; ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 117.

⁹⁸⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 125–126; ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 131r; *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 210.

⁹⁸¹ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 140.

⁹⁸² ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 143.

⁹⁸³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 33–34.

⁹⁸⁴ Grönebaum F. Op. cit. S. 168, 178–180.

⁹⁸⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 45–46.

⁹⁸⁶ Шикучо М. И. Указ. соч. С. 62.

дипломатическими церемониями Франции: торжественным въездом послов в Париж и официальными королевскими аудиенциями, а также с оформлением королевской грамоты к царю. Первая его встреча с посланниками произошла в Сен-Дени, с целью подготовки торжественного въезда в Париж, где он попытался заранее получить у них копию с царской грамоты и запретил им использовать всех привезенных музыкантов на пути во французскую столицу⁹⁸⁷. Далее он сопровождал дипломатов на официальных церемониях: при въезде в Париж, на королевских аудиенциях, участвовал во всех торжественных застольях, а также именно Бонней принес им королевские подарки⁹⁸⁸. В связи с его официальным положением при дворе посланники выдали ему собственные подарки, чтобы он «в делах Великого Государя» «всякое вспомогательство чинил», для дальнейших дипломатических контактов⁹⁸⁹. Таким образом, в приеме русских посольств посольский интродуктор занимал менее значимое место, чем в приеме посольств из других европейских стран, из-за присутствия, постоянно сопровождавшего их Й. Торфа, но именно он контролировал порядок официальных церемоний и получал за это подарки от посланников.

Согласно регламенту 1633 г. сопровождать посла в день его торжественного въезда должен был маршал Франции (*maréchal de France*)⁹⁹⁰. В 1680-х гг. эта роль в отношении русских посольств закрепилась за маршалом Жаном д'Эстре, знаменитым французским флотоводцем. Первая его встреча с участниками посольства произошла также в Сен-Дени, как часть церемонии их торжественного въезда в Париж. Стольник П. И. Потемкин, основываясь на своем опыте посещения Вены, подготовился к приему д'Эстре: он выставил трубачей для встречи маршала у кареты, дворян – у подножия нижней лестницы, а сами посланники ожидали его на лестничной площадке, сделав

⁹⁸⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 45–51об., 75–77; ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 123r.; *Mercure galant, Du mai 1681*. P. 262–263.

⁹⁸⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 127.; ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 124–125, 132–132r; *Mercure galant, Du mai 1681*. P. 329–332.

⁹⁸⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 18об.

⁹⁹⁰ Шикучо М. И. Указ. соч. С. 76.

таким образом комплимент маршалу, подчеркивая его статус⁹⁹¹. Они учли нюансы французского церемониала и дали возможность маршалу выбрать кресло, а после поблагодарили д'Эстре за сопровождение на посольский двор и по завершению приема проводили его до нижней лестницы⁹⁹². Он также сопровождал их на всех официальных аудиенциях, несмотря на то что по правилам французского церемониала дипломаты могли затребовать для сопровождения принца крови⁹⁹³. Именно маршал оставался самым знатным человеком среди их окружения и статусные отношения с ним имели особое значение. Соблюдение посланниками не только церемониала в отношении французского придворного, но и этикета было важным фактором в формировании их образа и дипломатического успеха миссии.

С маршалом они обсуждали увлечения и характеры своих монархов, которых репрезентовали, и проводили между ними аналогии. Сам факт фиксации разговора имел большую значимость, потому что в придворных обществах диалог служил не только для обмена информацией, но также являлся путем установления определенных отношений между собеседниками⁹⁹⁴. В разговорах был затронут вопрос размеров царской армии. Насчет них посланники заявили, что у царя многие тысячи служилых людей могут быть собраны в краткие сроки, среди которых около 50 тысяч надворной пехоты⁹⁹⁵ в Москве, а всего в Чигиринских походах, по их словам, участвовало около 300 тысяч человек⁹⁹⁶. Это впечатлило д'Эстре, который предположил, что в союзе с королем такая армия могла бы представлять опасность для султана и подчеркнул вероятность ответного французского посольства⁹⁹⁷. Современные исследования показывают, что образ России, как христианского государства, противостоящего османам, был наиболее востребован в

⁹⁹¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 54.

⁹⁹² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 56об.

⁹⁹³ *Mercure galant, Du mai 1681*. P. 275; Шиколо М. И. Указ. соч. С. 76.

⁹⁹⁴ Элиас Н. Указ. соч. С. 137.

⁹⁹⁵ Статейный список составлялся в 1682 г., когда стрельцы получили этот официальный статус.

⁹⁹⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 100об.–102об.

⁹⁹⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 103–104.

Европе⁹⁹⁸, поэтому подобная тактика ведения разговора представляла царя в выгодном свете. Тем не менее, посланники привлекали внимание не только для создания образа царя, но и в связи с конкретной антиосманской направленностью их миссии⁹⁹⁹. Поэтому для статейного списка мог быть наиболее востребован именно этот диалог, соответствовавший, с нашей точки зрения, не столько заблуждению Посольского приказа в единстве христианских стран Европы перед лицом осман, сколько интерпретации идеи единства христианского мира, характерной для эпохи раннего Нового времени¹⁰⁰⁰.

Менее регулярные, единоразовые контакты, связывали посланников с фигурами королевского двора, задействованными в официальном придворном церемониале. Центральной фигурой церемониала был сам король, в связи с чем, посланники стремились подчеркивать направленность своей миссии именно к нему: они, как было традиционно для русских дипломатов, не посещали прочих придворных и до отпусковой аудиенции практически не покидали посольского особняка¹⁰⁰¹. Русские дипломаты добивались отдельной встречи с французским монархом даже перед аудиенцией у государственного секретаря по иностранным делам, а также на церемонии торжественного въезда, где были задействованы исключительно королевские кареты, без карет принцев¹⁰⁰². Королю предназначались не только официальные дипломатические дары, но и личные подарки от участников посольства¹⁰⁰³. Людовик XIV, в целом, сам старался идти на компромиссы в отношении русских посланников: он снимал шляпу при произнесении царского имени, встал с трона в момент передачи послания, похвалил ткань, поднесенную от имени С. П. Потемкина. Он также позволил целовать свою руку не только

⁹⁹⁸ См. Шамин С. М. Иностранные памфлеты... С. 254.

⁹⁹⁹ Флоря Б. Н. Проект... С. 139–146.

¹⁰⁰⁰ Мазарчук Д. В. Указ. соч. С. 285. К подобному выводу на материалах Великого посольства 1697–1698 гг. пришли А. Г. Гуськов, К. А. Кочегаров и С. М. Шамин (См. Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. Указ. соч. С. 464).

¹⁰⁰¹ *Mercure galant, Du mai 1681*. P. 273–274, 294; Юзефович Л. Указ. соч. С. 176–178.

¹⁰⁰² ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 132r; *Mercure galant, Du mai 1681*. P. 265.

¹⁰⁰³ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 132r.

посланникам, но и нескольким дворянам и секретарю¹⁰⁰⁴, а в день их аудиенции у государственного секретаря по иностранным делам, маркиза де Круасси, король согласился лично встретиться с ними¹⁰⁰⁵. Поведение членов посольства по отношению к королю не во всем было одобрено Посольским приказом, в частности, вопросы вызвало поднесение сыном посланника королю персидской ткани, оцененную в 350 рублей, которую король лично похвалил¹⁰⁰⁶. Это решение С. П. Потемкина преподнести подарок от своего имени было поставлено под сомнение при допросе П. И. Потемкина в Посольском приказе¹⁰⁰⁷, однако тот отметил, что то же самое он совершил при посольстве в 1668 г., не вызывая никаких возражений со стороны тогдашнего руководства приказа¹⁰⁰⁸.

Честь посланникам оказывал не только король, но и его двор. Во время официальных аудиенций русские дипломаты могли наблюдать большинство значимых французских придворных: в Версале они были приняты обер-церемониймейстером Бленвиллем и церемониймейстером де Сенкто у подножия лестницы, а также капитаном французской гвардии герцогом де Дюрасом, которым пожали руки¹⁰⁰⁹. В зале аудиенции с королем присутствовали дофин, герцог де Ларошфуко, герцог Орлеанский, принц де Конти и герцог де Вермандуа, а также первые камер-юнкеры¹⁰¹⁰.

Как отмечалось выше, после первой и отпускной аудиенций состоялись торжественные застолья для всей их свиты: в первый раз в Версале, во второй — в посольском особняке, где контакты с частью придворных продолжались¹⁰¹¹. Организация столов имела большое значение в русском

¹⁰⁰⁴ Аналогичная традиция существовала и в Австрии, Англии и Дании (см. Гуськов А. Г. Указ. соч., С. 116) и была хорошо известна в России (см. Юзефович Л. Указ. соч. С. 183, 185, 189).

¹⁰⁰⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 75–79об.; ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 128–132r; *Mercure galant, Du mai* 1681. P. 286–291, 298–299, 302.

¹⁰⁰⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 67–67 об.; ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 127.

¹⁰⁰⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 31, 73.

¹⁰⁰⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 87.

¹⁰⁰⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 54; ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 126r, 132; *Mercure galant, Du mai* 1681. P. 283–284. Рукопожатие также было распространено в русских дипломатических практиках (см. Юзефович Л. Указ. соч. С. 190).

¹⁰¹⁰ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 127, 132.

¹⁰¹¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 127, ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 131; *Mercure galant, Du mai* 1681. P. 300–304.

церемониале¹⁰¹² и особое внимание французов к этой стороне миссии способствовало русским представлениям об успешности посольства. На протяжении всего посольства их продолжал сопровождать де Ла Гард для оплаты их трат и организации приемов пищи, а в посольском особняке в Париже на протяжении 3-х дней их трапезами специально занимал королевский гофмейстер Жан-Никола де Франсин¹⁰¹³. Эти церемонии были уникальны для русских и восточных посольств, по причине того, что посольства прочих европейских стран не были на королевском обеспечении.

Именно в связи с русским посольством на королевскую службу был временно привлечен в качестве переводчика бывший царский врач Л. Рингубер, ранее предлагавший Людовику XIV невостребованный проект обращения России в католичество¹⁰¹⁴. Присутствие русских посланников смогло подтвердить знание им русского языка и правдивость истории о лечении царя, впрочем, он не стал оставаться при дворе, хотя получил вознаграждение и подарки посланников за свою деятельность¹⁰¹⁵.

Одной из наиболее значимым фигур для дипломатической миссии посланников был государственный секретарь по иностранным делам Шарль Кольбер, маркиз де Круасси, младший брат генерального контролера финансов Ж.-Б. Кольбера, с которым П. И. Потемкин вел переговоры в 1668 г. Маркиз не только занимался организацией приема посланников, выделяя деньги на их содержание и подготавливая подарки, но и был главной фигурой для торговых переговоров, которые русские дипломаты должны были провести с министрами короля¹⁰¹⁶. Именно он был ответственен за подготовку официальной ответной грамоты и, в связи с этим, часто контактировал с русскими дипломатами по вопросам написания царского титула¹⁰¹⁷.

¹⁰¹² Юзефович Л. Указ. соч. С. 183, 185, 189.

¹⁰¹³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 57–57об.; *Mercure galant, Du mai 1681*. P. 243, 272–273.

¹⁰¹⁴ ААЕ. СР. *Russie*. Vol. 1. Fol. 106–111; Pierling P. *Saxe et Moscou: un médecin diplomate, Laurent Rinhuber*. Paris, 1893. P. 59–79.

¹⁰¹⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 19; Pierling P. *Op. cit.* P. 79.

¹⁰¹⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 125–126; ААЕ. СР. *Pologne*. Vol. 1. Fol. 130r, 139. Переговоры должны были быть проведены именно с министрами, обсуждение торговли с монархом, которое посланники провели в Испании, было осуждено в Посольском приказе (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 96).

¹⁰¹⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 95а–97об.

Посланники были недовольны снижением статуса конференции с министрами, так как в 1668 г. переговоры шли с тремя министрами, а не с одним. К тому же они отказались идти к маркизу после первой встречи с королем из-за того, что его апартаменты находились в другом здании дворца, а впоследствии отказывались посещать аудиенцию без встречи с королем¹⁰¹⁸. Посланники, как представляется, стремились к получению всех трех королевских аудиенций, как это было в 1668 г., и, когда король пошел на уступку, они поблагодарили его за оказанную честь¹⁰¹⁹. С точки зрения соблюдения церемониала и этикета, встреча полностью соответствовала правилам. Маркиз оказывал почести посланникам: встретил их на нижней лестнице, шел на менее значимом месте за ними и в зале для приема сел слева от обоих посланников, а после аудиенции проводил их до места встречи¹⁰²⁰. Однако, вопреки посольскому наказу и дополнению к нему, уделявшим большое внимание торговому проекту, реальное его обсуждение продлилось не более двух часов и результаты представлялись французам сомнительными¹⁰²¹. Главным итогом переговоров стало то, что посланники согласились подготовить письмо с описанием условий торговли в России¹⁰²² и сделали это на основании положений своего наказа и царской грамоты¹⁰²³. Государственный секретарь Кольбер де Круасси пообещал на этот раз отправить в Россию ответное посольство, за что посланники его поблагодарили, сообщив, что уведомят царя о королевских планах¹⁰²⁴.

Скромные результаты обсуждения, вероятно, были связаны с тем, что ко времени прибытия П. И. Потемкина во Францию расстановка сил при французском дворе кардинально изменилась. Фактическое всевластие Ж.-Б. Кольбера 1660-х гг. сменилось противостоянием различных придворных

¹⁰¹⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 75–79об.; ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 129–130; *Mercure galant, Du mai 1681*. P. 298–299.

¹⁰¹⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 79 об.–80.

¹⁰²⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 81.; *Mercure galant, Du mai 1681*. P. 298–301.

¹⁰²¹ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 132r.; *Mercure galant, Du mai 1681*. P. 298–301.

¹⁰²² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 81–85об.

¹⁰²³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 90.

¹⁰²⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 91–95об.

фракций¹⁰²⁵. Многие торговые проекты Ж.-Б. Кольбера оставались полноценно не осуществлены, в том числе и проект Северной торговой компании, но их реализация могла способствовать продвижению сохранившемуся клану Кольберов. Основным представителем этого клана при дворе был именно государственный секретарь по иностранным делам Франции Ш. Кольбер де Круасси. 19 апреля 1681 г. он провел переговоры с посланниками в Париже, на которых П. И. Потемкин, согласно его статейному списку, подтвердил готовность предоставить Франции транзитный путь в Персию¹⁰²⁶. Несмотря на то, что посланники хорошо представляли себе политический вес маркиза де Круасси во французской внешней политике и выдали ему и его секретарям дорогие подарки для их доброжелательной позиции¹⁰²⁷, встреча с ним имела достаточно ограниченное значения для решения внешнеполитических задач: не прояснились ни перспективы развития торгового проекта, ни позиция Франции по вопросам заключения Вечного мира между Россией и Речью Посполитой, что вызовет недовольство руководителей Посольского приказа после возвращения П. И. Потемкина¹⁰²⁸.

3.3. Итоги посольства 1681 г.

В процессе официального взаимодействия обе стороны продемонстрировали знание закрепленных церемониальных и этикетных правил и использовали их для различных целей. Их соблюдение способствовало получению информации о французской политике, успешной репрезентации царя, как одного из европейских монархов, и демонстрации величия французского короля, в дипломатических связях с которым были заинтересованы представители даже отдаленных стран. Тем не менее, взаимодействие для решения других значимых дипломатических задач оставалось затрудненным: не была подготовлена грамота с верным

¹⁰²⁵ Блюш Ф. Указ. соч. С. 442.

¹⁰²⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 91.

¹⁰²⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 134; РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 18об.–19.

¹⁰²⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 64.

написанием царского титула, а переговоры с государственным секретарем по иностранным делам не смогли прояснить ни перспективы развития торгового проекта, ни направление французской политики в отношении Восточной Европы.

Несмотря на то, что борьба за статус в дипломатии раннего Нового времени часто могла быть более значимой, чем реальные результаты переговоров¹⁰²⁹, посланники шли на излишние уступки для сохранения возможности коммуникации, которые не были оценены в Посольском приказе. Стольник П. И. Потемкин принял неправильную ответную королевскую грамоту, с отсутствием титула «Великий Государь», чтобы царя с королем «не ссорить вечно, да и для де того, что король французской в тех во всех государствах отменно ныне славен, воинских людей у него в зборе много и богатство у него великое и всех тамошних стран короли, и курфистры, и владетели зело опасны от него и дружбы в нем ищут»¹⁰³⁰. Впоследствии это потребовало работы русской дипломатии над возвращением царского статуса в официальных документах¹⁰³¹.

С нашей точки зрения, большее значение для развития дипломатии имели менее официальные социальные связи, сведения о которых содержатся в отчете о приеме посланников в журнале «*Mercure galant*»¹⁰³². Сам факт прибытия представителей царя вызывал определенный интерес в Париже, и к ним было привлечено внимание парижского высшего света¹⁰³³. Пользуясь этим вниманием, посланники активно создавали для публики позитивный образ поданных царя, заслуженно занимавшего свое место в системе международных отношений.

¹⁰²⁹ См. Hennings J. Op. cit. P. 62.

¹⁰³⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 85.

¹⁰³¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 44об.

¹⁰³² «*Mercure galant*» был периодическим изданием с коллективным авторством, куда читатели могли присылать свои материалы, в связи с чем он имел популярность в светском мире как дайджест происходивших событий (см. Schuwey C. *Le Mercure galant, ou l'écriture collaborative du règne de Louis XIV // Le Verger*. 2019. Vol. XIII. P. 7–8). Часть заметки была также опубликована в «*La Gazette*», но включала в себя только официальную часть: сообщения о прибытии посланников и описание их аудиенций у короля (*Recueil des nouvelles...* 1682. P. 116, 288, 299–300, 311).

¹⁰³³ *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 228

Прежде всего они стремились показать свою связь с христианским миром, в соответствии с позицией Посольского приказа, желавшего русско-французского сближения перед лицом османской угрозы¹⁰³⁴. Накануне торжественного въезда в Париж посланники посещали аббатство Сен-Дени и осмотрели там гробницы и реликвии, подчеркивая общность христианской религии¹⁰³⁵. В Париже они наблюдали торжество на Вознесение и посетили покои каноника парижской церкви, где ознакомились с присланной аббатом Шателеном священной книгой на их языке, дипломаты осмотрели картины на религиозные сюжеты и заслушали литургию на почетных местах около алтарной преграды¹⁰³⁶. С нашей точки зрения, это может служить подтверждением вывода об отсутствии у русских людей XVII в. страха перед иными христианскими вероисповеданиями и готовности взаимодействовать с их представителями, который ранее уже высказывался в историографии, на основе других материалов¹⁰³⁷. Посланники не ограничивались наблюдением христианского окружения, но и создавали собственное сакральное пространство: П. И. Потемкин демонстрировал вновь привезенный им отщеп Животворящего креста, а в посольском особняке он подготовил аналог алтаря¹⁰³⁸.

Помимо апелляции к традиционному христианскому единству, посланники пытались актуализировать его в контексте современной им дипломатической ситуации. В Сен-Дени у гробницы маршала де Тюренна они обратили внимание, что даже в Москве известны его достижения, и именно он мог бы командовать войсками всех государей мира на войне с турками. На следующий день их посетил племянник скончавшегося маршала, Годфруа-Морис де Ла Тур д'Овернь, которого посланники встретили со слезами на глазах и сомнением, что земля может породить еще одного столь

¹⁰³⁴ Флоря Б. Н. Проект... С. 139–146

¹⁰³⁵ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 123r; *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 251–256.

¹⁰³⁶ *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 323–328.

¹⁰³⁷ Стефанович П. С. Указ. соч. С. 170.

¹⁰³⁸ *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 259, 269–270.

выдающегося человека¹⁰³⁹. Это была не единственная встреча русских дипломатов с представителями высшего света, несмотря на то что сами они специально не посещали никого из французских придворных. В Париже многие приходили смотреть на их ужины¹⁰⁴⁰. Среди их посетителей были инкогнито Мария Маргарита Морен, графиня д'Эстре, и Габриэль де Мортемар, маркиза де Тианж¹⁰⁴¹, о визите которых П. И. Потемкин был проинформирован заранее. После ужина он поднялся, снял шляпу и поднял тост за их здоровье, а также пригласил посмотреть из окон концерт, который привезенные посольством музыканты дали в саду¹⁰⁴². Таким образом, посланники выполняли функции схожие с аналогичными у современных им западноевропейских дипломатов, активно участвующих в светской и культурной жизни страны их направления¹⁰⁴³.

Это участие проявилось в посещении ими постановки пьесы Т. Корнеля «Незнакомец» (*l'Inconnu*), которая им представлялась наиболее способной их «развлечь» (*divertir*), что было отмечено в «*Mercure galant*» и соответствовало широким представлениям П. И. Потемкина, посещавшим в ходе своей дипломатической карьеры не только парижские, но также лондонские и венские театры¹⁰⁴⁴. Вероятно, что известия о посещении представления не вошли в статейный список из-за упадка внимания к театральным представлениям в России после смерти царя Алексея Михайловича. Также на складе мануфактур для производства гобеленов посланники встретились с французскими художниками, в частности, с Шарлем Лебреном, высоко оценив

¹⁰³⁹ *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 251–253. Сведения о маршале Тюренне действительно доходили до Москвы в подборках курантов, в связи с тем, что именно участники военных действий были самыми упоминаемыми персонажами переводимых на русский язык известий (см. Шамин С. М. Иностранная пресса и русская культура... С. 181).

¹⁰⁴⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 58. Именно ужин был временем светских визитов в парижском обществе (см. Lilti A. Op. cit. p. 65).

¹⁰⁴¹ Мадам д'Эстре была супругой сопровождавшего посольство маршала, а мадам де Тианж – старшей сестрой мадам де Монтеспан, одной из наиболее известных фавориток Людовика XIV.

¹⁰⁴² *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 307–309.

¹⁰⁴³ Bély L. *La société des princes...* P. 391.

¹⁰⁴⁴ *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 306–307; Jensen C. R. Maier I., Shamin S., Waugh D. C. Op. cit. P. 236.

его полотна и пожелав ему долгой жизни на службе у выдающегося монарха, отметив, что история не знает такого же гениального художника как он¹⁰⁴⁵.

Еще более знаковым стало посещение П. И. Потемкиным вместе с сыном и частью свиты Парижской обсерватории, где их принимал знаменитый астроном Джованни Доменико Кассини, показавший им модель Луны с рельефом, эффект увеличивающих линз, глобусы с расположением Парижа, Москвы и Иерусалима, а также, с помощью телескопа, они рассмотрели известные планеты солнечной системы и часть звезд. Во время первых наблюдений П. И. Потемкин, осмысляя увиденное, много ссылался на священные тексты, с их непостижимым смыслом, а также на греческую «книгу небесных иерархий (*Livre des Hierarchies celestes*)», по всей видимости, одной из изданных в России космографий, спросив о наличии ее перевода в Париже. Однако ближе к рассвету он все больше задавал вопросы по астрономии и географии, ответы на которые слушал вместе с сыном крайне заинтересованно, сетуя на то, что так поздно узнал о таких красивых вещах¹⁰⁴⁶. Эта любознательность (*curiosité*) посланника была крайне близка французскому светскому миру XVII в. и делала посольство еще более интересным для интеллектуальной и салонной публики¹⁰⁴⁷.

С помощью установления контактов первый посланник сознательно создавал образ общительного человека, благодаря чему некоторые социальные связи казались окружавшей его публике даже основанными на личной привязанности. Такими представлялись французам тесные контакты посланников с приставом Й. Торфом, которого русские приглашали на празднование Пасхи и даже подарили ему красные пасхальные яйца¹⁰⁴⁸. Также тесными личными контактами выглядели связи дипломатов с сопровождавшим их придворным художником Антуаном Бенуа, который подготовил их портреты и прославился именно благодаря королевской

¹⁰⁴⁵ *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 333–339.

¹⁰⁴⁶ *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 317–322.

¹⁰⁴⁷ *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 334; Lilti A. Op. cit. P. 265.

¹⁰⁴⁸ *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 210, 245–246.

привилегии на создание восковых фигур дипломатов¹⁰⁴⁹. Благодаря установленным связям посланники получили информацию об опасениях, существовавших среди соседних с Францией государств, относительно ее внешней политики. Тем не менее, в системе взаимодействий сохранялись проблемы – создание контактов не помогло дипломатам нанять во Франции докторов, что было одной из основных целей миссии¹⁰⁵⁰.

Таким образом, несмотря на то что посланники не добились успеха в осуществлении всех задач посольства, вероятно, что их стратегии по созданию связей стали важной частью формирования образа «просвещенного москвиты», подготовившим французскую публику к известиям о Петре I¹⁰⁵¹. Светская жизнь Парижа была слабо отражена в отчетной документации посланников, но это не исключает хождения устных сведений о ней при московском дворе. Установление связей с русским посольством не только увеличивало престиж французской монархии, но и способствовало карьере отдельных придворных, таких как Й. Торф и художник А. Бенуа, а в меньшей степени – Л. Рингубера, пожалованного вознаграждением за переводческую деятельность, и маршала Ж. д'Эстре, получавшего от посланников щедрые подарки.

В отношении переводчиков стратегия П. И. Потемкина по их найму в частном порядке, несмотря на распространение в русской дипломатической практике XVII в., не нашла поддержки в Посольском приказе. С точки зрения Е. И. Украинцева и кн. В. В. Голицына, нанятые за границей иностранцы «никакой должности и обязательства верной службы не имеют», в то время как официально отправляемые с посольством переводчики «укреплены в верной к Великим Государем службе крестным целованием и жительством своим в Московском государстве». Руководство Посольского приказа не одобрило и использование переводчика для найма подвод, отметив, что для

¹⁰⁴⁹ *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 210–211; Hennings J. Op. cit. P. 36.

¹⁰⁵⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 133 об.; РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 103.

¹⁰⁵¹ Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 1999. С. 109.

этой задачи следовало направить толмача¹⁰⁵². Возможно, что ранее не вызывавшая возражений практика найма переводчика за границей была осуждена в Посольском приказе вследствие неудачи в исполнении одной из основных функций переводчика – соблюдения правильного написания царского титула в ответной грамоте¹⁰⁵³. В грамоте, полученной от Людовика XIV, как отмечалось, отсутствовал титул «Великий Государь»¹⁰⁵⁴. В дальнейших русско-французских контактах наблюдалась тенденция к установлению более официальных отношений между членами посольства: из Посольского приказа начали назначать переводчика, владевшего французским языком¹⁰⁵⁵, что позволяло проверять царский титул не только в латинской копии королевской грамоты, но и во французском оригинале. Возможно, именно наличие официального переводчика Посольского приказа со знанием французского языка, помогло русскому посольству в 1685 г. получить от короля Франции грамоту с правильным написанием царского титула¹⁰⁵⁶. Несмотря на найм в качестве переводчика М. Комыцкого, из французских источников известно, что речи послов на официальной аудиенции переводились одним из толмачей (*truchements*) на немецкий язык¹⁰⁵⁷. С немецкого языка их переводил Йонас Торф¹⁰⁵⁸, сопровождавший посольство по поручению короля¹⁰⁵⁹. Интерес представляет то, что официальный толмач посольства, Иван Тур, должен был осуществлять устный перевод, но, согласно показаниям Потемкина, Тур не исполнял своей функции, так как «беспрестанно был пьян, и в толмачестве негоден, и от пьянству в Аглинской земле и умер»¹⁰⁶⁰. Поэтому трудно установить, кто из посольской свиты занимался устным переводом. Из материалов статейного списка

¹⁰⁵² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 79.

¹⁰⁵³ Домрачев Н. Е. Указ. соч. С. 30.

¹⁰⁵⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 117.

¹⁰⁵⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 12.

¹⁰⁵⁶ См. Манин Д. О. Споры русских послов о титулатуре царя при дворе Людовика XIV // Документ. Архив. История. Современность. 2021. № 21. С. 32–40.

¹⁰⁵⁷ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 132r.

¹⁰⁵⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 54об.

¹⁰⁵⁹ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 114.

¹⁰⁶⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 108.

подтверждение переводческой деятельности нанятого Комыцкого можно с уверенностью найти только в процессе исправления полученной от короля грамоты¹⁰⁶¹.

С 1681 г. роль латинского языка в устной части русско-французских дипломатических контактов стала снижаться. Эта тенденция сохранилась и в дальнейших посольствах, когда переговоры переводились уже напрямую с русского на французский¹⁰⁶². Отношения между посланником Потемкиным и переводчиками могут служить примером связей между двумя разными контактными группами Московского государства XVII в.: ознакомившихся с европейской культурой дворян и наиболее компетентных переводчиков, знатоков латыни. Высокий социальный статус переводчиков не всегда признавался Потемкиным, который мог делать ставку на нанятых в частном порядке иностранцев, а с официальными переводчиками вступать в конфликты и, вероятно, даже бить их. Тем не менее, нами не было выявлено попыток переводчиков отстаивать свое место в составе миссии, как, например, его отстаивал дьяк С. В. Румянцев во время посольства 1668 г.¹⁰⁶³ Развитие конфликта между Потемкиным и Гивнером в 1684 г. не было инициировано ни одной из сторон вскоре после окончания посольства, а произошло вследствие изучения руководством Посольского приказа обстоятельств миссии 1681 г. Несмотря на необходимость найма франкоязычного переводчика для проверки титулов в оригинале ответной королевской грамоты, практика использования услуг заграничного переводчика не была поддержана Посольским приказом, что может быть связано с отсутствием дополнительного контроля за соблюдением написания царского титула со стороны официального русского должностного лица.

Обстоятельства посольства 1681 г. существенно повлияли на дальнейшее развитие русско-французских дипломатических связей.

¹⁰⁶¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 33.

¹⁰⁶² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 20об.

¹⁰⁶³ Эскин Ю. М. Указ. соч. С. 239.

Изменился подход к комплектованию посольства, в 1684 г. появилась практика отправления в посольства штатного переводчика Посольского приказа со знанием французского языка, что способствовало уменьшению роли латыни в переговорах. Однако изменения в организации миссий не меняли церемониальные основы, заложенные ранее.

Таким образом, можно подтвердить вывод одного из ведущих современных французских специалистов по истории русской дипломатии раннего Нового времени М.-К. Шоб о меньшей «курьезности» русских посольств в сравнении с посольствами других восточных стран¹⁰⁶⁴. События 1681 г. позволяют прийти к выводу о готовности русских посланников в ходе переговоров быть частью европейской системы международных отношений и «общества государей», принимавших и использовавших европейские нормы дипломатии для достижения своих целей. При этом, как показывает сравнение с посольством 1668 г., русские дипломаты осмыслили полученные ранее знания, встречали и провожали французских представителей по всем нормам церемониала, нанимали трубачей для большей грандиозности при въезде в Париж¹⁰⁶⁵, снимали шляпы и здоровались за руки с французскими представителями. Использование европейских норм помогало посланникам получать признание во Франции и добиваться определенных результатов, отразившихся в подготовке Кольбером де Круасси ответного посольства в 1683 г. Однако излишне свободные нравы русских дипломатов (например, решение дарить подарки от своего имени наряду с царскими) вызывали нарекания со стороны руководства Посольского приказа, вероятно, стремившегося к созданию более единообразной системы дипломатии, в меньшей степени зависимой от решений отдельного посланника или посла.

Несмотря на то, что торговый договор вновь не был заключен, вместе с возвращавшимся русским посольством царю была отправлена официальная

¹⁰⁶⁴ Hennings J. Op. cit. P. 215.

¹⁰⁶⁵ Русские дипломаты часто приезжали в иностранные государства с нанятыми трубачами и барабанщиками для лучшей репрезентации царя (Hennings J. Op. cit. P. 72).

грамота от Людовика XIV. В ней король подтвердил ряд статей договора, включая положение о свободной торговли французских поданных в России и русских – во Франции, а также отдельно оговаривалась свобода вероисповедания для русских купцов на французской земле. В дополнение к этому, в своей грамоте король указывал, что получил известие от торгующих в Северной Европе французов. Они подтверждали возможность прибыльной коммерческой деятельности, в случае особого статуса поданных Людовика XIV по отношению к прочим иностранцам, возвращая вопрос о создании привилегированного положения для французов. Продолжить обсуждение проекта король, согласно грамоте, намеревался в Москве, отправив ответное посольство для заключения договора¹⁰⁶⁶. Грамота была доставлена в Россию с возвращением П. И. Потемкина в мае 1682 г., но, возможно, что она была сдана в Посольский приказ вместе со статейным списком только 8 апреля 1683 г.¹⁰⁶⁷, из-за стрелецкого восстания в столице. Дальнейший разбор итогов посольства происходил в России уже в 1684 г.

Сопоставление сведений о контактах русских посланников с французскими придворными из русских и французских источников может служить доказательством высокой степени достоверности статейного списка и расходных книг П. И. Потемкина. Практически все контакты посланников, имевшие значение для Посольского приказа, были отражены в русских источниках, вопреки обвинениям Ю. Гивнера в их вымышленном характере. Нельзя сказать, что посольство добилось триумфального успеха в глазах французов, одним из его итогов стала запись в дневнике маркиза де Сурша от 25 сентября 1681 г., посчитавшего что «московиты» были слишком далеко чтобы доставлять неудобства Франции или ей помогать, к тому же, отмечал маркиз, они отправляли до сих пор малое количество посольств¹⁰⁶⁸. В то же время, с нашей точки зрения, знание церемониала и этикета, способности к

¹⁰⁶⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 2–2об.

¹⁰⁶⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 71.

¹⁰⁶⁸ «Les Moscovites étoient trop éloignés pour pouvoir nuire à la France ou la favoriser, quoi qu'ils lui eussent envoyé depuis peu des ambassadeurs» (Sourches L.-F., marquis de. Mémoires sur le règne de Louis XIV. T. I. Paris, 1882. P. 6).

репрезентации своего монарха по европейским правилам, а также возможности завязывать знакомства с иностранными придворными, деятелями культуры и учеными создавали почву для будущих контактов и раскрывали предрасположенность русского придворного общества и культуры XVII в. к более активному взаимодействию с иностранными традициями, что станет важным фактором успешного реформирования в эпоху Петра I.

Глава 4. Проблема организации антитурецкой коалиции в русско-французских отношениях

4.1 Внешнеполитическая стратегия русского правительства по отношению к Франции после стрелецкого восстания 1682 г.

Европейская международная ситуация изменилась в 1680-х гг. с началом дипломатического оформления Священной лиги, в которую войдут папа Римский, император, Венецианская республика и король Речи Посполитой в 1684 г.¹⁰⁶⁹ Этот процесс совпал с политическим кризисом в России, связанным со стрелецким восстанием 1682 г. и продолжавшейся борьбой придворных группировок, часть из которых поддерживала проект вступления в антиосманскую коалицию, часть – продолжение войны с Речью Посполитой¹⁰⁷⁰, а окружение Нарышкиных склонялось к поддержке антишведского союза с Данией, Бранденбургом и Францией¹⁰⁷¹.

В 1680-х гг. к Людовику XIV было направлено еще два русских посольства, оба связанные с внешнеполитической программой возглавлявшего Посольский приказ кн. В. В. Голицына. К этому времени в Речи Посполитой уже появляется идея продвижения широкого антиосманского союза. Так 28 февраля 1679 г. в зачитанном после Гродненского сейма королевском мнении было высказано пожелание Яна Собеского о создании лиги с участием императора, царя, папы Римского, итальянских государств и французского короля¹⁰⁷². По-видимому, политика польского короля влияла и на внешнеполитические проекты Посольского приказа в 1680-х гг.¹⁰⁷³ Для урегулирования франко-габсбургских противоречий и создания христианской лиги в 1680 г. Ян Собеский отправил посольство к Людовику XIV, главной целью которого было гарантировать мир между французским королем и императором, но переговоры к успеху не

¹⁰⁶⁹ Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. Указ. соч. С. 330.

¹⁰⁷⁰ Лавров А. С. Регентство царевны Софьи... С. 138.

¹⁰⁷¹ Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). М., 2009. С. 143–144.

¹⁰⁷² Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия... С. 47.

¹⁰⁷³ Флоря Б. Н. Проект русско-французского... С. 142–143.

привели¹⁰⁷⁴. Тем не менее, Людовик XIV продолжал пытаться корректировать направление экспансии Османской империи и в 1682 г. через своих представителей в Константинополе объявлял султану о готовности вступить за Речь Посполитую, если Порты объявит ей войну¹⁰⁷⁵. Также в 1682 г. была осуществлена бомбардировка Алжира, чтобы склонить султана к продвижению в Венгрию, а не в Польшу¹⁰⁷⁶. В перспективе осуществление французских планов могло устранить угрозу и для сопредельной с Речью Посполитой России. С русской стороны еще в 1681 г. на русско-польских переговорах о Вечном мире в Москве впервые прозвучало условие о необходимости привлечения Франции в антиосманский союз, как обязательное условие вступления в лигу царя¹⁰⁷⁷. Таким образом перед русской и польской дипломатией встала проблема примирения европейских государств для последующего их объединения в антитурецкую коалицию.

Параллельно во Франции продолжал развиваться русско-французский торговый проект. Несмотря на то, что для его обсуждения в 1681 г. русские посланники встретились только с Кольбером де Круасси, проект не остался без внимания. Дипломаты покинули Францию в мае 1681 г., а уже в июле 1681 г. к Кольберу де Круасси от неназванного резидента в Москве было отправлено письмо о перспективах франко-русской торговли, которое было получено в Париже 20 августа.¹⁰⁷⁸ Резидент, согласно его письму, нанес визит некоему князю (M. Knees), одному из основных государственных министров. После поздравления его с заключением Бахчисарайского перемирия французский корреспондент предложил поставить во главу угла вопрос торговли с королем Франции и отмену обременительных для этой торговли пошлин. В ответ

¹⁰⁷⁴ Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия... С. 47.

¹⁰⁷⁵ Флоря Б. Н. Проект русско-французского... С. 156.

¹⁰⁷⁶ Roy P. Op. cit. P. 49.

¹⁰⁷⁷ Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия... С. 87.

¹⁰⁷⁸ Письмо было опубликовано в одном из сборников РИО, но было неверно идентифицировано как инструкция маркиза де Круасси к резиденту в Москве, в связи с чем под «князем» издатели понимали посланника П. И. Потемкина, с которым де Круасси вел переговоры в Париже. Тем не менее, Потемкин не имел княжеского титула (Сборник русского имп. исторического общества. СПб. Т. 34. 1881. С. 399–401). На наш взгляд, более удачно документ был идентифицирован в его французской публикации, как отправленный из Москвы, а наоборот (Recueil des instructions... Т. VIII. Paris, 1890. P. 74).

неназванный князь подчеркнул, что главным положением подготовленного договора является разрешение провоза через Россию шелка, о котором король Франции ранее просил московское правительство¹⁰⁷⁹. Несмотря на обсуждение с князем, резидент, основываясь на своих разговорах с прочими русскими людьми, не считал возможным заключение договора, так как основным поводом к нему была необходимость посреднической роли Франции в отношениях России с Польшей и Швецией, что более русской дипломатии не требуется, после заключения мира с османами. Также и различия в нравах (*humeurs*) между русскими и французами казались резиденту слишком непреодолимыми, чтобы договор мог долго существовать¹⁰⁸⁰. Возможно, что разговор французского информатора происходил с князем В. В. Голицыным¹⁰⁸¹, впоследствии активно участвовавшим в продвижении русско-французского торгового проекта и занимавшего в царствование Федора Алексеевича достаточно высокое положение, чтобы считаться «одним из основных Министров этой страны» (*un des principaux Ministres de ce pays-ci*)¹⁰⁸². В любом случае, даже несмотря на затруднения в установлении достоверности известий резидента из Москвы, сам факт их наличия может служить показателем заинтересованности государственного секретаря по иностранным делам Франции в развитии торгового проекта, вопреки точке зрения о его отчуждении от этого вопроса, существовавшим в историографии¹⁰⁸³. Вероятно, что следствием заинтересованности французов в отправлении ответного посольства стала неформальная встреча французского посла в Стокгольме с присланным в Швецию подьячим Никитой Алексеевым в 1682 г. Интерес к миссии подьячего проявлял сам Людовик XIV. Встретившись с Н. Алексеевым, французский

¹⁰⁷⁹ Вероятно, этим прошением можно считать французский проект 1668 г., содержащий пункт о свободном проезде французов в Персию.

¹⁰⁸⁰ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 144–144r. Интересно, что такая точка зрения появилась несмотря на активно развивавшуюся в XVII веке франко-османскую торговлю.

¹⁰⁸¹ Эту точку зрения выдвинул А. Н. Рамбо, опубликовавший это известие из Москвы (см. *Recueil des instructions...* Т. VIII. Paris, 1890. P. 74).

¹⁰⁸² ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 144–144r.

¹⁰⁸³ Сборник русского имп. исторического общества (1881). СПб. Т. 34. С. 399–400; Безобразов П. В. Указ. соч. С. 27.

посол стремился получить информацию о положении дел в Москве после стрелецкого восстания, при этом он ссылался на наличие у него известий из Нарвы и Риги¹⁰⁸⁴. Таким образом, вновь проявлялась заинтересованность французов в положении дел в России, которой способствовало наличие информации из Прибалтики.

Благодаря сохранившимся дипломатическим инструкциям можно уверенно утверждать, что именно обсуждение торгового проекта должно было стать поводом для визита в Россию официального французского чрезвычайного посланника (*envoyé extraordinaire*) Луи Ги, сеньора де Ла Пикетьера летом 1682 г.¹⁰⁸⁵ Предполагалось, что ему будет вручена записка французских купцов, торгующих на Севере, но основной целью визита должно было стать обсуждение вступления России в антишведскую коалицию вместе с Данией и Бранденбургом¹⁰⁸⁶. Посланнику предписывалось действовать в Москве по ситуации и после прибытия направить королю отчет о состоянии двора и проявленной царем благосклонности к посланнику. Пересылать зашифрованный отчет следовало через французских резидентов в Копенгагене, Гамбурге, либо в Польше¹⁰⁸⁷. Для исполнения миссии Ла Пикетьеру следовало действовать, тесно сотрудничая с дипломатами Дании и Бранденбурга. В свою очередь, о сближении Франции с Данией и Бранденбургом было известно в Посольском приказе и, согласно известиям датского посла в Москве Гильденбранда фон Горна, именно у него возглавивший Посольский приказ кн. В. В. Голицын интересовался о причинах, по которым Москву так и не посетил французский посланник¹⁰⁸⁸. Исходя из дальнейшей политики кн. В. В. Голицына, можно предположить, что уже на этом этапе он мог быть заинтересован в прибытии дипломата из Франции.

¹⁰⁸⁴ Казаков Г. М. Поездка подьячего Никиты Алексеева в Швецию и Данию в 1682 г. // Российская история. № 3. 2018. С. 125–127.

¹⁰⁸⁵ Kazakov G. Op. cit. S. 135–137.

¹⁰⁸⁶ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 147r–148; Kazakov G. Op. cit. S. 136–137.

¹⁰⁸⁷ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 148–148r.

¹⁰⁸⁸ Форстен Г. В. Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII века. М., 2014. С. 91.

В контексте русско-датских отношений проект торгового договора России с Францией также имел свое значение. На одном из обсуждений возможности вступления России в антишведскую коалицию в Москве, согласно записям фон Горна, был поднят вопрос о потенциальных проблемах торговли России с Англией и Голландией, союзниками Швеции, в случае начала войны. Решением подобной ситуации датский посланник считал готовность французских торговцев заменить англичан и голландцев в торговле с Россией¹⁰⁸⁹. Возможно, что переданная Ла Пикетьеру записка французских купцов могла бы служить подтверждением этой возможности. Таким образом, развитие русско-французской торговли, с одной стороны, наделялось датским посланником конкретным практическим содержанием, переставая быть исключительно поводом для развития двусторонних дипломатических связей, а с другой – создавало еще более перспективный образ развития отношений России с Францией, позволивших бы балансировать между французами и другими группами торговцев из европейских стран в осуществлении русской внешней политики.

Вероятно, что в 1683 г. вопрос об организации дипломатических связей с Францией существовал не только в разговорах между кн. В. В. Голицыным и датским посланником. Фон Горн, со своей стороны, находил при русском дворе целую продатскую партию, заинтересованную в сближении с Данией, Бранденбургом и Францией. Он отмечал активность сторонников Нарышкиных, в лице кн. Б. А. Голицына, который в июле 1683 г. просил фон Горна направить письмо к датскому королю Кристиану V для организации поддержки царя Петра со стороны Франции, Англии и Бранденбурга. С другой стороны, датский дипломат упоминал, что в ходе секретных переговоров с думным дьяком Е. И. Украинцевым, фактически вторым лицом в Посольском приказе, тот предлагал ему проект союза России с Данией, Бранденбургом и

¹⁰⁸⁹ Форстен Г. В. Указ. соч. С. 90. Несмотря на заявления фон Горна, датчане были настроены к миссии Ла Пикетьера крайне подозрительно и это было одной из основных причин почему ее подготовка затянулась и сорвалась (см. Kazakov G. Op. cit. S. 134).

Францией против Швеции, рекомендуя продолжить обсуждение с кн. В. В. Голицыным¹⁰⁹⁰. Достоверность этой части известий фон Горна подтвердить затруднительно, но сложно отрицать, что отношения с Францией теперь были актуализированы не только антиосманским проектом, но и борьбой между сторонниками мира со Швецией и его противниками, среди которых фон Горн в разных формах продвигал не только протатские, но и профранцузские проекты. Впрочем, Ла Пикетьер так и не прибыл в Россию, что фон Горн связывал с официальным подтверждением Кардисского мира между Россией и Швецией¹⁰⁹¹, которое произошло весной 1684 г. и продемонстрировало отказ руководства Посольского приказа от участия в антишведской коалиции¹⁰⁹². По всей видимости, более значимой причиной стали известия о политической нестабильности в России после стрелецкого восстания 1682 г., которые транслировал французский резидент в Речи Посполитой, маркиз де Витри. Он считал, что беспорядки достигли таких масштабов, что нет смысла считать нынешнее русское правительство договороспособным¹⁰⁹³.

Тем не менее, интерес к организации контактов с Францией в русском внешнеполитическом ведомстве не пропал. В 1684 г., накануне отправления в Париж новой дипломатической миссии, в Посольском приказе под руководством кн. В. В. Голицына и думного дьяка Е. Украинцева был проведен допрос посланника П. И. Потемкина, вернувшегося из Франции в мае 1682 г. Посольство Потемкина, по всей видимости, имело особое значение для кн. В. В. Голицына. Так в своем письме к Е. И. Украинцеву, которое по датировке В. И. Буганова появилось ранее 30 мая 1682 г., князь писал: «А Петра Потемкина к руке до моего приезде к Москве не ставь, хотя и укажут ставить»¹⁰⁹⁴. Несмотря на то, что сохранившиеся материалы допросных речей П. И. Потемкина датированы 1682 г.¹⁰⁹⁵, тот факт, что в них упоминаются

¹⁰⁹⁰ Бушкович, П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). М., 2009. С. 144.

¹⁰⁹¹ Вместо России Ла Пикетьера направили в Швецию.

¹⁰⁹² Бушкович П. Указ. соч. С. 149.

¹⁰⁹³ Kazakov G. Op. cit. S. 137.

¹⁰⁹⁴ Восстание в Москве... С. 67.

¹⁰⁹⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 85.

события 1683 и 1684 гг. представляется основанием для датировки окончательного текста речей 1684 г. Вопреки тому, что французская пресса оценивала П. И. Потемкина как наиболее компетентного человека во всей Московии для ведения переговоров во Франции¹⁰⁹⁶, допросные речи демонстрируют неудовлетворенность в Посольском приказе итогами миссии. Наиболее серьезным недочетом в деятельности посланника стало принятие грамоты с неправильным царским титулом, в которой отсутствовал титул «Великий Государь». Отмечалось, что получение грамоты было первостепенной задачей миссии, что «послан он был к тем государем только с поздравлением, а не для иных каких дел»¹⁰⁹⁷. Тем не менее, в вину посланнику также вменялось, что во Франции и Испании он не поднял вопрос о возможности транзитной торговли их подданных с Персией через территорию России, отмечалось, что «то дело надобное, и естли б то дело пришло до договору, и от того б было государеве казне пополнение многое»¹⁰⁹⁸. В свою очередь, П. И. Потемкин утверждал, что в его наказе вопроса о транзите в Персию не было¹⁰⁹⁹, вероятно, что он ссылаясь на первую версию наказа, вопреки тому, что им были получены дополнения к ней. В целом, несмотря на то что формально торговый проект не был основной целью посольства, в Посольском приказе видели целесообразность его развития и даже отмечали его возможную экономическую выгоду.

Закрепление основных церемониальных норм в русско-французских отношениях, произошедшее благодаря предшествующим миссиям, способствовало более тесному взаимодействию между государствами по внешнеполитическим вопросам. Как было показано в предыдущих главах, и во Франции, и в России существовали планы сотрудничества по вопросам международной политики, но первым серьезным камнем преткновения стали отношения с Османской империей.

¹⁰⁹⁶ *Mercure galant*, Du mai 1681. P. 234.

¹⁰⁹⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 85.

¹⁰⁹⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 93.

¹⁰⁹⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 93.

Вопрос о создании широкой антиосманской коалиции занимал не только польскую, но и русскую сторону во время обсуждения проекта Вечного мира. Русские дипломаты продолжали придерживаться выдвинутого ими в 1681 г. положения об обязательности участия короля Франции в будущем союзе. К русско-польским переговорам 1685–1686 гг. вступление Людовика XIV в антиосманскую коалицию стало также непременным условием «случения сил» поляков и русских¹¹⁰⁰. Представления о необходимости участия Франции для создания эффективной антитурецкой коалиции были распространены в 1680-х гг., вероятно, благодаря успехам французских войск в 1660-х гг., даже во время похода на Вену 1683 г. великий везир Кара-Мустафа опасался выступления на стороне императора французов¹¹⁰¹. Наблюдается и рост популярности идеи наступательной священной войны против осман в европейских странах. Еще накануне осады Вены в 1683 г. папа Иннокентий XI видел необходимость в переходе от оборонительной тактики христиан к полномасштабному наступлению, чтобы изгнать осман из Европы. Его проект включал в себя наземное наступление России и Речи Посполитой на территории Украины, а также французский удар по Палестине и Египту¹¹⁰². Таким образом, Франция не исключалась европейским общественным мнением из числа возможных участников войны. К тому же в 1684 г. перемирие императора с французским королем развязывало державе Габсбургов руки для военной кампании против Порты¹¹⁰³. Известия об этом доходили и до правительства царевны Софьи Алексеевны¹¹⁰⁴, что, по-видимому, было одной из основных причин отправления русских дипломатических миссий.

Подготовка к противостоянию с Османской империей способствовала более частым русским посольствам во Францию – именно объединение

¹¹⁰⁰ Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия... С. 159, 181.

¹¹⁰¹ Орешкова С. Ф. Указ. соч. С. 232.

¹¹⁰² Артамонов В. А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны... С. 296.

¹¹⁰³ Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия... С. 234.

¹¹⁰⁴ Артамонов В. А. Указ. соч. С. 299.

основных европейских держав против Порты было залогом как успешной военной кампании, так и скорейшего заключения Вечного мира. В 1680-х гг. русские дипломатические миссии стали прибывать в Париж достаточно часто, одна миссия каждые 2–3 года, что позволяет говорить о формировании единой внешнеполитической линии правительства кн. В. В. Голицына в отношении Франции. Посольство стольника Семена Ерофеевича Алмазова и дьяка Семена Дмитриевича Ипполитова во многом должно было продолжить деятельность миссии П. И. Потемкина и дьяка С. И. Полкова. Ранее С. Е. Алмазов успел накопить дипломатический опыт в странах профранцузской ориентации, Дании и Бранденбурге, вместе с коллегой П. И. Потемкина по посольству 1668 г., дьяком С. В. Румянцевым¹¹⁰⁵. Также он являлся сводным братом бывшего главы Посольского приказа А. С. Матвеева¹¹⁰⁶, что способствовало его карьере в 1670-х гг. и стимулировало его активную вовлеченность в дипломатические службы. С другой стороны, для С. Д. Ипполитова это было первое посольское назначение¹¹⁰⁷. Эта миссия была менее пышной чем посольства 1668 и 1681 гг. Во-первых, у С. Е. Алмазова был более низкий наместнический титул – он оставался наместником Елатомским в противовес П. И. Потемкину, наместнику Угличскому¹¹⁰⁸. Во-вторых, если в 1668 г. с П. И. Потемкиным было отправлено 7 дворян, а в 1681 г. только 5, то с С. Е. Алмазовым вновь были посланы 5 дворян, а также, помимо их, трое подьячих¹¹⁰⁹. С нашей точки зрения, снижение статуса миссии было связано с тем, что она носила более узкую направленность – главной целью отправления посланников было обсуждение перспектив противостояния с османами, без нового обсуждения торгового договора.

Заинтересованность русского дипломатического ведомства в результатах этой миссии может подтвердить назначение в качестве переводчика Ивана Тяжкогорского, наиболее многоязычного и достаточно

¹¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 10. Л. 3об.

¹¹⁰⁶ Козляков В. Н. «Ближние люди» первых Романовых. М., 2022. С. 293.

¹¹⁰⁷ Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 241.

¹¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11 Л. 1.

¹¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1686 г. Д. 2. Л. 11.

востребованного переводчика Посольского приказа¹¹¹⁰, несмотря на то, что традиционным считалось отправление во Францию переводчиков средней статьи¹¹¹¹. Стоит подчеркнуть, что И. Тяжкогорский, среди прочего, считался компетентным переводчиком с французского языка¹¹¹², вопреки существующей в историографии точки зрения о том, что русские дипломаты во Франции не имели собственных переводчиков с французского¹¹¹³. Помимо него, в качестве толмача, с посольством был отправлен И. Сидоров, специализировавшийся исключительно на французском языке¹¹¹⁴. Для успеха дипломатической миссии в Посольском приказе провели аналитическую работу по вопросу написания царского титула во Франции, который ранее становился камнем преткновения сторон и препятствовал ведению переговоров. Благодаря этому в наказе посланникам были подробно обозначены стратегии защиты верного написания титула¹¹¹⁵.

Одной из основных целей посольства С. Е. Алмазова, определенной наказом, было напоминание об обещании короля прислать в Россию послов для заключения договора, однако его торговая составляющая в наказе более не выходила на первый план. Прежде всего рассматривались вопросы уведомления короля о русско-польских мирных переговорах, привлечение Франции к антитурецкой коалиции и защиты верного написания царского титула¹¹¹⁶. Немецкий исследователь Ф. фон Гроненбаум считал, что организация торговли была реальной целью миссии, скрытой за декларациями утверждения дружбы и любви¹¹¹⁷. Эту точку зрения может подтвердить то,

¹¹¹⁰ Майер, И. Откуда был родом переводчик Иван Тяжкогорский? Историографические и лингвистические аргументы // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. М., 2019. С. 77; РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 21об.

¹¹¹¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 17.

¹¹¹² Сам И. Тяжкогорский, исходя из его челобитной, считал себя значительно более опытным чем ранее отправляемые во Францию переводчики, в связи с чем просил большее жалование, которое ему было назначено в 170 рублей, вместо изначальных 70-и (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 34–34об.).

¹¹¹³ Борисов Ю. В. Указ. соч. С. 340.

¹¹¹⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 21–22.

¹¹¹⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 44об.

¹¹¹⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 96. Показательно, что ранее русские дипломаты не раз делали заявления об обязательности включения Франции в антитурецкую коалицию для ведения дальнейших переговоров о Вечном мире (см. Кочегаров, К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах: Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 159, 181).

¹¹¹⁷ Grönebaum F. Op. cit. S. 99.

что о проекте торговли посланникам предписывалось начать разговор в любом случае, при наличии инициативы с французской стороны или без нее. Однако условия договора оставались аналогичны проекту, предложенному П. И. Потемкиным в 1681 г., для этого в инструкции посланникам была включена копия наказа 1681 г., посвященная торговому проекту¹¹¹⁸. Отдельно подчеркивалось, что если французская сторона попросит о предоставлении права транзитной торговли с Персией, то оно будет им предоставлено¹¹¹⁹, но никакие пошлины отменены не будут¹¹²⁰. Наконец, если французы будут готовы заключить договор, посланникам следовало через почту направить письмо в Москву и дожидаться царского указа¹¹²¹.

Подготовка к этому посольству, направленному исключительно к королю Франции, была проведена основательно. Она началась в конце 1684 г. и в 27 декабря (6 января 1685 г.) был издан царский указ о направлении посланников¹¹²². Дополнительно об отправлении посольства был уведомлен украинский гетман Иван Самойлович¹¹²³, вовлеченный во внешнеполитическую программу кн. В. В. Голицына. Для уточнения финансирования посольства в приказе была использована информация о всех предшествующих посольских миссиях во Францию, начиная с посольства И. Кондырева 1615 г.¹¹²⁴

О предстоящем посольстве С. Е. Алмазова в Париже узнали заранее, 11 апреля 1685 г. Уже тогда при дворе было решено освободить его от расходов и назначить для сопровождения свитского дворянина Й. Торфа, исполнявшего те же функции для миссии П. И. Потемкина в 1681 г.¹¹²⁵ 24 апреля (4 мая) 1685 г. посланники прибыли в Кале, где уведомили местного губернатора

¹¹¹⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 112об.

¹¹¹⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 119.

¹¹²⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 124.

¹¹²¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 122об.–123.

¹¹²² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 1.

¹¹²³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. Хоб.

¹¹²⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 13.

¹¹²⁵ Dangeau P. de Courcillon, marquis de. *Journal de la Cour de Louis XIV*. Т. II. Paris, 1854. P. 152; Sourches L.-F., marquis de. *Mémoires ...* Т. I. P. 208.

де Куртебонна о своем прибытии¹¹²⁶. Он сразу прислал к ним Гийома Фубера, сеньора де Безвиля, одного из своих заместителей, который проводил посланников в город на постоянный двор, куда прибыл и Куртебонн. Ранее уведомленный о приезде дипломатов губернатор был готов подготовить для них продовольствие, транспорт и сопровождающего без дополнительного согласования с Версалем, как это происходило в предшествующих миссиях¹¹²⁷. Нельзя не отметить, что практика обеспечения посольства за счет казны принимающего государства оценивалась французскими придворными в рассматриваемый период неоднозначно. Так Филипп де Курсийон, маркиз де Данжо¹¹²⁸ считал, что из России посланников специально отправляют чтобы те заработали за счет выплат из французской казны, подарков и продажи товаров¹¹²⁹.

Для транспортировки посольства было выделено 4 кареты и 4 повозки для вещей, 26 апреля (6 мая) они покинули Кале, а 28 апреля (8 мая) около Абвиля были встречены свитским дворянином Й. Торфом и прибывшим вместе с ним королевским мушкетером Е. Кро, которым посланники пожали руки и спросили о здоровье короля¹¹³⁰. Сопровождавший предыдущее посольство Й. Торф был сознательно направлен к посланникам, как имеющий опыт взаимодействия с русскими посольствами, аналогичным же образом к ним был направлен и Е. Кро, ранее находившийся в составе свиты посланников П. И. Потемкина и С. И. Полкова в 1681 г.¹¹³¹

3 (13) мая посольство прибыло в Сен-Дени, в соответствии с традицией начинать торжественный въезд в Париж из этого пригорода. Здесь Й. Торф выполнил ранее закрепленную за посольским интродуктором функцию¹¹³² – запросил у посланников накануне церемонии копию верительной грамоты¹¹³³,

¹¹²⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 9.

¹¹²⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 9–9об.

¹¹²⁸ Филипп де Курсийон, маркиз де Данжо был одним из приближенных Людовика XIV, зафиксировавшим в своем дневнике подробности придворной жизни (см. Шиколо М. И. Указ. соч. С. 30).

¹¹²⁹ Dangeau P. de Courcillon, marquis de. Op. cit. P. 175.

¹¹³⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 10–11.

¹¹³¹ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 165v.

¹¹³² Шиколо М. И. Указ. соч. С. 72.

¹¹³³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 12.

которую на этот раз они сразу были готовы предоставить. Согласно французским источникам, Й. Торф напомнил посланникам о необходимости заранее предупредить государственного секретаря по иностранным делам о прибытии во Францию для более оперативной организации их встречи, а также что желательно предоставить для него верительную грамоту, раскрывающую причины прибытия посольства¹¹³⁴, что, впрочем, не было зафиксировано ими в статейном списке, за исключением самого факта передачи грамоты.

Встреча с посольским интродуктором де Боннеем и секретарем-сопроводителем Жиро произошла в Сен-Дени 6 (16) мая. Во время нее Бонней вновь попытался убедить посланников вначале уведомить о целях их миссии государственного секретаря по иностранным делам, но русские дипломаты отказались это сделать¹¹³⁵. Также между ними обсуждался вопрос о каретах, подготовленных для торжественного въезда: посланники уточняли сколько будет карет, кому они принадлежат, и как они в них будут размещены. Посольский интродуктор объявил, что для въезда выделено 6 королевских карет, а рассадка в них аналогична той, которая была во время предыдущей русской миссии, и посланники будут находиться в разных каретах. После непродолжительного совещания дипломаты согласились ехать в отдельных друг от друга каретах¹¹³⁶.

Для сопровождения посланников, как было закреплено во французском церемониале, был назначен маршал Франции, на этот раз Луи де Креван, герцог д'Юмьер, который получил маршальский жезл еще в 1668 г., в отличие от ранее назначавшихся де Бельфона и д'Эстре, получивших жезлы незадолго до назначений в 1668 г. и в 1681 г. соответственно¹¹³⁷. В целом, прием русских посланников в 1685 г. отразился во французских источниках значительно хуже, чем предыдущие и последующие миссии, потому что накануне их

¹¹³⁴ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 165v–165r.

¹¹³⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 14.

¹¹³⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 14об–17.

¹¹³⁷ Dangeau P. de Courcillon, marquis de. Op. cit. P. 175.

приезда в Париж прибыл генуэзский дож, визит которого был крайне неординарным событием из-за его высокого статуса как правителя государства¹¹³⁸.

Сохранившиеся источники не зафиксировали никаких особенностей торжественного въезда, и прибыв в посольский особняк, посланники попросили наиболее оперативно организовать для них аудиенцию у короля. Однако маршал обратил их внимание на то, что, исходя из традиции предыдущих миссий, необходимо сначала в течение трех дней организовывать для них торжественные трапезы силами королевского гофмейстера, после чего он пожал им руки и уехал¹¹³⁹.

До королевской аудиенции принимающая сторона решила обсудить вопрос о языке встречи. Ранее слова посланников переводились на латинский язык официальным переводчиком Посольского приказа, за исключением миссии П. И. Потемкина и С. И. Полкова 1681 г., когда их переводчик был ими отстранен от дел, и их речи переводились сразу на французский. Король и его окружение стремились закрепить в переговорах французский язык и настояли на том, что речи посланников будет сразу переводить на французский Е. Кро. При этом сами посланники планировали переводить свои речи на латинский язык, несмотря на наличие у И. Тяжкогорского подтвержденного знания французского языка¹¹⁴⁰.

Первую публичную королевскую аудиенцию посланникам назначили на 11 (21) мая из-за присутствия других дипломатов, в том числе уже ранее упомянутого генуэзского дожа, с которыми находиться на аудиенции в один день, согласно правилам русского церемониала, было нельзя. Если предыдущие миссии отстаивали необходимость аудиенции у министров в другой день, то С. Е. Алмазов и С. Д. Ипполитов воспользовались

¹¹³⁸ Шиукуло М. И. Указ. соч. С. 93; Souches L.-F., marquis de. Mémoires... Т. I. P. 208.

¹¹³⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 19.

¹¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 19об.–20об.; Майер И. Указ. соч. С. 77.

предложением чтобы встретиться с государственным секретарем по иностранным делам дважды¹¹⁴¹.

Аудиенция прошла в Версале в обычном порядке, начиная с того, что 9 королевских карет по 6 и 4 запряженных лошадей отвезли посланников к королевскому двору¹¹⁴². Возле дворца их встречали два лейб-гвардейских полка выстроенных под ружье¹¹⁴³. После того как прибывших проводили в комнату для послов, за ними пришел обер-церемониймейстер Жюль-Арман Кольбер маркиз де Бленвилль, пожал им руки, и, со своими помощниками, повел их к мраморной лестнице. У подножия лестницы их встретил капитан королевской гвардии, маршал Франции Жак-Анри де Дюрфор, герцог де Дюрас, который также пожал им руки и пошел перед ними до зала аудиенции, а позади их шли его сопровождающие¹¹⁴⁴. В этом описании русские и французские источники полностью сходятся, что может служить доказательством об исправном ведении С. Е. Алмазовым ежедневных записей для составления статейного списка. Из источников обеих сторон видно отсутствие на публичной аудиенции ординарного церемониймейстера, и можно предположить, что его роль могла заменяться обер-церемониймейстером, так как в 1673 г. с приемом А. А. Виниуса наблюдалась обратная ситуация, когда на аудиенции не было обер-церемониймейстера и его заменял ординарный церемониймейстер. Швейцарская сотня стояла под ружьем вдоль лестницы, а королевские лейб-гвардейцы – в первых двух залах, т. н. передней и государственной палате. Король находился в последнем, третьем зале, предназначенном для аудиенций, рядом с королевской спальней, сидя на серебряном кресле, поставленном в виде трона, на помосте, покрытом ковром из золота, серебра и шелка¹¹⁴⁵.

Войдя в зал аудиенции, посланники подошли к трону и поклонились, а Людовик XIV, как было принято, спросил о здоровье царей. После этого С. Е.

¹¹⁴¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 20–21; Hennings J. Op. cit. P. 52.

¹¹⁴² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 21.

¹¹⁴³ Garde de la porte du Roi и garde de la prévôté de l'hôtel du Roi.

¹¹⁴⁴ Sourches L.-F., marquis de. Mémoires ... Т. I. P. 223. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 22об.

¹¹⁴⁵ Sourches L.-F., marquis de. Mémoires ... Т. I. P. 223.

Алмазов произнес длинную торжественную речь, которую перевели на французский. Затем, подойдя к королю, посланники передали ему царскую грамоту, а король принял ее, передав Кольберу де Круасси и произнес для них ответную речь. После этого русские дипломаты, поклонившись, удалились и были отведены в палату послов, где королевские гофмейстеры подготовили для них торжественное застолье. Этот обед посланники посетили в сопровождении маршала, посольского интродуктора и его помощников, и во время трапезы выпили за здоровье царей и короля¹¹⁴⁶. По сообщению маркиза де Данжо, на аудиенции помимо короля присутствовали герцог Филипп Орлеанский, и его невестка, дофина Мария-Анна-Виктория Баварская, прибывшие посмотреть на посланников¹¹⁴⁷.

Во время аудиенции русские дипломаты вновь преподносили дары от себя. В частности, стольник С. Е. Алмазов подарил королю саблю в золотой оправе с драгоценными камнями, кречета, живого соболя¹¹⁴⁸, собольи меха и китайские золотые ткани. Дьяк С. Д. Ипполитов преподнес желтую фарфоровую чашу, разные виды собольего и горностаевого меха, а также золотые, атласные и бархатные китайские ткани¹¹⁴⁹. Представляется, что обилие в дарах китайских товаров, ранее не наблюдаемое в посольствах, могло объясняться значимой ролью торгового вопроса для посольства и необходимостью продемонстрировать экзотические богатства, которыми располагал царь. Даже в рукописной «*La Gazette historique et anecdotique*», в целом невысоко отзывавшейся о посольстве, преподнесенные дары были оценены очень высоко, и издание определяло их предположительную стоимость в 40 или 50 тысяч экю¹¹⁵⁰. Другой причиной преподнесения таких даров может быть то, что чаще всего русским дипломатам вручали

¹¹⁴⁶ Sourches L.-F., marquis de. Mémoires ... Т. I. P. 224. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 23об., 29об.

¹¹⁴⁷ Dangeau P. de Courcillon, marquis de. Op. cit. P. 176.

¹¹⁴⁸ Возможно, что живые звери из России были привезены в связи с известиями предыдущих посольств о королевских зверинцах, впрочем, живой соболь в любом случае оставался крайне ценным даром (см. Юзефович Л. Указ. соч. С. 117).

¹¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 28–28об.

¹¹⁵⁰ Bibliothèque nationale de France, département des Manuscrits, français 10265. Fol. 37

высококачественные французские ткани, и именно китайские и персидские могли быть сопоставимы с ними по качеству.

После застолья посланников отвезли на аудиенцию к государственному секретарю по иностранным делам Шарлю Кольберу маркизу де Круасси. Он встретил их перед залом для аудиенции и пожал руки. На конференции Кольбер де Круасси попросил у них копию царской грамоты на латинском языке, которую они отдали, и уточнил причину их прибытия. Посланники объявили, что присланы в связи с продлением русско-польского перемирия, и в ответ маркиз де Круасси сообщил, что из Франции хотели отправить послов для способствования вечному миру России с Польшей, но этим планам помешала война с Испанией. После аудиенции посланники уехали в Париж в тех же каретах, с теми же сопровождающими, за исключением маршала, как это происходило и на предыдущих аудиенциях¹¹⁵¹.

Следующая встреча с Кольбером де Круасси состоялась 15 (25) мая, когда он приехал к дипломатам в посольский особняк в Париже. Ранее этот вид встреч не практиковался в русско-французских отношениях, но, по-видимому, был в сложившейся ситуации принят чтобы увеличить количество встреч с государственным секретарем по иностранным делам. Посланники встретили министра с большими почестям: дворяне стояли у его кареты, а сами посланники – у дверей¹¹⁵², в то время как в обоих посольствах П. И. Потемкина даже маршала посланник встречал около одной из комнат особняка, аналогично тому, как поступал сам министр во время предыдущей встречи. Государственный секретарь по иностранным делам передал им королевское согласие на организацию еще двух публичных аудиенций, которые впоследствии назначили на 22 и 24 мая (1 и 3 июня), чтобы они не пересекались со днями церемоний для генуэзского дожа¹¹⁵³.

¹¹⁵¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 30–34; Sourches L.-F., marquis de. Mémoires ... Т. I. P. 224.

¹¹⁵² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 34об.

¹¹⁵³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 35.

Вторая публичная аудиенция у короля состоялась 22 мая (1 июня). Так же, как и в предыдущих посольствах она проходила без участия маршала Франции, посланники были встречены исключительно швейцарской гвардией и Кольбером де Круасси¹¹⁵⁴. На переговорах с ним С. Е. Алмазова и С. Д. Ипполитов предложили французскому королю вступить в антиосманскую коалицию с императором и польским королем, подчеркнув, что русские дипломаты на переговорах с австрийцами отказались вступить в союз без участия Франции¹¹⁵⁵. Такое условие действительно было поставлено на упомянутых переговорах, что вызывало предположение исследователей о том, что Россия стремилась использовать отсутствие единства европейских стран как повод отказаться от участия в коалиции¹¹⁵⁶. Однако, с нашей точки зрения, здесь главную роль играли представления о единстве христианского мира перед лицом иноверцев, распространенные как в России, так и в европейских странах, которые могли способствовать более устойчивому положению стран-участниц коалиции на международной арене¹¹⁵⁷. Государственный секретарь по иностранным делам подтвердил, что из Речи Посполитой прибывало посольство Я. А. Морштына с предложением Людовику XIV присоединиться к коалиции, и из Франции планировалась ответная миссия маркиза де Витри. Тем не менее, польско-французское сближение не состоялось, потому что Ян Собеский пошел на союз с императором без согласования с Людовиком XIV, и имперские дипломаты оттеснили французов от польского двора, что привело к фактическому прекращению дипломатических отношений между Францией и Речью Посполитой¹¹⁵⁸. Согласно статейному списку, Кольбер де Круасси дал широкое обоснование, почему Франция не будет участвовать в антиосманской коалиции: он подчеркнул, что союз и без французской поддержки способен справиться с османами, что между королем и султаном заключено перемирие,

¹¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. Л. 35а.

¹¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 36–37.

¹¹⁵⁶ Кочегаров К. А. Указ. соч. С. 87.

¹¹⁵⁷ Флоря Б. Н. Проект... С. 145; Poumarède G. Pour en finir avec la Croisade... P. 13.

¹¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 38–39.

а французские подданные ведут прибыльную торговлю в Османской империи. Тем не менее, французский министр обратил внимание на то, что для успеха христианских держав король прекратил войну с Испанией и в дальнейшем не будет мешать коалиции, а если христиане будут нести поражения, то направит на войну и французские войска¹¹⁵⁹. Впрочем, он также подчеркнул, что король не сможет вступить в союз с царем из-за дальнего расстояния между странами, но планирует направить посланников через дружественного царю датского короля¹¹⁶⁰. По этому поводу распространена точка зрения Ф. фон Гроненбаума, что царское правительство вопреки неоднозначной позиции маркиза де Круасси, считало, что Франция таким образом поддержала проект¹¹⁶¹. Исходя из введенных на данный момент в научный оборот русских источников, сложно судить о реальной позиции Посольского приказа по отношению к Франции. Несмотря на все договоренности с османами, Людовик XIV, с нашей точки зрения, в дальнейшем не воспринимался в России как однозначный союзник или противник турок, что демонстрировали переводные сведения из курантов, отражавшие как союзнические, так и враждебные отношения между французами и османами¹¹⁶².

Посланники также затронули проблемы используемой во французских грамотах царской титулатуры, как предписывал им наказ. Государственный секретарь по иностранным делам настаивал, что титул «Великий Государь» (*magnus dominus*) в переписке французский король никогда не использовал и признание титула за царем повлечет за собой желание прочих монархов тоже обладать им¹¹⁶³, более того, уточнял де Круасси, даже сам Людовик XIV, являясь самым могущественным монархом в Европе, таким титулом не пользуется¹¹⁶⁴. Тем не менее, Людовика XIV титулом «*magnus dominus*» русские грамоты называли на протяжении всего его правления. Со своей

¹¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 39об.

¹¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 41–42.

¹¹⁶¹ Grönebaum F. Op. cit. S. 100–101; Флоря Б. Н. Проект... С. 137–145.

¹¹⁶² Шамин С. М. Иностранные памфлеты... С. 166, 223, 306–307.

¹¹⁶³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 41.

¹¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 45.

стороны, посланники обратили внимание министра, но то, что царь обладает этим титулом издревле, так как владеет Казанским, Астраханским и Сибирским царствами, где были «цари великие», а также называет «Великим Государем» не только французского короля, но и всех прочих европейских монархов¹¹⁶⁵. Стольник С. Е. Алмазов также напомнил министру об обещании французского посла, прибывшего к царю в 1629 г. от Людовика XIII, Луи Дезе де Курменена, прописывать впредь полный царский титул¹¹⁶⁶. Таким образом, титул казался русским послам более чем возможным к употреблению и даже необходимым, возможно, именно поэтому через апелляции к дипломатическим практикам отношений России с прочими государствами впоследствии удалось убедить французскую сторону указать все титулы в соответствии с русскими представлениями. Французы даже сами предложили послам ознакомиться с латинской копией подготовленной грамоты, чтобы отдать в случае ошибок ее на исправление¹¹⁶⁷. Присланный посланникам заранее список с грамоты не включал в себя лишь титул «обладателя», что было исправлено, и послы грамоту приняли¹¹⁶⁸, почетно выполнив свою миссию.

На конференции с маркизом де Круасси, после того как он принял латиноязычную копию с царской грамоты, произошло обсуждение торгового проекта. Посланники предложили заключить его на тех же условиях, которые русское посольство предлагало в 1681 г., однако государственный секретарь по иностранным делам отметил, что, ознакомившись с их верительной грамотой, не видит у них полномочий для заключения соглашения, а для продолжения переговоров обязательно отправят в Россию ответное посольство¹¹⁶⁹.

Последняя королевская публичная аудиенция для посланников состоялась 24 мая (3 июня) в Версале. На нее их вновь провожали маршал

¹¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 43–45.

¹¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 41об.

¹¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 48об.

¹¹⁶⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 50–50об.

¹¹⁶⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 45об–47.

д'Юмьер, посольский интродуктор де Бонней и секретарь-сопроводитель Жиро. Аудиенция во многом была формальной, и посланники не говорили на ней пространных речей. Ее описания в источниках ограничиваются тем, что король передал посланникам грамоту, которая позже была переписана из-за отсутствия титула «обладателя», а в конце аудиенции участники посольства целовали ему руку и кланялись¹¹⁷⁰.

На следующий день после отпускной аудиенции, 25 мая (4 июня), посланникам, вместе с переписанной грамотой к царю, привезли королевские дары. Стольнику С. Е. Алмазову были подарены инкрустированная алмазами застежка с изображением Людовика XIV, две пистолы, фузея, часы с маятником, 2 золотых карманных часов и шесть позолоченных шелковых ковров. Дьяку С. Д. Ипполитову были вручены полностью аналогичные дары, что впервые с французской стороны продемонстрировало равенство положения двух присланных посланников. Ивану Скрыцину также выдали алмазную застежку с изображением короля, остальным дворянам, переводчику и подьячему вручили по портрету короля в золотой оправе¹¹⁷¹.

Несмотря на то, что после отпуска их посольская миссия была завершена, согласно журналу маркиза де Данжо, 5 июня они стали зрителями конного представления, карусели, в Версале¹¹⁷². Однако о других формах их участия в придворной жизни из сохранившихся источников практически неизвестно, за исключением того, что они запомнились при дворе своей прекрасной игрой в шахматы, из-за чего считали хороших французских игроков посредственными¹¹⁷³. Вскоре после получения даров они были отправлены до Дюнкерка в сопровождении Й. Торфа, Е. Кро и 20 королевских служащих, обеспечивавших им снабжение, после чего отплыли в Голландию¹¹⁷⁴.

¹¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. Л. 49–50об.; Dangeau P. de Courcillon, marquis de. Op. cit. P. 184; Souches L.-F., marquis de. Mémoires ... Т. I. P. 227.

¹¹⁷¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. 50об.–51об.

¹¹⁷² Dangeau P. de Courcillon, marquis de. Op. cit. С. 186.

¹¹⁷³ Dangeau P. de Courcillon, marquis de. Op. cit. С. 176.

¹¹⁷⁴ Dangeau P. de Courcillon, marquis de. Op. cit. С. 190; Д. 11. 52.

Вопреки тому, что в «La Gazette historique et anecdotique» впервые появляется известие о том, что русские посланники торговали своими дарами в посольском особняке «будто бы они были в лавке» (*comme s'ils eussent esté dans des boutiques*)¹¹⁷⁵, посольство оставило после себя скорее положительный образ. Так на гравюре Николя де Ламерссена с изображением царей Ивана и Петра 1685 г. было написано, что «эти князья желают поддерживать дружбу и переписку с Францией, будучи захвачены и очарованы высочайшим свидетельством величия ее могучего монарха Людовика Великого, к нему были вскоре направлены два посла с очень представительной свитой в более чем восемьдесят человек в 1685 г., которые были крайне удовлетворены и довольны и прочее»¹¹⁷⁶. Появление изображения царей на французской гравюре и благожелательная подпись, с нашей точки зрения, являются доказательством успеха репрезентативной стороны миссии.

Несмотря на то, что посольство С. Е. Алмазова не привело к заключению торгового договора, а в дальнейших посольствах стали преобладать вопросы организации антиосманской коалиции, сам проект, существовавший во второй половине XVII в. и достигший своего наивысшего развития в России в первой половине 1680-х гг., имел большое значение для русско-французских дипломатических отношений. Развитие проекта вело к более частым контактам России с Францией, а его реализация могла привести к установлению регулярных связей между странами.

К посольской книге об отправлении во Францию посольства С. Е. Алмазова и С. Д. Ипполитова были приложены сведения о реальной торговле французов на территории России. В марте 1685 г. кн. В. В. Голицын удовлетворил просьбу графа Филиппа де Комменжа¹¹⁷⁷ о его свободном

¹¹⁷⁵ Bibliothèque nationale de France, département des Manuscrits, français 10265. Fol. 37.

¹¹⁷⁶ «Ses Princes desirant entretenir une bonne amitié et corespondeance avec la France, estant penetrez et charmez d'une très haute estime de grandeurs de son puissant Monarque Louis le Grand, luy on envoyé tout exprez deux Ambassadeurs avec une très belle suite de plus de quatre vint personnes en 1685, qui dont ils ont esté très satisfaits et contens etc.» (Kazakov G. Op. cit. S. 138–139).

¹¹⁷⁷ Филипп де Комменж был католиком французского происхождения, проживавшим в немецкой слободе, ранее бежавшим из Франции после дуэли, в опасении королевского правосудия (см. Андреев А. Н. Московская римско-католическая община в конце XVII в.: формирование, состав и конфессиональная жизнь

проезде в Персию, с него полагалось не брать пошлин с драгоценностей и 30-и ведер вина, которые, по заявлению Комменжа, требовались для собственного употребления из-за дальности пути¹¹⁷⁸. Несмотря на то, что путешествие де Комменжа не состоялось, он заболел по дороге в Казань, а на следующий год застрелился¹¹⁷⁹, это был важный прецедент для Посольского приказа, который подтверждал интерес французских подданных к транзитной торговле с Персией.

Возможно, что наличие французов в России, таких как граф Ф. де Комменж, могло рассматриваться в Москве как повод для назначения в Россию французского торгового представителя, по аналогии с пребывавшими в Москве представителями англичан, голландцев, датчан и шведов¹¹⁸⁰, что также способствовало бы значительному упрощению контактов московского правительства с дипломатами Людовика XIV. Однако трагичная смерть Филиппа де Комменжа вскоре получила международную огласку, и 23 ноября 1686 г. маркиз де Данжо оставил записку о его самоубийстве в Москве. Граф был братом первого гофмейстера, до назначения маршала де Бельфона, и, с точки зрения Данжо, покончил с собой из-за того, что рассчитывал получить звание генерал-лейтенанта в московской армии, но ему не дали никакой должности, и дальнейшие несчастья не давали графу никакого покоя¹¹⁸¹.

Для разных акторов русской дипломатии установление регулярных связей с Францией имело различное значение, эти контакты могли быть использованы для вовлечения Франции в русские внешнеполитические проекты: в решение балтийского вопроса, в регулирование отношений с Речью Посполитой и в противостояние с Османской империей. В условиях отсутствия регулярных связей для этих целей было необходимо подготавливать дорогостоящие и часто длительные посольские миссии, либо

// Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 17, № 4. 2017. С. 9; Dangeau P. de Courcillon, marquis de. Op. cit. P. 420).

¹¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 5–8.

¹¹⁷⁹ Андреев А. Н. Указ. соч. С. 9.

¹¹⁸⁰ См. Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007. С. 11.

¹¹⁸¹ Dangeau P. de Courcillon, marquis de. Op. cit. P. 420.

пользоваться неформальными контактами через посредничество дипломатов других стран или французских представителей в странах Восточной и Северной Европы. В целом, сближение с Францией оказывалось не только частью внешнеполитической программы кн. В. В. Голицына и царевны Софьи, но и было продиктовано вовлечением России в польские, шведские и османские дела, в которых французская дипломатия играла значительную роль.

Развитие проекта в 1680-х гг. имело и некоторое социально-профессиональное значение: в Посольском приказе к 1685 г. специалисты по французскому языку получили назначение в посольскую миссию и дополнительные денежные оклады. Также дьяк С. Д. Ипполитов, получив опыт участия в дипломатии, был назначен приставом для польских послов при обсуждении Вечного мира с февраля по май 1686 г.¹¹⁸² Во Франции, в свою очередь, также возникла потребность в переводчиках с русского языка, а образы прибывавших русских посланников использовались при дворе для демонстрации всемирного значения короля Франции, подчеркивая его внешнеполитический престиж¹¹⁸³.

Вопреки существенной роли торгового проекта для развития русско-французских связей, изучение восприятия в России его экономических перспектив затруднительно. По материалам посольских книг можно отметить привлечение свидетельств о реальной торговле французов в России только после посольства С. Е. Алмазова и С. Д. Ипполитова. При этом материалы касались организации экспедиции в Персию, а не конкретных случаев товарообмена. Возможно, что торговля с Францией могла рассматриваться частью русских придворных как альтернатива связям с Англией и Голландией, какой ее пытался показать датский резидент фон Горн. Однако наиболее вероятным выглядит то, что торговый проект к середине 1680-х гг. имел в России прежде всего внешнеполитическое, а не экономическое значение,

¹¹⁸² Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 241.

¹¹⁸³ Hennings J. Op. cit. P. 66–67.

связанное со стремлением развить сотрудничество с Францией в условиях конфликта с Османской империей, переговоров о Вечном мире с представителями Речи Посполитой и возможного столкновения со Швецией. Несмотря на то, что содержание самого русского предложения после 1681 г. не изменялось и не развивалось, именно торговый проект должен был создавать коммуникативное пространство для дальнейших русско-французских контактов.

4.2. Несостоявшееся посольство во Францию С. Е. Алмазова и Л. А. Домнина в 1686 г.

Итоги посольства С. Е. Алмазова и С. Д. Ипполитова были для Посольского приказа достаточно успешными. Французский король не только высказал формальную поддержку созданию антиосманской коалиции в Европе, но и вновь закрепил титул царей Ивана и Петра, «Великих Государей» (*Grands Seigneurs*), в формуляре ответной королевской грамоты. В этот период в России происходило усиление власти царевны Софьи Алексеевны и ее приближенных, апогеем которого стали торжества по поводу продления мирного договора со Швецией в 1684 г. Этот шаг демонстрировал окончательную переориентацию русской дипломатии в 1680-х гг. на южное направление. В целом, в 1684–1686 гг. политика определялась курсом на сближение со Священной лигой, а в 1687–1689 гг. – попытками следовать ее курсу, что стало одной из основных причин краха режима правления, установленного царевной Софьей Алексеевной и кн. В. В. Голицыным¹¹⁸⁴.

Во Франции также существовали различные точки зрения на роль России в международной системе. Несмотря на то, что после стрелецкого восстания французским послом в Речи Посполитой, маркизом де Витри, транслировались представления о недоговороспособности Москвы¹¹⁸⁵, эта картина меняется во 2-й половине 1680-х гг. В частности, 3 января 1686 г. в

¹¹⁸⁴ Бушкович П. Указ. соч. С. 140.

¹¹⁸⁵ Kazakov G. Op. cit. S. 135–137; Grönebaum F. Op. cit. S. 98.

Версале маркиз де Данжо писал, что политика польского короля Яна Собеского во многом зависит от возможности русских отвлечь наступление крымских татар, и если они с этим справятся, то Собеский войдет в Молдавию, а оттуда в Бессарабию или Буджак, овладеет черноморским побережьем между Дунаем и Днестром, чем прервет сообщение между турками и татарами, лишив их возможности помогать друг другу¹¹⁸⁶. В пользу интенсификации связей с Россией высказывался ранее действовавший при польском дворе маркиз де Бетюн. Он предлагал отправить постоянного дипломата в Москву чтобы мешать сближению России с императором, но государственный секретарь по иностранным делам Франции считал, что тайные русско-турецкие переговоры доказывают дурную репутацию царской политики, а слабость из-за двоевластия царей говорит скорее в пользу нейтралитета России, чем ее участия в войне с османами¹¹⁸⁷.

В целом, международная позиция Франции во второй половине 1680-х гг. также претерпела значительные изменения. Становилось все более очевидно, что королевству стоит готовиться к войне на своих собственных границах, а присоединение Людовика XIV к Священной лиге стало окончательно невозможным из-за многогранности противоречий Франции с Габсбургами и опасностью эскалации европейских конфликтов¹¹⁸⁸.

Посольский приказ в организации дальнейших миссий опирался прежде всего на сведения, полученные из предыдущих, как на наиболее достоверные и официальные. Поэтому, зафиксировав поддержку французским королем заключения Вечного мира между Речью Посполитой и Россией и создания антиосманской коалиции, руководство Посольского приказа начало подготовку нового посольства. Первоначально его должен был возглавить уже имевший опыт посылки во Францию стольник С. Е. Алмазов в сопровождении дьяка Любима Алферьевича Домнина, сделавшего к этому моменту

¹¹⁸⁶ Dangeau P. de Courcillon, marquis de. Op. cit. P. 275.

¹¹⁸⁷ Grönebaum F. Op. cit. S. 102.

¹¹⁸⁸ Roy P. Louis XIV et le second siège de Vienne (1683). Paris, 1996. P. 63.

достаточно успешную приказную карьеру, но не направляемого Посольским приказом в «заграничные посылки»¹¹⁸⁹. Маршрут миссии не был окончательно определен, в приказе рассматривались как варианты, что она будет направлена исключительно во Францию, так и то, что ей последовательно нужно будет посетить Францию, Англию и Голландию¹¹⁹⁰. Во Франции посланникам следовало объявить о результатах предварительных переговоров что «изволили для целости и защищения всего христианства з государем их с его королевским величеством Польским прежде учинения между собою Вечного миру, также б и с цесарским величеством Римским союз против неприятеля креста святого, турского салтана и крымского хана»¹¹⁹¹. Кроме того, необходимо было сообщить, что на переговорах с послами императора в России было поставлено условие, что «если в том союзе его королевское величество французской и иные христианские государи изволят быть, и великие государи, их царское величество тогда к тому союзу с цесарским величеством римским и с королевским величеством польским договоры чинить и в союз и вслучить поелику возможно изволят»¹¹⁹².

Таким образом, посланники должны были выразить готовность к союзу с французами и продемонстрировать лояльную им позицию русской дипломатии на переговорах о Вечном мире и вступлении в антиосманскую коалицию. Впрочем, русские дипломаты не могли соглашаться на союз с королем Франции, а должны были лишь уточнить какую помощь тот сможет оказать: «денежною казною или ратьми»¹¹⁹³.

Задачей второй аудиенции было сообщить о посольстве Ягана-Христофора Жировского в Москве 1684 г. Эта миссия прибыла с предложением императора о вступлении России в антиосманский союз, на которое русское правительство было вновь готово пойти только при условии

¹¹⁸⁹ Беляков А. В. Указ. соч. С. 81; Новохатко О. В. Разряд в 185 году. М., 2007. С. 14, 86; Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 173.

¹¹⁹⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1686 г. Д. 2. Л. 31.

¹¹⁹¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1686. Д. 2. Л. 61об.

¹¹⁹² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1686. Д. 2. Л. 61об.

¹¹⁹³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1686 г. Д. 2. Л. 63.

согласия французского короля и других христианских монархов¹¹⁹⁴. Несмотря на отсутствие полномочий для заключения союза, посланники должны были выслать в Москву, через дипломатическую почту, предварительные условия, на которых Людовик XIV готов вступить в коалицию¹¹⁹⁵. Помимо этого, для Посольского приказа требовалось обязательно собрать информацию, в каких отношениях французский король состоит с императором, папой Римским, султаном, испанским, английским, датским и шведским королями, голландцами, венецианцами и иными государями¹¹⁹⁶. Тем не менее, важно обратить внимание на то, что посланники должны были сохранять осторожную позицию, подчеркивая, что Россия «в дружбе и ссылке» не только со всеми окрестными христианскими государями, но также и со всеми мусульманскими¹¹⁹⁷. Поэтому от посольства требовалось скорее прощупать почву для сближения с Францией, чем напрямую призывать Людовика XIV к заключению реального союза.

Также и проблема написания царского титула не считалась окончательно решенной и следовало напомнить французской стороне, что в посольстве П. И. Потемкина и С. И. Полкова титул не был написан полностью, и необходимо обеспечить его правильное написание, в связи с чем особое значение придавалось требованию копии с королевской грамоты до официального отпуски. В наказе особо оговаривалось, что грамоту нельзя принимать пока она не будет полностью исправлена¹¹⁹⁸.

Эта достаточно осторожная по своим задачам миссия в итоге не состоялась: ее функции были значительно расширены и поручены более представительному посольству, отправленному после заключения Вечного мира с Речью Посполитой и вступлению России в союз с ней в 1686 г. Ее подготовка показывает, что Посольский приказ не был однозначно уверен в возможности участия Франции в коалиции и до 1686 г. продолжал скорее

¹¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1686 г. Д. 2. Л. 61–62.

¹¹⁹⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1686 г. Д. 2. Л. 64–65.

¹¹⁹⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1686 г. Д. 2. Л. 83.

¹¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1686 г. Д. 2. Л. 82.

¹¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1686 г. Д. 2. Л. 68–74.

искать почву для сближения с Людовиком XIV, чем настойчиво вовлекать его в антиосманский союз.

4.3. Миссия гонца Н. Е. Бехтеева накануне посольства 1687 г.

После заключения Вечного мира с Речью Посполитой в 1686 г. окружением царевны Софьи Алексеевны и руководством Посольского приказа был выбран курс на более интенсивное сближение с Францией. Исходя из такой позиции русской дипломатии, в историографии существует точка зрения о профранцузских симпатиях кн. В. В. Голицына, которая имеет определенные основания. Во-первых, он проявлял благожелательность по отношению к французам в России, что зафиксировали иезуит Филипп Авриль и дипломат Фуа де ла Невилль, а, во-вторых, известия иностранцев сообщают, что иногда он мог носить на поясе портрет Людовика XIV¹¹⁹⁹. Ранее описано, что изображения французского короля дарились каждому из русских посольств во Франции, и они могли таким образом достаться Голицыну от соотечественников, в частности, золотые пряжки с изображением короля были вручены С. Е. Алмазову и С. Д. Ипполитову в 1685 г.¹²⁰⁰ Также существуют сведения, что портрет Людовика XIV находился и в царских палатах при Федоре Алексеевиче¹²⁰¹, что не стало основанием для предположений о его профранцузских симпатиях. Вполне вероятно, что изображения использовались, с одной стороны, чтобы показать дружественные отношения и взаимоуважение между монархами, а с другой – из-за высокой ценности и престижности присылаемых из Франции даров. Другой стороной периода руководства Посольским приказом кн. В. В. Голицына стал временный всплеск переводов памфлетов, направленных против Людовика XIV из-за изгнания гугенотов: как чисто юмористических, так и с резкой критикой

¹¹⁹⁹ Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия... С. 259.

¹²⁰⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 11. 50об.–51об. По итогам посольств русские дипломаты сдавали полученные подарки в казну, часть из которых им выдавалась обратно, поэтому подарки, выданные определенным посланникам, вполне могли иметь хождение в ближайшем окружении царей и руководстве Посольского приказа (см. Юзефович Л. Указ. соч. С. 61–62).

¹²⁰¹ Седов П. В. Указ. соч. С. 392.

французской политики, например, перевод послания от Люцифера французским властям в 1686 г.¹²⁰² Вследствие этого правительство кн. В. В. Голицына приглашало изгнанных гугенотов в Россию.

Параллельно развитию русско-французских дипломатических контактов меняется французская позиция относительно Османской империи. В начале 1680-х гг. Людовик XIV использует османский фактор с целью давления на Габсбургов, например, в 1681 г. он предлагал выделить войска для борьбы с османами, при условии снятия фортификаций в Филиппсбурге и Фрайбурге¹²⁰³, а в своей личной переписке король Франции, как истинный христианин своей эпохи, даже выражал обеспокоенность опасностью взятия Вены османами¹²⁰⁴. Однако, после благополучного снятия осады, Версаль вновь меняет свою стратегию по отношению к Порте. Теперь при королевском дворе поражения турок вызывали опасения их краха и усиление Габсбургов за счет османских владений. В 1685 г. для эффективного раздела территорий Османской империи Людовик XIV поручил подготовить карту с расположением турецких войск в Леванте, для завоевания их областей¹²⁰⁵. Французская дипломатия собирала все возможные сведения о силах сторон, в частности, французскими агентами в Австрии была прислана роспись сил русского царя¹²⁰⁶. Вместе с тем придворные эрудиты усердно искали для французского короля доказательства его прав на константинопольский престол¹²⁰⁷. Однако нового дипломатического переворота во внешней политике Франции не случилось.

Из-за ограниченной сохранности переписки кн. В. В. Голицына сложно определить его политические симпатии, но независимо от них позиция Людовика XIV относительно антиосманской коалиции интересовала

¹²⁰² Шамин С. М. Иностранные памфлеты... С. 223, 306–307. Шамин С. М. Иностранная пресса... С. 322–323.

¹²⁰³ Roy P. Op. cit. P. 63.

¹²⁰⁴ Poumarède G. Pour en finir avec la Croisade... P. 13.

¹²⁰⁵ Гусарова Т. П. Указ. соч. С. 269.

¹²⁰⁶ ААЕ. СР. Russie. Vol. 01. Fol. 19.

¹²⁰⁷ Cheny A.-M. Humanisme, esprit scientifique et études byzantines: la bibliothèque de Nicolas-Claude Fabri de Peiresc // Dix-septième siècle. 2010. № 4. P. 689–690.

Посольский приказ, что следует из подбора сообщений для курантов, где были отражены несколько известий. Так в 1683 г. было переведено письмо папы Иннокентия XI к французскому королю¹²⁰⁸, позже был переведен ультиматум Людовика XIV 1688 г., ставшим основанием для начала войны Аугсбургской лиги 1688–1697 гг.¹²⁰⁹, где тот обосновывал почему готов начать войну вопреки успешным действиям Священной лиги. В целом, даже если профранцузские симпатии кн. В. В. Голицына существовали, его все равно можно с уверенностью определить как основного идейного вдохновителя вступления России в антиосманскую коалицию, пусть и опосредованно, через союз с Речью Посполитой. В продолжение его линии в Посольском приказе происходит расцвет переводов антитурецких памфлетов¹²¹⁰.

Главной проблемой для французской дипломатии в отношении России была неспособность выступить альтернативой сближения с императором, о чем писал Бетюн, предлагая учредить в Москве постоянно посольство¹²¹¹. Такое посольство смогло бы стать, с его точки зрения, основанием для изменения внешнеполитического курса России и ее отдаления от политики Габсбургов, но это сознательно не было реализовано государственным секретарем по иностранным делам Франции¹²¹². В целом, в рассматриваемый период Людовик XIV не исключался европейским общественным мнением из числа возможных участников войны с османами. К тому же в 1684 г. перемирие императора Священной Римской империи с королем Франции развязало Габсбургам руки для военной кампании против турок¹²¹³. Об этом знало и правительство Софьи Алексеевны¹²¹⁴, что, по-видимому, было одной из причин отправления русских дипломатических миссий. Тем не менее, нюансы французской политики были в Посольском приказе не всегда известны из-за отсутствия постоянных дипломатических представительств и

¹²⁰⁸ Шамин С. М. Иностранные памфлеты... С. 166.

¹²⁰⁹ Там же. С. 171.

¹²¹⁰ Там же. С. 77.

¹²¹¹ ААЕ. СР Pologne. Vol. 76. Fol. 92

¹²¹² Grönebaum F. Op. cit. S. 98–101.

¹²¹³ Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия... С. 234.

¹²¹⁴ Артамонов В. А. Указ. соч. С. 299.

действия, направленные на сближение, происходили традиционными методами – через отправку посольств.

Как уже было показано, на протяжении XVII в. связи России с Францией становились все более интенсивными, и посольство 1687 г. стало апогеем развития контактов между двумя странами. На страницах журнала «*Mercure Galant*» обращалось внимание на то, что во Францию уже в 3-й раз за последние 6 лет прибывает посольство из России¹²¹⁵. Тем не менее, эта миссия не могла затеряться на фоне предыдущих, потому что к Людовику XIV в первый были отправлены великие и полномочные послы, высший ранг русских дипломатических представителей. В целом, в 1687 г. дипломатические миссии были направлены в Священную Римскую империю и Венецию, а также в Англию, Голландию, Данию, Швецию и Бранденбург, но по статусу дипломатов посольство во Францию превосходило все остальные, кроме посольства в Священную Римскую империю и Венецию¹²¹⁶.

Чтобы дополнительно подчеркнуть значение отправленной миссии, прежде послов во Францию был направлен стряпчий Никита Епифанов сын Бехтеев, чья миссия была изучена в работе Н. А. Комочева¹²¹⁷, но также должна быть рассмотрена нами для соотнесения ее с контекстом развития русско-французских внешнеполитических связей¹²¹⁸. Прежде всего стоит отметить, что на начальных этапах подготовки миссии в качестве гонца планировалось отправить одного из подьячих Посольского или Малороссийского приказа¹²¹⁹. Решение направить вместо них более статусного стряпчего Н. Е. Бехтеева повышало престижность миссии. Именно с обстоятельств ее приема начинался церемониальный конфликт между

¹²¹⁵ *Mercure galant*, Du septembre 1687. P. 329.

¹²¹⁶ Комочев Н. А. Из истории переписки царей Ивана и Петра Алексеевичей с французским королем Людовиком XIV: грамота от 30 января 1687 г. из собрания РГАДА // «брату нашему Людвигу»... С. 29. РГАДА Ф. 93. Оп. 1. Кн. 14. Л. 1.

¹²¹⁷ Комочев Н. А. Указ. соч. С. 28–30.

¹²¹⁸ Из-за специфически воспринятого во Франции дипломатического ранга Н. Е. Бехтеева и практически полного отсутствия франкоязычных источников, эта миссия наименее изучена во французской историографии и чаще всего не включается исследователями в число русских миссий во Францию (см. Schnakenbourg É. *Op. cit.* P. 11).

¹²¹⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 11, 14; Беляков А. В. Указ. соч. С. 327.

русской и французской дипломатией. По-видимому, большой проблемой направленной миссии было то, что она воспринималась как направленная из посольства кн. Я. Ф. Долгорукова и кн. Я. Е. Мышецкого, с которым гонец действительно часто взаимодействовал, а не из Москвы. Следствием таких французских представлений стало то, что его желание добиться королевской аудиенции, предоставляемой ранее гонцам К. Г. Мачехнину и А. А. Виниусу, вызывало возражения принимающей стороны¹²²⁰. Тем не менее, передача царских грамот была не единственной целью миссии, гонец также должен был узнать об отношениях императора с другими европейскими государями, имеет ли значение для европейских стран прибытие русских дипломатов, а также о существующих в Европе военных конфликтах. Обо всем этом было необходимо оперативно сообщать в Москву через дипломатическую почту¹²²¹. Помимо самого гонца в миссии участвовало два толмача, деньги на найм которых были выданы Н. Е. Бехтееву из Посольского приказа¹²²².

Гонец происходил из небольшого дворянского рода, получил чин стряпчего в 1681 г. и продвигался по службе во многом благодаря поддержке клана Милославских и лично кн. В. В. Голицына¹²²³, в отличие от следовавшего за ним с пышным посольством кн. Я. Ф. Долгорукова, одного из сторонников царя Петра. Стряпчий Н. Е. Бехтеев прибыл во Францию через Голландию и был встречен губернатором Лилля. Несмотря на отсутствие у губернатора указа о снабжении гонца за счет казны, тот сразу выделил ему двор, сопровождающего и транспорт для путешествия в Париж, что, вероятно, было связано с малочисленностью миссии, которая не требовала больших средств для обеспечения¹²²⁴.

¹²²⁰ СИРИО. Т. 34. С. 13; Комочев Н. А. Указ. соч. С. 29.

¹²²¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 58об.–59.

¹²²² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 14. Л. 36об.–37об.

¹²²³ Ляпин Д. А. Род дворян Бехтеевых в истории России (XV – начало XX в.) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 6. Однако стоит отметить, что свои отписки из дипломатической миссии Н. Е. Бехтеев отправлял к другому стороннику царевны Софьи Алексеевны, возглавлявшему Стрелецкий приказ Ф. Л. Шаковитому, а не напрямую к кн. В. В. Голицыну (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 258, 260об.).

¹²²⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 14. Л. 4об.–5.

Подобно остальным русским дипломатическим миссиям, к гонцу в Лилль для сопровождения был прислан некий Блондель, вероятнее всего кавалерийский полковник Антуан-Гиацинт де Блондель¹²²⁵, идентифицировать которого затруднительно из-за ограниченности французских источников об этой миссии. Он попросил у гонца проезжую грамоту и, удостоверившись в ее подлинности, сопроводил Н. Е. Бехтеева до пригорода Парижа, откуда ему был назначен въезд в столицу в двух каретах¹²²⁶.

Гонец прибыл в посольский особняк, где его встретили посольский интродуктор Мишель де Бонней и секретарь-сопроводитель Рене Жиро, согласно стандартному церемониалу. Посольский интродуктор уточнил статус Н. Е. Бехтеева, и, также ознакомившись с его проезжей грамотой, отправил гонца на аудиенцию к государственному секретарю по иностранным делам. Однако русский дипломат отказался на нее отправиться, объясняя это тем, что прислан от царя к королю, а не от думного дьяка к государственному секретарю. Он подчеркнул, что русских гонцов во всех государствах принимает лично монарх, в связи с чем де Бонней пообещал обсудить этот вопрос с королем¹²²⁷. Показательно, что несмотря на отправление ранее К. Г. Мачехнина и А. А. Виниуса в статусе гонцов, их принимали во Франции как посланников (*envoyé*), и лишь Н. Е. Бехтеев считался гонцом (*courrier*)¹²²⁸, что делало его миссию наименее статусной за всю историю русско-французских дипломатических контактов. Вероятно, что это было связано с фактически полным отсутствием у него свиты, так как все участники посольства вместе с сопровождающим поместились в одну карету при путешествии¹²²⁹. В церемониальных источниках по русско-французским отношениям, которыми располагали служащие государственного секретаря иностранных дел, были установлены правила приема русских послов (*ambassadeurs*), на примере

¹²²⁵ La Chenaye-Desbois Aubert A.-F. Dictionnaire de la Noblesse. Т. III. Paris, 1774. P. 353.

¹²²⁶ В статейном списке пригород назван «Лувром» (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 14. Л. 5–5об.)

¹²²⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 14. Л. 6–7.

¹²²⁸ ААЕ. СР. Russie. Vol. 2. Fol. 96.

¹²²⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 14. Л. 5.

посланников П. И. Потемкина и С. В. Румянцева, и посланников (*envoyé*) – на примере гонца А. А. Виниуса¹²³⁰, тогда как правила приема гонца (*courrier*) из России оставались не определены.

Тем не менее, как уже отмечалось в предыдущих главах, французский церемониал приема всех иностранных дипломатов предусматривал аудиенцию у государственного секретаря по иностранным делам прежде короля, чтобы тот мог подготовить дипломатов к ней¹²³¹. В связи с тем, что гонцы в европейской дипломатической практике имели минимальный статус для репрезентации своего монарха, в сравнении с послами и посланниками¹²³², для принимающей стороны было логично направить Н. Е. Бехтеева на аудиенцию к Ш. Кольберу де Круасси прежде короля, что и было сделано¹²³³.

Однако в России господствовали иные представления о дипломатической репрезентации, и гонец в той же мере представлял собой царя, как и великий и полномочный посол¹²³⁴, поэтому Н. Е. Бехтеев не мог согласиться на эту аудиенцию. Он подчеркивал, что всех предыдущих дипломатов король принимал лично, но французскую сторону это не убедило, и после длительного конфликта он был выслан обратно в Голландию, впрочем, в сопровождении Блонделя¹²³⁵.

Столь строгое следование установленному во Франции дипломатическому церемониалу в отношении русских дипломатов, без каких бы то ни было уступок русским обычаям, было нехарактерно для предыдущих дипломатических миссий и вызывало вопросы о причинах такого отношения. На них Н. Е. Бехтеев получил ответы от Елизария Кро, остававшегося при

¹²³⁰ Bibliothèque nationale de France, département des Manuscrits, français 14118. Fol. 76r.–77v.; Bibliothèque de l' Arsenal. Ms 3859–3865. Fol. 268.

¹²³¹ Шикун М. И. Указ. соч. С. 72.

¹²³² Hennings J. Op. cit. P. 102.

¹²³³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 14. Л. 7–7об.

¹²³⁴ Юзефович Л. Указ. соч. С. 51.

¹²³⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 14. Л. 7об.–11. Согласно полученному наказу, Н. Е. Бехтеев должен был получить две аудиенции у короля: первую публичную и отпускную, чтобы отдать царскую грамоту и получить ответное письмо короля после проверки титулов в его черновой версии (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 50об.).

французском со времен посольства П. И. Потемкина 1681 г.¹²³⁶ Полковник сообщил гонцу, что прибытие гонца и послов королю неприятно, потому что об их делах он уже уведомлен через своего посла в Польше, а также потому что турецкий султан остается в дружественных отношениях с Людовиком XIV, в то время как «император ему всегда недруг», и король желает ему неудач в войне с османами. Елизарий Кро особенно подчеркивал, что исконное недружелюбие между монархами такое что «сильнее имени христианского», и что французский король даже послал войска помогать туркам¹²³⁷.

После своей высылки из Франции гонец проконсультировался с прибывшими в Голландию великими и полномочными послами, которые сказали ему продолжать выполнять миссию и ехать через Париж в Испанию, как ему предписывал наказ. Стряпчий Н. Е. Бехтеев поехал в Париж за свой счет, но его прибытие не осталось незамеченным, и гонца нашел ранее исполнявший функции его сопровождающего Блондель. Он сообщил гонцу, что король готов пересмотреть свое решение, и просил Н. Е. Бехтеева подождать с отъездом в Испанию¹²³⁸. Тем не менее, король продолжал требовать приема гонца у государственного секретаря по иностранным делам прежде монарха, на что гонец все также не мог пойти. Стряпчий попросил Блонделя уведомить короля об этом, но тот, не будучи более официальным сопровождающим гонца, сказал Н. Е. Бехтееву отправить к посольскому интродуктору толмача¹²³⁹. Встреча толмача с посольским интродуктором подтверждала слова Елизария Кро, так де Бонней подтвердил, что о целях миссии король осведомлен, и ее направленность ему неприятна, вновь попросив отдать грамоту государственному секретарю по иностранным делам. Более того, гонца лишили права на въезд в Версаль в королевской карете,

¹²³⁶ Представляет интерес, что несмотря на то, что Елизарий Кро оставался в Париже уже на протяжении 6-и лет, в России сохранялся полк его имени, состоявший к началу первого крымского похода из 31 начального человека 1592 рядовых в Ливнах (Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. Указ. соч. С. 80).

¹²³⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 14. Л. 10об.–11; Малиновский А. Ф. Указ. соч. С. 89.

¹²³⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 14. Л. 12.

¹²³⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 14. Л. 14.

сказав, что будет необходимо нанимать карету за свой счет¹²⁴⁰. Стряпчий Н. Е. Бехтеев отказался участвовать в такой аудиенции и попросил проводить его в Испанию, в чем ему также отказали, удовлетворив лишь просьбу о выдаче проезжей грамоты¹²⁴¹, что позволило ему добраться до испанской границы самостоятельно¹²⁴².

Гонец пробыл во Франции около 3-х месяцев, не завязав более тесных контактов с французами, поэтому смог собрать не так много необходимой Посольскому приказу информации. В частности, он отмечал, что хотя французский король имеет при себе посла от императора, но «ненавидит его и испанского короля из-за ссор их предков и пытается наносить им обиды, потому что если объединяться, то многим французским городам будет разорение» из-за нахождения между владениями испанского короля и императора¹²⁴³. Тем не менее, Н. Е. Бехтееву не удалось выполнить главную цель его миссии во Франции – передать царскую грамоту королю. Из-за этого впоследствии французы были крайне удивлены большой численности участников следующей за гонцом миссии, о чем при встрече Й. Торфф сообщил кн. Я. Ф. Долгорукову¹²⁴⁴. С другой стороны, неудача Н. Е. Бехтеева уже на этом этапе заинтересовала Посольский приказ, в который сведения поступали через письма гонца к Ф. Л. Шакловитому¹²⁴⁵. Внешнеполитическое руководство правительства царевны Софьи Алексеевны продолжило следить за развитием событий в ходе самого масштабного церемониального события русско-французских отношений XVII в. – посольства кн. Я. Ф. Долгорукова, кн. Я. Е. Мышецкого и дьяка К. В. Алексеева.

¹²⁴⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 14. Л. 14об.

¹²⁴¹ ААЕ. СР. Russie. Vol. 2. Fol. 96.

¹²⁴² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 14. Л. 15–15об.

¹²⁴³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 14. Л. 33.

¹²⁴⁴ ААЕ. СР. Russie. Vol. 2. Fol. 118.

¹²⁴⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 261.

4.4. Посольство кн. Я. Ф. Долгорукова, кн. Я. Е. Мышецкого и дьяка К. В. Алексеева в 1687 г.

Прием в Париже гонца Н. Е. Бехтеева, несомненно, поколебал сложившиеся в контактах России с Францией практики. Дипломат не только не получил королевской аудиенции, но и был лишен права отправиться к государственному секретарю по иностранным делам в королевской карете. Тем не менее, дипломатический конфликт только начинал разрастаться и проявился в полную силу в ходе посольства кн. Я. Ф. Долгорукова, кн. Я. Е. Мышецкого и К. В. Алексеева¹²⁴⁶. Эта миссия стала наиболее представительным посольством во Францию за весь XVII и начало XVIII в.¹²⁴⁷ В ее рамках русские представители обладали полномочиями для приглашения Франции к заключению союзного договора, который необходимо было заверить в Москве¹²⁴⁸. Значение миссии было чуть ниже, чем направленной в Вену в этот же год, так как та состояла из 4-х послов, против 3-х направленных во Францию. Этот аспект был известен при французском дворе и, вероятно, сыграл свою роль в неудачи русского посольства, втянутого в противостояние Бурбонов и Габсбургов¹²⁴⁹.

В историографии существует точка зрения о том, что посольства 1687 г. в европейские страны имели скорее символическое, чем практическое значение¹²⁵⁰. Более того, современные исследователи приходят к выводу, что русское посольство к Людовику XIV носило скорее «рекламный» характер, обусловленный наличием у Посольского приказа информации о протурецкой позиции короля¹²⁵¹. В этом вопросе важно обратить внимание на то, что приглашение Франции в антиосманскую коалицию было предусмотрено 14 статьей русско-польского договора о Вечном мире. Согласно этой статье

¹²⁴⁶ По первоначальным планам предполагалась отправка в качестве третьего посла дьяка Посольского приказа Л. А. Домнина, который должен был отправиться во Францию еще в 1686 г. (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 69об., 70об.–71об).

¹²⁴⁷ Grönebaum F. Op. cit. S. 105.

¹²⁴⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1687. Кн. 15. Л. 26об.

¹²⁴⁹ ААЕ. СР. Russie. Vol. 2. Fol. 99r.; Hennings J. Op. cit. P. 100.

¹²⁵⁰ Подробнее см. Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. Указ. соч. С. 163; Шамин С. М. Куранты времени правления... С. 186–187.

¹²⁵¹ Шамин С. М. Иностранная пресса и русская культура... С. 296.

французский король должен был быть привлечен к христианскому союзу ранее всех прочих, поскольку он упоминается в начале статьи, в то время как речь о королях Англии, Дании и Республике Соединенных провинций идет в самом конце¹²⁵². Приглашение Франции в союз можно считать частью официальной позиции русской дипломатии в связи с тем, что русские послы в Вене в 1687 г., столице главного противника Франции, выступили с аналогичным предложением о включении лигу французского, английского и датского королей, а также бранденбургского курфюрста¹²⁵³. На официальном уровне в 1684 г. был заключен договор о создании «Святого союза» между папой Римским, императором, Венецианской республикой и королем Речи Посполитой, частью которого Россия официально не являлась¹²⁵⁴. Дипломатия России стремилась всячески способствовать этому союзу, но, согласно наказу посольству 1687 г., Людовика XIV следовало пригласить присоединиться к русско-польскому договору о Вечном мире 1686 г. Возможно, что таким образом внешнеполитическое руководство России стремилось привлечь Францию в союз без заключения прямого соглашения между французским королем и его главным соперником – императором Священной Римской империи. В любом случае, в ходе русской дипломатической миссии французской стороне передавалась копия русско-польского договора о Вечном мире, особо подчеркивавшая необходимость привлечения к сложившемуся союзу французского короля в ранее упомянутой статье¹²⁵⁵. В дальнейшем взаимодействие России с французским союзником должно было поддерживаться через дипломатическую почту из-за затратности отправки посольских миссий между странами¹²⁵⁶. При отказе Людовика XIV от разрыва договоров с османами было необходимо «выводить пространно, выбирая из сего наказа, и из ево королевской грамоты, чтобы его королевское Величество тот с ним временной мир розорвал и военно на него с ымени христианского

¹²⁵² ААЕ. СР. Russie. Vol. 2. Fol. 39–r., 72r–73.

¹²⁵³ ААЕ. СР. Russie. Vol. 2. Fol. 106.

¹²⁵⁴ Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. Указ. соч. С. 330.

¹²⁵⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 147–149.

¹²⁵⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 165об.

наступить изволил». Наконец, от послов требовалось сообщить французам о планах первого крымского похода и командном составе русской армии¹²⁵⁷.

Желание привлечь Людовика XIV к коалиции было небезосновательным. Как показано в предыдущих главах, при французском дворе не раз выражалась поддержка антиосманских планов России и ее союза с Речью Посполитой¹²⁵⁸. Особую роль в этом сыграла грамота от 20 декабря 1685 г., присланная Людовиком XIV в Москву в связи с русско-польскими переговорами о Вечном мире. Ее передала русской стороне польская делегация во главе с Кшиштофом Гжимултовским, направленная в Москву для подписания Вечного мира, на конференции 6 марта (24 февраля) 1686 г.¹²⁵⁹ В присланном письме французский король выражал поддержку переговоров, подчеркивая их значение для христианского мира (Chrestienté)¹²⁶⁰. Во многом демонстрируемая им благожелательность являлась следствием французской политики в Речи Посполитой, где от французских дипломатов требовалось выражать поддержку инициатив Яна Собеского, чтобы сохранять свое положение при польском дворе и влияние на польскую политику.

По всей видимости, включение Франции в коалицию представлялось Посольскому приказу возможным, несмотря на изменчивую позицию Людовика XIV в отношении Османской империи. Амбициозность задач миссии может объяснить ее высокий статус и многочисленность посольской свиты. От послов также требовалась отправка регулярных отписок в Москву, чтобы снабжать Посольский приказ актуальной информацией о ходе посольства. Впрочем, исходя из внутренней документации приказа, первое письмо до России смогло добраться лишь в декабре 1687 г. и было посвящено уже пребыванию посольства в Испании¹²⁶¹.

¹²⁵⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 166.

¹²⁵⁸ Grönebaum F. Op. cit. S. 104.

¹²⁵⁹ Кочегаров К. А. Указ. соч. С. 380. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 9.

¹²⁶⁰ «Брату нашему Лудвигу...»... С. 161.

¹²⁶¹ Им была направлена царская грамота с указанием того, «что прежде сего з дороги и ис королевства французского отписок их и никаких писем в Посольском приказе не объявилось и ни о чем они ис тех государств кроме сей отписки к ним Великим Государем по наказу чрез почту не писывали» (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 250об.).

Высокий ранг дипломатической миссии создавал проблемы для закрепленного церемониала. Это был первый прецедент отправки во Францию великих и полномочных послов, что требовало особого отношения к подготовке миссии, зафиксированного в сохранившейся посольской книге¹²⁶². Всего в состав посольства входило 150 человек¹²⁶³, характерные для стандартных размеров свиты при русских великих и полномочных послых в Западной Европе¹²⁶⁴. Помимо послов и переводчика в состав миссии были включены 4 подьячих: Петр Софонов из приказа Казанского дворца¹²⁶⁵, Лаврентий Протопопов из Новгородского приказа¹²⁶⁶, а также Степан Волков и Осип Павлов из Посольского приказа¹²⁶⁷. Также в миссию направлялись 12 дворян: Афанасий Андреевич Беклемишев, кн. Василий Лукич Долгоруков¹²⁶⁸, кн. Иван Григорьевич Несвицкий, Федор Григорьевич Богданов, Алексей Павлович Симонов, кн. Мартемьян Семенович и Иван Дмитриевич Мышецкие, Алексей Степанович Зимин, кн. Михаил Семенович Волконский, Петр Иванович Наумов, Василий Федорович Тютчев и сибирянин Михаил Романович Кушников¹²⁶⁹. Наконец, с послами были посланы трубачи, барабанщики и другие музыканты, игравшие значимую роль для репрезентационных целей¹²⁷⁰. В качестве переводчика в миссию был назначен Тобиас Мейснер из Посольского приказа, специализировавшийся на немецком и шведском, но, исходя из посольской книги, занимавшийся и переводом с латинского языка¹²⁷¹.

¹²⁶² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 60–60об.

¹²⁶³ Recueil des nouvelles ordinaires et extraordinaires. Paris, 1688. P. 435; Mercure galant, Du septembre 1687. P. 330.

¹²⁶⁴ AN. Mar.B7 204. Fol. 173r.

¹²⁶⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 74.

¹²⁶⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 80.

¹²⁶⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 82об., 96об.

¹²⁶⁸ Согласно посольской книге, первый посол мог лично выбрать одного из дворян для отправки во Францию, именно им и стал племянник посла кн. В. Л. Долгоруков (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 16об.–17, 70об.).

¹²⁶⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 74–76; 84об., 110.

¹²⁷⁰ Mercure galant, Du septembre 1687. P. 330; РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 2об.–3об.

¹²⁷¹ Ранее Т. Мейснер был переводчиком в миссии подьячего Н. Алексева в Стокгольме в 1682 г., когда его посещал французский посол (см. Переводчики Посольского приказа... С. 154).

Ближнему стольнику кн. Я. Ф. Долгорукову был пожалован титул наместника Симбирского, а кн. Я. Е. Мышецкому – Болховского, но несмотря на высокий статус посольства оба титула не были значительно выше титулов предыдущих посланников¹²⁷². Это может объясняться тем, что наместнический титул кн. Я. Ф. Долгоруков получил до своего назначения в посольство, в 1680 г. во время военной службы, из-за участия в переписке с гетманом Иваном Самойловичем. Направление во Францию и Испанию не сыграло большой роли для его возвышения в системе наместнических титулов¹²⁷³. В целом, придворная карьера кн. Я. Ф. Долгорукова складывалась неравномерно. В 1682 г. он был сторонником царя Петра и в событиях 1680-х гг. придерживался стороны Нарышкиных. По этой причине в 1686 г. его даже подвергли конфискации имущества, но к моменту отправления во Францию он был прощен¹²⁷⁴. Как посол во Францию кн. Я. Ф. Долгоруков имел некоторые привилегии, например, мог взять с собой родственника для обучения дипломатической практике, и его выбор пал на кн. Василия Лукича Долгорукова¹²⁷⁵, в будущем знаменитого как члена Верховного тайного совета, осуществлявшего надзор за Анной Иоанновной¹²⁷⁶. Вместе с основными целями миссии Долгоруков выполнял личную просьбу царевича Петра – привезти из Парижа астролябию, что и было им сделано¹²⁷⁷. Третий посол, дьяк Кирилл Варфоломеевич Алексеев, ранее участвовал во встрече польского посольства в 1673 г. и в крымском посольском размене 1681–1682 гг., но в дальних посольствах не участвовал. Его карьерный путь

¹²⁷² Талина Г. В. Указ. соч. С. 36.

¹²⁷³ Бороздин К. Начертание жизни... С. 9; Талина Г. В. Указ. соч. С. 194.

¹²⁷⁴ Бушкович П. Указ. соч. С. 158–159. Отправление в составе дипломатической делегации людей с разной внутривластной позицией было распространенной практикой в Европе и могло предприниматься для выработки более компромиссной международной позиции (см. Беляев М. П. Французская делегация на Вестфальском мирном конгрессе // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени*. 2016. №2. С. 265).

¹²⁷⁵ Бороздин К. Указ. соч. С. 9. Долгорукие в XVII в. были одним из родов, специализировавшихся на дипломатической службе (Талина Г. В. Указ. соч. С. 94). Грамота к царям, направленная из посольства в Испании, была передана в Посольский приказ через его отца, кн. Л. Ф. Долгорукова. С нашей точки зрения, вероятно, что он также получил и сведения о своем сыне в несохранившейся частной переписке, пришедшей вместе с этой официальной грамотой (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 250об.).

¹²⁷⁶ Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). СПб., 2019. С. 221–231.

¹²⁷⁷ Бушкович П. Указ. соч. С. 159.

оставался необычным, потому что К. В. Алексеев был «за вину из дьячьего чина отставлен» с 10 июня до 20 июля 1685 г.¹²⁷⁸, что может быть связано с его участием в придворной борьбе. Как и гонец Н. Е. Бехтеев, посол К. В. Алексеев отправлял свои отписки из посольства к возглавлявшему Стрелецкий приказ Ф. Л. Шакловитому, в связи с чем может считаться близким к сторонникам царевны Софьи Алексеевны¹²⁷⁹. Таким образом, представляется, что после заключения Вечного мира с Речью Посполитой к осуществлению его положений Посольский приказ под руководством кн. В. В. Голицына привлекал не только сторонников царевны Софьи Алексеевны и придворных с компромиссной позицией, но и открытых сторонников Нарышкиных, что должно было сближать разные политические линии при дворе по внешнеполитическим вопросам.

Беспрецедентность посольства проявлялась в самом статусе великих и полномочных послов – оба они были князьями из рода Рюриковичей, а Долгоруковы часто на протяжении XVII в. оказывались на первых ролях в управлении государством, например, после возвращения из посольства кн. Я. Ф. Долгоруков стал товарищем воеводы Большого полка в Крымских походах¹²⁸⁰. Отдельно стоит подчеркнуть, что происхождение Долгоруких из рода Рюриковичей было известно во Франции и дополнительно повышало статус миссии, о чем можно судить по материалам французской периодической печати¹²⁸¹. Более того, это был первый раз, когда послы должны были нанять корабль напрямую до французской территории, что, впрочем, у них не получилось из-за сообщений о наличии в северных морях корсаров, к столкновению с которыми нанятое судно было не готово¹²⁸².

Через Голландию и Испанские Нидерланды посольство добралось до Дюнкерка 26 июня (6 июля) 1687 г. В связи с тем, что запланированная миссия гонца Н. Е. Бехтеева к французскому королю не состоялась и царская грамота

¹²⁷⁸ Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 26.

¹²⁷⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 260об.

¹²⁸⁰ Crummeу R. O. Op. cit. P. 30; Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. Указ. соч. С. 183.

¹²⁸¹ *Mercure galant, Du septembre 1687*. P. 330.

¹²⁸² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 8об.–10об.

о прибытии великих и полномочных послов с соответствующей свитой не была получена при французском дворе, размеры свиты были неожиданно большими. Интендант Дюнкерка согласился принять их в городе и снабдить на постоялом дворе, но сообщил, что дальнейшие действия должен согласовать с королем. Приезжавших в Дюнкерк послов встречали пехотные полки, и лично посетил интендант, чтобы сделать приветственные комплименты, не настаивая на их посещении своей персоны¹²⁸³.

Первая встреча с королевскими сопровождающими посольства состоялась 1 (10) июля, когда к ним приехали уже исполнявшие аналогичные функции для предыдущих русских миссий Й. Торф и Е. Кро. В историографии существует распространенная точка зрения о том, что стремление Людовика XIV развязать конфликт проявилось уже на этом этапе, потому что в статейном списке послов был зафиксирован вопрос Й. Торфа к послам «не для какова упрямства приехали и не будут ли в чем воли королевского Величества противны»¹²⁸⁴. Французские источники также фиксируют, что при направлении Й. Торфа для сопровождения послов, он должен был сообщить им о необходимости следовать церемониалу приема коронованных особ, иначе король будет вынужден их выслать¹²⁸⁵. Вероятно, значимой причиной церемониального конфликта было то, что во Францию еще не прибывало русское посольство такого статуса и такой численности, что требовало серьезных церемониальных уступок с русской стороны, чтобы уложиться в сложившиеся практики. Театральность русских церемоний была известна во Франции и могла восприниматься как проявление высокомерия и тщеславия. Например, в «Любопытном описании Московии» (*Relation curieuse de la Moscovie*), опубликованном по случаю прибытия посольства, про русских было написано, что «они считают, что никакой другой народ не сопоставим с

¹²⁸³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 15–16; ААЕ. СР. Russie. Vol. 2. Fol. 118.

¹²⁸⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 16–16об. Малиновский А. Ф. Указ. соч. С. 90; Grönebaum F. Op. cit. S. 106. Об этом инциденте послы направили письмо в Россию по почте через Дюнкерк, однако до Москвы оно не добралось (РГАДА. Ф. 93. Кн. 12. Л. 282об., 289).

¹²⁸⁵ СИРИО. Т. 34. С. 16.

ними»¹²⁸⁶. Тем не менее, не стоит сбрасывать со счетов нежелание Людовика XIV вступить в антиосманскую коалицию и его осведомленность о положениях Вечного мира без необходимости официального и дорогостоящего для французской казны приема русской посольской миссии, о чем ранее Е. Кро и посольский интродуктор сообщали гонцу Н. Е. Бехтееву.

Послы, высказав удивление вопросу о своих намерениях, заверили сопровождающего, что присланы для «дружбы и любви», а следовательно, согласны следовать правилам. После получения ответа Й. Торф написал об этом королю, вместо того чтобы сразу сопроводить их в Париж, также запросив копии с проезжей грамоты и роспись участников миссии¹²⁸⁷. Это отличалось от предшествовавшей практики, когда решение о приеме посольства принималось в Париже заранее, до отправления сопровождающих: прибыв к посольствам, те сразу начинали путь в столицу, что может быть также обусловлено необычно большой посольской свитой. Исходя из записки Й. Торфа, послов вновь изначально планировалось отправить на встречу к Кольберу де Круасси, прежде публичной аудиенции у короля¹²⁸⁸. Новая попытка более строго подчинить посольство французским церемониальным правилам может быть объяснена как изначально желанием Людовика XIV организовать церемониальный конфликт, так и тем, что сближение со Священной лигой теснее включало Россию в европейскую систему отношений и ее правила, что проявится особенно ярко в последствиях миссии.

Придворный мемуарист Людовика XIV, маркиз де Данжо, писал о русских послах, что они «были самыми благородными и приятными людьми на свете, пока их не признали послами; но как только их признали, они устроили сотню инцидентов и скандалов»¹²⁸⁹. Несмотря на наличие определенных столкновений в дальнейшем, после согласия короля принять

¹²⁸⁶ «Ils s'imaginent qu'aucune autre nation ne leur est comparable» (Grönebaum F. Op. cit. S. 106).

¹²⁸⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 17об.

¹²⁸⁸ ААЕ. СР. Russie. Vol. 2. Fol. 118r.

¹²⁸⁹ «furent les plus hōnnêtes et les plus doux du monde jusqu'à ce qu'on les eut reconnus pour ambassadeurs; mais, dès le moment qu'ils furent reconnus, ils firent cent incidents et chicanes» (Dangeau P. de Courcillon, marquis de. Op. cit. P. 74).

посольство, его церемониал не отличался от существовавшего ранее в русско-французских контактах: для послов и их большой свиты было прислано 10 карет, верховые лошади и повозки для вещей, во всех городах их встречали местные власти, и в их честь давался пушечный салют¹²⁹⁰.

Торжественный въезд в Париж должен был состояться из Сен-Дени, как и в большинстве предыдущих миссий. До северного пригорода Парижа послы добрались 17 (27) июля, и вскоре их посетил гонец Н. Е. Бехтеев, уведомивший о своих церемониальных притеснениях, в частности, о требовании французов, чтобы он нанимал карету для поездки в Версаль за свой счет, и особенно о нежелании короля принять его лично. Послы пытались поддержать гонца и через сопровождающего Й. Торфа передали государственному секретарю по иностранным делам вопрос: почему случается такое умаление дружбы между странами, которого никогда раньше не было. Тем не менее, протест послов не помог гонцу осуществить свою миссию¹²⁹¹.

Вместе с приездом в Сен-Дени посольского интродуктора М. де Боннея и секретаря сопровождаителя Р. Жиро, 22 июля (1 августа) 1687 г., русские дипломаты столкнулись с аналогичной проблемой – требованием посетить Кольбера де Круасси прежде первой публичной королевской аудиенции, что полностью противоречило сложившимся практикам¹²⁹². Послы не могли на это пойти, о чем объявили посольскому интродуктору. В ответ на свое заявление, согласно их статейному списку, послы получили ноту, что у них отнимут сопровождающего и охрану¹²⁹³.

Тем не менее, не принять посольство из 150 человек было слишком сложно, поскольку могло привести к значительно большему дипломатическому скандалу международного уровня и полному прекращению отношений с Россией. Поэтому Людовик XIV согласился принять их лично, ранее встречи с государственным секретарем по

¹²⁹⁰ ААЕ. СР. Russie. Vol. 2. Fol. 118r.; РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 18об.

¹²⁹¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 19–21об.; РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 14. Л. 15об.

¹²⁹² Юзефович Л. Указ. соч. С. 64.

¹²⁹³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 21об.–28.

иностранным делам¹²⁹⁴. Возвращение к сложившимся правилам приема посольств из России порождало и ранее существовавшие церемониальные конфликты. В частности, вновь вызвало протест послов решение разместить их в разных каретах во время торжественного въезда в Париж. Как и участники предыдущих русских миссий, они считали, что все послы должны ехать в одной карете, как равные по своему рангу, но после дискуссии согласились, что второй и третий послы займут места во второй карете, присланной от дофина, отдельно от кн. Я. Ф. Долгорукова в королевской карете с маршалом, посольским интродуктором и сопровождающим¹²⁹⁵. Несмотря на то, что этот вопрос поднимался в каждом русском посольстве, именно эта дискуссия воспринималась французской стороной как нарушение обещания послов подчиняться французским церемониальным правилам, данному в Дюнкерке, что сыграло роль в дискредитации миссии в глазах принимающей стороны¹²⁹⁶. К этому добавилось и то, что послы не согласились встречать присланного к ним для торжественного въезда маршала д'Эстре у кареты, как было принято во Франции¹²⁹⁷.

Тем не менее, торжественный въезд в Париж прошел с наибольшим размахом за всю историю русско-французских отношений до начала XVIII в. Помимо карет короля и дофина для послов, посольской свите было выделено еще 6 карет¹²⁹⁸, но основная заслуга в создании торжественности церемонии принадлежала самим дипломатам и их свите. Во время церемонии они пустили вперед карет 12 конных трубачей и 6 литаврщиков, рядом с которыми ехали 45 всадников с луками и стрелами, а вокруг карет было 20 пеших человек в тюрбанах (*les turbans*) без оружия, которые были телохранителями первого посла. За ними следовали еще кареты и 14 повозок, каждая в сопровождении

¹²⁹⁴ В этом вопросе статейный список послов опровергает точку зрения Ф. фон Гроненбаума, о том, что русские послы поддались давлению и согласились на аудиенцию с министром раньше королевской (Grönebaum F. Op. cit. S. 106).

¹²⁹⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 28об.–30об.

¹²⁹⁶ ААЕ. СР. Russie. Vol. 2. Fol. 119.

¹²⁹⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 30об.; ААЕ. СР. Russie. Vol. 2. Fol. 119.; Шиколо М. И. Указ. соч. С. 78.

¹²⁹⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 31об.

одного или двух всадников, замыкавших шествие¹²⁹⁹. С другой стороны, успех торжественного въезда обеспечило сообщение в выпуске «La Gazette» от 9 августа, в котором было объявлено, что в этот день состоится торжественный въезд посланников из Московии¹³⁰⁰. Вероятно, это стало причиной той многолюдности на улицах, которая была описана в статейном списке¹³⁰¹.

В посольском особняке для русских дипломатов в течение трех дней организацией трапез занимался королевский гофмейстер, согласно выработанным предыдущими посольствами правилам. Журнал «Mercure galant» считал, что в общей сложности для послов было предусмотрено 7 таких приемов пищи. Это, с точки зрения автора заметки, сближало практики приема русских послов с аналогичными для неевропейских государств, но упоминалось, что между ними все же существует грань¹³⁰².

Далее, согласно французскому церемониалу, должна была следовать публичная королевская аудиенция. После организованных русскими торжеств в Париже де Бонней предупредил их, что въезжать с саблями и под звуки собственных труб и литавр в королевскую резиденцию неприемлемо, к чему послы прислушались, тем не менее, обратив внимание, что «им нигде такого бесчестия не налагают»¹³⁰³. В статейном списке послов это событие подпитывало известные им стереотипы о деспотизме короля Франции¹³⁰⁴, полученные, по-видимому, через сведения из других европейских стран¹³⁰⁵. В остальном первая публичная аудиенция у короля прошла по стандартным церемониальным правилам: в Версале послов встречали строем швейцарские полки, маршал д'Эстре и интродуктор де Бонней с секретарем-

¹²⁹⁹ ААЕ. СР. Russie. Vol. 2. Fol. 119r. Внешний вид послов и телохранителя зафиксирован в парижских гравюрах (см. Приложения 4–7).

¹³⁰⁰ Recueil des nouvelles... 1688. P. 424.

¹³⁰¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 32. Следует обратить внимание на то, что посольство П. И. Потемкина в 1668 г. наоборот встречало достаточно мало людей, что говорит о большем внимании к миссии 1687 г. в Париже.

¹³⁰² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 32; Mercure galant, Du septembre 1687. P. 332.

¹³⁰³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 32об.–34.

¹³⁰⁴ «государь их его королевское Величество, воли своей самовластен, как изволит, так и чинит, и непрестанно во всех великих государственных делах для славы имени своего великие отмены являет» (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 33об.–34).

¹³⁰⁵ Шамин С. М. Иностранная пресса... С. 499–500.

сопроводителем Жиро проводили их на посольский двор, откуда после приготовлений они отправились к королю. Впереди шествовал с царской грамотой подьячий Степан Волков, у входа во дворец их встретил обер-церемониймейстер де Бленвиль и присоединился к сопровождающим, в то время как ординарный церемониймейстер Сенкто отсутствовал на церемонии. В передней их встретил маршал Люксембургский, также присоединившийся к сопровождающим, и шествовал перед ними к залу для аудиенции. На лестнице послов по обе стороны стояла лейб-гвардия с протазанами, а в зале для аудиенции – с карабинами¹³⁰⁶.

На самой аудиенции король соблюдал все ранее установленные церемониальные правила, а послы сказали речь о заключении Вечного мира с Речью Посполитой, о посольстве императора в Москву и приглашении России в Священную лигу. После чего они попросили направить их на конференцию с министрами¹³⁰⁷. Людовик XIV поблагодарил их за присланное посольство, выказал радость по поводу заключения Вечного мира и пожелал счастливых побед над турками¹³⁰⁸. Вследствие того, что с посольством не было переводчика, специализировавшегося на французском языке, переводом речей для обеих сторон занимался Е. Кро¹³⁰⁹. Между аудиенцией у короля и встречей с государственным секретарем по иностранным делам прошло традиционное для русских дипломатов торжественное застолье в Версале с участием сопровождавших их посольского интродуктора и маршала. Организацией трапезы вновь занимались королевские гофмейстеры¹³¹⁰.

Если публичная аудиенция у короля имела прежде всего репрезентативное значение, то конференция с министрами должна была стать площадкой для обсуждения внешнеполитических вопросов¹³¹¹. Встреча с государственным секретарем по иностранным делам Ш. Кольбером

¹³⁰⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 35–36об.

¹³⁰⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 36об.–44об.

¹³⁰⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 44–44об.

¹³⁰⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 47.

¹³¹⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 47об.–48.

¹³¹¹ Наказ посольству предполагал, что встреч будет несколько и предлагал для них обсуждение разных аспектов антиосманского союза (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 147).

де Круасси полностью соответствовала предыдущим посольствам, но обсуждение с ним внешнеполитической стратегии стало более конкретным. Так кн. Я. Ф. Долгоруков, согласно его статейному списку, начал речь с вопроса о присоединении Франции к антиосманской коалиции и заявлял: «урос ль страх и печаль неприятельскаго, то есть турецкому султану и всегдашнему ево надежному помощнику крымскому хану ко прекращению их, а ко освобождению ис той поганой неволи множество загнанных христиан и, понеже, тех страждущих многой вопль и стенание их великих государей побуждало, которое их царского величества издавна добронамеренное желательство о приведении общаго и согласного на того неприятеля креста святого воинского промыслу»¹³¹². Религиозно окрашенная речь кн. Я. Ф. Долгорукова подчеркивала общность христианского мира и должна была способствовать сближению между двумя христианскими державами. Со своей стороны, Кольбер де Круасси вновь пожелал счастливых побед над турками и сказал, что ему уже известно из газет об успехах царских войск. Тем не менее, дальнейшего обсуждения на этой конференции не происходило, и она ограничилась объявлением русской позиции, которую государственный секретарь обещал донести до короля¹³¹³. После встречи послам показали Версаль: апартаменты и фонтаны, на что, согласно известию из «*Mercure galant*», кн. Я. Ф. Долгоруков заявил, что Версаль является восьмым чудом света¹³¹⁴.

Дальнейшие события сложились не столь гладко, и дипломатический конфликт продолжился. Когда послы вернулись в Париж откупщик де Фремон подал жалобу к королю на то, что они торгуют своими товарами на посольском дворе, не оплатив проезжие пошлины, пользуясь своим посольским

¹³¹² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 49. Как будет показано далее, часть текстов цитат кн. Я. Ф. Долгорукова из статейного списка полностью соответствует их пересказу во французских источниках, что может служить веским доводом в пользу их достоверности. Сам приведенный текст идентичен написанному в официальной царской грамоте и в части наказа посольству, посвященной их словам на аудиенции с королевскими приближенными, по-видимому, именно на нее опирался кн. Я. Ф. Долгоруков (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 25, 142–142об.).

¹³¹³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 51об.

¹³¹⁴ «il ne pouvoir s'empêcher de dire que Versailles estoit la huitième Merveille du Monde» (*Mercure galant*, Du septembre 1687. P. 333); Бороздин К. Указ. соч. С. 12.

статусом¹³¹⁵. Это обвинение было не в первый раз направлено против прибывших во Францию русских дипломатов, но именно в 1687 г. привело к серьезному конфликту. Сопровождавший посланников Й. Торф писал о том, что королевские печати, защищавшие вещи послов от сбора с них пошлин, были сорваны русскими еще в Сен-Дени, до торжественного въезда в Париж, и уже тогда это вызвало большое негодование с его стороны¹³¹⁶. Тем не менее, конфликт образовался по инициативе откупщиков, а не королевской администрации. Согласно, запискам маркиза де Данжо, откупщики требовали триста или четыреста тысяч ливров, что при дворе казалось абсурдным, потому что товары послов, с точки зрения маркиза, не стоили и четверти этой суммы. В целом, послов было решено не втягивать в эту ссору и просто запретить им продавать своим товары¹³¹⁷. Королевским служащим приказали взять товары послов под охрану, но выполняя приказ со всей строгостью, они решили опечатать и изолировать даже личные вещи из комнат дипломатов¹³¹⁸. Происходившее было не до конца понятно послам, в ответ на вопрос о причинах дополнительного караула Й. Торф объявил им, что это сделано для лучшей охраны, попросив их показать свои вещи, так как остальных дипломатов во Франции осматривают. В ответ на это послы сказали, что им нет до этого дела, поскольку русские дипломаты ранее не подвергались проверке, и необходимо придерживаться сложившейся традиции¹³¹⁹. Свою лепту в конфликт внесло то, что за 2 дня до этого, 8 (18) августа, Е. Кро и бывший при гонце Н. Е. Бехтеев в качестве сопровождающего Блондель, сообщили, что в окрестности Парижа приехали посланники султана, скорее всего чтобы просить помощи против Священной лиги¹³²⁰. Эти известия

¹³¹⁵ ААЕ. СР. Russie. Vol. 2. Fol. 120.

¹³¹⁶ ААЕ. СР. Russie. Vol. 2. Fol. 119.

¹³¹⁷ Dangeau P. de Courcillon, marquis de. Op. cit. P. 83.

¹³¹⁸ Dangeau P. de Courcillon, marquis de. Op. cit. P. 83.

¹³¹⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 55–55об.

¹³²⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 52об. Согласно наказу посольству, русским дипломатам было необходимо узнать о том, сохраняется ли пересылка между султаном и французским королем, кто в ней участвует, и что султан желает получить от контактов с королем (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 164об.).

должны были еще больше убедить послов в отсутствии поддержки антиосманской коалиции со стороны французского короля.

Несмотря на протесты, решение о взятии под стражу личных вещей послов не было отменено, и дипломаты восприняли это как серьезное оскорбление, реагируя на него соответствующим образом: когда королевские служащие попытались отнести вещи под охрану, второй посол достал свой нож и не позволял выносить им ткани из своей комнаты, согласно записке, доставленной об этом инциденте Кольберу де Круасси¹³²¹. Маркиз де Данжо дополнял это описание тем, что посол уже был готов напасть на готового к такой реакции служащего, а другой посол бросил ему в голову мешок с деньгами, полагая, что этими мерами с них пытаются вытребовать денег¹³²². Эта мера была подобна тому, как П. И. Потемкин поступил в отношении откупщиков в 1668 г. в Байоне, когда бросил им деньги на пол из-за их решения взять пошлину с христианских реликвий¹³²³. Описанные действия послов по-разному были восприняты при французском дворе, с одной стороны, согласно записке, поданной Кольберу де Круасси, из-за оскорблений русской прислуги в адрес королевского служащего и нападения на него одного из послов с кинжалом в руках, король решил отказать послам в отпускной аудиенции¹³²⁴. В целом, то, что послы торговали своим имуществом, представлялось Людовику XIV и его советникам как действие скорее в их личных интересах, чем в интересах направившего их монарха¹³²⁵. Поэтому, как будет показано далее, французский король стремился продемонстрировать, что русские послы не только создали конфликт своими действиями, но и нанесли ими ущерб самой русской дипломатии и внешней политике царя. С другой стороны, маркиз де Данжо считал, что «ожесточенное поведение

¹³²¹ ААЕ. СР. Russie. Vol. 2. Fol. 120.

¹³²² Dangeau P. de Courcillon, marquis de. Op. cit. P. 83.

¹³²³ Путешествия... С. 236–237.

¹³²⁴ СИРИО. Т. 34. С. 17.

¹³²⁵ СИРИО. Т. 34. С. 17.

направленных к ним русских было связано со свирепым характером этого народа», что отчасти сглаживало их вину¹³²⁶.

На следующий день после инцидента послы узнали о решении короля лишить их отпускной аудиенции, прислать ответную грамоту к ним в посольский особняк, вместо того чтобы выдать из собственных рук, а также отправить их обратно на границу с Испанскими Нидерландами. Послы воспринимали это как оказываемое на них дипломатическое давление, из-за недружественной внешнеполитической позиции, и всячески противились королевскому решению, заявляя, что «не токмо гнев, и самая смерть к принятию грамоты на дворе принудити их не может»¹³²⁷.

Из-за решения выслать русских послов на границу без дальнейших аудиенций, король собирался сразу выдать им ответные дары, однако дипломаты не были согласны их принимать, прежде чем они выполнят свою миссию и получат аудиенцию и ответную грамоту¹³²⁸. Они подчеркивали, что даже не требуют возвращения своих вещей, но только возможности исполнить дипломатическое поручение¹³²⁹. Посольским интродуктором им было предложено уладить конфликт тем, что дипломаты откроют один из своих ящиков для осмотра откупщиками, после чего вещи им вернут¹³³⁰. Вероятно, это предлагалось для более адекватной оценки их вещей парижскими откупщиками. Однако послы никак не могли согласиться на принуждение и тем показать слабость русских дипломатов, представлявших царя перед королевскими служащими. Они заявляли, что «и хотя волею королевского Величества все их пожитки совершенно отняты будут, однако ж они ни одного ящика оказать не велят»¹³³¹. Если Россия и раньше в представлении отдельных европейских стран, в частности державы

¹³²⁶ Dangeau P. de Courcillon, marquis de. Op. cit. P. 83–84.

¹³²⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 55об.–56об.

¹³²⁸ Результаты дипломатических миссий в Посольском приказе во многом оценивались по полученным на отпуске ответным грамотам, ее отсутствие означало полную неудачу посольства (Гуськов А. Г. Указ. соч. С. 94).

¹³²⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 56об.–57.

¹³³⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 57об.

¹³³¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 58.

Габсбургов, занимала место выше Франции¹³³², то успехи ее антитурецкой политики могли продемонстрировать «удивление цесарского и окаменелость польского орла, усыхание французских лилий от грома русских пушек», о чем будут писать после Азовских походов Петра I¹³³³. Новые попытки посольского интродуктора убедить послов принять дары также не возымели успеха, несмотря на предупреждение о большом гневе короля, в ответ на которое послы ответили, что «им всякой королевской гнев страшен по вине их, а которой королевской гнев без их вины, и их то никогда устрашает, а долженствуют они всегда паче всего взирать на повеление государей своих их царского Величества»¹³³⁴.

Уверенность русских послов в том, что король стремится принизить их статус в пользу прибывших турецких посланников подтвердило известие посетившего их митрополита из Кандии, представившегося духовным отцом имеретинского царя Арчила II. По его словам, он оказался в Париже из-за гонений турок и заявил послам, что французский король уже благожелательно принял турецких посланников и планирует разместить их в посольском особняке, занятом в настоящее время русскими. Заинтересовавшиеся известием послы попросили его больше разведать о прибывших турках¹³³⁵.

Тем не менее, французская позиция по высылке послов не была окончательной, и русским дипломатам до сих пор получалось избегать выселения из посольского особняка. Однако король настоял на перемещении их из Парижа, в котором они занимали почетное место, в пригород Сен-Дени, где они размещались до начала торжественного въезда. Послы не хотели уезжать дальше от Версаля, но вынос всей королевской мебели и отстранение их прислуги принудили дипломатов принять королевское решение¹³³⁶. Лишение королевской милости в отношении послов, на фоне известий о приезде турецких посланников, могло рассматриваться как резкое изменение

¹³³² Hennings J. Op. cit. P. 99.

¹³³³ Османская империя и страны... С. 316.

¹³³⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 59–61.

¹³³⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 61–61об.

¹³³⁶ СИРИО. Т. 34. С. 18.

в сложившейся иерархии международных отношений¹³³⁷ и преобладание Османской империи над Россией во французской внешней политике, поэтому послы были вынуждены сопротивляться королевскому решению. Конфликт происходил несмотря на то, что, по-видимому, речь шла о посланниках дея Западного Триполи, а не самого султана, миссия которых не имела большого церемониального значения для французов и не была зафиксирована в источниках о придворной жизни¹³³⁸. Высылка послов из столицы в Сен-Дени помогла решить их конфликт с парижскими откупщиками, от прямого столкновения с которыми Людовик XIV стремился их уберечь, с помощью того, что русские дипломаты в пригороде привлекали меньшее внимание. Поэтому вскоре после переезда был снят арест с посольских вещей, и кн. Я. Ф. Долгоруков, чтобы показать расположение французской стороне, продемонстрировал им содержимое своих сундуков, подчеркивая, что без принуждения сразу же готов это сделать¹³³⁹.

Дипломатические уступки русских послов привели к постепенному возобновлению диалога со стороны короля. 22 августа (1 сентября) 1687 г. к ним в Сен-Дени для переговоров приехал сам государственный секретарь по иностранным делам Кольбер де Круасси, с которым обсуждение было только начато после первой публичной аудиенции у короля. На встрече в Сен-Дени стоит остановиться подробнее, потому что в ходе ее решались основные внешнеполитические вопросы, с которыми послы прибыли во Францию. Значение конференции подчеркивается достаточно подробным отражением речей как в статейном списке послов, так и во французских источниках. Послы передали государственному секретарю копию текста Вечного мира с Речью Посполитой, содержащую уже упомянутую 14-ю статью о призыве в антиосманский союз французского короля¹³⁴⁰. Русские дипломаты напомнили о прежней благожелательности Людовика XIV к проекту создания

¹³³⁷ О подобных механизмах см. Элиас Н. Указ. соч. С. 114.

¹³³⁸ *Recueil des nouvelles...* 1688. P. 459.

¹³³⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 65; ААЕ. СР. Russie. Vol. 2. Fol. 120r.

¹³⁴⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 65–67об.

антиосманской коалиции, которая была высказана русскому посольству 1685 г. во Франции, с целью подтверждения королевского расположения они попросили прислать французские войска для борьбы с турками¹³⁴¹.

Французский министр не стал вводить русских дипломатов в заблуждение. Он высказался в пользу поддержания дальнейших дружественных отношений с царем, поблагодарил за уведомление о Вечном мире и выразил радость по поводу его заключения. Тем не менее, Ш. Кольбер де Круасси не скрывал, что прислать войска французский король не сможет. Он обратил внимание на, то что ранее, когда французские полки были присланы, император оставлял их без снабжения, и что «никакой славы король Франции не получил на той войне»¹³⁴², а во время осады Вены он таже предлагал свои войска, но его помощь отказались принять. Наконец, министр остановился на том, что в Кандийской войне (1645–1669 гг.) венецианцы использовали французов, которые в большинстве погибли. Обобщая, он подчеркнул, что с точки зрения Франции, христианская коалиция способна справиться без участия войск Людовика XIV¹³⁴³. Немного иначе эта речь транслировалась во французском описании конференции в Сен-Дени, где примеры битвы у р. Рааб и участие Франции в Кандийской войне представлены исключительно как примеры ее склонности к общехристианским делам, а часть о предательстве и недружественных намерениях союзников в описании была опущена¹³⁴⁴. В остальном текст практически полностью соответствовал положениям, записанным в русский статейный список.

Послы возразили министру, что отношения с христианскими странами возможно урегулировать дипломатическими средствами, а также обратили внимание на то, что благодаря масштабности военной кампании она принесет славу всем участникам. Однако государственный секретарь не стал скрывать,

¹³⁴¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 67об.–70.

¹³⁴² Имеется в виду участие Франции в четвертой австро-турецкой войне (1663–1664 гг.).

¹³⁴³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 71об.–74.

¹³⁴⁴ СИРИО. Т. 34. С. 12.

что отношения Франции с императором Священной Римской империи крайне недружественные, зато с султаном «всегдашней мир и крепкая дружба и подданные его королевского Величества торговые люди с турками имеют великие торговые промыслы». В ответ кн. Я. Ф. Долгоруков высказал точку зрения, что после освобождения греков и других христиан с ними торговля будет свободная и более прибыльная, чем с османами, а также указал на возможность развития торговли с соседями-христианами, не упоминая на этот раз русско-французский торговый проект¹³⁴⁵.

Тогда на переговорах Кольбер де Круасси перешел к обоснованию позиции Людовика XIV через государственный интерес. Так он подчеркнул, что король «служил государству своему многие лета со всякою славою высокоразумными поступки, а ныне учинил не так разумно, естли б без всякой причины способной и государству своему пожиточной с турки мир разорвал». Такая трактовка не могла быть принята русскими дипломатами, и они заявили, что необходимо «к тому святому и богоугодному делу приступить, невзирая на собственную себе прибыль, но токмо за имя христианское»¹³⁴⁶, выражая первичность христианских интересов над государственными. Во французском пересказе этой аудиенции посол ответил, «что, если речь идет о славе Христа, не следует проверять договоры»¹³⁴⁷, и, в целом, речь Долгорукова была воспринята и переведена на французский язык практически дословно ее описанию в статейном списке¹³⁴⁸. Обе стороны не просто подчеркивали свою связь с христианским миром для сохранения положения в пространстве европейских международных отношений, но и изучали аргументацию внешнеполитической деятельности друг друга. В то же время, во многом переговоры о содействии Людовика XIV Священной лиге были репрезентацией нового внешнеполитического положения России, как

¹³⁴⁵ По-видимому, под христианскими соседями имелись в виду страны-участницы антиосманской коалиции (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 75–79).

¹³⁴⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 80.

¹³⁴⁷ «que s'agissant de la gloire de Jésus-Christ, on ne devait point avoir d'égard aux traités» (СИРИО. Т. 34. С. 13).

¹³⁴⁸ СИРИО. Т. 34. С. 13.

одной из участниц христианской коалиции. В связи с этим, по-видимому, и была избрана религиозно окрашенная риторика. Со своей стороны, французский министр предпочитал аргументацию через государственный интерес, которая соотносилась с тенденциями секуляризации внешней политики в раннее Новое время¹³⁴⁹.

В конце встречи Кольбер де Круасси еще раз напомнил об отправлении в 1685 г. грамоты в Москву с поддержкой заключения Вечного мира с Речью Посполитой, о благодарности Франции за этот шаг русской дипломатии, и подчеркнул, что Людовик XIV не стал начинать войну с императором Леопольдом I во время осады Вены турецкими войсками и в дальнейшем также не собирается мешать своими действиями успехам антиосманской коалиции¹³⁵⁰. Наконец, он попросил свободно пропускать иезуитов через Россию в Китай для проповеди веры, что также было значимой частью русско-французской отношений этого периода, о чем будет сказано в последнем параграфе работы, но послы были уполномочены обсуждать только проезд торговцев, несмотря на то что во французском пересказе аудиенции кн. Я. Ф. Долгоруков заверил, что об отправке иезуитов можно будет беспрепятственно договориться в Москве¹³⁵¹. Само согласие на встречу с французским министром в Сен-Дени стало фактором, стимулировавшим смягчение дипломатического конфликта. Поведение послов стало расцениваться как более подобающее, в том числе и благодаря тому, что после трехчасовой аудиенции они проводили государственного секретаря по иностранным делам до кареты со своими трубачами и литаврщиками¹³⁵², что ранее отказывались сделать для маршала Франции. По причине смягчения конфликта французский король согласился на вторую публичную аудиенцию¹³⁵³. Придворные, в лице маркиза де Данжо, также обращали внимание на то, что послы приводили столько доводов и так хорошо себя проявили, что в Версале

¹³⁴⁹ Тешке Б. Указ. соч. С. 25.

¹³⁵⁰ Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия... С. 422. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 81–83.

¹³⁵¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 83об.; СИРИО. Т. 34. С. 13.

¹³⁵² ААЕ. СР. Russie. Vol. 2. Fol. 120r.

¹³⁵³ СИРИО. Т. 34. С. 18.

не могли не выказать некоторого недовольства по поводу такого обращения с ними во время пребывания и опечатывания их вещей¹³⁵⁴.

Хотя посольство и не смогло добиться своих основных внешнеполитических целей и способствовать вступлению Людовика XIV в Священную лигу, ему было необходимо выполнить свои репрезентативные обязанности: получить отпускную аудиенцию у короля и ответную грамоту к царю с верным написанием титулов. Последняя аудиенция была назначена на 3 сентября 1687 г. и должна была проходить в Версале. Церемонии для послов остались теми же, однако копия королевской грамоты не была передана им до дня аудиенции, и сопровождающий их Й. Торф принес ее латинскую версию только в Версале, накануне встречи с королем. В поданной копии грамоты не было титула «Великие Государи» (*magni domini*), но Й. Торф, согласно статейному списку, пообещал, что в оригинальной грамоте титул будет написан верно¹³⁵⁵. С этого этапа начался новый виток борьбы за написание царского титула во Франции. После того как послы вернулись с королевской аудиенции оказалось, что титул «Великие Государи» во французской грамоте все же не был написан, и они попросили Й. Торфа ее исправить. Однако король на исправление не согласился, подчеркнув, что такой титул европейские монархи не используют, и даже османский султан, который пытается убедить Людовика XIV закрепить его в формуляре, не был им наделен во французских грамотах. Свитский дворянин Й. Торф добавлял, что отсутствие этого титула не считается во Франции принижением статуса¹³⁵⁶. Со своей стороны, послы апеллировали к дипломатическому прецеденту, что в грамоте к предыдущему русскому посольству титул признавался¹³⁵⁷. Возможно, что дискуссия шла о разных титулах: так, германский исследователь Ф. фон Гроненбаум считал, что борьба шла за французский титул «Grands Souverains»¹³⁵⁸, однако в грамоте к посольству С. Е. Алмазова и С. Д. Ипполитова использовался титул

¹³⁵⁴ Dangeau P. de Courcillon, marquis de. Op. cit. P. 83–84.

¹³⁵⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 87–91об.

¹³⁵⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 95–98.

¹³⁵⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 98.

¹³⁵⁸ Grönebaum F. Op. cit. S. 109.

«Grands Seigneurs»¹³⁵⁹, который действительно был ближе к султанскому титулу, но французами в Европе не использовался¹³⁶⁰. Тем не менее, стоит отметить, что это был единичный случай такого титула в формуляре для 1680-х гг., поскольку грамота, переданная в 1685 г. через поляков, содержала закрепленный в более ранних французских грамотах формуляр царского именованья¹³⁶¹. Французская сторона наотрез отказывалась писать титул «Великие Государи», и Й. Торф «говорил, королевское де Величество обещается душою своею, что такой титлы к царскому Величеству с посланники с Семеном Алмазовым и дьяком не писано»¹³⁶².

Несмотря на королевские уверения послы продолжали борьбу за титул, в которой важным стал вопрос о принятии ими ответных королевских даров. Еще на первой публичной аудиенции послы от своего имени поднесли Людовику XIV дорогие подарки, сообразно значению своей миссии. Первый посол подарил королю двух кречетов и соколов для соколиной охоты, несколько мехов, среди которых были не только классические для русско-французского дарообмена соболи, чернобурые лисицы, горностаи, рыси и бобры, но также и снежные барсы, как русского, так и китайского происхождения. Помимо них в списке даров присутствовали восточные ткани с драгоценными металлами. Дары преподносили не только 3 посла, но и племянник первого из них – кн. В. Л. Долгоруков, что сыграет свою роль в назначении ответных королевских подарков, так как Людовик XIV оказал приязнь всем дарам, на этот раз особо не выделив никакие из них¹³⁶³.

Через 2 дня после отпускной аудиенции у короля, 26 августа (5 сентября) 1687 г., посольский интродуктор привез ответные дары, но послы отказались их принимать без правильно написанной грамоты. 28 августа (7 сентября) Й. Торф сообщил им, что если дары не будут приняты, то его, караул и

¹³⁵⁹ «Брату нашему Лудвигу...»... С. 158.

¹³⁶⁰ Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. Paris, 1969. Т. XXIX. Р. 53.

¹³⁶¹ «Брату нашему Лудвигу...»... С. 161.

¹³⁶² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 100об.

¹³⁶³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 45об.–46.

королевских служащих отзовут у посольства, что и произошло из-за последовавшего очередного отказа послов принимать дары без правильно написанной грамоты¹³⁶⁴. Русские дипломаты стали действовать по похожему сценарию с миссией Н. Е. Бехтеева. Они продолжили жить за свой счет в Сен-Дени, попросив проезжую грамоту для проезда в Испанию. Однако внимание дипломатов обратили на то, что они не принимают королевских портретов, чем наносят серьезное оскорбление королю¹³⁶⁵. Портреты имели большое репрезентативное значение для Людовика XIV, в том числе в международных делах¹³⁶⁶, и, как было показано выше, к его изображениям относились при русском дворе крайне уважительно, осознавая их ценность. Из всех даров до отъезда из Сен-Дени послы приняли только портреты в драгоценных рамах: по одному для каждого из 3-х послов и один для кн. В. Л. Долгорукова, который также приносил от себя дары к королю¹³⁶⁷. Помимо прочего, в журнале «*Mercure galant*» особо подчеркивалось, что рамы всех портретов были обрамлены брильянтами¹³⁶⁸. Вместо предоставления проезжей грамоты до Испании, король продолжил обеспечивать миссию за счет казны и направил посольство в Гавр, чтобы на военном корабле отправить во владения Карла II. По прибытии в порт их убедили принять остальные дары, чтобы не оскорблять короля и для того, чтобы их не лишили подготовленного судна, на что послам пришлось согласиться¹³⁶⁹. Первым двум послам выдали по две пистолы, одному ружью, одним настенным часам, двум часам карманным и по шесть gobеленов. В дополнение к этому первый посол получил еще четыре рулона позолоченных тканей разного качества. Третий посол, дьяк К. В. Алексеев, принял аналогичные дары первым двум послам, но только пять, а не шесть gobеленов. Дворянам, переводчику и подьячему выдали золотые медали с изображениями короля, в общей сумме 17 медалей, а остальным подьячим и

¹³⁶⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 102–103об.

¹³⁶⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 104–105.

¹³⁶⁶ Burke P. *The Fabrication of Louis XIV*. New Haven and London, 1992. P. 15–16.

¹³⁶⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 105–107об.

¹³⁶⁸ *Mercure galant*, Du septembre 1687. P. 334–335.

¹³⁶⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 104–109об.

другим людям свиты – аналогичные серебряные, которых было выдано около 40 штук¹³⁷⁰. Подаренные гобелены имели разные изображения: на врученных кн. Я. Ф. Долгорукову изображались родословия королевских домов, на гобеленах для кн. Я. Е. Мышецкого – история ветхозаветного пророка Иакова, родоначальника 12 колен Израилевых, а для К. В. Алексеева – сцены охоты Дианы¹³⁷¹. Все эти подарки считались во Франции доказательством большого королевского расположения, несмотря на множество конфликтов, произошедших во время посольства¹³⁷².

Честь послам должен был оказывать и военный корабль, подготовленный для их путешествия в Испанию, тогда как достаточно успешному русскому посольству 1668 г. в предоставлении французского корабля за счет казны было отказано, чтобы не придавать его миссии еще большей значимости¹³⁷³. Судно было укомплектовано экипажем из 120 человек, в числе которых 40 солдат и 80 матросов. Каждому послу выделялось по каюте, и с максимальным удобством должна была размещаться их свита¹³⁷⁴. Сопровождающий их в морском путешествии Монмор сообщил в письме к королю о благодарности послов за оказанную честь, что Людовик XIV посчитал хорошими новостями¹³⁷⁵.

Наиболее удачно для кн. Я. Ф. Долгорукова сложилась неформальная сторона посольства, потому что он смог эффективно воспользоваться своей миссией для покупки астролябии царю Петру Алексеевичу, а также устройства своего племянника на учебу во Франции¹³⁷⁶. Официально кн. В. Л. Долгоруков был оставлен в Париже по челобитью его отца, кн. Луки Федоровича Долгорукова, аргументировавшего такую просьбу тем, что его сын заболел и не может отправиться в Испанию¹³⁷⁷.

¹³⁷⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 110. *Mercure galant*, Du septembre 1687. P. 335.

¹³⁷¹ *Mercure galant*, Du septembre 1687. P. 334–336.

¹³⁷² *Mercure galant*, Du septembre 1687. P. 334–336.

¹³⁷³ *Дневник г. де Кате...* С. 622.

¹³⁷⁴ AN. Mar. B2. Vol. 60. Fol. 162v–r.

¹³⁷⁵ AN. Mar. B2. Vol. 60. Fol. 255v.

¹³⁷⁶ Бушкович П. Указ. соч. С. 159. Бороздин К. Указ. соч. С. 11–12.

¹³⁷⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 12. Л. 293.

Несмотря на неприсоединение Франции к союзу и обилие дипломатических инцидентов, в России Долгорукова поздравляли с окончанием его миссии¹³⁷⁸. В современной историографии считается, что несмотря на недружественный прием во Франции, из-за союза Людовика XIV с османами, посол сделал все возможное, и потому заслужил в России хорошую репутацию¹³⁷⁹. В 1689 году Фуа Ла Невилль сообщал из Москвы, что кн. Я. Ф. Долгоруков был убежден в незаконности того, что с ним сделали, но, тем не менее, был крайне впечатлен твердостью Людовика XIV¹³⁸⁰. Кроме того, дьяк К. В. Алексеев после возвращения в Россию был ненадолго пожалован дворянским статусом: с 27 ноября 1689 г. до января 1690 г.¹³⁸¹

Впрочем, в правящих кругах России твердость французского короля не была оценена. 29 июня 1689 г. в присутствии царей и царевны Софьи был заслушан статейный список «о такой вражде короля французского в приеме и отпуске их великих послов показал к ним Великим Государем нелюбовь свою и всякую противность, так и в союзе против общих христианских неприятелей султана и хана против желания их величества, любя паче дружбу и приязнь с теми неприятели»¹³⁸². Было решено через дипломатическую почту направить царские грамоты к императору, испанскому и английскому королям, в Венецию и Речью Посполитую, а также и к французскому королю с официальным дипломатическим осуждением его действий¹³⁸³. Французский иезуит Ф. Авриль сообщал, что помимо этого русские посланники подняли вопрос о неудаче посольства на Гродненском сейме и обвинили в случившемся Людовика XIV¹³⁸⁴. Этот конфликт показывает, что благодаря участию в войнах Священной лиги Россия значительно укрепила свое положение в системе европейских государств. Наиболее ярко это отразилось в ставшем известным при французском дворе итальянском памфлете, где обращение с

¹³⁷⁸ Гордон П. Дневник, 1684–1689. М., 2009. С. 170.

¹³⁷⁹ Бушкович П. Указ. соч. С. 158–159.

¹³⁸⁰ Grönebaum F. Op. cit. S. 109.

¹³⁸¹ Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 27.

¹³⁸² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 1.

¹³⁸³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 15. Л. 1; Grönebaum F. Op. cit. S. 110.

¹³⁸⁴ Grönebaum F. Op. cit. S. 110.

Долгоруковым в Париже рассматривалось как нарушение посольских прерогатив и права народов (*jus gentium*)¹³⁸⁵.

В целом, во Франции сложилось разное отношение к русскому посольству. Еще до его прибытия в журнале «*Mercure historique et politique*» высказывались сомнения в том, что русским послам будут оказаны почести равные хотя бы посланнику герцога Савойского, потому что у французской короны гораздо больше дел с герцогом, чем с великим князем Московским. Авторам одолевали сомнения, что от контактов с Россией может быть какая-то польза, так как цари не являются соседями короля Франции и не наделены благожелательным отношением с его стороны¹³⁸⁶.

Тем не менее, Россия занимала значимое место в европейской дипломатической системе, особенно после поддержки, которую она стала оказывать Священной лиге. Людовик XIV не был намерен начинать серьезный дипломатический конфликт с царями, поэтому 28 августа 1687 г. он направил письмо к маркизу де Бетюну в Регенсбург, описывая поведение русских послов. Французскому посланнику было поручено сделать так, чтобы о содержании записки стало известно в Москве. Король подчеркивал, что больше не намерен принимать посольства столь не уступчивые, и отказывал в дальнейшем снабжении царских дипломатов за счет королевской казны, разрушая остатки закрепившихся в отношениях между двумя странами церемониальных правил¹³⁸⁷. В сложившейся ситуации размер посольства, который должен был обеспечить репрезентативность, в реальности стал фактором неудачи миссии, из-за затруднительности его включения в установленный церемониал. 4 сентября 1687 г. к Бетюну из Парижа было отправлено новое письмо, скорректировавшее его тактику. Разглашать содержание дипломатических инцидентов, произошедших в Париже, было необходимо лишь в том случае, если маркиз узнает, что послы скрыли правду

¹³⁸⁵ Grönebaum F. Op. cit. S. 110; Право людей распространялось на царских дипломатов, т.к. считалось что сам царь принимает иностранцев соглашаясь с ним же (Hennings J. Op. cit. P. 51).

¹³⁸⁶ Малиновский А. Ф. Указ. соч. С. 86–90.

¹³⁸⁷ ААЕ. СР. Pologne. Т. 77. Fol. 201–v.

и жалуются на оказанный прием, и будет необходимо разубедить царей. Считалось, что оглашение всех деталей может стоить жизни послам, и поэтому обнародовать записку следовало только в крайнем случае¹³⁸⁸. Таким образом, при французском дворе понимали, что произошедшее может иметь большой международный резонанс, и предпринимались попытки его избежать.

Именно поэтому реакция французских придворных на итальянский пасквиль, обвинявший Людовика XIV в нарушении «права народов» (*jus gentium*), была крайне негативной. В своих мемуарах маркиз де Сурш доказывал, что обращение с русскими послами лучше всего доказывает приверженность короля Франции этому праву. Маркиз подчеркивал, что между странами нет ни переписки, ни торговли, что король никогда не посылает туда дипломатов, и также русские в Париже почти всегда ведут себя как торговцы, получившие разрешение беспошлинно продать свои товары. Однако лишь их дерзкие требования, их наглость и жестокость заставили Людовика XIV отказаться от их дальнейшего приема. Сурш показывал, что русские послы изначально высадились в Дюнкерке без согласия со стороны короля, но он все равно послал к ним дворянина из своей свиты со всеми необходимыми служащими, чтобы обращаться с ними «подобающе», и чтобы они получали во всех городах, через которые они проезжали, почести, причитающиеся послам коронованных особ. Он писал, что уважение к их статусу, заставило короля удостоить их двух аудиенций, осыпав подарками, и позволив им продать все свои товары, мешая откупщикам потребовать с них пошлины. Что король направил служащих сопроводить их до Гавра, где был подготовлен корабль со всем необходимым продовольствием и напитками, доставивший их к испанскому побережью, при том, что на них было в общей сумме потрачено более ста тысяч экю. Мемуарист считал, что они вели себя так, что по возвращении на родину их должно было ожидать суровое

¹³⁸⁸ Grönebaum F. Op. cit. S. 110.

наказание, но лишь великодушие короля помешало ему сообщить об их поведении в Москву¹³⁸⁹.

Именно после посольства 1687 г. отношения между Россией и Францией резко ухудшились. К 1690-м гг. попытки восстановления Яном Собеским дипломатических контактов с Францией дискредитировались не только со стороны шляхты, но и русской дипломатией, убеждавшей Габсбургов в неэффективности действий Священной лиги из-за сближающейся с Францией Речи Посполитой, в то время как русские успехи в Крыму, согласно заявлениям дипломатов, помогали императору одерживать свои победы¹³⁹⁰. Для такой позиции были достаточные основания. Так в 1692 г. французский посол в Адрианополе инициировал переговоры Крымского ханства с Яном Собеским, в ходе которых Крым предложил помощь в возвращении Киева и Смоленска и гарантии передачи Польше Каменца-Подольского, обещая не воевать с Речью Посполитой даже при условии начала ее войны с османами¹³⁹¹. Впрочем, царь Петр Алексеевич, официально вступив в 1695 г. в Священную лигу, настаивал на сохранении в ее составе Речи Посполитой, чтобы не придавать союзу антифранцузскую направленность¹³⁹², несмотря на то, что антифранцузские идеи активно продвигались в письмах Петру иерусалимским патриархом Досифеем, желавшего предотвратить возможность передачи святых мест под покровительство французам¹³⁹³. По-видимому, французское представление о причинах неудачи миссии закрепилось в международной практике. Известно, что, восстанавливая отношения с Францией в XVIII в., Петр I дистанцировался от провала миссии 1687 г., обвиняя в нем царевну Софью Алексеевну и кн. В. В. Голицына. Аналогичным образом в 1705 г. А. А. Матвеев считал причинами неудачи миссии дурное поведение послов и их

¹³⁸⁹ Sourches L.-F., marquis de. Mémoires sur le règne de Louis XIV. Т. II. Paris, 1883. P. 394.

¹³⁹⁰ Артамонов В. А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II. М., 2001. С. 310.

¹³⁹¹ Там же. С. 312.

¹³⁹² Артамонов В. А. Указ. соч. С. 315.

¹³⁹³ Достян К. С. Балканские народы во время войны Священной лиги с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны... С. 374.

жадность. Наконец и кн. Б. И. Куракин, в своих сочинениях заявлял о том, что Долгоруков снискал себе дурную славу, потому что вел себя как купец¹³⁹⁴.

Таким образом, несмотря на успехи кн. Я. Ф. Долгорукова в достижении его личных целей и уточнения позиции Людовика XIV относительно войн Священной лиги, крупных внешнеполитических успехов посольство не имело. Не выступив в составе антиосманской коалиции, Людовик XIV продолжал занимать ту же позицию что и ранее. Так, в 1688 г. французский король предпринимал очередные попытки перенести крымские набеги с Речи Посполитой на Венгрию, а также пробовал убедить султана уступить Яну Собескому Подолию и Дунайские княжества для заключения мира¹³⁹⁵, что могло предотвратить нежелательный переход Дунайских княжеств в руки Габсбургов. Крымские походы кн. В. В. Голицына продолжали оцениваться при французском дворе как театральные, а декларируемая численность армии в 500 тыс. человек нереалистичной¹³⁹⁶. Такая позиция закреплялась даже несмотря на то, что русское правительство уделяло особое внимание репрезентации достижений походов, и, в частности, «Истинное и верное сказание» об успехах России в составе Священной лиги, изданное в Амстердаме, было разослано дипломатической почтой по европейским странам, в том числе и во Францию¹³⁹⁷.

Тем не менее, попытки России включить французского короля в антиосманскую коалицию вновь не были исключительно наивным представлением о единстве христианского мира, но служили реальным внешнеполитическим интересам московского правительства: созданию благожелательного нейтралитета Франции в русско-польских отношениях, увеличению дипломатического престижа России и сбору информации о политическом положении в Европе, а также были обусловлены демонстрируемой Людовиком XIV благожелательной позицией по отношению

¹³⁹⁴ Grönebaum F. Op. cit. S. 109.

¹³⁹⁵ Артамонов В. А. Указ. соч. С. 305.

¹³⁹⁶ Grönebaum F. Op. cit. S. 107.

¹³⁹⁷ Богданов А. П. Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII – начало XVIII века. М., 2005. С. 300.

к русским антиосманским проектам. Впрочем, Россия не стала полноценным партнером Людовика XIV в восточной политике, так как вступила в противостояние с османами как раз в период окончательной переориентации Франции на западноевропейские войны.

4.5. Французские католические миссионеры в поисках пути в Китай и их влияние на внешнеполитические связи Версальского двора с Россией

Развитие русско-французских дипломатических связей существенным образом влияло на участь французских путешественников в России, в частности, на их проекты поиска сухопутного маршрута в Китай. В эпоху Великих географических открытий одной из первых задач, поставленных перед французскими исследователями, был поиск пути именно в Китай. Грамота, предписывавшая исследование маршрута до Китая, была выдана первому представителю французской короны в Новом Свете – Жану Картье¹³⁹⁸; а в начале XVII века Самюэль де Шамплен проводил экспедиции в континентальной Северной Америке с целью поиска пути до Китая¹³⁹⁹. Однако уже к XVII в. становится очевидной отдаленность Китая, и французским королем возвращается задача поиска путей в Индию, в том числе и через Россию, примером осуществления которой отчасти стал Ост-индский проект Генриха IV, включавший исследование северного побережья Евразии¹⁴⁰⁰.

Во второй половине XVII в. французский интерес к путям сообщения Европы с Азией возрос. Причины тому были как глобальные: завершение Тридцатилетней войны, положительные тренды в макроэкономических процессах¹⁴⁰¹; так и непосредственно деятельность министра Людовика XIV Ж.-Б. Кольбера. Его программа экономической экспансии Франции представлена нами во второй главе. Она предполагала расширение

¹³⁹⁸ Акимов Ю. Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в. СПб., 2005. С. 87.

¹³⁹⁹ Brook T. Vermeer's Hat: The Seventeenth Century and the Dawn of the Global World. London, 2008. P. 29–42.

¹⁴⁰⁰ Велувенкамп Я. В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М., 2006. С. 62.

¹⁴⁰¹ См. Валлерстайн И. Мир-система модерна. Т. II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750 гг. М., 2016. С. 88.

французского торгового влияния в мире, в том числе в России и Ост-Индии¹⁴⁰². Несмотря на то, что пути в Ост-Индию, в концепции Кольбера, были прежде всего морскими, французские негоцианты предпринимали попытки достичь ее и наземными маршрутами, потому экспедиция французской Ост-индской компании основала факторию в столице Персидской империи – Исфахане¹⁴⁰³. В качестве путей сообщения с Персией французские купцы рассматривали и Россию, что было отражено в сочинении крупного французского торговца алмазами – Ж.-Б. Тавернье¹⁴⁰⁴. Среди прочих его труд впоследствии будет использовать Н. Витсен для создания своего знаменитого описания «Северной и восточной Тартарии»¹⁴⁰⁵.

Французские географические представления о путях, связывающих Россию с Азией, были достаточно размытыми. В целом, благодаря труду А. Олеария¹⁴⁰⁶, а позже Ж.-Б. Тавернье¹⁴⁰⁷ и из писем французских представителей в Константинополе¹⁴⁰⁸ было известно о существовании речных путей, однако для их детального изучения правительству Франции следовало отправлять исследователей, как сообщалось в курантах в 1669 г.¹⁴⁰⁹

Значимую роль для формирования французских представлений о пути в Китай в последней четверти XVII в. сыграли иезуиты. Общество Иисуса на протяжении всего описываемого столетия вело активную работу по христианизации Китая и других отдаленных от Европы стран. Обращение в христианство императора такой многолюдной и протяженной страны как Китай представлялось крупнейшим возможным достижением

¹⁴⁰² Первое заседание Совета торговли под председательством короля 3 августа 1664 г. // Старый порядок во Франции. История в источниках. М.; Л., 1925. С. 30.

¹⁴⁰³ Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. С. 159–160.

¹⁴⁰⁴ Как, например, Ж.-Б. Тавернье. См. Tavernier J.-B. *Les Six Voyages de Jean Baptiste Tavernier*. Paris, 1676. 756 p.

¹⁴⁰⁵ Также сочинениями Тавернье вдохновлялся Н. М. Карамзин в своем путешествии по Европе (см. Тавернье Жан-Батист // Иностранцы-специалисты в России в эпоху Петра Великого: Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727. М., 2019. С. 582).

¹⁴⁰⁶ Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XV–XVII вв. Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986 С. 320

¹⁴⁰⁷ Tavernier J.-B. *Op. cit.* 756 p.

¹⁴⁰⁸ Roy P. *Louis XIV et le seconde siècle de Vienne (1683)*. Paris, 1990. P. 126.

¹⁴⁰⁹ Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 211.

католичества¹⁴¹⁰. На ход этого процесса накладывало свой отпечаток то, что часто национальные организации иезуитов, в том числе и французская, могли работать в русле государственных интересов страны своего происхождения, чем занимались французские иезуиты в Китае, представляя Францию и ее короля в благоприятном свете для возвышения над их португальскими коллегами¹⁴¹¹. В целом, Людовик XIV благоволил иезуитам, членом этого ордена был его личный духовник¹⁴¹², а направленные, по королевскому решению, в Китай иезуиты должны были собирать информацию для Французской академии наук¹⁴¹³. Однако морские пути в Китай были небезопасны, протяженны, и морское путешествие из Марселя до Пекина могло занимать до двух с половиной лет¹⁴¹⁴.

Идея о возможности направлять французские миссии через Россию принадлежала находившемуся при императоре Канси фламандскому иезуиту-миссионеру Фердинанду Вербисту¹⁴¹⁵. Разработкой проекта сухопутного пути в Китай занялись французские иезуиты в Османской империи. Наибольший вклад в него внесли Ф. Авриль и Л. Барнабе. Иезуит Луи Барнабе, дислоцировавшийся в Диярбакыре¹⁴¹⁶, по собственной инициативе занимался изучением сведений о континентальном маршруте в Китай¹⁴¹⁷. Внимание иезуита привлекала и Россия, напомнившая о себе в ходе войны с Османской империей во второй половине 1670-х гг. Для практической реализации проекта к Барнабе в Диярбакыр в 1685 г. был прислан другой французский иезуит – Филипп Авриль. Исследованием возможностей путешествия на восток через Россию иезуиты занялись в Астрахани, добравшись до нее с армянскими

¹⁴¹⁰ Sarmant T. 1715: *La France et le monde*. Paris, 2017. P. 316.

¹⁴¹¹ Ibid. P. 332.

¹⁴¹² Блюш Ф. Указ. соч. С. 460–461. Из переписки Лашеза известно, что организацию миссий иезуитов в Китай в 1681–1683 гг. поддерживал Ж.-Б. Кольбер, стремившийся благодаря их усилиям стимулировать развитие науки и культуры Франции (Landry-Deron I. *Les Mathématiciens envoyés en Chine par Louis XIV en 1685* // *Archive for History of Exact Sciences*. April 2001. Vol. 55. № 5. 2001. P. 423).

¹⁴¹³ Дубровская Д. В. Теория и практика миссионерской деятельности западных христианских церквей в Китае в VII–XVIII вв.: дис... канд. ист. наук. Москва, 2022. С. 39–40.

¹⁴¹⁴ Пирлинг П. Французский иезуит в Москве в XVII столетии // *Русская старина*. Т. 111. 1902. С. 474.

¹⁴¹⁵ Landry-Deron I. *Op. cit.* P. 429.

¹⁴¹⁶ Город на востоке Анатолии.

¹⁴¹⁷ Пирлинг П. Указ. соч. С. 473.

купцами. Первым вариантом стал путь по степным рубежам России в Бухару и из нее в Самарканд. Однако дестабилизация обстановки в степях заставила иезуитов пересмотреть маршрут¹⁴¹⁸.

Французы продолжили добывать информацию уже в Москве, где получили важные сведения для формирования европейских представлений о географии Евразии. Их источниками стали торговцы, прибывшие с сопредельных территорий, а также записки Н. Спафария¹⁴¹⁹, одной из ключевых фигур для формирования представлений о Китае в России и остальных частях Европы, полученные ими из некоей канцелярии (*chancellerie*), вероятно, одного из приказов. Сообщения торговцев и данные Спафария помогли не только локализовать сопредельные с Китаем народы и государства, но также узнать о шести возможных маршрутах в Китай, 4 из которых проходили через Сибирь¹⁴²⁰. Тобольск являлся ключевым пунктом для большинства из представленных путей, однако Авриль очевидно преувеличивал легкость, с которой можно до него добраться: иезуит отводил на это путешествие 3 недели, когда в реальности путешествие затягивалось на несколько месяцев¹⁴²¹.

В России было известно о миссионерской деятельности иезуитов в Китае, в том числе сведения о ней специально переводились в подборках курантов¹⁴²². Тем не менее, московские власти сопротивлялись попыткам ордена пробраться на восток, и, в связи с их языковой принадлежностью, Аврилю и Барнабе предлагалось отправиться с миссией послов кн. Я. Ф. Долгорукова, кн. Я. Е. Мышецкого и К. В. Алексева во Францию¹⁴²³, на которую Посольский приказ, как было показано выше, делал большую ставку.

¹⁴¹⁸ Пирлинг П. Указ. соч. С. 474.

¹⁴¹⁹ Пирлинг П. Указ. соч. С. 476.

¹⁴²⁰ Avril P. Voyage en divers états d'Europe et d'Asie. Entreprise a découvrir un nouveau chemin en Chine. Paris, 1692. P. 170–175.

¹⁴²¹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей: введение, тексты и комментарии. XIII–XVII вв. Иркутск, 1941. С. 471. Путешествие Юрия Крижанича за полтора месяца, по-видимому, было скорее исключением, чем правилом (см. Белокуров С. А. Ю. Крижанич в России, М., 1906. С. 107).

¹⁴²² Шамин С. М. Куранты времени правления... С. 246.

¹⁴²³ Пирлинг П. Указ. соч. С. 477.

Иезуиты отказались участвовать в посольстве, а Людовик XIV, всячески официально поддерживая деятельность ордена, ограничился лишь выдачей им официальных грамот. Аврилю удалось вернуться в Москву в 1688 г. с королевскими письмами, что способствовало обсуждению его проекта, однако путешествию мешали русско-китайские приграничные конфликты, широко известные и самому иезуиту¹⁴²⁴. Конфликты завершились заключением Нерчинского мира 1689 г., в процессе подписания которого с китайской стороны участвовал другой французский иезуит – Жан-Франсуа де Жербийон, речь о котором пойдет ниже. Однако главной причиной, почему правительство царевны Софьи отказывалось пропускать иезуитов в Китай, исходя из документов Посольского приказа, было охлаждение отношений с Францией. Так в январе 1688 г. в ответ на присланные с Аврилем грамоты от Людовика XIV, французского посла в Речи Посполитой и Яна Собеского, иезуитам было объявлено, что эти грамоты в России принять невозможно, потому что царский титул написан в них «противно и необыкновенно», из-за чего все они были возвращены обратно, а миссионеры не пропущены далее¹⁴²⁵. За официальным ответом скрывалось общее недовольство итогами посольства 1687 г., когда французский король показал русским послам «противность и бесчестие»¹⁴²⁶, несмотря на то, что по сообщениям польского резидента в Москве Е. Довмонта, переданная Аврилю, королевская грамота была принята при русском дворе с большим благоговением¹⁴²⁷.

Вопреки давшим о себе знать дипломатическим проблемам, большим достижением француза стало получение карты Сибири, которая была им опубликована. Она считается копией с карты составленной Н. Спафарием в ходе его миссии в Китай¹⁴²⁸. Показателен подход иезуита к определению границ (см. Приложение 2). Например, карта имеет очевидное смещение на север: Тюмень, Сургут и другие сибирские города оказываются севернее

¹⁴²⁴ Avril P. Op. cit. P. 169.

¹⁴²⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 13–14.

¹⁴²⁶ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 1 об.

¹⁴²⁷ Пирлинг П. Указ. соч. С. 480.

¹⁴²⁸ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 456.

Холмогор, практически на берегу Северного Ледовитого океана. Важно отметить, что копируя карту автор включает весь запад России в европейский регион, вплоть до Перми Великой. Вероятно, такой подход возникает в связи с фиксированием европейской границы по реке Дон и дальнейшей трансляцией ее по прямой линии (см. Приложение 2). Несмотря на полностью искаженную на севере Сибири картину, сделанная копия давала представления о маршрутах из России в Китай: названия городов и населенных пунктов даны достаточно точно, указана дорожная связь между ними, протекающие рядом реки, в целом, точные очертания Евразии на южных границах России. Новые географические данные позволяют Аврилю отказаться от доминировавшего представления о единой Великой Тартарии, существовавшего в сочинениях европейских географов со Средних веков, разделяя ее на разные регионы: как степные и пустынные, так и на лесные и омываемые крупными реками¹⁴²⁹. Интересен и тот факт, что иезуит находит занимательной концепцию, перенятую им у смоленского воеводы И. А. Мусина-Пушкина, о древнем заселении Америки через преодоление морской преграды между восточной оконечностью Азии и территориями Нового Света¹⁴³⁰. Цитируемое нами сочинение Авриля увидело свет в 1692 г. и вскоре было переведено на голландский и немецкий¹⁴³¹, став достоянием западноевропейской географии, обогатив ее достижениями русских картографов.

На другой стороне Евразии проблемой сухопутного пути занимался уже упоминавшийся коллега Ф. Авриля – Ж.-Ф. де Жербийон, действующий при дворе цинского императора Канси. Жербийон был отправлен в Китай в 1685 г. по решению Людовика XIV в качестве не только проповедника, но и одного из вышеупомянутых математиков, собиравших сведения для Французской академии наук¹⁴³². Основой сведений Жербийона стали сообщения русских

¹⁴²⁹ Avril P. Op. cit. P. 207.

¹⁴³⁰ Ibid. P. 210–212.

¹⁴³¹ Пирлинг П. Указ. соч. С. 481.; Алексеев М. П. Указ. соч. С. 455.

¹⁴³² Путешествие Жербийона в Китай заняло около 3-х лет, что вновь подтверждало необходимость открытия сухопутного пути (Landry-Deron I. Op. cit. P. 423).

дипломатов, заключавших Нерчинский договор 1689 г., а также доступная при дворе императора Поднебесной информация¹⁴³³. В отличие от Авриля, нашедшего в Москве многочисленные сведения о Сибири, Жербийон транслирует сложившиеся стереотипы: оперирует понятием Великой Тартарии, описывает сибирские земли как пустыню, крайне сокращает продолжительность пути из европейской части России в Сибирь: от Москвы до Тобольска, с его точки зрения, можно добраться всего за 20 дней¹⁴³⁴. Впрочем, несмотря на трансляцию стереотипов о Тартарии, Жербийону удается точно передать названия основных точек маршрута: от Нерчинска до Селенгинска, по Ангаре в Кетский острог, откуда по Оби в Иртыш и до Тобольска¹⁴³⁵, но сам труд Жербийона, несмотря на свою известность в отношении изучения сибирского пути в Китай, дает намного меньше сведений, чем сочинение Авриля. Впрочем, он также был использован Н. Витсенем при подготовке своего описания «Северной и восточной Тартарии»¹⁴³⁶.

Отдельно от иезуитов сведения о русском пути в Китай пытался найти французский дипломат Фуа де Ла Невилль. Ему покровительствовал король Речи Посполитой Ян Собесский, отправив с польскими представителями в Россию в 1689 г., где, выполняя свои собственные задачи, Ла Невилль успел наладить связи со многими видными деятелями времен регентства Софьи. Одним из них был уже упоминавшийся Н. Спафарий. Для Ла Невилля Сибирь переводится со славянского языка как тюрьма, и ее освоение он связывает с деятельностью ссыльных¹⁴³⁷, в отличие от концепции Авриля о вольной казачьей колонизации¹⁴³⁸. Рассказы Спафария позволили иезуиту отметить два важных момента: что путь из Москвы до Китая составляет 5 месяцев, т.е. безусловно быстрее морского пути из Европы в Китай, а преодолевать его так

¹⁴³³ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 475.

¹⁴³⁴ Жербийон // Алексеев М. П. Указ. соч. С. 478, 482.

¹⁴³⁵ Там же. С. 478–480.

¹⁴³⁶ Жербийон Жан Франсуа // Иностранцы специалисты в России... С. 278.

¹⁴³⁷ Ла Невилль Ф. де. Любопытные и новые известия о Московии // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 523.

¹⁴³⁸ См. Avril P. Op. cit. P. 166–167.

же удобно как путешествовать по Европе¹⁴³⁹. Однако конкретные данные о своем маршруте Спафарий давать иезуиту отказался, так как посланный от польского короля Ла Невилль не имел первостепенной цели сбора информации о пути в Китай, то и его заметки, изданные в 1698 г., остались второстепенным для Европы источником, вызвавшим преимущественно дипломатические скандалы с окружением Петра I, а не послужившие обогащению европейских географических представлений. Последнее произошло из-за того, что Ла Невилль определенно симпатизировал кн. В. В. Голицыну, в то время как царь Петр в сочинении представлен достаточно жестоким и больным¹⁴⁴⁰.

Так, несмотря на экономический и политический подъем Франции к концу XVII в., основными стимулами для поиска пути в Китай для французов оставались религиозные мотивы, выразившиеся в деятельности иезуитов. Торговля была для их авторов важным вопросом, но также окрашенным религиозными представлениями: при обращении к теме коммерции иезуиты уделяют особое внимание противодействию католикам голландцев-протестантов, а не самого русского правительства¹⁴⁴¹. Несмотря на упоминания драгоценных металлов в Сибири, чаще всего регион представлялся иностранцам экономически неперспективным, менее богатым чем, например, Канада¹⁴⁴², и имел исключительно транзитное значение. Тем не менее, иезуитские методы позволяли держать Францию и Европу в курсе новых географических представлений России: путешествие Спафария произошло в 1675–1678 гг., а уже в 1692 г. его наработки были изданы Аврилем на французском языке, что демонстрирует включение русского эмпирического опыта в европейскую систему знаний ранее петровских преобразований. В контексте истории русско-французских внешнеполитических связей важно обратить внимание на то, что в

¹⁴³⁹ Ла Невилль Ф. де. Указ. соч. С. 527.

¹⁴⁴⁰ Ла Невилль, Фуа де // Иностранцы-специалисты... С. 342.

¹⁴⁴¹ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 453; де ла Невиль. Указ. соч. С. 524.

¹⁴⁴² Жербильтон Ж.-Ф. Указ. соч. С. 482.

организации иезуитских миссий были заинтересованы Людовик XIV и его окружение, в том числе для развития науки и культуры, следовательно невозможность договориться с царями по этому вопросу в определенной степени препятствовала восстановлению дипломатических отношений между монархами. Таким образом, католическая религиозная экспансия оставалась важным фактором в открытии новых географических знаний, в том числе и связанных с территорией России. Однако и на эту сторону франко-русских связей серьезное влияние оказывало развитие дипломатических отношений между государствами, прерванное конфликтом вокруг миссии 1687 г.

Заключение

За вторую половину XVII в. русская дипломатия и сама практика посольств прошла существенную эволюцию, и неслучайно именно в форме посольства будет происходить знакомство царя Петра Алексеевича с европейской жизнью. На протяжении рассматриваемого периода латинская версия используемого царского титула в русских вариантах изменялась, в то время как французская сторона продолжала ориентироваться на традицию, заложенную первым посольством П. И. Потемкина. Более плотное вовлечение России в Вестфальскую систему отношений и «общество государей» вело к необходимости учитывать Русское царство даже странами Западной Европы, несмотря на наличие ряда негативных стереотипов о «московитах». Заинтересованность Людовика XIV и государственного секретаря по иностранным делам Кольбера де Круасси в сохранении дружеских отношений с Россией способствовала принятию государева титула, но успехи русской дипломатии были нивелированы французским политическим курсом второй половины 1680-х гг. и отношением Кольбера де Круасси к союзу с Россией.

Ни один из вопросов, поднятых русской или французской дипломатией на переговорах между собой, не был окончательно решен к концу 1680-х гг. Речь Посполитая оставалась ареной для борьбы между профранцузскими и антифранцузскими силами, что продемонстрировали события избрания Августа II польским королем, а позже и Война за польское наследство (1733–1735 гг.). Торговый проект между Россией и Францией так и не был осуществлен, во многом, из-за недоверия французской стороны к устойчивости положения русского правительства и постоянных войн Франции с морскими державами, в связи с чем оставался актуальным в XVIII в. В отношениях с Османской империей у России и Франции сохранялись практически противоположные позиции, и, по сути, уже было заложено противоречие, которое стало в сер. XIX в. одной из причин начала Крымской войны – борьба за контроль над христианскими святыми местами, поставленное итогами Карловицкого конгресса 1699 г. Тем не менее, само

включение России в переговорный процесс, борьба послов за международный статус царя, равные права сторон в подготовленном торговом проекте, укрепление представлений о России как части христианского мира, в связи с ее участием в антиосманской коалиции – все это стало важными предпосылками для качественного изменения ее роли в системе европейских международных отношений, в том виде, в котором ее представляли современники.

Свой будущий международный статус, с нашей точки зрения, Россия смогла приобрести во многом благодаря самостоятельному внешнеполитическому курсу, а не следованию в фарватере габсбургской или антигабсбургской коалиций. Это обуславливало и самостоятельную позицию Посольского приказа по отношению к каждой из стран Европы будь то Испания, Франция, Бранденбург-Пруссия или держава австрийских Габсбургов. Значимую роль в этой политике сыграло и развитие русско-французского торгового проекта, который становился поводом для взаимодействия с Францией по ряду значимых для внешней политики вопросов.

Однако для создания статуса России важную роль сыграли и дипломатические факторы. В 1662 г. при дворе Людовика XIV происходила рыцарская игра: «Было пять отрядов, облаченных в разные цвета и представлявших разные народы: римлян, персов, турок, мавров, русских; каждым командовал военачальник самого высокого ранга»¹⁴⁴³. В этой игре французский король командовал римлянами, противостоя таким образом восточным народам. Этот случай представляется нам крайне показательным. В современной историографии среди концепций, объясняющих причины возвышения стран Европы в Новое время, популярна идея Ф. Хоффмана о европейских международных отношениях как рыцарском турнире, где страны-победительницы получали преимущество в последующих

¹⁴⁴³ Элиас Н. Указ. соч. С. 185.

конфликтах¹⁴⁴⁴. Случай при дворе Людовика XIV показывает, как в турнире русские оказывались отдельны от римлян и, в целом, Европы, античные истоки которой те представляли. Именно работа русской дипломатии, деятельность посольских миссий, переговоры на языке европейской дипломатической системы позволили России, с нашей точки зрения, стать частью этого масштабного «европейского турнира». Хотя дипломатические языки России и Франции формировались в одном культурном поле европейских межгосударственных отношений, однако это поле не было унифицировано и взаимодействие русской дипломатии прежде всего с восточно- и североевропейскими странами привело к тому, что не во всех случаях русские дипломатические практики были совместимы с французскими. Тем не менее, они имели возможность для взаимного сближения, благодаря поддержанию обеими сторонами этикета и следованию нормам «права народов» (*jus gentium*). Этот фактор помогал России лавировать между европейскими странами изнутри дипломатической системы, а не как внешний игрок, против которого собираются европейские коалиции, подобно Османской империи.

Наиболее важным в развитии русской дипломатией отношений с Францией является интенсификация контактов с этой западноевропейской страной, благодаря которым отношения стали приобретать регулярный характер. Рост интереса к известиям о Франции в курантах; развитие торговых связей; столкновение разных представлений об обществе, внешней политике и государстве; переход дипломатии с латинского на французский язык – все это во второй половине XVII в. способствовало сближению русской культуры с французской на основе общих христианских корней. Особенно ярким эпизодом сближения стало обучение кн. В. Л. Долгорукого во Франции, ставшего в XVIII в. известным деятелем российской политической истории. Подобное сближение, в условиях популяризации французского языка в

¹⁴⁴⁴ Hoffman Ph. T. Why did Europe conquer the world? Princeton, Oxford, 2015. P. 19–66.

Европе, было частью тех шагов русского общества XVII в., которые позволили ему в XVIII в. эффективно воспринять новые достижения западных стран и включиться в единое культурное поле.

Посольства во Францию были одной из значимых причин для переосмысления образа русских. Так, в мемуарах маркиза де Сурша русские могли выражать распространенные западноевропейские мысли и быть не лишены иронии. Например, автор приводил случай, когда в 1680-х гг. спросил у русских послов, что они думают о увиденных ими французских женщинах, на что те ответили, что за их макияжем женщин рассмотреть не смогли¹⁴⁴⁵.

Возвращаясь к дипломатическим связям, стоит отметить, что они не считались разорванными окончательно. Как было показано в нашей работе, временный разрыв произошел не столько в связи с разной внешнеполитической ориентацией государств, сколько из-за дипломатического оскорбления, нанесенного посольству кн. Я. Ф. Долгорукова, кн. Я. Е. Мышецкого и К. В. Алексева в 1687 г. Сами обстоятельства оскорбления показывают глубокое понимание обеими сторонами формируемого европейского дипломатического языка. На его основании планировалось и восстановление контактов с Францией. В проекте грамоты к французскому королю, подготовленной для Великого посольства 1697–1698 гг. для возрождения отношений использовалась формулировка: «для утверждения с вами, братом нашим великим государем с вашим королевским величеством, наша братцкия дружбы и любви»¹⁴⁴⁶. Тем не менее, представления о дружественных отношениях Франции с Османской империей, которые, с точки зрения посольства 1687 г., привели к дипломатическим инцидентам, продолжали мешать установлению контактов. Именно с ними в историографии связывают причину, по которой грамота к

¹⁴⁴⁵ Sourches L.-F., marquis de. Mémoires ... Т. I. С. XXXI.

¹⁴⁴⁶ Цит. по Гуськов А. Г. Указ. соч. С. 88.

французскому королю во время Великого посольства осталась не востребованной¹⁴⁴⁷.

Перспективы дальнейшей разработки темы заключаются в том, что многочисленные русско-французские связи не исчерпывались исключительно внешнеполитической стороной. Россию посещали различные французские подданные, происходило культурное взаимодействие и осмысления образа России во французской печати, при французском дворе и светском обществе Франции. В свою очередь, в России также происходило взаимодействие с французской культурой, переводились тексты французского происхождения и труды, написанные на французском языке. Разделы о Франции появлялись в русских космографиях, титулярниках, различных видах исторических сочинений и других источниках, сведения о французских событиях были неотъемлемой частью подборок курантов. Все эти источники позволяют в дальнейших исследованиях углубить существующую картину русско-французского взаимодействия, с учетом их внешнеполитических контактов.

¹⁴⁴⁷ Гуськов А. Г. Указ. соч. С. 90.

Список использованных источников и литературы

1. Источники

1.1. Опубликованные

1. Боярская книга 1658 года / отв. ред. Н. М. Рогожин. – М.: Институт российской истории РАН. 2004. – 334 с.
2. «Брату нашему Лудвигу...»: переписка русских царей с королями Франции в конце XVI – начале XVIII в. (2021) / под. ред. С. М. Каштанова. – М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг. – 272 с.
3. Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1 / изд. подгот. В. Г. Демьяновым при участии И. А. Корнилаевой. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 856 с.
4. Вести-Куранты. 1671–1672 гг. / подготовка текстов, исследования, комментарии, указатели И. Майер, С. М. Шамина, А. В. Кузнецовой, И. А. Корнилаевой и В. Б. Крысько при участии Е. В. Амановой; под ред. В. Б. Крысько и И. Майер. – М.: Азбуковник, 2017. – 806 с.
5. Восстание в Москве 1682 года: Сборник документов (1976) / под ред. В. И. Буганова. – М.: Наука. 348 с.
6. Гордон П. Дневник, 1684–1689 / под ред. М. Р. Рыженкова. – М.: Наука, 2009. – 236 с.
7. Греческо-русские связи сер. XVI – начала XVIII вв.: Греческие документы московских хранилищ / под ред. Б. Л. Фонкича. – М.: Архив русской истории, 1991. – 65 с.
8. Дневник г. Кате, кавалерийского полковника и придворного дворянина, о Московитах, прибывших во Францию в 1668 г. / под ред. М. Полуденского // Русский вестник. – М.: Университетская типография, 1863. – Т. 47. – С. 608–622.
9. Иностранные известия о восстании Степана Разина: материалы и исследования / под. ред. А. Г. Манькова. – Л.: Наука, 1975. – 189 с.
10. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича / Г. Котошихин. – СПб.: Изд. археографической комиссии, 1884. – 260 с.

11. Материалы для русской иконографии. Вып. 1. / собраны Д. А. Ровинским. – СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1884. – 40 с.
12. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. III. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1854. – 634 с.
13. Полное собрание законов Российской Империи: в 45 т. / под ред. М. М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. I. – 1072 с.
14. Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев / под ред. Ю. А. Лимонова. – Л.: Лениздат, 1986. – 543 с.
15. Сборник русского имп. исторического общества / под ред. А. А. Половцова. – СПб.: Типография Имп. Академии Наук, 1881. – Т. 34. – 563 с.
16. Старый порядок во Франции. История в источниках / под ред. С. Д. Сказкина. – М.; Л.: Госиздат, 1925. – 96 с.
17. Статейный список П. И. Потемкина (Франция) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки / под ред. Г. И. Зикеева. – М.; Л.: Наука, 1954. – С. 227–315.
18. Статейный список посольства стольника и наместника Боровскаго, Петра Ивановича Потемкина во Францию, в 7175 (1667) годе / под ред. Н. И. Новикова // Древняя российская вивлиофика. – М.: Типография компании типографической, 1788. – Ч. IV. – С. 457–564.
19. Тайный наказ / под ред. К. Масальского // Сын Отечества. – 1850. – № 5. – С. 1–8.
20. Тайный наказ / под ред. К. Масальского // Сын Отечества. – 1850. – № 6. – С. 1–16.
21. Тайный Наказ / под ред. К. Масальского // Сын Отечества. – 1850. – № 9. – С. 1–32.

22. Царский Титулярник. В 2 т. / под общей редакцией Ю. М. Эскина. – М.: Культурно-просветительный фонд им. народного артиста Сергея Столярова, 2007.
23. Au sieur Dalliez / ed. par J.-P. Clément. // Lettres, instructions et mémoires de Colbert. – Paris : Imprimerie Impérial, 1863. – Т. II., Pt. 2. – P. 694–695.
24. Avril P. Voyage en divers états d'Europe et d'Asie. Entreprise a découvrir un nouveau chemin en Chine / P. Avril. – Paris: Chez Claude Barbin, Jean Boudot, George et Louise Josse, 1692. – 406 p.
25. Chappuzeau S. L'Europe vivante. – Genève: Jean Herman Widerhold, 1667. – Т. I. – 528 p.
26. Dangeau P. de Courcillon, marquis de. Journal de la Cour de Louis XIV. – Paris: Firmin Didot Frères, 1854. – Т. II. – 480 p.
27. Lettres de Pierre Des Noyers secrétaire de la reine: de Pologne Marie-Louise de Gonzague ... pour servir a l'histoire de Pologne et de Suède de 1655 a 1659. – Berlin: B. Behr, 1859. – 587 p.
28. Lettres du cardinal Mazarin / ed. par G. d'Avenel. – Paris: Imprimerie national, 1893. – Т. VII. – 806 p.
29. Lettres du cardinal Mazarin / ed. par M. A. Chéruef. – Paris: Imprimerie national, 1890. – Т. VI. – 765 p.
30. Loret J. La muze historique / J. Loret. – Paris: Chez P. Jannet, 1857. – Т. I. – 582 p.
31. Mémoires de Louis XIV pour l'instruction du Dauphin / ed. par Ch. Dreys. – Paris: Didier, 1860. – Т. 2. – 256 p.
32. Mercure galant, Du mai 1681.
33. Mercure galant, Du septembre 1687.
34. Oeuvres completes de Jean Racine / par J. L. Godefroy. – Paris: Normant, 1808. – Т. VII. – 531 p.
35. Recueil des gazettes nouvelles ordinaires et extraordinaires. – Paris: Bureau d'Adresse, 1660. – 615 p.

36. Recueil des gazettes nouvelles ordinaires et extraordinaires. – Paris: Bureau d'Adresse, 1658. – 1258 p.
37. Recueil des gazettes nouvelles ordinaires et extraordinaires. – Paris: Bureau d'Adresse, 1668. – 1352 p.
38. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la revolution française / ed. par A. N. Rambaud. – Paris : Ancienne librairie G. Baillié et cie F. Alcan, 1888. – T. V–VI. – 344 p.
39. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la revolution française / ed. par A. N. Rambaud. – Paris : Ancienne librairie G. Baillié et cie F. Alcan, 1890. – T. VIII. – 500 p.
40. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française / ed. par P. Duparc. – Paris: Min. des Affaires Étrangères, 1969. – T. XXIX. – 509 p.
41. Recueil des nouvelles ordinaires et extraordinaires / ed. par E. Renaudot. – Paris: Bureau d'adresse, 1682. – 760 p.
42. Recueil des nouvelles ordinaires et extraordinaires / ed. par E. Renaudot. – Paris: Bureau d'adresse, 1688. – 692 p.
43. Relations et mémoires inédits pour servir à l'histoire de la France dans les pays d'Outre-Mer / ed par. P. Margry. – Paris: Challamel aîné, 1867. – 376 p.
44. Savary J. Le Parfaite Negociant / J. Savary. – Paris: Les freres Estienne, 1675. – Pt. II. – 488 p.
45. Sourches L.-F., marquis de. Mémoires sur le règne de Louis XIV / pub. par G.–J. le comte de Cosnac. – Paris: Librairie Hachette, 1882–1883. – T. I–II.
46. Tavernier J.-B. Les Six Voyages de Jean Baptiste Tavernier, écuyer baron d'Aubonne, qu'il a fait en Turquie, en Perse, et aux Indes, pendant l'espace de quarante ans, & par toutes les routes que l'on peut tenir: accompagnez d'observations particulieres sur la qualité, la religion, le gouvernement, les coutumes & le commerce de chaque païs; avec les figures, le poids, & la valeur de monnoyes

qui y ont court / J.-B. Tavernier. – Paris: Gervai Clouzier et Claude Barbin, 1676. – 756 p.

1.2. Неопубликованные

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 93. Оп. 1. Кн. 3–15.
2. РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. 1672 г. Д. 229.
3. РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 16.
4. РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 4.
5. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1660 г. Д. 1–2.
6. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1670 г. Д. 2.
7. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1673. Д. 1.
8. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1–2.
9. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1685 г. Д. 1.
10. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1686 г. Д. 2.
11. РГАДА. Ф. 96. 1658 г. Д. 1.
12. Archives du ministere des affaires étrangères (AAE), Correspondence Politique (CP), Pologne. Vol. 12, 76–77.
13. ААЕ. CP. Suède. Т. 23.
14. ААЕ. CP. Russie. Vol. 01–02.
15. Archives Nationales (AN). Mar. B2. Vol. 60.
16. AN. Mar. B7 204.
17. Bibliothèque de l’Arsenal. Ms 3859–3865.
18. Bibliothèque National de France. Melanges Colbert. Vol. 153. Lettre de J. Goosen, fol. 1.
19. Bibliothèque nationale de France, département des Manuscrits, français 14118.
20. Bibliothèque nationale de France, département des Manuscrits, français 10265.

21. Bibliothèque nationale de France, département des Manuscrits. Cinq cents de Colbert 204. Registre de dépêches et correspondance de Colbert concernant le commerce extérieur et intérieur (1669). Au s-r Goosen à Moscou. P. 100.

2. Исследования

1. «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков / под ред. Е. В. Чистяковой, сост. Н. М. Рогожин. – М.: Международные отношения, 1989. – 240 с.

2. Акимов Ю. Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в. / Ю. Г. Акимов. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. – 568 с.

3. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей: введение, тексты и комментарии. XIII–XVII вв. / М. П. Алексеев. – Иркутск: Иркутское областное издательство, 1941. – 422 с.

4. Андреев А. Н. Московская римско-католическая община в конце XVII в.: формирование, состав и конфессиональная жизнь / А. Н. Андреев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 17, № 4. 2017. С. 6–16.

5. Архимандрит Августин (Никитин). Франция и Россия от Людовика XIII до Петра I / Архимандрит Августин (Никитин) // Нева. – 2010. – № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/10/aa17.html> (дата обращения 18.05.2024).

6. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.) / Н. Н. Бантыш-Каменский. – М.: Комиссия печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве Министерства Иностранных дел, 1902. – Ч. 4. – 463 с.

7. Безобразов П. В. О сношениях России с Францией / П. В. Безобразов. – М.: Университетская типография, 1892. – 468 с.
8. Белоброва О. А. Гивнер (Гибнер) Юрий Михайлович / О. А. Белоброва // СККДР. – Вып. 3. Ч. 1. – С. 203–204.
9. Белокуров С. А. О посольском приказе / С. А. Белокуров. – М.: Имп. О-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1906. – 170 с.
10. Беляев М. П. Французская делегация на Вестфальском мирном конгрессе / М. П. Беляев // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. 2016. – №2. – С. 264–289.
11. Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / А. В. Беляков, А. Г. Гуськов, Д. В. Лисейцев, С. М. Шамин. – М.: Индрик, 2021. – 304 с.
12. Беляков А. В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. / А. В. Беляков. – СПб.: Нестор-История, 2017. – 372 с.
13. Белякова Е. В. Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию / Е. В. Белякова, Л. В. Мошкова, Т. А. Опарина – М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Российский государственный архив древних актов; Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 496 с.
14. Берелович А. Как издавали записки Маржерета / А. Берелович, В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров // Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: тексты, комментарии, статьи. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 16–41.
15. Блюш Ф. Людовик XIV / Ф. Блюш. – М.: «Ладомир», 1998. – 815 с.
16. Богданов А. П. Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII – начало XVIII века / А. П. Богданов. – М.: Институт российской истории РАН. 2005. – 504 с.
17. Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV / Ю. В. Борисов. – М.: Международные отношения, 1991. – 378 с.

18. Бороздинин К. Начертание жизни князя Якова Федоровича Долгорукова. – СПб.: Б. и., 1805. – С. 11–13.
19. Бродель Ф. Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II / Ф. Бродель. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – Ч. 1. – 496 с.
20. Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725) / П. Бушкович. – М.: Дмитрий Буланин, 2009. – 542 с.
21. Валлерстайн И. Мир-система модерна / И. Валлерстайн. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – Т. II. – 528 с.
22. Ведюшкин В. А. Посольство П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 годах: особенности взаимного восприятия и диалога двух дипломатий / В. А. Ведюшкин // Новая и новейшая история. 2021. – Вып. 5. – С. 105–116.
23. Велувенкамп Я. В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785 / Я. В. Велувенкамп. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. – 312 с.
24. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. / С. Б. Веселовский. – М.: Наука, 1975. – 607 с.
25. Володина Т. В. Русский человек в Западной Европе (по материалам «Статейного списка» П. И. Потемкина и «Журнала» Като) / Т. В. Володина // Вестник НовГУ. 2003. – № 24. – С. 75–81.
26. Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры / К. Гирц // Интерпретация культур. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 9–42.
27. Греков И. Б. Вечный мир 1686 года: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. Б. Греков. Москва, 1950. – 26 с.
28. Гуськов А. Г. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование / А. Г. Гуськов. – М.: Институт российской истории РАН, 2005. – 398 с.

29. Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. Русско-турецкая война 1686–1700 годов / А. Г. Гуськов, К. А. Кочегаров, С. М. Шамин. — М.: ООО «Русское слово — учебник», 2022. — 528 с.
30. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник / Н. Ф. Демидова. — М.: Памятники исторической мысли, 2011. — 718 с.
31. Домрачев Н. Е. Русская постоянная дипломатическая миссия в Польско-Литовском государстве в 1670-е – 1690-е гг. и ее переводчики: к вопросу о комплектовании и обязанностях // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. Д. В. Лисейцев, С. М. Шамин. Вып. 2. — М.: Институт Российской истории РАН, 2021. — С. 28–52.
32. Дубровская Д. В. Теория и практика миссионерской деятельности западных христианских церквей в Китае в VII–XVIII вв.: дис... канд. ист. наук: 5.6.2. / Д. В. Дубровская; Москва, 2022. 505 с.
33. Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. / Г. Жордания. — Тбилиси: АН СССР, 1959. — Ч. 2. — 468 с.
34. Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в: Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе / Л. В. Заборовский. — М.: Наука, 1981. — 179 с.
35. Израэль Д. И. Голландская республика. Ее подъем, величие и падение. 1477–1806. Т. II 1651–1702 / Д. И. Израэль. — М.: «Клио», 2018. — 618 с.
36. Иконников В. С. Сношения России с Францией (XVI–XVIII вв.) / В. С. Иконников. — М.: Тип. И. Н. Кушнерова и К°, 1893. — 62 с.
37. Иностранцы специалисты в России в эпоху Петра Великого: Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727 / под ред. В. С. Ржеутского. — М.: Ломоносов, 2019. — 800 с.

38. История внешней политики России. Конец XV–XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны) / под ред. А. В. Игнатьева, В. Б. Михайлова, А. А. Преображенского, Г. А. Санина. – М.: Международные отношения, 1999. – 448 с.
39. История предпринимательства в России / под ред. А. В. Семенович. – М.: РОССПЭН, 2000. – Кн. 1. – 480 с.
40. Казаков Г. М. Поездка подьячего Никиты Алексева в Швецию и Данию в 1682 г. / Г. М. Казаков // Российская история. – № 3. – 2018. – С. 121–133.
41. Казакова Н. А. А. А. Виниус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672–1674 гг. / Н. А. Казакова // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1985. – Т. XXXIX. – С. 348–364.
42. Кобзарева Е. И. Россия и Вестфальская система (1648–1686 годов) / Е. И. Кобзарева // Новая и Новейшая история. – 2014. – № 2. – С. 144–165.
43. Кобзарева Е. И. Россия и Швеция в системе международных отношений в 1672–1681 гг. / Е. И. Кобзарева. – М.: Издательство «ИстЛит», 2017. – 304 с.
44. Козлов С. Л. Имплантация. Очерки генеалогии историко-филологического знания во Франции / С. Л. Козлов. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 576 с.
45. Козляков В. Н. «Ближние люди» первых Романовых / В. Н. Козляков. – М.: Молодая гвардия, 2022. – 343 с.
46. Козулин В. Н. Зарождение русско-французских отношений и первые представления русских о Франции (конец XVI – начало XVII в.) / В. Н. Козулин // Известия АлтГУ. – 2016. – № 2 (90). – С. 78–86.
47. Козулин В. Н. Революционная Англия и царская Россия в середине XVII в.: их отношения и восприятие Англии и англичан в этот период русскими дипломатами и правящей элитой / В. Н. Козулин // Известия АлтГУ. 2015. – №3 (87). – С. 97–105.

48. Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах: Заключение договора о Вечном мире / К. А. Кочегаров. – М.: Индрик, 2008. – 504 с.
49. Кочегаров К. А. Генерал Патрик Гордон и гетман Иван Самойлович в 1679–1680 гг. (Заметка в связи с выходом очередного тома «Дневника» П. Гордона) / К. А. Кочегаров // Славянский альманах 2010. – М., 2011. – С. 487–504.
50. Кошелева О. Е. Коннотации лжи и правды в различных формах Вежливости / О. Е. Кошелева // Обманные практики и доверительные отношения. Поведенческие стратегии в меняющихся социокультурных условиях Европы (Средние века и Новое время). – М.: ИВИ РАН, 2018. – С. 229–238.
51. Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.) / И. В. Курукин. – СПб.: Наука, 2019. – 757 с.
52. Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах русского государства в 1682–1689 гг. / А. С. Лавров. – М.: Археографический центр, 1999. – 304 с.
53. Лавров А. С. Великое посольство в донесениях французских дипломатов // Ораниенбаумские чтения: Сб. науч. ст. и публикаций / Гос. музей-заповедник «Ораниенбаум»; Ред.-сост. С. В. Ефимов. – СПб., 2001. – С. 113–141.
54. Ляпин Д. А. Род дворян Бехтеевых в истории России (XV – начало XX в.) / Д. А. Ляпин // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. – Т. 18, вып. 1. – С. 4–11.
55. Ляпин Д. А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века / Д. А. Ляпин. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. – 400 с.
56. Магилина И. В. Антитурецкая коалиция как инструмент восточной политики Московского государства / И. В. Магилина // Вестник

Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2009. – № 1. – С. 69–77.

57. Мазарчук Д. В. «Новая дипломатическая история»: становление, направления исследования и перспективы развития / Д. В. Мазарчук // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2021. – Т. 66, № 3. – С. 283–292.

58. Майер И. Откуда был родом переводчик Иван Тяжкогорский? Историографические и лингвистические аргументы / И. Майер // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. Конф / отв. ред. Д. В. Лисейцев, С. М. Шамин. – М.: Институт Российской истории РАН, 2019. – С. 76–82.

59. Малиновская А. В. А. А. Матвеев и его вклад в развитие торговых отношений между Россией и Францией / А. В. Малиновская // Личность в истории Нового и Новейшего времени. – 2014. – С. 123–126.

60. Малиновский А. Ф. Бытность во Франции у короля Лудовика XIV полномочным послом князя Якова Федоровича Долгорукова / А. Ф. Малиновский // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. 1837. – Ч. VII. – С. 86–113.

61. Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество / В. Н. Малов. – М.: Наука, 1991. – 167 с.

62. Манин Д. О. Особенности дипломатического церемониала русского посольства во Франции в 1681 г. / Д. О. Манин // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых. – М.: Институт Российской истории РАН, 2022. – С. 27–35.

63. Манин Д. О. Развитие торгового проекта и его роль в русско-французских отношениях начала 1680-х гг. / Д. О. Манин // История: Факты и символы. 2023. – №3(36). – С. 77–91.

64. Манин Д. О. Споры русских послов о титулатуре царя при дворе Людовика XIV / Д. О. Манин // Документ. Архив. История. Современность. 2021. № 21. С. 32–40.

65. Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I / С. А. Мезин. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1999. – 212 с.
66. На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000—1700 гг. / отв. ред. Г. Альтхоф и М. А. Бойцов. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 263 с.
67. Нефедов С. А. Начало российской модернизации и менталитет XVII века / С. А. Нефедов // Историческая психология и социология истории. 2010. – № 1. – С. 48–62.
68. Новикова А. М. Роль Польши в трансляции знаний о Московии во Францию в XVII в / А. М. Новикова // Ноябрьские чтения 2020: сборник статей по итогам XII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Санкт-Петербург, 05–06 декабря 2020 года. – СПб.: «Скифия принт», 2021. – С. 97–101.
69. Новохатко О. В. Разряд в 185 году / О. В. Новохатко. – М.: Памятники исторической мысли, 2007. – 640 с.
70. Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV — начало XVIII в.) / сост. Н. М. Рогожин. М.: Институт истории АН СССР, 1990.
71. Обманные практики и доверительные отношения. Поведенческие стратегии в меняющихся социокультурных условиях Европы (Средние века и Новое время) / под ред. О. И. Тогоевой и О. Е. Кошелевой. – М.: ИВИ РАН, 2018. – 259 с.
72. Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии / Т. А. Опарина. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 384 с.
73. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II / отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 400 с.

74. Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия [Текст]: материалы междунар. науч. конф. / Институт российской истории РАН. Вып. 3. – М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. – 2023. – 460 с.

75. Пирлинг П. Французский иезуит в Москве в XVII столетии / П. Пирлинг // Русская старина. – Т. 111. 1902. – С. 473–483.

76. Попова Е. А. «Век Людовика XIV» в европейской политике: пути восхождения к лидерству : монография / Е. А. Попова. – М.: Российский университет дружбы народов, 2020. – 241 с.

77. Поршнева Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. / Б. Ф. Поршнева. – М., Наука. 1970. – 385 с.

78. Преображенский В. Д. Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. Ч. 1. / В. Д. Преображенский // Ярославский пед. ин-т. Уч. зап. – 1945. – Вып. 7. – С. 3–60.

79. Преображенский В. Д. Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. Ч. 2. / В. Д. Преображенский // Ярославский пед. ин-т. Уч. зап. – 1947. – Вып. 9. – С. 4–17.

80. Прокопьев А. Ю. Тридцатилетняя война / А. Ю. Прокопьев. – СПб.: Наука., 2020. – 385 с.

81. Рогинский З. И. Миссия лорда Колпепера в Москву. (Из истории англо-русских отношений в период Английской буржуазной революции XVII в.) // Международные связи России в XVII–XVIII вв. — М.: Наука, 1966. – С. 92–101.

82. Рогинский З. И. Так называемый «Протест царя Алексея Михайловича по поводу казни короля Карла I» / З. И. Рогинский // Ученые записки Ярославского гос. пед. ин-та им. К. Д. Ушинского. – Вып. XXII (XXXII): Всеобщая история. 1957. – С. 30–51.

83. Рогожин Н. М. Посольский приказ: колыбель российской дипломатии / Н. М. Рогожин. – М.: Международные отношения, 2003. – 432 с.

84. Рыбина Е. А. Три внештатных переводчика Посольского приказа и одна подпись на французской грамоте // Переводчики и переводы в России

конца XVI — начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. Д. В. Лисейцев, С. М. Шамин – М.: Институт российской истории РАН, 2019. – С. 118–122.

85. Рябов С. М. «Эта торговля весьма удобна и приносит огромную прибыль вашим подданным и успокоение вашему королевству»: русско-французская коммерция в Нарве в условиях Балтийских войн 1560-х годов / С. М. Рябов // Средние века. – 2022. – Т. 83. – № 1. – С. 164–181.

86. Рябов С. М. Русско-французская торговля на Балтике в условиях шведской блокады «нарвского плавания» в 1570-е годы / С. М. Рябов // RussianStudiesHu. – 2024. – Vol. 6. – № 1. – P. 47–67.

87. Санин Г. А. Петр Иванович Потемкин и Константин Мачехнин – два типа российских дипломатов 2-й половины XVII века / Г. А. Санин // Известия на Института за исторически изследвания. – 2016. – Т. XXXIII. – С. 11–29.

88. Санин Г. А. Россия и Украина в Вестфальской системе международных отношений, 1648–1667 гг. / Г. А. Санин. – М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 360 с.

89. Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века / П. В. Седов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 604 с.

90. Стефанович П. С. Личность псковского горожанина по его письмам к английскому купцу (1686–1687 гг.) / П. С. Стефанович // Вестник церковной истории. – 2006. – № 2. – С. 157–174.

91. Талина Г. В. Наместники и наместничества в конце XVI – начале XVIII века / Г. В. Талина. – М.: Прометей, 2012. – 230 с.

92. Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / Б. Тешке. – М.: Изд. дом гос. университета Высшая школа экономики, 2011. – 416 с.

93. Третьякова М. В. «Такой чищеной грамоты нам не имывать», или к вопросу о посольстве стольника П.И. Потемкина и дьяка С. Румянцева во

Францию в 1667–1668 годах / М. В. Третьякова // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2013. – Вып. 1. – С. 43–62.

94. Филюшкин А. И. Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного / А. И. Филюшкин. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 320 с.

95. Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1665–1661 гг.). М.: Индрик, 2010. 656 с. Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления / Б. Н. Флоря. – М.: Индрик, 2013. – 448 с.

96. Флоря Б. Н. Проект русско-французского союза 1680 года против османов / Б. Н. Флоря // Средние века. – 2018. Вып. 79(2). – С. 139–146.

97. Форстен Г. В. Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII века / Г. В. Форстен. – М.: Директ-Медия, 2014. – 197 с.

98. Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / отв. ред. С. Е. Федоров. – СПб.: Алетейя, 2003. – 272 с.

99. Черутти С. Микроистория: социальные отношения против культурных моделей? / С. Черутти // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. – 2005. – № 4 (42). – С. 5–18.

100. Шамин С. М. Иностранная пресса и русская культура конца XV – начала XVIII столетия: дис. ... доктора. ист. наук: 07.00.02 / С. М. Шамин. М., 2020. 627 с.

101. Шамин С. М. Иностранные памфлеты и курьезы в России XVI – начала XVIII столетия / С. М. Шамин. – М.: Издательство Весь Мир, 2020. – 392 с.

102. Шамин С. М. Кандийская война в курантах 1660–1670 гг. / С. М. Шамин // Каптеревские чтения 6. – М.: ИВИ РАН, 2008. – С. 75–86.

103. Шамин С. М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати / С. М. Шамин. – М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2011. – 348 с.

104. Шамин С. М. Политико-географический кругозор членов правительства царя Федора Алексеевича / С. М. Шамин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2004. – № 1 – С. 16–31.
105. Шикуло М. И. Дипломатический церемониал как способ репрезентации королевской власти во Франции второй половины XVII – начала XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.03 / М. И. Шикуло ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2016. – 277 с.
106. Шишкин В. В. Французский королевский двор в XVI веке. История института / В. В. Шишкин. – СПб.: Евразия, 2018. – 544 с.
107. Шишкин В. В. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках / В. В. Шишкин, И. Шварц. – СПб.: Наука, 2021. – 310 с.
108. Шмидт С. О. Документы внешних сношений и развитие культуры Руси допетровского времени / С. О. Шмидт // История Москвы и проблемы москвоведения. – М.: Книжница; Русский путь, 2004. С. 73–83.
109. Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история / Н. Элиас. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 368 с.
110. Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. / Ю. М. Эскин. – М.: Квадрига, 2018. – 518 с.
111. Эхеа Фернандес М. А. Прием русского посольства 1667–1668 гг. при дворе Карла II (по материалам испанских архивов) / М. А. Эхеа Фернандес // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. – М., 2015. – С. 205–208.
112. Юзефович Л. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал / Л. Юзефович. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. – 344 с.

113. Языков Д. Русское посольство во Францию и Испанию 1687 года / Д. Языков // Библиотека для чтения журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. – СПб., 1835. – Т. 9. – С. 45–82.
114. Vacqué-Grammont J.-L., Kuneralp S., Hitzel F. Représentants permanents de la France en Turquie (1536–1991) et de la Turquie en France (1797–1991) / J.-L. Vacqué-Grammont. – Paris, Istanbul: Editions Isis, 1991. – 166 p.
115. Bamford P. W. French Shipping in Northern European Trade 1660–1789 / P. W. Bamford // Journal of Modern History. – 1954. – XXVI, Sept, 3. – P. 207–219.
116. Bély L. Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV / L. Bély. – Paris: Fayard, 1990. – 908 p.
117. Bély L. L'art de la paix en Europe. Naissance de la diplomatie moderne XVIe–XVIIIe siècle / L. Bély. – Paris: Presses Universitaires de France, 2007. – 745 p.
118. Bély L. La société des princes / L. Bély. – Paris: Fayard, 1999. – 651 p.
119. Boissonnade P. Colbert et la Compagnie de Commerce du Nord / P. Boissonnade, P. Charliat // Revue d'histoire économique et sociale. – Paris, 1929. – Vol. 17. № 2. – P. 156–204.
120. Brook T. Vermeer's Hat: The Seventeenth Century and the Dawn of the Global World / T. Brook. – London: Bloomsbury Press, 2008. – 271 p.
121. Burke P. The Fabrication of Louis XIV / P. Burke. – New Haven and London: Yale University Press, 1992. – 242 p.
122. Cheny A.-M. Humanisme, esprit scientifique et études byzantines: la bibliothèque de Nicolas-Claude Fabri de Peiresc / A.-M. Cheny // Dix-septième siècle. – 2010. – № 4. – P. 689–690.
123. Crummey R. O. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite of Russia, 1613–1689 / R. O. Crummey. – Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1983. – 315 p.

124. Galitzin E. La Russie du XVII siècle dans ses rapports avec l'Europe occidentale – Récit du voyage de Pierre Potemkin / E. Galitzin. – Paris: Typographie de Ch. Lahure, 1855. – 491 p.
125. Grönebaum F. Frankreich in Ost- und Nordeuropa, die französisch-russischen Beziehungen von 1648–1689 / F. Grönebaum. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1968. – 234 s.
126. Hamon Ph. La chute de la maison de Thou: la fin d'une dynastie / Ph. Hamon // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 1999. P. 53–85.
127. Hatin E. Histoire politique et littéraire de la presse en France. T. I. / E. Hatin. – Paris: Poulet-Malassis et de Broise, 1859. – 483 p.
128. Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725 / J. Hennings. – New York: Cambridge University Press, 2016. – 297 p.
129. Hoffman Ph. T. Why did Europe conquer the world? / Ph. Hoffman. – Princeton; Oxford: Princeton University Press. 2015. – 272 p.
130. Jensen C. R., Maier I., Shamin S., Waugh D. C. Russia's Theatrical Past: Court Entertainment in the Seventeenth Century / C. R. Jensen, I. Maier, S. Shamin, D. C. Waugh. – Bloomington: Indiana University Press, 2021. – 295 p.
131. Jensen C., Powell J. 'A Mess of Russians Left Us but of Late': Diplomatic Blunder, Literary Satire, and the Muscovite Ambassador's 1668 Visit to Paris Theatres / C. Jensen, J. Powell // *Theatre Research International* 24, №2 (1999). – P. 131–144.
132. Kazakov G. Die Mouskauer Strelitzen-Revolt 1682. Diplomatische Spionage, Nachrichtenverkehr und Narrativentransfer zwischen Russland und Europa / G. Kazakov. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2021. – 278 s.
133. Kraatz A. La Compagnie Francaise de Russie: Histoire de Commerce Franco-Russe aux XVII et XVIII siecles / A. Kraatz. – Paris: Éd. François Bourin, 1993. – 212 p.
134. La Chenaye-Desbois Aubert A.-F. Dictionnaire de la Noblesse. T. III / A.-F. Aubert de la Chenaye-Desbois. – Paris: Schlesinger frères, 1774. – 992 p.

135. La Roque L. de, Catalogue historique des généraux français / L. de la Roque. – Paris: Desaide, 1896. – 122 p.
136. Landry-Deron I. Les Mathématiciens envoyés en Chine par Louis XIV en 1685 / I. Landy-Deron // Archive for History of Exact Sciences. April 2001. Vol. 55. № 5. 2001. P. 136–142.
137. Le Bouëdec G. Le grand cabotage entre la France et les ports de l'Europe hanséatique, scandinave et baltique XVIIIe–XIXe siècles / G. Le Bouëdec // Revue du Nord. – 2017. – № 2 (420). – P. 295–313.
138. Levesque P.-C. Mémoire touchant les anciennes relations de la France avec la Russie / P.-C. Levesque // La Chronique de Nestor. – T. I. – P. 301–329.
139. Lilti A. Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle / A. Lilti. – Paris: Fayard, 2005. – 568 p.
140. Nagielski M. Druga Wojna Domowa W Polsce: Z Dziejaow Polityczno-Wojskowych Rzeczypospolitej U Schyku Rznadaow Jana Kazimierza Wazy / M. Nagielski. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2011. – 375 s.
141. Palat B.-E. Une campagne de Turenne (1654) / B.-E. Palat. – Paris: Librairie Militaire de L. Baudoin, 1897. – 67 p.
142. Patlagean E. Alfred Rambaud, les Slaves et les Grecs // De Russie et d'ailleurs. Feux coisés sur l'histoire. «Mélanges offerts à M. Ferro» / E. Paltagean. – Paris, 1995. – P. 565–576.
143. Pierling P. Saxe et Moscou: un médecin diplomate, Laurent Rinhuber / P. Pierling. – Paris: Émile Bouillon, 1893. – 230 c.
144. Poe M. Foreign Descriptions of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources / M. Poe. – Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1995. – 230 p.
145. Poe M. “A People Born to Slavery”: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748 / M. Poe. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2000. – 293 p.

146. Poumarède G. La France et le retour à la Porte des négociateurs de Karlowitz / G. Pomarède // La paix de Karlowitz 26 janvier 1699. – Paris: Honoré Champion, 2010. – P. 195–233.

147. Poumarède G. Pour en finir avec la Croisade: Mythes et réalités de la lutte contre les Turcs aux XVIe et XVIIe siècles / G. Pomarède. – Paris: Presses Universitaires de France, 2004. – 686 p.

148. Roy P. Louis XIV et le second siège de Vienne (1683) / P. Roy. – Paris: Honoré Champion, 1996. – 213 p.

149. Saint-Prez J.-Y. Histoire des traités de paix et autres negotiations du dix-septième siècle jusqu'à la paix de Nimegue / J.-Y. Saint-Prez. – Amsterdam-La Haye: J. F. Bernard, Vaillant et Prevost, 1725. – T. I. – P. 328—329.

150. Sarmant T. 1715: La France et le monde / T. Sarmant. – Paris: Perrin, 2017. – 576 p.

151. Schaub M.-K. Comment régler des incidents diplomatiques? Diplomates russes et français au XVIIe siècle / M.-K. Shaube // L'incident diplomatique (XVIe–XVIIIe siècle). – Paris: Éditions A. Pédone, 2009. – P. 323–343.

152. Schaub M.-K. Obtenir l'oreille du roi. Les entretiens diplomatiques lors de l'ambassade russe de Pierre Ivanovitch Potemkin et Siméon Roumiantsev à la cour de Louis XIV (1668) / M.-K. Shaube // Paroles de négociateurs. L'entretien dans la pratique diplomatique de la fin du Moyen-Age à la fin du XIXe siècle. – Rome : Ecole Française de Rome, 2010. – P. 216–229.

153. Schaub M.-K. Se comprendre avec difficulté: les pratiques russes de négociation à l'époque moscovite / M.-K. Shaube // Negociar en la Edad Media/Négociar au Moyen-Âge. – Barcelone ; Madrid : Institucion Milà y Fontanals, 2005. – P. 369–387.

154. Schnakenbourg É. L'Aube des relations diplomatiques franco-russes les ambassades moscovites en France au XVIIe siècle / É. Schnakenbourg // La France et la Russie: regards diplomatiques (XVIIe–XXIe siècle). Rennes: PUR, 2012. P. 11–31.

155. Schuwey C. *Le Mercure galant, ou l'écriture collaborative du règne de Louis XIV* / C. Schuwey // *Le Verger*. 2019. – Vol. XIII. – P. 48–61.
156. Seydoux M. *Les ambassades russes à la cour de Louis XIV* / M. Seydoux // *Cahiers du monde russe et soviétique*. Année 1968. Vol. 9. № 2. P. 235–244.
157. *Une amitié millénaire: Les relations entre la France et la Suède à travers les âges* / sous dir. de S. Stromholm. – Paris: Beauchesne, 1993. – 527 p.
158. Vianey B. *Le premier récit d'un Français en Russie: le voyage de Jean Sauvage en Moscovie en 1586* / B. Vianey // *La Revue russe*. – 2013. T. 40. № 40. – P. 9–20.
159. Waliszewski K. *Polsko-francuskie stosunki w XVII wieku, 1644–1667. Opowiadania i źródła historyczne ze zbiorów archiwalnych francuskich publicznych i prywatnych* / K. Waliszewski. – Kraków: Druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1889. – 333 s.
160. Waugh D. C. *Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Toward a Study of Muscovite Literary Culture in its European Setting* / D. C. Waugh. – Harvard University, Cambridge, Massachusetts, March, 1972. – S. 447–451
161. Waugh D. C. Maier I. *Cross-Cultural Communication in Early Modern Russia: Foreign News in Context* / D. C. Waugh, I. Maier. – Seattle and Uppsala, 2023. – 893 p.
162. Wójcik Z. *Między Traktatem Andruszowskim a Wojna Turecka: Stosunki Polsko-Rosyjskie, 1667–1672* / Z. Wójcik. – Warszawa: Państwowe Wydaw. Naukowe, 1968. – 324 s.
163. Wójcik Z. *Traktat Andruszowski 1667 roku i jego geneza* / Z. Wójcik. – Warszawa: Państwowe Wydaw. Naukowe, 1959. – 279 s.

Н. де Ламерсен. Королевская аудиенция иностранным нациям,
альманахах 1669 года (фрагмент)¹⁴⁴⁸

¹⁴⁴⁸ Шиколо М. И. Дипломатический церемониал как способ репрезентации королевской власти во Франции второй половины XVII – начала XVIII в.: дис... канд. ист. наук. Москва. 2016. С. 2.

Карта опубликованная Ф. Аврилем в 1692 г.¹⁴⁴⁹

¹⁴⁴⁹ Avril P. Op. cit. P. 1.

Ж. Монкорне. Аудиенция, данная Людовиком Великим послам
Великого Князя Московского 9 мая 1681 г.¹⁴⁵⁰

Source gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France

¹⁴⁵⁰ L'AUDIANCE DONÉE PAR LOÛIS LE GRAND / Aux Ambassadeurs du Grand Duc de Moscovie / Le Neufieme May 1681 : [estampe] / Gallica [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b69454746> (дата обращения 18.05.2024)

Приложение 5
 Князь Яков Федорович Долгорукий, наместник Симбирский, посол
 Великого Князя Московского¹⁴⁵²

*Knez Iacob Feodorwitz Dolgoruki Gouvern^r. de Simbirck ,
 Ambassadeur du Grand Duc de Moscovie . . .
 Outre sa Barbe, et sa prestance, | L'enuoyant au plus grand des Roix ;
 Le CZAR, fait bien voir par son choix | Que cest un sujet d'importance .*

¹⁴⁵² Материалы для русской иконографии. Вып. 1. / собраны Д. А. Ровинским. СПб., 1884. С. 12.

Приложение 6
 Кирила Варфоломеевич, канцлер царя, посол Великого Князя
 Московского¹⁴⁵³

*Kirila Worfolamie witz, Chancelier de Czars,
 Ambassadeur du Grand Duc de Moscovie,
 Ce Moscovite, Ambassadeur, De bien soutenir la grandeur,
 A tout l'air, et le caractere ; D'un si glorieux Ministère.*

¹⁴⁵³ Материалы для русской иконографии. Вып. 1. / собраны Д. А. Ровинским. СПб., 1884. С. 13.

Телохранитель посла Московии¹⁴⁵⁴

Garde de l'Ambassadeur de Moscouie.

*Qui pourroit approcher voiant ma fiere mine Et si je n'ay pas de mousquet
Et l'air affreux de mon vaste bonnet Ma hache et mon couteau valent la corabine,*

Chez J.Bonnart rue S.Jacques

au Coq avec priuil

¹⁴⁵⁴ Материалы для русской иконографии. Вып. 1. / собраны Д. А. Ровинским. СПб., 1884. С. 14.